
Стивен
КИНГ
ЗЕЛЕНАЯ
МИЛЯ

Зеленая Миля
Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. Зелёная Миля
Предисловие. Письмо
Часть 1. Две убитых девочки
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть 2. Мышь на Миле
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
Часть 3. Руки Джона Коффи
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Часть 4. Ужасная смерть Эдуара Делакруа
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Часть 5. Ночное путешествие
1
2

3
4
5
6
7
8
9
Часть 6. Коффи проходит Милю
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

Аннотация

Стивен Кинг приглашает читателей в жуткий мир тюремного блока смертников, откуда уходят, чтобы не вернуться, приоткрывает дверь последнего пристанища тех, кто переступил не только человеческий, но и Божий закон. По эту сторону электронного стула нет более смертоносного местечка! Никто из того, что вы читали раньше, не сравнится с самым дерзким из ужасных опытов Стивена Кинга — с историей, что начинается на Дороге Смерти и уходит в глубины самых чудовищных тайн человеческой души…

Читайте бестселлер Стивена Кинга «Зеленая миля» — и вам действительно станет страшно!

Стивен Кинг
Зелёная Миля

Предисловие. Письмо

Дорогой Постоянный Читатель!

Жизнь — штука капризная. Повесть, начинающаяся в этой маленькой книжке, вышла именно в таком виде благодаря случайному замечанию торговца недвижимостью, с которым я даже не был знаком. Это произошло год назад, на Лонг-Айленде. Незадолго перед тем там снял дом мой старый друг и деловой партнер Ральф Висинанза (он занимается в основном продажей прав на издание книг иностранным издательствам). Торговец недвижимостью заметил, что дом «словно сошел со страниц Чарльза Диккенса».

И эта фраза все еще вертелась в мозгу Ральфа, когда он принимал первого в своем доме гостя — издателя из Великобритании Мэлкома Эдвардза. Он повторил ее Эдвардзу, и они стали болтать о Диккенсе. Эдвардз упомянул, что Диккенс многие свои произведения публиковал по частям, отдавая в журналы или издавая в виде небольших тоненьких книжечек-брошюр (мне всегда они нравились ощущением дружеской теплоты). «А некоторые из этих романов, — до-

бавил Эдвардз, — на самом деле дописывались и редактировались в процессе публикации. Писатель Чарльз Диккенс был не из тех, кто боится назначенных сроков».

Такие «многосерийные» романы Диккенса были чрезвычайно популярны. Популярность одного из них даже обернулась трагедией в Балтиморе. Большая группа поклонников Диккенса собралась на пирсе, ожидая прибытие английского корабля, на борту которого находился тираж журнала с окончанием романа «Лавка древностей». Легенда гласит, что в давке несколько почитателей упали в воду и утонули.

Я не думаю, что Мэлком или Ральф желали, чтобы кто-то утонул, но им было интересно, как воспримут такой вид публикации — по частям — в наши дни. Никто из них и не подозревал, что это уже произошло (ведь, как говорится, «ничто не ново под луной»), и по крайней мере дважды. Первый вариант романа Тома Вольфа «Bonfire of the Vanities» («Костер Тщеславия») выходил по частям в журнале «Роллинг Стоун», а Майкл Макдауэлл («Амулет», «Позолоченные иглы», «Стихии» («Elementals»), сценарий «Битлджюс») опубликовал роман «Черная вода» («Black water») в виде серии брошюр. Этот роман ужасов, ужа-

стик о семье с Юга, имевшей такую семейную черту — превращаться в аллигаторов, не самый лучший роман Макдауэлла, но все равно он принес успех издательству «Эйвон Букс».

И дальше двое мужчин пустились в рассуждения о том, что могло бы случиться, если бы популярный писатель попытался в наши дни выпустить роман в виде серии брошюр — маленьких книжечек, которые стоили бы в Великобритании фунт или два, а в Америке доллара три (а там большинство книг в мягких обложках продается за 6.99 или 7.99). «Может, кто-то вроде Стивена Кинга и захотел бы провести такой эксперимент», — сказал Мэлком, и разговор перешел на другие темы.

Ральф почти забыл об этой идее, но она вновь вернулась к нему осенью 1995, после возвращения с Международной книжной ярмарки во Франкфурте — большого события для агентов вроде Ральфа. Он выложил мне эту идею вместе с пакетом других идей, большинство из которых я тут же отверг.

Идея «многосерийной книжки» тем не менее не была отметена сразу в отличие, скажем, от интервью японскому изданию «Плейбоя» или оплаченного полностью турне по Балтий-

ским республикам. Она высекла искру в моем воображении. Я не считаю себя современным Диккенсом даже если такой человек существует, то это скорее Джон Ирвинг или Салман Рушди, — но мне всегда нравились истории, рассказанные по частям. Впервые с такой формой публикаций я встретился в газете «Сэтэрди ивнинг пост», и меня она привлекла тем, что ставила читателя на одну доску с писателем — у вас была целая неделя для того, чтобы угадать следующий поворот сюжета. А еще мне кажется, что такие книги читают более внимательно именно потому, что они печатаются по частям. Нельзя проглатывать их залпом, даже если очень хочется (если книга хороша, обычно так и бывает).

Я отлично помню, как дома мы часто читали такие книги вслух: один вечер мой брат Дэвид, на следующий — я, потом мама, потом опять мой брат. Но от чтения мы не получали столько же удовольствия, сколько от просмотра телепрограмм («Сырая кожа», «Золотое дно», «Маршрут 66») мы смотрели их вместе, и это было, как праздник. Спустя много лет я узнал, что во времена Диккенса его романы доставляли семьям такое же удовольствие, только их домашние страдания по поводу судьбы Пипа и Оливера или Дэвида

Копперфильда продолжались годами вместо пары месяцев (даже самые длинные «сериалы» в газете «Пост», как правило, укладывались в восемь частей).

Единственное, что меня привлекло в этой идее, думаю, полностью понятно лишь авторам детективов и триллеров: в книге, выходящей по частям, писатель имеет над читателем особую власть, которая не всегда им нравится: проще говоря. Постоянный Читатель, ты не можешь забежать вперед и посмотреть, как все повернется.

Я еще помню, как однажды, когда мне было лет двенадцать, зашел в гостиную и увидел, как моя мать, сидя в своем любимом кресле-качалке, заглядывает в конец детектива Агаты Кристи, а ее палец заложен где-то возле пятидесятой страницы. Я был возмущен и высказал ей все (мне было, вы помните, двенадцать, а это возраст, когда мальчикам впервые начинает смутно казаться, будто они знают все на свете), заявив, что заглядывать в конец детектива это все равно, что съесть белую начинку пирожных Орео, а потом пирожные выбросить. Она засмеялась своим удивительным легким смехом и ответила, что скорее всего я прав, но иногда она не может побороть искушение. Искушение — это понятие

было мне знакомо — даже в двенадцать у меня их было полно. И вот тут наконец придумано забавное лекарство от подобного искушения. До тех пор, пока в магазинах не появится последняя часть, никто не узнает, чем закончится «Зеленая Миля»… может, даже и я не узнаю.

Сам того не зная, Ральф Висинанза упомянул мне об идее публиковать роман по частям в самый, можно сказать, подходящий психологический момент Я как раз прокручивал в голове тему романа, к которой, как мне всегда казалось, я рано или поздно должен был прийти: электрический стул. «Олд Спарки» («Старик Разряд») волновал меня давно, с самого первого увиденного фильма Джека Кагни и первой прочитанной книжки об Этаже Смерти («Двадцать тысяч лет в Синг-Синге» Уордена Льюиса Е. Лоуса). Эта тема распаляла темную сторону моего воображения. Интересно, думал я, каково пройти вот эти последние двадцать метров до электрического стула, зная, что там тебе предстоит умереть? Как себя при этом чувствует тот, кто привязывает осужденного или включает рубильник? Что такая работа отнимает у человека? И еще ужаснее, что она может добавить?

За последние 20–30 лет я пробовал отрабаты-

вать эти основные темы во многих вариантах. Я написал одну удачную повесть, действие которой происходит в тюрьме («Рита Хейворт в Шоушенкской тюрьме») и вроде бы пришел к выводу, что это именно то, что нужно, когда возникла новая идея. Мне в ней многое нравилось, но больше всего то, что в книге будет звучать исключительно достойный голос автора, сдержанный, честный, может, даже чуточку наивный, — голос рассказчика, если такой вообще когда-либо существовал. Я начал работу, но словно на ощупь, то и дело останавливаясь… Большая часть второй книги была написана во время дождя в парке Фенуэй!

Когда позвонил Ральф, я исписал уже блокнот неразборчивыми строками «Зеленой Мили» и понял, что вырисовывается роман, а я должен проводить время за уборкой стола и делать правку уже написанной книги («Отчаяние» — ты ее скоро увидишь, Постоянный Читатель). В таком случае есть два варианта: убрать новый роман (и, возможно, больше к нему не вернуться) или отложить все прочее в сторону — и вперед!

Ральф предложил третий вариант: книга, которую можно писать так же, как ее будут читать — по частям. Мне понравилась такая напряженная ситуация: не успел закончить работу и сдать

в срок — и вот уже миллионы читателей жаждут твоей крови. Никто не знает этого лучше меня, разве что моя секретарь Джулианн Югли: мы получаем десятки гневных писем в неделю с требованиями следующей книги из цикла «Темная Башня» (терпение, почитатели Роланда, еще год, другой — и ожидания кончатся, обещаю). В одном письме была фотография плюшевого мишки в цепях и записка, составленная из букв, вырезанных из газетных заголовков и журнальных обложек: «Выпустите следующую книгу „Темная Башня“ сейчас же, или этот медвежонок умрет», — гласила она. Я повесил записку на стене кабинета как напоминание об ответственности и о том, что существуют люди — и это замечательно, — которым действительно есть дело до образов, созданных чьим-то воображением.

Вот так я решил публиковать «Зеленую Милю» в виде серии маленьких книжечек в стиле девятнадцатого века и, надеюсь, вы напишите мне и расскажите:

а) понравилась ли вам книга и б) понравилась ли вам редко используемая, но довольно любопытная форма публикации. Она, конечно же, побуждает автора к написанию книги, хотя в настоящее время (дождливым вечером октября

1995 г.) роман еще далек от завершения даже в черновиках и финал его остается еще неясным. Но в этом-то и весь «смак», хотя в настоящий момент я еду в густом тумане, и, что называется, жму на всю железку.

И вот что я хочу еще сказать: если при чтении вы получите хоть половину того удовольствия, с которым я писал книгу, мы оба будем счастливы. Наслаждайтесь… и почему бы не почитать это вслух вместе с другом? По крайней мере скоротаете время до появления следующей части в киоске или ближайшем книжном магазине.

А пока берегите друг друга и заботьтесь друг о друге.

Стивен Кинг

Часть 1
Две убитых девочки

1

Это произошло в 1932-м, когда тюрьма штата еще находилась в Холодной Горе. И электрический стул был, конечно, там же.

Заключенные острили по поводу стула так, как обычно острят люди, говоря о том, что их страшит, но чего нельзя избежать. Они называли его Олд Спарки (Старик Разряд) или Биг Джуси («Сочный кусок»). Они отпускали шуточки насчет счетов за электроэнергию, насчет того, как Уорден Мурс этой осенью будет готовить обед ко Дню Благодарения, раз его жена Мелинда слишком больна, чтобы готовить.

У тех же, кому действительно предстояло сесть на этот стул, юмор улетучивался в момент. За время пребывания в Холодной Горе я руководил семидесятью восемью казнями (эту цифру я никогда не путаю, я буду помнить ее и на смертном одре) и думаю, что большинству этих людей становилось ясно, что с ними происходит, именно в тот момент, когда их лодыжки пристегивали к мощным дубовым ножкам Олд Спарки. Приходило понимание (было видно, как осознание поднимается из глубины глаз, похожее на холод-

ный испуг), что их собственные ноги закончили свой путь. Кровь еще бежала по жилам, мускулы были еще сильны, но все было кончено, им уже не пройти ни километра по полям, не танцевать с девушками на сельских праздниках. Осознание приближающейся смерти приходит к клиентам Олд Спарки от лодыжек. Есть еще черный шелковый мешок, его надевают им на головы после бессвязных и нечленораздельных последних слов. Считается, что этот мешок для них, но я всегда думал, что на самом деле он для нас, чтобы мы не видели ужасного прилива страха в их глазах, когда они понимают, что сейчас умрут с согнутыми коленями.

В Холодной Горе не было этапа смертников, только блок «Г», стоящий отдельно от других, размером примерно в четыре раза меньше, чем остальные, кирпичный, а не деревянный, с плоской металлической крышей, которая сияла под летним солнцем, как безумный глаз. Внутри — шесть камер, по три с каждой стороны широкого центрального коридора, и каждая камера почти вдвое больше камер в четырех других блоках. Причем все одиночные. Отличные условия для тюрьмы (особенно в тридцатые годы), но обитатели этих камер многое бы отдали, чтобы попасть

в любую другую. Честное слово, они бы дорого заплатили.

За все время моей службы в качестве надзирателя все шесть камер не заполнялись ни разу — и слава Богу. Максимум — четыре, там были белые и черные (в Холодной Горе среди ходячих мертвецов не существовало сегрегации по расовому признаку), и все равно это напоминало ад.

Однажды в камере появилась женщина — Беверли Макколл. Она была черная, как дама пик, и прекрасна, как грех, который у вас никогда не хватит пороха совершить. Она шесть лет мирилась с тем, что муж бил ее, но не могла стерпеть и дня его любовных похождений. Узнав, что муж ей изменяет, она на следующий вечер подкараулила беднягу Лестера Макколла, которого приятели (а может быть, и эта очень недолгая любовница) называли Резчик, наверху, на лестнице, ведущей в квартиру из его парикмахерской. Она дождалась, пока он расстегнет свой халат, а потом наклонится, чтобы неверными руками развязать шнурки. И воспользовалась одной из бритв Резчика. За два дня перед тем, как сесть на Олд Спарки, она позвала меня и сказала, что видела во сне своего африканского духовного отца. Он велел ей отказаться от ее рабской фамилии и умереть

под свободной фамилией Матуоми. Ее просьба была такова: зачитать ей смертный приговор под фамилией Беверли Матуоми. Почему-то ее духовный отец не дал ей имени, во всяком случае она его не назвала. Я ответил, что, конечно, тут нет проблем. Годы работы в тюрьме научили меня не отказывать приговоренным в просьбах, за исключением, конечно, того чего действительно нельзя. В случае с Беверли Матуоми это уже не имело значения. На следующий день, примерно около трех часов дня, позвонил губернатор и заменил ей смертный приговор пожизненным заключением в исправительном учреждении для женщин «Травянистая Долина»: сплошное заключение и никаких развлечений — была у нас такая присказка. Я был рад, уверяю вас, когда увидел, как круглая попка Бев качнулась влево, а не вправо, когда она подошла к столу дежурного.

Спустя лет тридцать пять, не меньше, я увидел это имя в газете на страничке некрологов под фотографией худощавой чернокожей дамы с облаком седых волос, в очках со стразами в уголках оправы. Это была Беверли. Последние десять лет жизни она провела на свободе, говорилось в некрологе, и она, можно сказать, спасла библиотеку небольшого городка Рейнз Фолз. Она также

преподавала в воскресной школе, и ее любили в этой тихой гавани. Некролог был озаглавлен: «Библиотекарь умерла от сердечной недостаточности», а ниже мелкими буквами, словно запоздалое объяснение: «Провела более 20 лет в тюрьме за убийство». И только глаза, широко распахнутые и сияющие за очками с камешками по углам, оставались прежние. Глаза женщины, которая даже в семьдесят с чем-то, если заставит нужда, не раздумывая достанет бритву из стаканчика с дезинфицирующим средством. Убийц всегда узнаешь, даже если они кончают жизнь пожилыми библиотекарями в маленьких сонных городишках. И уж, конечно, узнаешь, если провел с убийцами столько лет, сколько я. Всего один раз я задумался о характере своей работы. Именно поэтому я и пишу эти строки.

Пол в широком коридоре по центру блока «Г» был застелен линолеумом цвета зеленых лимонов, и то, что в других тюрьмах называли Последней Милей, в Холодной Горе именовали Зеленой Милей. Ее длина была, полагаю, шестьдесят длинных шагов с юга на север, если считать снизу вверх. Внизу находилась смирительная комната. Наверху — Т-образный коридор. Поворот налево означал жизнь — если можно так

назвать происходящее на залитом солнцем дворике для прогулок. А многие так и называли, многие так и жили годами без видимых плохих последствий. Воры, поджигатели и насильники со своими разговорами, прогулками и мелкими делишками.

Поворот направо — совсем другое дело. Сначала вы попадаете в мой кабинет (где ковер тоже зеленый, я его все собирался заменить, но так и не собрался) и проходите перед моим столом, за которым слева американский флаг, а справа флаг штата. В дальней стене две двери: одна ведет в маленький туалет, которым пользуюсь я и другие охранники блока «Г» (иногда даже Уорден Мурс), другая — в небольшое помещение типа кладовки. Тут и заканчивается путь, называемый Зеленой Милей.

Дверь маленькая, я вынужден пригибаться, а Джону Коффи пришлось даже сесть и так пролезать. Вы попадаете на небольшую площадку, потом спускаетесь по трем бетонным ступенькам на дощатый пол. Маленькая комната без отопления с металлической крышей, точно такая же, как и соседняя в этом же блоке. Зимой в ней холодно, и пар идет изо рта, а летом можно задохнуться от жары. Во время казни Элмера Мэнфреда

— то ли в июле, то ли в августе тридцатого года — температура, по-моему, была около сорока по Цельсию.

Слева в кладовке опять-таки была жизнь. Инструменты (все закрытые решетками, перекрещенными цепями, словно это карабины, а не лопаты и кирки), тряпки, мешки с семенами для весенних посадок в тюремном садике, коробки с туалетной бумагой, поддоны загруженные бланками для тюремной типографии… даже мешок извести для разметки бейсбольного ромба и сетки на футбольном поле. Заключенные играли на так называемом пастбище, и поэтому в Холодной Горе многие очень ждали осенних вечеров.

Справа опять-таки смерть. Олд Спарки, собственной персоной, стоит на деревянной платформе в юго-восточном углу, мощные дубовые ножки, широкие дубовые подлокотники, вобравшие в себя холодный пот множества мужчин в последние минуты их жизни, и металлический шлем, обычно небрежно висящий на спинке стула, похожий на кепку малыша-робота из комиксов про Бака Роджерса. Из него выходит провод и уходит через отверстие с уплотнением в шлакоблочной стене за спинкой. Сбоку — оцинкованное ведро. Если заглянуть в него, то увидишь

круг из губки точно по размеру металлического шлема. Перед казнью его смачивают в рассоле, чтобы лучше проводил заряд постоянного тока, идущий по проводу, через губку прямо в мозг приговоренного.

2

1932 год был годом Джона Коффи. Подробности публиковались в газетах, и кому интересно, у кого больше энергии, чем у глубокого старика, доживающего свои дни в доме для престарелых в Джорджии, может и сейчас поискать их. Тогда стояла жаркая осень, я точно помню, очень жаркая. Октябрь — почти как август, тогда еще Мелинда, жена начальника тюрьмы, попала с приступом в больницу в Индианоле. В ту осень у меня была самая жуткая в жизни инфекция мочевых путей, не настолько жуткая, чтобы лечь в больницу, но достаточно ужасная для меня, ибо, справляя малую нужду, я всякий раз жалел, что не умер. Это была осень Делакруа, маленького, наполовину облысевшего француза с мышкой, он появился летом и проделывал классный трюк с катушкой. Но более всего это была осень, когда в блоке «Г» появился Джон Коффи, приговоренный к смерти за изнасилование и убийство девочек-близнецов Деттерик.

В каждой смене охрану блока несли четыре или пять человек, но большинство были временными. Дина Стэнтона, Харри Тервиллиджера и

Брутуса Ховелла (его называли «И ты, Брут», но только в шутку, он и мухи не мог обидеть несмотря на свои габариты) уже нет, как нет и Перси Уэтмора, кто действительно был жестокий, да еще и дурак. Перси не годился для службы в блоке «Г», но его жена была родственницей губернатора, и поэтому он оставался в блоке.

Именно Перси Уэтмор ввел Коффи в блок с традиционным криком: «Мертвец идет! Сюда идет мертвец!»

Несмотря на октябрь пекло, как в аду. Дверь в прогулочный дворик открылась, впустив море яркого света и самого крупного человека из всех, каких я видел, за исключением разве что баскетболистов по телевизору здесь, в «комнате отдыха» этого приюта для пускающих слюни маразматиков, среди которых я доживаю свой век. У него на руках и поперек широченной груди были цепи, на лодыжках — оковы, между которыми тоже болталась цепь, звеневшая, словно монетки, когда он проходил по зеленому коридору между камерами. С одного боку стоял Перси Уэтмор, с другого — Харри Тервиллиджер, и оба выглядели детьми, прогуливающими пойманного медведя. Даже Брутус Ховелл казался мальчиком рядом с Коффи, а Брут был двухметрового роста, да и не

худенький: бывший футбольный полузащитник, он играл за лигу LSU, пока его не списали и он не вернулся в родные места.

Джон Коффи был чернокожий, как и большинство тех, кто ненадолго задерживался в блоке «Г» перед тем, как на коленях умереть на Олд Спарки. Он совсем не был гибким, как баскетболисты, хотя и был широк в плечах и в груди, и весь словно перепоясанный мускулами. Ему нашли самую большую робу на складе, и все равно манжеты брюк доходили лишь до половины мощных, в шрамах икр. Рубашка была расстегнута до половины груди, а рукава кончались чуть ниже локтя. Кепка, которую он держал в громадной руке, оказалась такой же: надвинутая на лысую, цвета красного дерева голову, она напоминала кепку обезьянки шарманщика, только была синяя, а не красная. Казалось, что он может разорвать цепи так же легко, как срывают ленточки с рождественского подарка, но, посмотрев в его лицо, я понял, что он ничего такого не сделает. Лицо его не выглядело скучным — хотя именно так казалось Перси, вскоре Перси стал называть его «идиотом», — оно было растерянным. Он все время смотрел вокруг так, словно не мог понять, где находится, а может быть, даже кто он такой.

Моей первой мыслью было, что он похож на черного Самсона… только после того, как Далила обрила его наголо своей предательской рукой и забрала всю силу.

«Мертвец идет!» — трубил Перси, таща этого человека-медведя за цепи на запястьях, словно он и вправду думал, будто сможет сдвинуть его, если вдруг Коффи решит, что не пойдет дальше. Харри ничего не сказал, но выглядел смущенным.

— Довольно. — Я был в камере, предназначенной для Коффи, сидел на его койке. Я, конечно, знал, что он придет, и явился сюда принять его и позаботиться о нем, но я не представлял истинных размеров этого человека, пока не увидел. Перси взглянул на меня, словно говоря, что все знают, какой я тупица (кроме, разумеется, этого большого увальня, который только и умеет насиловать и убивать маленьких девочек), но промолчал.

Все трое остановились у двери в камеру, сдвинутой в сторону от центра. Я кивнул Харри в ответ на вопрос: «Вы уверены, босс, что хотите остаться с ним наедине?» Я редко слышал, чтобы Харри волновался — он был рядом со мной во время мятежей шесть или семь лет назад и всегда оставался тверд, даже когда пошли слухи, что у

мятежников есть оружие, — но теперь его голос выдавал волнение.

— Ну что, парень, будешь хорошо себя вести? С тобой не возникнет проблем? — спросил я, сидя на койке и стараясь не показать виду и не выдать голосом, как мне скверно: «мочевая» инфекция, о которой я уже упоминал, тогда еще не набрала полную силу, но день выдался отнюдь не безоблачным, уж поверьте.

Коффи медленно покачал головой — налево, потом направо. Он уставился на меня, не сводя глаз.

У Харри в руке была папка с бумагами Коффи.

— Отдай ему бумаги, — сказал я Харри. — Вложи прямо в руку.

Харри повиновался. Большой болван взял их, как лунатик.

— А теперь, парень, дай их мне, — приказал я, и Коффи подчинился, зазвенев и загремев цепями. Ему пришлось нагнуться при входе в камеру.

Я осмотрел его с головы до ног, чтобы удостовериться, что это факт, а не оптический обман. Действительно: два метра три сантиметра. Вес был указан сто двадцать семь килограммов, но я думаю, что это приблизительно, на самом деле не меньше ста пятидесяти. В графе «шрамы и

особые приметы» значилось одно слово, напечатанное мелким убористым шрифтом машинки «Magnusson» — старым другом регистрационных карточек: «множество».

Я поднял глаза. Коффи слегка сдвинулся в сторону, и я мог видеть Харри, стоящего с той стороны коридора перед камерой Делакруа — он был единственным узником блока «Г», когда появился Коффи. Делакруа — Дэл, маленький лысоватый человек с озабоченным лицом бухгалтера, знающего, что его растрата скоро обнаружится.

На плече у него сидела ручная мышь. В дверном проеме камеры, только что ставшей пристанищем Джона Коффи, расположился Перси Уэтмор. Он достал свою резиновую дубинку из самодельного чехла, в котором носил ее, и похлопывал ею по ладони с видом человека, у которого есть игрушка и он ею воспользуется. И вдруг я почувствовал, что мне хочется, чтобы он убрался отсюда. Может, это из-за жары не по сезону, может, из-за «мочевой» инфекции, распространяющейся у меня в паху так, что прикосновение фланелевого белья становилось нестерпимым, а может, из-за сознания того, что из штата прислали на казнь чернокожего полуидиота, а Перси явно хотел над ним сначала немного поработать.

Вероятно, все вместе. Во всяком случае на минуточку я забыл о его связях.

— Перси, — сказал я. — Сегодня переезжает лазарет.

— Билл Додж за это отвечает.

— Я знаю, — кивнул я. — Пойди помоги ему.

— Это не моя работа, — упорствовал Перси. — Вот эта туша — моя работа.

«Тушами» Перси в шутку называл крупных людей. Он не любил больших и крупных. Перси не был худощавым, как Харри Тервиллиджер, но он был маленького роста. Этакий петух-забияка, из тех, что всегда лезут в драку, особенно когда перевес на их стороне. И очень гордился своими волосами. Просто не отнимал рук от них.

— Тогда твое дело сделано, — сказал я. — Отправляйся в лазарет.

Он оттопырил нижнюю губу. Билл Додж и его ребята таскали коробки и стопки простыней, даже кровати; весь лазарет переезжал в новое помещение в западной части тюрьмы. Жаркая работа. Перси Уэтмор явно хотел увильнуть от нее.

— У них достаточно людей, — заявил он.

— Тогда иди отсюда, это приказ, выполняй, — произнес я, повышая голос. Я увидел, как Харри мне подмигивает, но не прореагировал. Если гу-

бернатор прикажет начальнику тюрьмы уволить меня за нарушение субординации, то кого Хэл Мурс поставит вместо меня? Перси? Это несерьезно. — Мне абсолютно все равно, чем ты, Перси, займешься, лишь бы хоть ненадолго убрался отсюда.

На секунду мне показалось, что он не уйдет, и тогда действительно будут неприятности, особенно с этим Коффи, который стоял здесь все время, как самые крупные в мире остановившиеся часы. Но потом Перси сунул свою дубинку назад в самодельный чехол — дурацкая пижонская штука — и медленно пошел по коридору. Я не помню, кто из охранников сидел на посту дежурного в тот день, наверное, кто-то из временных, но Перси не понравилось, как этот человек смотрит, и, проходя мимо, он прорычал: «Перестань скалиться, а не то я сотру этот оскал с твоей мерзкой рожи». Потом зазвенели ключи, на мгновение блеснул солнечный свет из дворика, и Перси Уэтмор ушел, хотя бы на время. Мышка Делакруа бегала туда-сюда по плечам маленького французика, шевеля крошечными усиками.

— Спокойно, Мистер Джинглз, — сказал Делакруа, и мышка замерла на его плече, словно поняла. — Просто посиди тихо и спокойно. — Де-

лакруа говорил с мягким акцентом французов из Луизианы, и слово «тихо» приобретало незнакомое экзотическое звучание.

— Ложись лучше, Дэл, — бросил я резко. — Отдохни. Тебя это тоже не касается.

Он повиновался. Делакруа изнасиловал девушку и убил ее, а потом бросил тело девушки за ее домом, облил нефтью и поджег, надеясь таким образом спрятать следы преступления. Огонь перекинулся на дом, охватил его, и погибло еще шесть человек, среди них двое детей.

За ним числилось только это преступление, и теперь он был просто кроткий человечек со встревоженным лицом, залысинами на лбу и длинными волосами, спускающимися на ворот рубашки. Очень скоро он ненадолго сядет на Олд Спарки и настанет его конец… но что-то, что толкнуло его на ужасный поступок, уже ушло, и теперь он лежал на койке, позволив своему маленькому другу бегать по его рукам, то и дело попискивая. И это было хуже всего: Олд Спарки никогда не сжигал того, что таилось внутри. Зло освобождалось, набрасывалось на кого-то другого, и мы снова вынуждены убивать лишь телесные оболочки, в которых уже и жизни-то нет.

Я снова обратился к гиганту:

— Если я разрешу Харри снять с тебя цепи, ты будешь себя хорошо вести?

Он кивнул. Так же, как и прежде, покачал головой: налево, направо. Его странные глаза смотрели на меня. Они были спокойны, но это спокойствие как-то не внушало доверия. Я поманил пальцем Харри, он вошел и отстегнул цепи. Он уже не боялся, даже когда присел у стволоподобных ног Коффи, чтобы отомкнуть оковы на лодыжках, и мне стало легче. Харри нервничал из-за Перси, а я доверял его интуиции. Я доверял интуиции всех моих сегодняшних ребят с блока «Г», кроме Перси.

У меня была заготовлена речь для новоприбывших, но я сомневался, стоит ли ее произносить для Коффи, казавшегося таким ненормальным, и не только по размерам.

Когда Харри опять отошел (Коффи в течение всей церемонии оставался недвижим, как статуя), я посмотрел на своего нового подопечного, постукивая по папке, и спросил:

— Парень, а ты умеешь говорить?

— Да, сэр, босс, я могу говорить, — отозвался тот. Его голос был глубоким, довольно гулким и напомнил мне звук мотора нового трактора. Он произносил слова без южного акцента, но в

строе речи я потом уловил что-то южное. Словно он приехал с юга, хотя не был его уроженцем. Он не походил на неграмотного, но и образованным его нельзя было назвать. В манере говорить, как и во многом другом, Коффи оставался загадкой. Больше всего меня беспокоили его глаза — выражение спокойного отсутствия, словно он сам был где-то далеко-далеко.

— Твое имя Джон Коффи?

— Да, сэр, босс, как напиток, только пишется по-другому.

— Ты умеешь писать, да? Читать и писать?

— Только свое имя, босс, — сказал он тихо.

Я вздохнул, потом произнес укороченный вариант заготовленной речи. Я уже понял, что с ним проблем не возникнет. Я был и прав, и ошибался одновременно.

— Меня зовут Пол Эджкум, — произнес я. — Я — главный надзиратель блока «Г». Если тебе что-то нужно, зови меня по имени. Если меня не окажется, попроси вот этого парня — его зовут Харри Тервиллиджер. Или мистера Стэнтона, или мистера Ховелла. Ты понял?

Коффи кивнул.

— Только не думай, что можно получить все, что хочешь. Тут мы решаем, что необходимо, а

что нет. Здесь не гостиница. Ясно?

Он опять кивнул.

— Здесь тихо, парень, не так как в других блоках. Здесь только ты и Делакруа. Ты не будешь работать, в основном будешь сидеть. Хватит времени все хорошенько обдумать. — Даже слишком много времени, но я не сказал этого. — Иногда мы включаем радио, если все в порядке. Любишь слушать радио?

Он кивнул, но как-то неуверенно, словно не зная, что это такое. Позже я узнал, что в некотором роде так оно и есть. Коффи узнавал вещи, с которыми сталкивался прежде, но потом их забывал. Он знал персонажей из «Воскресенья нашей девушки» («Our Gal Sunday»), но не мог вспомнить, что с ними произошло в конце.

— Будешь хорошо себя вести — станешь вовремя есть, никогда не попадешь в одиночку в дальнем коридоре и не наденешь этой холщовой робы с застежкой на спине. У тебя будут двухчасовые прогулки во дворике с четырех до шести, кроме субботы, когда все остальные наши обитатели играют в футбол. Посещения по воскресеньям после обеда, если, конечно, есть кто-то, кто захочет тебя навестить. Есть?

Он покачал головой.

— Никого, босс.

— Ну, может быть, твой адвокат.

— Я думаю, что больше его не увижу, — сказал он. — Мне его предоставили на время. Я не думаю, что он найдет дорогу сюда.

Я пристально посмотрел на него, пытаясь понять, шутит ли он, но Коффи говорил серьезно. Да я и не ожидал другого. Прошения не для таких, как Джон Коффи, во всяком случае в то время. Им давали день в суде, а потом мир забывал о них, пока в газете не появлялись строчки, что такой-то имярек принял в полночь немного электричества. Но людей, у которых были жена, дети или друзья и которые ожидали воскресенья, легче контролировать, если вообще их надо было контролировать. В данном случае проблемы нет, и хорошо. Ведь он, черт возьми, такой громадный.

Я немного поерзал на койке, а потом решил, что, возможно, если встать, полегчает в нижней части живота, и я поднялся. Он почтительно отошел от меня и сложил руки на груди.

— Легко тебе здесь будет, парень, или тяжело — все зависит от тебя. Я тут для того, чтобы сказать: ты можешь облегчить жизнь и всем нам, потому что все равно, конец один. Мы станем обращаться с тобой так, как ты заслуживаешь. Вопросы есть?

— Вы оставляете свет после отбоя? — спросил он сразу, словно только ждал случая.

Я уставился на него. Я слышал много странных вопросов от вновь прибывших в блок «Г» — однажды меня спросили даже о размере груди у моей жены, — но таких вопросов не задавали.

Коффи улыбался чуть смущенно, словно понимая, что мы сочтем это глупостью, но не мог сдержаться.

— Мне иногда немного страшно в темноте, — объяснил он, — особенно в незнакомом месте.

Я взглянул на него — на всю его огромную фигуру — и почувствовал странную жалость. Да, они могли вызывать сочувствие, ведь мы их не видели с худшей стороны, когда ужасы выскакивали из них, словно демоны в кузнице.

— Да, здесь довольно светло всю ночь, — сказал я. — Половина лампочек в Миле горит с девяти вечера до пяти утра. — Потом до меня дошло, что Коффи не имеет ни малейшего понятия о том, что я говорю: он не отличит Зеленую Милю от тины в реке Миссисиппи, и поэтому показал: — Там, в коридоре.

Он кивнул с облегчением. Я не уверен, представлял ли он, что такое коридор, но он мог видеть двухсотваттовые лампочки в сетчатых

плафонах.

И тогда я сделал то, чего никогда не позволял себе с узниками. Я протянул ему руку. Даже сейчас не знаю, почему я это сделал. Может, потому что он спросил про лампочки. Харри Тервилли-джер просто остолбенел, честное слово. Коффи взял мою руку с удивительной нежностью, и она исчезла в его ладони. И на этом все было кончено. Еще одна бабочка в моей морилке. Мы закончили.

Я вышел из камеры. Харри задвинул дверь и закрыл оба замка. Пару секунд Коффи стоял неподвижно, словно не зная, что делать дальше, потом сел на койку, уронил громадные руки между колен и опустил голову, как человек, который скорбит или молится. Он что-то сказал своим странным, с южным акцентом голосом. Я услышал это очень ясно, и хотя не много знал о том, что он совершил — да многого знать и не надо, чтобы кормить и ухаживать за ним, пока не придет срок заплатить за все, — меня до сих пор пробирает дрожь.

— Я ничего не мог поделать, босс, — произнес он. — Я пытался вернуть все назад, но было слишком поздно.

3

— У тебя будут неприятности из-за Перси, — сказал Харри, когда мы возвращались по коридору в мой кабинет. Дин Стэнтон, как бы третий в моей команде, хотя у нас не было какой-то подчиненности внутри (Перси исправил бы это положение в момент), сидел за моим столом и заполнял бумаги — до этой работы у меня редко доходили руки. Он едва взглянул на нас, когда мы вошли, просто протер стеклышки очков большими пальцами и снова уткнулся в бумаги.

— У меня были неприятности с этим стукачом с самого первого дня, — ответил я, осторожно оттягивая, брюки от паха и подмигивая. — Ты слышал, что он орал, пока вел этого верзилу вниз?

— Нет, — сказал Харри, — я сидел здесь, а отсюда плохо слышно.

— Я был в туалете и ясно слышал, — отозвался Дин. Он вытащил лист бумаги, посмотрел на свет (я увидел кольцо от кофейной чашки на отпечатанном тексте), потом бросил его в корзину. — «Мертвец идет». Наверное, вычитал это в своих любимых журналах.

Наверное, так и было. Перси Уэтмор — заядлый

любитель журналов «Аргоси», «Stag» и «Мужские приключения». Почти в каждом номере печатался тюремный рассказ, и Перси читал их с жадностью, будто ученый, ведущий исследования. Он словно не знал, как вести себя, и пытался найти ответ в этих журналах. Перси появился после казни Энтони Рея, убийцы с топором, и не участвовал в казни, хотя и наблюдал за действием из аппаратной комнаты.

— Он знает, к кому обратиться, — сказал Харри, — у него есть связи. Тебе придется отвечать за то, что отправил его с блока, и за то, что хотел заставить сделать какую-то реальную работу.

— Не думаю. — Я и вправду не думал… но надеялся. Били Додж не из тех, кто станет терпеть, когда человек ничего не делает, а только смотрит. — Мне сейчас интереснее этот большой парень. Будут у нас с ним неприятности или нет?

Харри покачал в ответ головой.

— Он был кроткий, как ягненок на суде в Трапингус Каунти, — подал голос Дин. Он снял свои очки без оправы и стал тереть о жилетку. — Конечно, они навесили на него цепей больше, чем Скрудж видел на призраке Марли, но он мог бы их стряхнуть к чертовой матери, если бы захотел.

Это игра слов, сынок.

— Я понял, — отозвался я, хотя не понял ничего. Я просто не любил, когда Дин Стэнтон берет надо мной верх.

— Он ведь большой, так? — поинтересовался Дин.

— Да, — подтвердил я, — чудовищно большой.

— Придется, наверное, увеличить силу тока на Олд Спарки, чтобы поджарить ему зад.

— За Олд Спарки не беспокойся, — заметил я с безразличием. — Он и больших делает маленькими.

Дин потер пальцами крылья носа, где очки оставили пару ярких красноватых пятен, и кивнул.

— Да, — согласился он. — В этом есть доля правды, это так.

Я спросил:

— А кто-нибудь из вас знает, где он был раньше, до появления в этом, как его, Тефтоне? Так ведь называется то место?

— Да, — ответил Дин. — Тефтон, в графстве Трапингус. Где он был раньше и что делал, никому не известно. Просто бродил по округе, наверное. Если интересно, можно поискать что-то в газетах в тюремной библиотеке. Она скорее всего не

переедет до следующей недели. — Дин усмехнулся. — Заодно послушаешь, как твой дружок там наверху ноет и стонет.

— Во всяком случае можно попытаться, — сказал я и попозже к вечеру отправился туда.

Тюремная библиотека находилась в дальней части здания, которую собирались переоборудовать в автомастерскую — существовал такой план. Я думал, что это лишь повод выманить у правительства деньги для чьего-нибудь кармана, но была эпоха Депрессии, и я держал свое мнение при себе, так же как и то, что думал о Перси, хотя иногда так трудно сдержаться. Язык зачастую приносит человеку гораздо больше неприятностей, чем его половой орган. Автомастерская так и не появилась, а следующей весной тюрьма переехала на шестьдесят миль в сторону Брайтона. Еще больше тайных сделок, я думаю. Еще больше денежек в карман. А по мне — так ничего хорошего.

Администрация перебралась в новое здание в восточной стороне двора, и лазарет тоже перевели (кому принадлежала идиотская идея устроить лазарет на втором этаже — так и осталось тайной), библиотеку лишь частично оборудовали, хотя и раньше там мало чего было, и она стояла

пустой. Старое здание — душная, обитая досками коробка — находилось между блоками А и Б. К стенкам блоков примыкали туалеты, поэтому в здании все время витал едва уловимый запах мочи, ставший, пожалуй, единственной разумной причиной для переезда. Сама библиотека была не больше моего кабинета, только Г-образной формы. Я поискал вентилятор, но не нашел. В комнате стояла жара градусов под сорок, и я почувствовал, когда садился, горячее биение пульса в паху. Похожее на зубную боль. Я знаю, что сравнение абсурдно, особенно по местонахождению, но по ощущениям очень похоже. Гораздо хуже становится во время и после общения с писсуаром, что я и сделал перед тем, как прийти сюда.

Кроме меня, здесь был еще один человек — тощий старый заключенный из надежных, по фамилии Гиббонз, дремлющий в углу с романом о Диком Западе на коленях, и в надвинутой на глаза шляпе. Жара не донимала его, как не мешали ему ворчание, стук и доносившиеся из лазарета наверху ругательства (где, наверное, было градусов на десять жарче и, я надеюсь, Перси Уэтмору очень нравилось). Я тоже не стал мешать ему, прошел в короткую часть буквы Г, где лежали газеты. Я боялся, что они исчезли

вместе с вентиляторами, вопреки мнению Дина. Но они остались, и дело о близнецах Деттерик нашлось очень легко: об этом писали на первых полосах с момента совершения преступления в июне до самого судебного процесса в конце августа-сентябре.

Вскоре я позабыл и про жару, и про стук наверху, и про булькающий храп Гиббонза. Думать о том, что две маленькие десятилетние девочки с белокурыми головками и ангельскими улыбками оказались в руках этого черного громилы Коффи, было неприятно, но не думать было невозможно. Учитывая его размеры, легко представить, как он пожирал их, словно великан из сказки. То, что он сделал, выглядело еще ужаснее, и ему повезло, что его не линчевали прямо там, на берегу реки. Если, конечно, назвать везением ожидание прогулки по Зеленой Миле до Олд Спарки.

4

Ферма «Кинг коттон» («Королевский хлопок») возникла на юге лет за семьдесят до описываемых событий и уже никогда не станет королевской, но в те тридцатые годы у нее была пора благоденствия. В южной части нашего штата уже исчезли хлопковые плантации, но осталось сорок или пятьдесят процветающих хлопковых ферм. Владельцем одной из них был Клаус Деттерик. По меркам пятидесятых годов, он считался бы скорее бедным, но в тридцатые о нем говорили как о преуспевающем, потому что в конце месяца он, как правило, расплачивался наличными по счетам из магазина и мог спокойно смотреть в глаза управляющему банком, случайно встретив его на улице. Его дом на ферме был чистеньким и удобным. Кроме хлопка — коттона, у него имелось еще два «к»: куры и несколько коров. У них с женой было трое детей: Говард — лет двенадцати, и девочки-близнецы Кора и Кейт.

В тот год как-то теплой июньской ночью девочкам разрешили ночевать на крытой веранде, идущей по периметру дома. Они очень обрадовались. Мать поцеловала их и пожелала спокойной

ночи, когда не было еще девяти и только начало смеркаться. Вот тогда она и видела их обеих в последний раз живыми, а не в гробах, где гример постарался скрыть самые страшные телесные повреждения.

Сельские жители в то время ложились спать рано — «едва лишь только стемнеет под столом», как говорила моя матушка, — и спали крепко. Видимо, в ту ночь, когда исчезли близнецы, и Клаус, и Марджори, и Хови Деттерик спали тоже очень крепко, Клаус, конечно, проснулся бы от лая Баузера — огромного старого пса, наполовину колли, — если бы тот залаял, но Баузер не лаял. Ни в ту ночь, ни в другую — никогда.

Клаус поднялся с рассветом, чтобы подоить коров. Веранда была обращена в противоположную сторону от сарая, и Клаусу даже не пришло в голову посмотреть, как там девочки. То, что Баузер не пришел к нему, тоже не вызвало тревоги. Пес относился и к коровам, и к курам очень пренебрежительно и обычно отсиживался в будке за сараем, когда все работали, так что приходилось его звать… и звать настойчиво.

Марджори спустилась вниз минут через пятнадцать после того, как ее муж надел сапоги в кладовке и отправился в сарай. Она поставила

вариться кофе, потом начала жарить бекон. Соблазнительные запахи заставили Хови спуститься из своей комнатки под самой крышей, но девочки не пришли. Она послала Хови за ними, пока разбивала яйца на сковородку. Сразу после завтрака Клаус обычно отправлял девочек за свежими яйцами. Но в то утро в доме Деттериков так и не позавтракали. Хови вернулся с веранды с перепуганным лицом, его слегка припухшие после сна глаза теперь были широко открыты.

— Они исчезли, — объявил он.

Марджори отправилась на веранду скорее раздраженная, чем встревоженная. Позже она сказала, что подумала, если вообще что-то подумала, что девчонки спозаранку отправились погулять и нарвать цветов с первыми лучами солнца. Или еще какие-нибудь девчоночьи глупости. Но едва взглянув, она поняла, почему Хови побелел.

Она стала громко-громко кричать и звать Клауса, и тот опрометью кинулся к ней, разлив на сапоги полведра молока. То, что он увидел на веранде, могло подкосить любого, даже самого крепкого из родителей. Одеяла, в которые кутались девочки, когда ночи становились холоднее, были скомканы и сбиты в угол. Сорванная с верх-

ней петли дверь-сетка криво болталась в проеме. И на стенках веранды, и на ступеньках под сорванной дверью — везде были брызги крови.

Марджори умоляла мужа не идти на поиски девочек в одиночку и не брать с собой сына, если муж считает, что должен идти, но она зря сотрясала воздух. Он взял винтовку, которую держал на верхней полке в кладовке — подальше от детских рук, и дал Хови винтовку двадцать второго калибра, которую приберегали ко дню его рождения в июле. И они ушли, не обращая ни малейшего внимания на рыдающую, кричащую женщину, которая хотела знать, что они будут делать, если встретят банду бродяг или толпу плохих негров, сбежавших с графской фермы в Ладуке. Но я думаю, мужчины правильно поступили. Кровь уже загустела, но еще оставалась липкой и скорее ярко-красного, а не бурого цвета, как бывает после высыхания. Девочек похитили не очень давно. Клаус понял: еще есть шанс, что они живы, и хотел им воспользоваться.

Ни отец, ни сын не были следопытами или охотниками, они не относились к числу тех, кто выслеживает в сезон енота или оленя не ради забавы, а потому что так нужно. А двор вокруг дома был вытоптан, и следы пересекались под немыс-

лимыми углами. Они обошли сарай и почти сразу поняли, почему Баузер, не мастер кусаться, но мастер полаять, не поднял тревогу. Он лежал, высунувшись из будки, сбитой из остатков досок (над полукруглым входом прибита дощечка с аккуратной надписью «Баузер» — я видел фотографию в одной из газет), и голова его была почти полностью вывернута назад. «Нужна недюжинная сила, чтобы проделать это с таким крупным животным», — сказал позже обвинитель Джона Коффи присяжным и бросил долгий многозначительный взгляд на неуклюжего человека, сидящего на скамье подсудимых, опустив глаза, в новом казенном комбинезоне, похожем на само проклятие. Рядом с собакой Клаус и Хови нашли кусочек жареной колбасы. По версии, и довольно правдоподобной, не сомневаюсь, Коффи сначала подманил пса колбасой, а потом, когда Баузер уже доедал последний кусочек, протянул руки и свернул ему шею одним мощным движением. За сараем находилось северное пастбище Деттерика, где в тот день коровы не паслись. Трава была покрыта росой и на ней отчетливо выделялась дорожка следов, уходящая по диагонали к северо-западу.

Даже в состоянии, близком к истерике, Клаус

Деттерик засомневался, идти ли следом. Он не испытывал страха перед теми, кто похитил его дочерей, он боялся, что, преследуя похитителя по его следам, может пойти в обратном направлении и потерять время, когда дорога каждая секунда.

Хови разрешил его сомнения, сняв с куста, сразу за территорией двора, клочок желтой материи. Клаусу показали этот клочок, когда он сидел за столом свидетелей, и он, заплакав, сказал, что узнал в нем клочок пижамных шортиков своей дочери Кейт. Шагов через двадцать они сняли с ветки можжевельника кусочек бледно-зеленой ткани, такой же, как ночная рубашка Коры, в которой она целовала маму и папу перед сном.

Отец и сын Деттерики пустились почти бегом с винтовками наперевес, как солдаты в атаке под сильным огнем. Что меня удивляет из всего случившегося в тот день, так это то, что мальчик, отчаянно бегущий за отцом (а он ведь мог совсем отстать и потеряться), не упал и не пустил пулю в спину Клауса Деттерика.

Ферма была подключена к телефонной станции, и это еще раз говорит о том, что Деттерики, хотя и скромно, но были вполне обеспечены в те ужасные времена. Марджори через коммутатор

обзвонила всех соседей, имевших телефоны, и рассказала о несчастье, обрушившемся на них, как гром среди ясного неба, зная, что от каждого звонка пойдут слухи, как круги по воде от брошенных плоских камешков. Потом она сняла трубку в последний раз и произнесла слова, бывшие почти паролем во времена первых телефонных систем, по крайней мере в сельских областях Юга: «Алло, станция, вы меня слышите?»

Станция слышала, но в первые минуты не могла вымолвить ни слова: почтенная женщина на коммутаторе сгорала от любопытства. Наконец она смогла выдавить:

— Да, мадам, миссис Деттерик, я уверена, Боже милостивый, я молю Бога сейчас о том, чтобы ваши маленькие дочки были живы и здоровы…

— Спасибо, — сказала Марджори. — Только, пожалуйста, пусть Бог подождет, пока вы меня соедините с офисом главного шерифа в Тефтоне, ладно?

Главный шериф графства Трапингус был немолодым, с красным носом пропойцы человеком, с огромным, как корыто, животом и такими волосами, что голова напоминала ершик для мойки бутылок. Я хорошо его знал, он много раз приходил в Холодную Гору, чтобы посмотреть, как «его

мальчики», (так он называл их) отправляются в мир иной. Свидетели исполнения смертного приговора обычно сидят на раскладных стульях, вы и сами, наверное, пару раз сидели на таких во время похорон, церковных причастий или в фермерских клубах (мы тоже брали их в клубе № 44 «Таинственный узел»), и каждый раз, когда шериф Хомер Крибус садился на стул, я ожидал услышать сухой треск, означающий падение. Я боялся этого дня и в то же время надеялся на него. Но этого так и не произошло. Вскоре — где-то через год после похищения девочек Деттерика — с ним случился сердечный приступ прямо в офисе, вероятно когда он развлекался с семнадцатилетней негритянкой по имени Дафна Шэртлефф. Об этом много говорили. Хотя он гулял направо и налево, имея жену и шестерых сыновей, во время выборов Хомер Крибус был непобедим. Такие были времена. Предвыборные лозунги гласили: «Будь баптистом или убирайся», но людям нравятся лицемеры, это правда, они узнают в них самих себя, ведь так приятно, когда со спущенными штанами и в полной боевой готовности застанут кого-то, а не тебя.

Шериф был не только лицемер, но еще и некомпетентным, из тех, кто любит фотографироваться,

со спасенной кошечкой какой-нибудь леди на руках, хотя герой совсем не он, а помощник Роб Макджи, например, который действительно, рискуя сломать себе шею, залез на дерево и снял оттуда любимую кошечку.

Макджи слушал невнятный рассказ Марджори Деттерик минуты две, потом перебил ее несколькими вопросами, быстрыми и краткими, как точные короткие удары опытного боксера в лицо, столь короткие и сильные, что кровь выступает раньше, чем успеваешь почувствовать боль. Получив ответы, он сказал: «Я позвоню Бобу Марчанту. У него есть собаки. А вы, миссис Деттерик, сидите дома. И если ваши муж и мальчик вернутся, то пусть тоже сидят дома. Попытаются хотя бы».

А ее муж и сын тем временем прошли по следу похитителя уже три мили к северо-западу, но когда после открытого поля начался хвойный лес, они его потеряли. Они были фермеры, а не охотники, как я говорил, и к этому моменту уже знали, что преследуют зверя. По дороге они нашли желтую пижамную кофточку Кейти и еще кусок от ночной рубашки Коры. Обе вещи были пропитаны кровью, и теперь уже и Клаус, и Хови не торопились так, как вначале. Какая-то

холодная определенность остудила их тлеющие надежды, словно холодная вода, которая опускается ко дну, потому что тяжелее.

Они зашли в лес, поискали следы и не нашли, зашли в другом месте — также безрезультатно, потом в третьем. На этот раз они обнаружили следы крови на иглах густой пушистой сосны. Они повернули туда, где, казалось, шла небольшая тропка. Потом опять начали поиски следов. Дело приближалось к девяти часам утра, и позади стали слышны голоса мужчин и лай собак. За то время, что Роб Макджи собрал небольшой отряд, шериф Крибус выпил бы только чашечку сладкого кофе с бренди. Через час с четвертью они догнали Клауса и Хови Деттериков, отчаянно мечущихся по опушке леса. Вскоре отряд двинулся дальше, впереди бежали собаки Боба. Макджи позволил Клаусу и Хови идти с ними: они бы не вернулись обратно, если бы даже он приказал им. Несмотря на то, что они страшились результата, и Макджи, должно быть, это понял, он заставил их разрядить оружие. «Другие сделали то же самое, — объяснил Макджи, — так безопаснее». Но он не сказал ни им, ни кому-нибудь еще, что только Деттериков попросили сдать патроны помощнику шерифа. Сбитые с толку и жаждущие

лишь одного — чтобы этот кошмар закончился, они сделали то, что он просил. Когда Роб Макджи заставил Деттериков разрядить винтовки и отдать ему патроны, он, возможно, сохранил Джону Коффи те жалкие остатки жизни.

Лающие, тявкающие собаки тащили их две мили по зарослям мелкого сосняка все в том же направлении, примерно к северо-западу. Потом они вышли на берег реки Трапингус, которая в этом месте широкая и медленная и течет на юго-восток среди низких лесистых холмов, где семьи Крей, Робинетт и Дюплиси все еще делают мандолины и часто выплевывают свои гнилые зубы во время пашни. Это дремучая провинция, где мужчины способны поймать змею в воскресенье утром, а в воскресенье вечером предаваться плотским утехам со своими дочерями. Я знал эти семьи. Многие из них время от времени посылали пищу для Спарки. На том берегу реки члены отряда увидели, как июньское солнце отражается от стальных рельсов Большой южной магистрали. Справа, примерно в миле ниже по течению, виднелась арка моста и дорога уходила в сторону угольного бассейна Вест Грин.

Здесь они нашли широкую вытоптанную поляну, окруженную низкими кустами. Там было

столько крови, что многие мужчины побежали в лес и выдали назад свои завтраки. На этой же кровавой поляне они обнаружили остатки ночной рубашки Коры, и Хови, заметно приободрившись к тому времени, прижался к отцу и чуть было не лишился чувств.

Именно на этом месте у собак Боба Марчанта возник первый и единственный за день разлад. Их было шесть: два бладгаунда, две голубые гончие и пара похожих на терьеров помесей, которых приграничные южане называют «хитрыми гончими». «Хитрые» хотели пойти на северо-запад, вверх по течению вдоль Трапингуса, остальные — в противоположную сторону, на юго-восток. Они запутались в поводках, и хотя в газетах ничего об этом не говорилось, я могу себе представить, какие ужасные команды выкрикивал им Боб, когда руками — наиболее «образованной» своей частью — распутывал их. В свое время я был знаком с несколькими любителями гончих и знаю, что эти собаки, как школьный класс, похожи друг на друга.

Боб собрал их на коротких поводках в ряд, потом провел перед мордами разорванной рубашкой Коры Деттерик, словно напомнив, для чего они гуляют в лесу при температуре около

сорока к полудню, когда перед глазами начинают мелькать чертики. «Хитрые», понюхав еще раз, решили проголосовать, как все, и с лаем рванулись вниз по течению.

Не прошло и десяти минут, как мужчины остановились, понимая, что слышат уже не только лай собак. Они слышали скорее вой, а не лай, причем такого звука собака не способна издавать даже перед лицом смерти. Звук не походил ни на что слышанное ими раньше, но все вдруг поняли, что это человек. Так они сами сказали, и я им верю. Я думаю, что тоже сразу бы понял. Я слышал, как люди кричат именно так по пути на электрический стул. Не многие, большинство замыкается и либо молчит, либо шутит, как на школьном пикнике, но некоторые кричат. Обычно это те, кто верит в существование ада и знает, что он их ждет в конце Зеленой Мили.

Боб снова взял собак на поводок. Они стоили немало, и он никак не хотел потерять их из-за какого-то психопата, воющего и бормочущего где-то рядом. Остальные зарядили ружья и щелкнули затворами. Этот вой остудил их и заставил вспотеть, да так, что капли пота, бежавшие по спине, казались ледяными. Когда мужчин берет такой озноб, им нужен лидер, чтобы идти вперед,

и помощник Макджи повел их. Он вышел вперед и бодро направился (хотя я не думаю, что в тот момент он ощущал бодрость) к зарослям ольхи возле леса справа, остальные нервно семенили, отстав шагов на пять. Он остановился всего раз и то для того, чтобы показать самому крупному среди них — Сэму Холлису, чтобы тот шел рядом с Клаусом Деттериком.

С той стороны зарослей ольхи открывалась поляна, уходящая справа в лес. Слева шел длинный пологий откос к берегу реки. Вдруг все разом остановились, словно остолбенев. Я думаю, они бы дорого отдали, чтобы навсегда стереть из памяти, никогда не видеть того, что открылось перед ними, но никто из них этого не сможет забыть никогда, словно кошмарный сон, грубый и дымящийся под солнцем кошмар, прячущийся за приятной и привычной нормальной жизнью — с церковными причастиями, прогулками по полям и лугам, честной работой, любовными объятиями в постели. У каждого мужчины есть хребет, стержень, уверяю вас, он есть в жизни каждого. В тот день они увидели, эти парни, обратную сторону жизни, они увидели, что иногда скрывается за ее улыбкой.

На берегу реки в линялой окровавленной

рубахе сидел самый крупный человек из всех, когда-либо виденных ими — Джон Коффи. Он был бос и его ноги с косолапыми ступнями казались огромными. Голова повязана выцветшим красным платком так, как обычно сельские женщины покрывают голову в церкви. Комары окружили его черным облаком. На руках лежали голенькие девочки. Их белокурые волосы, еще недавно вьющиеся и светлые, как пух молочая, теперь слиплись и порыжели от крови. Человек, держащий их, сидел и выл на небо, как «помешанный теленок», по его коричневым щекам бежали слезы, лицо исказилось чудовищной гримасой горя. Дышал он неровно, грудь поднималась, пока не натягивалась застежка на рубахе, потом вместе с воздухом вырывался этот ужасный вой. В газетах часто пишут: «Убийца не проявил раскаяния», но здесь был не тот случай. Сердце Джона Коффи было растерзано тем, что он натворил… но сам он будет жить. А девочки нет. Их растерзали более основательно.

Никто не знает, сколько они так простояли, глядя на воющего человека, который смотрел на другой берег, за серую гладкую полосу реки, где к мосту мчался поезд. Казалось, они глядят на него час или вечность, а поезд застыл на месте,

казалось, что крик стоит лишь в одном месте, как детский взрыв гнева, и солнце не ушло за облако, и не потемнело в глазах. Но перед ними все было настоящим. Чернокожий раскачивался вперед-назад, и Кора и Кейт качались вместе с ним, словно куклы на руках у великана. Окровавленные мускулы его огромных голых рук сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

Клаус Деттерик прервал эту немую сцену. Он бросился с криком на монстра, который растерзал и убил его дочерей. Сэм Холлис знал свое дело и пытался удержать его, но не смог. Он был на пятнадцать сантиметров выше Клауса и тяжелее килограммов на тридцать, но Клаус сбросил его руки. Он пролетел через поляну и в полете ударил ногой в голову Коффи. Его сапог, испачканный уже свернувшимся на жаре молоком, угодил точно в левый висок Коффи, но тот словно и не заметил удара. Он все так же сидел, причитая и раскачиваясь, глядя за реку; похожий на лесного проповедника-пятидесятника, верного последователя Креста, глядящего на Землю Обетованную… вот только если бы не трупы…

Чтобы оттащить бившегося в истерике фермера от Джона Коффи, понадобились четыре человека, и пока они схватили его, он успел нанести Коффи

я не знаю сколько довольно сильных ударов. Но Коффи было все равно: он по-прежнему глядел за реку и причитал. Что касается Деттерика, то как только его оттащили, вся сила ушла из него, словно по громадному негру шел какой-то странный гальванизирующий ток (я все время нахожу какие-то электрические метафоры, вы уж простите), и, когда контакт Деттерика с этим источником питания был наконец разомкнут, он обмяк, как человек после удара током. Он упал на колени прямо на берегу реки, закрыл лицо руками и зарыдал. Хови присоединился к нему, и они обнялись, прильнув друг к другу.

Двое мужчин остались рядом с ними, остальные образовали кольцо из ружейных стволов вокруг качающегося и стонущего чернокожего. Он, казалось, не замечал никого. Макджи вышел вперед, постоял, неуверенно, переминаясь с ноги на ногу, потом присел на корточки.

— Мистер, — сказал он тихим голосом, и Коффи сразу затих. Макджи посмотрел ему в глаза, красные от слез. Слезы все еще текли по щекам негра, как будто кто-то оставил внутри открытый кран. Глаза плакали, но взгляд оставался отрешенным… далеким и спокойным. Я подумал, что это самые странные глаза, которые я видел в

жизни, и Макджи почувствовал то же самое. «Его глаза напоминали глаза зверя, который никогда раньше не видел людей», — сказал он репортеру по имени Хаммерсмит перед началом суда.

— Мистер, вы меня слышите? — спросил Макджи.

Медленно-медленно Коффи кивнул. Он все еще держал на руках своих неописуемых кукол, их подбородки упали на грудь, так что лица было трудно разглядеть, — одна из немногих милостей Божьих, дарованных им в тот день.

— У вас есть имя? — обратился к нему Макджи.

— Джон Коффи, — сказал негр густым голосом, срывающимся от слез. — Коффи — как напиток, только пишется иначе.

Макджи кивнул, потом большим пальцем указал на оттопыривающийся нагрудный карман рубахи. Ему показалось, что там может быть пистолет, хотя совсем не обязательно человеку таких размеров, как Коффи, иметь пистолет, чтобы причинить серьезный урон, если он решит сбежать.

— Что там у тебя, Джон Коффи? Может, пушка? Пистолет?

— Нет, сэр, — ответил Коффи своим густым голосом, и его странные глаза — источающие слезы

и страдающие снаружи, но далекие и равнодушные внутри, словно настоящий Джон Коффи был где-то в другом месте и смотрел на иной пейзаж, где убитые девочки совсем не повод для расстройства, — эти глаза неотрывно смотрели в глаза помощника Макджи. — Здесь просто мой завтрак.

— Завтрак, говоришь, да? — повторил Макджи, и Коффи, кивнув, подтвердил: «Да, сэр», а слезы все бежали из его глаз, и капли висели на кончике носа.

— А где такие, как ты, берут завтрак, Джон Коффи? — Макджи старался держаться спокойно, хотя чувствовал уже исходящий от девочек запах и видел мух, садящихся на влажные места на телах. Хуже всего были их волосы — он сказал об этом позднее… но это не попало в газеты, такую подробность сочли слишком тяжелой для семейного чтения. Я узнал о ней от автора статьи, мистера Хаммерсмита. Я нашел его, когда Джон Коффи стал для меня как бы навязчивой идеей. Макджи рассказал Хаммерсмиту, что белокурые волосы девочек уже не были светлыми. Они стали каштановыми. Кровь бежала с волос по щекам, словно волосы плохо покрашены, и не надо быть врачом, чтобы понять, что их хрупкие черепа

раздавлены силой этих могучих рук. Возможно, девочки плакали. Возможно, он хотел, чтобы они перестали. Если девочкам повезло, это случилось перед изнасилованием.

При виде такого очень трудно думать, даже столь решительному в своих поступках человеку, как помощник Макджи. Размышления могут привести к ошибкам или даже к еще большему кровопролитию. Макджи глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

— Я точно не помню, сэр, гад буду, если вру, — ответил Коффи сдавленным от слез голосом, — это правда завтрак, там бутерброды и, по-моему, маринованный огурчик.

— Я сейчас сам посмотрю, тебе ведь все равно, — сказал Макджи. — Теперь, Джон Коффи, не двигайся. Не делай этого, парень, у нас достаточно оружия, нацеленного на тебя, чтобы исчезла твоя верхняя половина, если хоть пальцем шевельнешь.

Коффи смотрел за реку и не шелохнулся, пока Макджи аккуратно залез в нагрудный карман его рубахи и вытащил нечто, завернутое в газету и перевязанное веревочкой. Макджи разорвал бечевку и развернул газету, хотя был уверен, что там, как и сказал Коффи, находится завтрак. Там

оказались бутерброд с беконом и помидорами и рулет с джемом. Еще был огурчик, завернутый в отдельную бумажку, которую Джон Коффи никогда бы не развернул. Там не хватало колбасы. Колбаса из завтрака Джона Коффи досталась Баузеру.

Макджи, не отрывая взгляда от Джона Коффи, передал завтрак через плечо своим людям. Сидя на корточках так близко, он не мог отвлечься ни на секунду. Завтрак был снова завернут, перевязан и в конце концов оказался у Боба Марчента, который положил его в рюкзак, где лежал корм для собак (и я не удивлюсь, если еще и рыболовная наживка). Его не предъявили на суде в качестве улики — правосудие в этой части света скорое, но не настолько, чтобы сохранился бутерброд с беконом и помидорами, хотя фотографии его остались.

— Что здесь произошло, Джон Коффи? — произнес Макджи низким серьезным голосом. — Ты не хочешь об этом мне рассказать?

И Коффи ответил Макджи и всем остальным почти в точности так же, как и мне; это к тому же были последние слова, которые обвинитель сказал присяжным во время суда над Коффи.

— Я не смог ничего поделать, — произнес Джон

Коффи, держа на руках обнаженные тела убитых, истерзанных девочек. Слезы снова потекли по его щекам. — Я пытался вернуть все назад, но было уже поздно.

— Парень, ты арестован по подозрению в убийстве, — заявил Макджи и плюнул Джону Коффи в лицо.

Присяжные удалились на сорок пять минут. Как раз хватило бы, чтобы съесть завтраки. Интересно только, полез бы им кусок в горло.

5

Вы, конечно, понимаете, что я не мог всего этого узнать за один жаркий октябрьский вечер, проведенный в почти вымершей тюремной библиотеке, из единственного комплекта газет, засунутого в корзину из-под апельсинов, но того, что узнал, хватило, чтобы не заснуть в ту ночь. Когда моя жена проснулась в два часа ночи и увидела, что я сижу на кухне, пью пахту и курю самокрутки, она спросила, в чем дело, и я солгал ей в один из немногих раз за долгое время нашего брака. Я ответил, что у меня произошла еще одна стычка с Перси Уэтмором. Это было так, но я не потому не мог уснуть. Все, что касалось Перси, я обычно оставлял в кабинете.

— Да забудь ты этого гнилого червя, возвращайся в постель, — сказала она. — У меня есть кое-что, что поможет тебе заснуть, сколько хочешь.

— Это здорово, но я, пожалуй откажусь. У меня что-то слегка не в порядке с мочевой системой, и я боюсь передать это тебе.

Она подняла бровь.

— Ага, мочевая система, — съязвила она. — По-моему, ты просто взял не ту девку с панели

прошлый раз, когда был в Батон Руже.

Я никогда не был в Батон Руже и никогда не связывался с уличными девчонками, и мы оба это знали.

— Просто старая инфекция, — объяснил я. — Моя матушка говорила, что мальчики подхватывают ее, когда писают при северном ветре.

— Да, твоя матушка не выходила из дома весь день, если вдруг рассыпала соль. Доктор Сэдлер…

— Нет, сэр, — сказал я, подняв руку. — Он хочет, чтобы я принимал серу, и к концу недели меня стошнит во всех углах кабинета. Со временем это пройдет, но сейчас, я думаю, наши игры придется отложить.

Она поцеловала меня в лоб прямо над левой бровью, что всегда вызывало мурашки по коже… и Дженис хорошо это знала.

— Бедный ребенок. Как будто мало этого ужасного Перси Уэтмора. Ложись скорее спать.

Я так и сделал, но прежде вышел на заднее крыльцо облегчиться (предварительно проверив направление ветра мокрым большим пальцем; то, чему учат родители в детстве, остается надолго, как бы глупо это ни было). Мочиться на улице — одно из удовольствий сельской жизни, о котором никогда не говорят поэты. Но этой но-

чью удовольствия я не испытывал: вытекающая жидкость горела, словно нефть. Но я подумал, что вечером было хуже, и уж точно — два-три дня назад гораздо хуже. Так что появилась надежда, что все пошло на поправку. Никогда у меня не было надежды более тщетной. Никто не мог сказать мне, что микроб, забравшийся внутрь меня, где тепло и сыро, может взять пару дней отдыха, прежде чем опять войти в силу. Я бы очень удивился. А еще больше удивился, если бы узнал, что через каких-то пятнадцать-двадцать лет изобретут таблетки, в рекордное время избавляющие от такой инфекции… а если при этом и произойдет расстройство желудка или кишечника, тебя никогда не стошнит так, как от серных пилюль доктора Сэдлера. Но тогда, в 1932-м, можно было только ждать и пытаться не обращать внимание на то, будто кто-то налил внутрь мочевой системы нефть и поднес к ней спичку.

Я облегчился, зашел в спальню и в конце концов заснул. Мне снились девочки с застенчивыми улыбками и кровью на волосах.

6

На следующее утро я нашел на своем столе розовый клочок бумаги с просьбой при первой возможности зайти в кабинет начальника тюрьмы. Я знал, по какому поводу: в этой игре были неписаные, но обязательные правила, а я вчера ненадолго перестал играть по ним — поэтому я решил потянуть с визитом к начальству как можно дольше. Наверное, как и с визитом к врачу со своими мочевыми проблемами. Я всегда думал, что делам типа «разделаться раз и навсегда» придают слишком много значения.

Во всяком случае я не спешил в кабинет Уордена Мурса. Вместо этого я снял свой шерстяной китель, повесил его на спинку стула, включил вентилятор в углу — день выдался опять жарким. Потом сел и пробежал глазами ночной отчет Брута Ховелла. Тревожиться было не о чем. Делакруа немного плакал после возвращения — он почти всегда по ночам плакал больше о себе, чем о тех, кого сжег живьем, я почти уверен, — а потом достал Мистера Джинглза, мышь, из коробки из-под сигар. Это успокоило Дэла и до утра он спал как младенец. Мистер Джинглз почти всю ночь

провел на животе Делакруа, обвив хвост вокруг задних лапок и не мигая глазками-бусинками. Словно Господь решил, что Делакруа нужен ангел-хранитель, но распорядился, что только мышь сойдет в этом качестве для такой крысы, как наш «убийственный» дружок из Луизианы. Конечно, всего этого не было в рапорте Брута, но я провел достаточно много ночных наблюдений, чтобы уметь читать между строк. О Коффи упоминалось лишь однажды: «Не спал, лежал тихо, иногда плакал. Я попытался начать разговор, но после нескольких ворчливых реплик в ответ оставил его в покое. Может, Полю или Харри повезет больше».

«Начать разговор» — главное в нашей работе, в самом деле. Тогда я этого не знал, но, оглядываясь назад с высоты странного пожилого возраста (я думаю, этот возраст кажется странным тем, кому предстоит его пережить), я все понял, как и то, почему не понимал вначале, — эта задача слишком сложна и столь же важна, как дыхание для поддержания жизни. Для временных было совсем не важно «начать разговор», но для меня, Харри, Брута и Дина это жизненно важно, и именно по этой причине Перси Уэтмор был кошмаром. Заключенные ненавидели его, охранники

ненавидели его… все ненавидели его, думаю, самого Перси, а не его политические связи, а возможно (но только возможно), и его мать. Он напоминал порцию мышьяка, впрыснутую в свадебный пирог, и мне кажется, я знал с самого начала о грядущей катастрофе. Сам Перси был словно запланированный несчастный случай. Что касается остальных, то мы подняли бы на смех того, кто сказал бы, что мы приносили больше пользы не как охранники заключенных, а как их психиатры, половина меня и сейчас еще смеется над подобной мыслью, но мы знали насчет начала разговора… без этого разговора люди, коим предстояло повидать Олд Спарки, имели ужасную привычку сходить с ума.

Я отметил внизу рапорта Брута — поговорить с Джоном Коффи, попытаться по крайней мере, потом перешел к сообщению Кэртиса Андерсона, главного помощника начальника тюрьмы. В нем говорилось, что он, Андерсон, вскоре ожидает приказа ДК для Эдварда Делакруса (Андерсон ошибся: имя его на самом деле было Эдуар Делакруа). ДК означает день казни, и согласно сообщению, Кэртису сказали почти точно, что маленький французик пройдет свой путь незадолго до Хэлловина — он считал, что 27 октября, а

предположения Кэртиса были всегда обоснованны. Но еще до того нам следует ожидать нового постояльца по имени Вильям Уортон. «Он из тех, что ты называешь „проблемный ребенок“, — писал Кэртис своим почти каллиграфическим почерком с обратным наклоном. — Дикий и сумасбродный, и этим гордится. Последний год бродил по всему штату и наконец допрыгался. Убил при ограблении сразу троих, среди них беременную женщину, четвертого убил, когда убегал. Патрульного штата. Ему не хватало только монашки и слепого». — Я слегка улыбнулся этим словам. — «Уортону девятнадцать лет, на левом предплечье татуировка: „Крошка Билли“. Вам придется дать ему по носу раз или два, это я гарантирую, но будьте осторожней. Этому человеку терять нечего. — Он дважды подчеркнул последнее предложение, потом закончил: — А еще он скорее всего лодырь. Пишет жалобы, и, кроме всего прочего, он — несовершеннолетний».

Безумный ребенок, пишущий жалобы, способный к безделью. Просто здорово. На минуту день, мне показалось, стал еще жарче, и я решил не откладывать больше визита к Уордену Мурсу.

За время моей работы охранником в Холодной Горе сменилось три начальника тюрьмы.

Хэл Мурс был последним и самым лучшим из начальников такого рода. Честный, прямой, лишенный в отличие от Кэртиса Андерсона даже элементарной сообразительности, он обладал особой политической гибкостью, помогающей сохранить свой пост в те мрачные годы… и в то же время оставался неподкупным, и не поддавался искушениям этой игры. Повышение ему не светило, но, похоже, его устраивала и нынешняя должность. В те дни ему было пятьдесят восемь или пятьдесят девять, его лицо с глубокими складками напоминало морду бладгаунда. Бобу Марчанту оно бы понравилось. Хотя волосы его поседели, а руки слегка дрожали, он был еще очень силен. За год до этого в прогулочном дворике на него набросился заключенный с рукояткой, выстроганной из перекладины деревянной решетки. Мурс перехватил кисть негодяя и скрутил ее так, что кости захрустели, словно сухие ветки в костре. Нападавший, забыв о своих обидах, упал на колени прямо на землю и стал звать маму. «Я тебе не мама, — сказал Мурс своим интеллигентным „южным“ голосом, — но на ее месте, я поднял бы юбку и помочился на тебя из чрева, давшего тебе жизнь».

Когда я зашел в его кабинет, он начал подни-

маться, и я помахал ему рукой, чтобы не вставал. Я сел за стол напротив и начал с вопроса о его жене… но совсем не так, как принято у вас. Я спросил: «Ну как там твоя красотка?» Словно Мелинде всего лет семнадцать, а не шестьдесят два или три. Мой интерес был искренним: такую женщину я бы и сам мог полюбить и жениться на ней, если бы наши жизненные пути пересеклись, но еще мне хотелось хоть немного отвлечь его от основных дел.

Он глубоко вздохнул.

— Не очень, Пол. Даже совсем не хорошо.

— Опять головные боли?

— На этой неделе всего раз, но было очень плохо, позавчера она пролежала пластом почти весь день. А теперь еще эта слабость в правой руке… — Он поднял свою, всю в веснушках, правую руку. Мы оба видели, как она дрожит над бумагой, потом опустил ее опять. Я уверен, что он все отдал бы за то, чтобы не говорить этого, а я — все за то, чтобы не слышать. Головные боли у Мелинды начались весной, и все лето врач уверял ее, что это «мигрени на нервной почве», вызванные стрессом из-за ожидаемого ухода Хэла на пенсию. Но на самом деле никто из них не «ожидал» ухода на пенсию, а моя собственная жена сказала, что

мигрень — болезнь не пожилых, а молодых, и к тому времени, когда страдающие мигренью достигают возраста Мелинды, им становится не хуже, а лучше. А эта слабость в руке? По-моему, это совсем не похоже на нервный стресс, это похоже на проклятый инсульт.

— Доктор Хавестром хочет, чтобы она легла в больницу в Индианоле, — сказал Мурс. — Сделала анализы. Рентген головы и Бог знает, что еще. Она боится до смерти. — Он помолчал, а потом добавил: — По правде говоря, я и сам ужасно боюсь.

— Да, но вот увидишь, она справится, — успокоил я. — Лучше не откладывать. Если вдруг они что-то увидят на рентгене, то может оказаться, что это излечимо.

— Да, — согласился он, и тут всего один раз за эти минуты разговора, насколько я помню, наши взгляды встретились. И мы все поняли без слов, со всей беспощадностью. Да, скорее всего инсульт. А может быть, рак — опухоль мозга, и если это так, то шансы на то, что врачи в Индианоле смогут что-то сделать, практически равны нулю. Это ведь был тридцать второй год, не забывайте, когда лекарством даже от такой более-менее простой «мочевой» инфекции были либо сера и вонь, либо страдание и ожидание.

— Спасибо за сочувствие, Пол. А теперь давай поговорим о Перси Уэтморе.

Я застонал и закрыл глаза.

— Сегодня утром мне позвонили из столицы штата, — прямо сказал начальник тюрьмы. — Звонок был очень сердитый, можешь себе представить. Пол, губернатор так сильно женат, что его здесь почти нет, ты меня понимаешь. А у его жены есть брат, у которого единственный ребенок. И этот ребенок — Перси Уэтмор. Перси вчера звонил папаше, а папаша Перси позвонил тетушке. Нужно прослеживать цепочку дальше?

— Нет, — вздохнул я. — Перси настучал. Точь-в-точь классный маменькин сынок, наябедничавший учительнице, что видел, как Джек и Джилл целовались в раздевалке.

— Да, — согласился Мурс, — примерно так.

— Ты знаешь, что произошло между Перси и Делакруа, когда Делакруа только поступил? — спросил я. — Перси с его чертовой резиновой дубинкой?

— Да, но…

— И ты знаешь, как он проводит ею иногда по прутьям решетки, просто так, для смеха. Он подлый, он тупой, и я не знаю, сколько еще смогу его выносить. Это правда.

Мы знали друг друга пять лет. А это много для людей, успешно работающих вместе, особенно если часть их работы — торговля жизнью и смертью. Я просто хочу сказать: он понял, что я имел в виду. Нет, я не уйду, во всяком случае теперь, когда вокруг тюремных стен ходит Депрессия, как опасный преступник, которого нельзя посадить за решетку. Люди получше меня оказывались выброшенными на улицу или ездили на подножках зайцами. Мне повезло, и я знал это: дети подросли и залог — двухсотфунтовый кусок мрамора — свалился с моих плеч в последние два года. Но человеку нужно еще питаться, да и жену кормить. Кроме того, мы привыкли посылать дочери и зятю двадцать долларов, когда могли (а иногда когда и не могли, если письма Джейн становились особенно отчаянными). Зять был безработный учитель, и если уже это не говорит об отчаянии тех дней, то значит это слово не имеет смысла. Так что нет, нельзя бросить стабильно оплачиваемую работу, такую, как моя… так вот хладнокровно взять и уйти. Но у меня уже не хватало хладнокровия в ту осень. Температура на улице была высока не по сезону, а подкравшаяся изнутри инфекция подняла ее еще выше. Когда же человек в таком состоянии, то его кулак

может взлететь порой и помимо воли. А если хоть раз треснуть такого типа со связями, как Перси, то уже не остановишься, потому что назад дороги нет.

— Сдержись, — тихо произнес Мурс. — Я тебя вызвал, чтобы это сказать. Я знаю из достоверных источников — от человека, звонившего мне сегодня утром, — что Перси подал заявление на работу в Бриар, и его заявление будет принято.

— Бриар, — повторил я. Бриар Ридж — одна из двух больниц штата. — Чем этот щенок занимается? Гастролирует по госучреждениям?

— Там административная работа. Лучше оплачивается и нужно иметь дело с бумагами, а не с больничными койками в жаркий день. — Он криво улыбнулся.

— Знаешь, Пол, ты мог бы уже избавиться от него, если бы не пустил в аппаратную вместе с Ван Хэем, когда Вождь ушел.

Сначала то, что он говорил, мне показалось очень интересным, и я не мог понять, к чему он клонит. А может, не хотел понимать.

— Куда я еще мог его поставить? — спросил я. — Господи, да он понятия не имеет, для чего вообще на блоке! А включить его в команду, осуществляющую казнь… — Я не закончил. Я не мог

закончить. Цепь возможных проколов казалась мне бесконечной.

— И тем не менее, ты хорошо сделал бы, включив его в команду для Делакруа. Если хочешь, конечно, избавиться от него.

Я смотрел на него, открыв рот. В конце концов мне удалось его закрыть, и я обрел дар речи.

— Что ты говоришь? Он что, хочет проверить, как там рядом, где пахнет жареными мозгами?

Мурс пожал плечами. Его взгляд, такой мягкий, когда он говорил о жене, вдруг закаменел.

— Мозги Делакруа все равно поджарятся, будет в команде Уэтмор или нет, — произнес он. — Верно?

— Да, но он может все испортить. Правда, Хэл, он, практически обречен на то, чтобы испортить все дело. А перед тридцатью с лишним свидетелями-журналистами со всех концов Луизианы…

— Вы с Брутусом Ховеллом позаботитесь, чтобы он не испортил, — сказал Мурс. — А если все-таки испортит, то это пойдет в его досье и останется там надолго, даже когда его связи исчезнут. Понимаешь?

Я понял. Мне стало противно и страшно, но я понял.

— Он, наверное, захочет остаться на казнь

Коффи, но, если повезет, ему хватит и Делакруа. Постарайся, чтобы его поставили в команду.

Я собирался опять держать Перси в аппаратной, а потом в туннеле с автоматом, когда Делакруа повезут к санитарной машине, припаркованной через дорогу от тюрьмы, но я отбросил этот план прочь, не задумываясь. Я кивнул. Я чувствовал, что влезаю в авантюру, но мне было наплевать. Ради того, чтобы избавиться от Перси, я ущипнул бы дьявола за нос. Перси сможет участвовать в казни, надеть шлем, а потом смотреть сквозь решетку и дать команду Ван Хэю включить на вторую. Он увидит, как маленький французик помчится на молнии, которую он, Перси Уэтмор, выпустил из бутылки. Пусть получит свое мерзкое мелкое наслаждение, если таковым для него является санкционированное властями убийство. Пусть потом отправляется в Бриар Ридж, где у него будет свой кабинет и вентилятор для охлаждения. А если его родственника по жене на следующих выборах не переизберут и этому парню придется узнать, что такое работа в жестоком старом знойном мире, где не все плохие парни заперты за решетку и где иногда бьют по голове, — тем лучше.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь. — Я поставлю

его перед Делакруа. А пока потерплю.

— Хорошо. — Он тоже встал. — А кстати, как твои дела? — Мурс деликатно указал в направлении моего паха.

— Кажется, лучше.

— Это здорово. — Он проводил меня до дверей. — А что там с Коффи? С ним не возникнет проблем?

— Я не думаю. Он будет смирным, как овечка. Он странный — странные глаза, — но тихий. Мы за ним следим. Так что не беспокойся.

— Ты, конечно, знаешь, что он сделал.

— Конечно.

Он проводил меня через приемную, где пожилая мисс Ханна, как всегда, барабанила по «ундервуду», наверное, с каменного века. Я был рад, что ухожу, чувствуя, что легко отделался. И было приятно сознавать, что я еще могу пережить Перси, в конце концов.

— Отправь Мелинде целую корзину моей любви, — сказал я, — и не покупай ни корзинки беспокойства. Может, окажется, что все это лишь мигрень.

— Да уж, наверное, — ответил он, и губы улыбнулись под больными глазами. Сочетание жутковатое.

Что касается меня, то я вернулся в блок «Г», и начался новый день. Нужно было прочесть и написать бумаги, вымыть полы, раздать пищу, составить график дежурств на следующую неделю, и еще тысяча всяких мелочей. Но больше всего было ожидания, в тюрьме ведь этого так много, так что с ним покончить нельзя никогда. Ожидание, когда Делакруа пойдет по Зеленой Миле, ожидание прибытия Вильяма Уортона с оттопыренной губой и татуировкой «Крошка Билли» и более всего — ожидание, когда Перси Уэтмор исчезнет из моей жизни.

7

Мышь Делакруа оказалась одним из таинств Божьих. До этого лета я никогда не видел мышей в блоке «Г», потом, после той осени, когда жаркой грозовой октябрьской ночью Делакруа покинул нашу компанию, причем покинул таким отвратительным образом, что мне и самому вспоминать не хочется. Делакруа утверждал, что это он дрессировал мышь, вошедшую в нашу жизнь с именем Вилли-Пароход, но я уверен, что на самом деле все было совсем наоборот. И Дин Стэнтон так считает, и Брут. Они оба дежурили в ночь, когда впервые появилась мышь, и, как сказал Брут, она была уже почти ручная и вдвое сообразительнее, чем этот французоид, который считает, что мышь принадлежит ему.

Мы с Дином разбирали в моем кабинете прошлогодние записи и готовились писать сопроводительные письма свидетелям пяти казней, а потом сопроводиловки на сопроводиловки к еще шести, и так до двадцать девятого года. Нас, собственно, интересовало одно: довольны ли они обслуживанием? Я понимаю, это звучит дико, но это важная информация. Как налогоплательщи-

ки, они были нашими клиентами, хотя и очень специфическими. Люди, ставшие среди ночи свидетелями того, как человек умирает, должны знать, что существует очень веская причина для этого, особая необходимость, потребность, и, если казнь является справедливым наказанием, то эта потребность должна быть удовлетворена. Они пережили кошмар. Цель казни — показать, что кошмар окончен. Может это и помогает. Иногда.

— Эй! — позвал Брут из-за двери, где восседал за столом в начале коридора. — Эй вы, скорее сюда!

Дин и я обменялись взглядами с одинаковым выражением тревоги, думая, не случилось ли чего с индейцем из Оклахомы (его звали Арлен Биттербак, но мы его называли Вождь, а Харри Тервиллиджер — Вождь Сырный Козел, потому что ему казалось, будто Вождь так пахнет) или с парнем по прозвищу Президент. Но потом Брут захохотал, и мы бросились смотреть, что произошло. Смех в блоке «Г» столь же неуместен, как и смех в церкви.

Старый Тут-тут, из надежных заключенных, который в те дни заведовал лотком с продуктами, был недалеко со своей тележкой, полной товаров, а Брут основательно запасся на всю долгую ночь: три сандвича, две бутылки шипучки и пара рога-

ликов. А также половина тарелки картофельного салата, который Тут, несомненно, спер в тюремной кухне, куда у него был, по всей видимости, неограниченный доступ. Перед Брутом лежал открытый журнал дежурств, и, к великому удивлению, он его ничем пока не заляпал. Правда, он еще только начал.

— Что? — спросил Дин. — Что там еще?

— Похоже, в этом году юриспруденция штата раскошелилась на дополнительную охрану, — сказал Брут, все еще смеясь, — посмотрите туда!

Он показал, и мы увидели мышь. Я тоже засмеялся, Дин поддержал меня. Просто нельзя было удержаться, потому что эта мышь вела себя как охранник, контролирующий камеры каждые пятнадцать минут: крошечный пушистый охранник, проверяющий, не пытается ли кто-то сбежать или покончить с собой. Сначала она просеменила немного вдоль по Зеленой Миле, потом повертела головой из стороны в сторону, как бы проверяя камеры. Потом опять просеменила вперед. А то, что несмотря на крики и смех было слышно, как храпят наши постояльцы, выглядело еще смешнее.

Обычная коричневая мышка, вот только странно так проверяющая камеры. Она даже вошла

в одну или две из них, легко пролезая между нижними прутьями решетки, да так, что многие обитатели нашей тюрьмы, нынешние и прошлые, могли только завидовать. Правда, тем, естественно, всегда больше хотелось вылезать.

Мышь не зашла ни в одну из занятых камер, только в пустые. И наконец подошла почти совсем близко к нам. Я думал, она повернет обратно, но она не повернула. Похоже, она нас совсем не боялась.

— Это ненормально, обычно мыши не подходят так близко к человеку, — слегка нервно заметил Дин. — Может, она бешеная?

— Господи, Боже мой, — сказал Брут с полным ртом, прожевывая бутерброд с солониной. — Тоже мне, специалист по мышам. Мышевод. Ты видишь у нее пену изо рта, Мышевод?

— Я у нее и рта-то не вижу, — огрызнулся Дин, и мы снова все рассмеялись. Я тоже не заметил у мыши рта, но видел темные крошечные бусинки глаз, и они мне совсем не казались безумными или бешеными. Они были умными и любопытными. Когда я отправлял на смерть людей, — людей, имевших предположительно бессмертную душу, — они выглядели более тупыми, чем эта мышь.

Она просеменила вверх по Зеленой Миле до точки, находившейся меньше чем в метре от нашего стола, который не представлял собой ничего особенного — обычный стол, за какими сидят учителя районной школы. И вот тут мышь остановилась и с важным видом обвила хвостиком лапки, словно пожилая леди, расправляющая юбки.

Я сразу перестал смеяться, ощутив холодок, мгновенно пронизавший меня до костей. Я не знаю, почему я это почувствовал, — никто ведь не любит выглядеть смешным, но я собираюсь рассказывать и об этом.

На секунду я вообразил себя не охранником, а вот этой мышью — всего лишь еще одним осужденным преступником на Зеленой Миле, который осужден и приговорен, но все еще в состоянии смело глядеть вверх на стол, возвышающийся на километры (словно трон Господа в Судный день, который, несомненно, предстоит увидеть однажды нам всем), и на сидящих за ним гигантов в синей одежде с низкими тяжелыми голосами. Гиганты эти стреляли в таких из пистолетов ВВ, гоняли их щетками или ставили ловушки, которые ломали им хребет, пока они осторожно пробирались к кусочку сыра на мед-

ной пластинке.

Щетки около стола не было, но в ведре стояла вращающаяся швабра, конец которой все еще находился в отжимателе: была моя очередь мыть зеленый линолеум и все шесть камер, и перед тем, как засесть за бумаги с Дином, я это сделал. Я увидел, что Дин хочет взять швабру и замахнуться. Я коснулся его кисти как раз в тот момент, когда его пальцы дотянулись до гладкой деревянной ручки. «Оставь, пусть будет», — сказал я.

Он пожал плечами и убрал руку. Я понял, что он не более, чем я, испытывал желание прихлопнуть мышь.

Брут отломил кусочек от бутерброда с солониной и протянул его через стол вперед, осторожно сжимая двумя пальцами. Мышь посмотрела вверх с живым интересом, словно уже зная, что это такое. Наверное знала, я видел, как зашевелились ее усики и дернулся носик.

— Брут, не надо! — воскликнул Дин, потом взглянул на меня. — Не разрешай ему, Пол! Если он начнет кормить эту зверюшку, то нам придется накрывать стол для всех четвероногих тварей.

— Я просто хочу посмотреть, что она станет делать, — сказал Брут. — Исключительно в интересах науки. — Он посмотрел на меня: я был

начальник, даже в таких отклонениях от устава. Я подумал и пожал плечами, словно мне было все равно.

Конечно же, мышь все съела. В конце концов, на дворе стояла Депрессия. Но то, как она ела, привело нас в восторг. Она подошла к кусочку сендвича, обнюхала его, а потом села перед ним, словно собака, схватила и разделила хлеб пополам, чтобы добраться до мяса. Она сделала это так сознательно, словно человек, приступающий к хорошему обеду с ростбифом в своем любимом ресторане. Я никогда не видел, чтобы животное так ело, даже хорошо дрессированная собака. И все время, пока мышь ела, она не сводила с нас глаз.

— Это разумная мышь или голодная, как волк, — прозвучал новый голос. Это был Биттербак. Он проснулся и теперь стоял у решетки камеры в одних обвисших трусах. В правой руке между указательным и средним пальцами он держал самокрутку, его седые, цвета стали волосы, заплетенные в две косы лежали по плечам, когда-то мускулистым, а теперь начинающим становиться дряблыми.

— Ты знаешь индейскую мудрость о мышах, Вождь? — спросил Брут, глядя, как мышь ест. Мы

были просто поражены, насколько аккуратно она держала кусочек солонины в передних лапах, иногда поворачивая его и глядя с восхищением и одобрением.

— Не-а, — сказал Биттербак. — Знал я одного смелого, у него была пара перчаток, он уверял, что они из мышиной кожи, но я не верил. — Потом он засмеялся, словно все это было шуткой, и отошел от решетки. Я услышал, как заскрипела койка, когда он ложился.

Этот звук стал сигналом для мыши, что пора уходить. Она покончила с тем, что держала, фыркнула над тем, что осталось (в основном хлеб, пропитанный горчицей), потом снова посмотрела на нас, будто хотела запомнить лица, если вдруг встретимся снова. Потом повернулась и засеменила туда, откуда пришла, но уже не заглядывая в камеры. Ее поспешность напомнила мне Белого Кролика из «Алисы в стране чудес», и я улыбнулся. Она не задержалась у двери в смирительную комнату, а исчезла под дверью. Стены этой комнаты были обиты мягким, специально для тех, у кого слегка размягчились мозги. Мы держали там инвентарь для уборки, когда не использовали его по прямому назначению, и несколько книг (в основном вестерны

Кларенса Милфорда, но в одной, которую выдавали только по особым случаям, была богато иллюстрированная сказка, где Попай, Блуто и даже Вимпи — Пожиратель Котлет по очереди отвоевывали Олив Ойл). Там еще находились всякие принадлежности, в том числе цветные восковые карандаши, которым Делакруа позднее нашел хорошее применение. А еще в смирительной комнате лежала куртка, которую никто не желал надевать: белая, сшитая из двойного слоя ткани с пуговицами, застежками и пряжками на спине. Мы все знали, как в два счета запаковать в нее «проблемного» ребенка. Они не так часто бушевали, наши потерянные парни, но, если бушевали, Боже, ждать не приходилось, когда все уладится само собой.

Брут достал из ящика стола большую книгу в кожаном переплете с надписью «Посетители» золотыми буквами на обложке. Обычно эта книга месяцами лежала в ящике. Когда к заключенному приходили посетители — кроме адвоката или министра, — его приводили в специально отведенную комнату за столовой. Мы называли ее «Аркада». Почему, не знаю.

— Ради Бога, ответь, что ты собрался делать? — спросил Дин Стэнтон, глядя поверх очков, пока

Брут открывал книгу и листал страницы, где отмечались посетители, приходившие к людям, которых уже нет в живых.

— Согласно правилу 19, — начал Брут, найдя последнюю страницу. Он взял карандаш, послюнявил кончик — вредная привычка, от которой он никак не мог отделаться, — и приготовился писать. Правило 19 гласило: «Каждый посетитель блока „Г“ должен предъявить пропуск администрации и в обязательном порядке должен быть занесен в специальный журнал».

— Он с ума сошел, — заметил Дин.

— Он нам не показал пропуска, но я его пропущу на этот раз, — продолжал Брут. Он еще раз лизнул кончик карандаша на счастье, потом в колонке «Время прихода» проставил 9:49.

— Конечно, почему бы и нет, большие боссы делают исключения для мышей, — сказал я.

— Еще бы, — согласился Брут. — Нет карманов. — Он оглянулся, чтобы посмотреть на настенные часы позади стола, потом в графе «Время ухода» написал: 10:01. Длинная линеечка между двумя числами называлась «Имя посетителя». Секунду напряженно подумав, наверное вспоминая, как правильно пишется, Брутус Ховелл старательно вывел: «Вилли-Пароход», которого

большинство людей знает как Микки-Мауса. Это потому, что в первом звуковом мультфильме он закатывал глаза, качал бедрами и дергал за веревочку свистка на капитанском мостике парохода.

— Вот так, — сказал Брут, захлопывая книгу и кладя обратно в ящик. — Дело сделано.

Я засмеялся, но Дин, который всегда оставался серьезным, даже если понял шутку, нахмурился и начал усердно протирать стекла очков.

— У тебя будут неприятности, если кто-нибудь увидит. — Потом, поколебавшись, добавил: — Кто-нибудь не тот. Он опять помолчал, засомневался, близоруко посмотрел вокруг, словно ожидая увидеть, что у стен выросли уши, и закончил: — Кто-нибудь типа этого задницеголового Перси Уэтмора.

— Еще чего, — сказал Брут. — Перси Уэтмор сядет за этот стол только в день моего ухода на пенсию.

— Ты уйдешь раньше. Тебя выгонят за шуточки в книге посетителей, если Перси шепнет нужное слово в нужное ухо. А он сможет. И ты это знаешь.

Брут сердито взглянул на него, но ничего не сказал. Я подумал, что попозже он сотрет то, что

написал. А если не сотрет, то это сделаю я.

На следующий вечер, когда мы уже отвели в блок «В» сначала Биттербака, а потом Президента (они там принимали душ после того, как местных заключенных закрывали на ночь), Брут спросил меня, не поискать ли нам Вилли-Парохода в смирительной комнате.

— Да, думаю, надо, — кивнул я. Мы хорошо посмеялись над ним тогда, но я знаю, что, если мы с Брутом найдем мышонка в смирительной комнате, особенно если он начал выгрызать себе что-то вроде гнезда в одной из мягких стен, мы его убьем. Лучше убить разведчика, неважно, каким бы забавным он ни был, чем потом жить с переселенцами. И нет нужды говорить о том, что никто из нас не стыдился убивать мышей. В конце концов, именно за убийство крыс нам и платят зарплату.

Но мы не нашли Вилли-Парохода, позже ставшего известным как Мистер Джинглз, в ту ночь ни в мягких стенках, ни за собранным хламом, выброшенным в коридор. А хлама было много, гораздо больше, чем я ожидал, потому что мы давненько не пользовались смирительной комнатой. Скоро мы опять начнем ее часто открывать с появлением Вильяма Уортона, но, конечно, мы

тогда этого еще не знали. К счастью.

— Куда он делся? — наконец спросил Брут, вытирая пот с шеи большим голубым платком. — Ни дырки, ни трещины… ничего, но… — Он указал на сток в полу. Ниже решетки, сквозь которую проходил мышонок, была тонкая стальная сетка, через которую и муха бы не пролетела. — Как он попадает внутрь? Как выходит?

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Но ведь он пролез сюда, так? Я хочу сказать, что мы трое его видели.

— Да, прямо под дверью. Ему пришлось протискиваться, но он пролез.

— Боже, — произнес Брут, и слово это прозвучало странно в устах такого громадного человека, — как хорошо, что заключенные не могут становиться такими маленькими, правда?

— Да уж, верно, — сказал я, пробегая глазами по ткани на стенках в последний раз в поисках дырочки, трещины, чего угодно. Ничего. — Ладно, пошли.

Вилли-Пароход появился снова через три дня, когда дежурил Харри Тервиллиджер. Перси тоже дежурил, и прогнал мышь назад той самой шваброй, которой чуть не воспользовался Дин.

Грызун легко удрал от Перси и победно залез

в щель под дверью смирительной комнаты. С громким воплем Перси открыл дверь и вывалил снова весь хлам. Харри рассказывал, что это было одновременно и смешно, и страшно. Перси орал, что поймает эту проклятую мышь и оторвет ей голову, но, естественно, не поймал. Потный и взлохмаченный, с выбившейся сзади рубашкой, он вернулся к столу дежурного через полчаса, отбрасывая волосы со лба и говоря Харри (который молча читал во время всего этого гвалта), что прикрепит полоску звукоизоляции под дверь, — это решит проблему грызунов, заявил он.

— Это ты здорово придумал, Перси, — сказал Харри, переворачивая страницу вестерна. Он подумал, что Перси забудет о том, что хотел закрыть щель под дверью, и был прав.

8

Гораздо позже, зимой, уже по прошествии всех этих событий, однажды ночью пришел Брут, мы были вдвоем тогда в блоке «Г»: камеры временно пустовали, и все охранники на время распущены. Перси перешел в Бриар Ридж.

— Пойди-ка сюда, — сказал Брут смешным сдавленным голосом, и я удивленно взглянул на него. Я только что пришел с улицы, где шел дождь со снегом, и стряхивал снег с кителя, прежде чем повесить его.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Нет, но я узнал, где обитал Мистер Джинглз. Когда он впервые появился, то есть еще до того, как Делакруа взял его к себе. Хочешь взглянуть?

Конечно же, я хотел. Я пошел за ним по Зеленой Миле в смирительную комнату. Все, что мы хранили там, было вывалено в коридор. Брут, похоже, воспользовался временным затишьем, чтобы навести порядок. Дверь была открыта, я увидел внутри камеры наше ведро со шваброй. На полу того же самого оттенка, что и Зеленая Миля, высыхали лужицы воды. Посреди комнаты стояла лестница, та, что обычно хранилась

в кладовке, где приговоренные делали последнюю остановку на своем пути. На самом верху лестницы была выступающая полочка для того, чтобы рабочий мог положить свои инструменты, а маляр поставить ведерко с краской. На полочке лежал фонарик. Брут протянул его мне.

— Поднимайся сюда. Ты ниже меня, поэтому придется подняться почти на самый верх, но я подержу тебя за ноги.

— Я щекотки боюсь, — заметил я, поднимаясь. — Особенно под коленками.

— Я буду иметь это в виду.

— Ладно, — сказал я, — но сломанное бедро, по-моему, слишком высокая плата за то, чтобы найти гнездо одной-единственной мышки.

— Чего?

— Не обращай внимания. — Моя голова уже была на уровне забранной в сетку лампы посередине потолка, и я ощущал, как лестница слегка качается под моей тяжестью. Снаружи доносился вой зимнего ветра. — Держи крепче.

— Я держу, не беспокойся. — Он крепко схватил меня за лодыжки, и я поднялся еще на одну ступеньку. Теперь моя голова почти касалась потолка, я увидел паутину, сотканную несколькими трудолюбивыми пауками в углах, где сходились

балки крыши. Я посветил вокруг фонариком, но не увидел ничего такого, ради чего стоило рисковать и забираться так высоко.

— Нет, не туда, — сказал Брут, — ты слишком далеко смотришь, Пол. Посмотри налево, туда, где сходятся две балки. Видишь? Одна слегка светлее.

— Вижу.

— Посвети на нее фонариком.

Я посветил и почти сразу увидел то, что он мне хотел показать. Две балки были скреплены шестью шпунтами, один из них выпал, оставив черное круглое отверстие размером с пятак. Я посмотрел на него, потом с сомнением взглянул сверху через плечо на Брута.

— Мышонок был маленький, но не настолько. Нет, не похоже.

— Но он проходил именно тут, — сказал Брут. — Это просто, как апельсин.

— Не представляю, как это может быть.

— А ты придвинься поближе, не бойся, я держу тебя, и понюхай.

Я сделал, как он просил, упершись левой рукой в одну из балок, — так я чувствовал себя устойчивей. Ветер снаружи поднялся опять, и воздух свистел через отверстие прямо мне в лицо. Я

ощущал пронизывающее дыхание зимней ночи на границе с Югом… и что-то еще.

Запах мяты.

«Берегите Мистера Джинглза» — услышал я голос Делакруа, звучавший не очень уверенно. Я услышал эти слова и почувствовал тепло Мистера Джинглза, когда французик передал мне его, обычного мышонка, несомненно более умного, чем другие его собратья, но все равно всего лишь мышонка, а не такого-то имярек. «Смотрите, чтобы этот скот не трогал моего мышонка», — сказал он, и я пообещал, как всегда обещаю им в конце, когда прогулка по Зеленой Миле перестает быть чем-то нереальным или гипотетическим и становится неизбежностью. Отправить письмо брату, которого не видел двадцать лет? — Обещаю. Произнести пятнадцать раз «Аве, Мария» за упокой души? — Обещаю. Разрешить умереть под духовным именем и чтобы это имя было написано на могиле? — Обещаю. Именно с этим они могли идти спокойно, и спокойно садиться на стул в конце Зеленой Мили, оставаясь в здравом рассудке. Конечно же, я не мог выполнить все обещания, но я сдержал то, которое дал Делакруа. Что же касается самого французика, с ним расплатились сполна. «Этот скот» причинил ему

много боли и страданий. Да, я, конечно, знаю, что он совершил, но никто не заслужил того, что случилось с Делакруа, когда он попал в суровые объятия Олд Спарки.

Запах мяты.

И что-то еще. Что-то в глубине отверстия. Правой рукой я вытащил авторучку из нагрудного кармана, все еще держась левой за балку и уже не обращая внимания на то, что Брут неосторожно щекочет меня под коленками. Одной рукой я отвинтил колпачок авторучки и кончиком пера выковырнул что-то наружу. Это нечто оказалось тонкой деревянной щепочкой, выкрашенной в ярко-желтый цвет, и я снова услышал голос Делакруа, да так отчетливо, словно его призрак находился в одной комнате с нами, — причем именно в той, где Вильям Уортон провел так много времени.

— Эй, ребята! — На этот раз это был смеющийся, довольный голос человека, забывшего хоть нанемного, где он и что его ожидает. — Идите смотреть, что умеет Мистер Джинглз!

— Боже, — прошептал я. У меня перехватило дыхание.

— Ты что, нашел еще одну? — спросил Брут. — Я нашел три или четыре.

Я спустился и посветил на его раскрытую большую ладонь. На ней лежало несколько щепочек, словно бирюльки для эльфов. Две желтые, такие, какие нашел я, одна зеленая и одна красная. Покрашены они были не красками, а восковыми карандашами.

— Боже мой, — произнес я низким, срывающимся голосом. — Ведь это кусочки той катушки? Но почему? Почему они здесь?

— Ребенком я не был таким большим, как сейчас, — сказал Брут. — Я сильно вырос где-то между пятнадцатью и семнадцатью. А до этого был малявкой. И когда впервые пошел в школу, мне казалось, что я такой маленький, как… маленький, можно сказать, как мышка. Я был напуган до смерти. И знаешь, что я делал?

Я покачал головой. На улице ветер завыл снова. Паутина в углах между балками качалась, как рваные кружева. Никогда я не находился в более населенном призраками месте. Именно здесь, когда мы стояли и смотрели на щепочки катушки, доставившей нам столько хлопот, я вдруг начал осознавать то, что почувствовал в сердце после того, как Джон Коффи прошел по Зеленой Миле: я уже не могу здесь работать. Плевать, депрессия или что там еще, я больше не могу смотреть, как

люди идут через мой кабинет навстречу смерти. Даже если появится еще всего один — это будет уже слишком.

— Я попросил у мамы ее платочек, — продолжил Брут. — И, когда мне хотелось плакать, я его доставал, чувствовал запах ее духов и мне становилось легче.

— Ты считаешь, что эта мышь сжевала кусочки катушки, чтобы вспомнить Делакруа? Эта мышь?

Он поднял глаза. Мне вдруг показалось, что в них стоят слезы, но, наверное, я ошибся.

— Не знаю, Пол. Но я нашел их здесь и почувствовал запах мяты, так же, как и ты, — ведь ты тоже почувствовал. И я больше не могу. Я не хочу здесь работать. Мне кажется, что если я увижу еще хоть одного человека на этом стуле, то умру. В понедельник я хочу попросить, чтобы меня перевели в колонию для малолетних. Если удастся перейти до появления следующего узника, отлично. Если нет, я уволюсь и вернусь снова на ферму.

— А что ты выращивал в жизни, кроме камней?

— Неважно.

— Я понимаю, — сказал я. — Думаю, что уйду

вместе с тобой.

Он пристально посмотрел на меня, как бы убеждаясь, что я не шучу, потом кивнул, словно все решилось. Ветер снова завыл и задул, на этот раз так сильно, что заскрипели балки, и мы с тревогой посмотрели вокруг на обитые тканью стены. Мне вдруг показалось, что я слышу Вильяма Уортона — не Крошку Билли, нет, для нас он с первого дня был Буйный Билл, когда кричал и хохотал, и говорил нам, что мы будем безумно рады от него избавиться и никогда его не забудем. В этом он оказался прав.

То, о чем мы с Брутом договорились в ту ночь в смирительной комнате, так и случилось. Словно мы дали торжественную клятву над крошечными щепочками крашеного дерева. Никто из нас больше не участвовал в казнях. Джон Коффи был последним.

Часть 2
Мышь на Миле

1

Дом престарелых, где я ставлю последние точки над i, называется «Джорджия Пайнз». Он находится примерно в ста километрах от Атланты и на расстоянии двухсот световых лет от жизни большинства людей — людей, которым меньше восьмидесяти и которые просто живут. Вам, читающим эти строки, нужно подумать, не ожидает ли и вас подобное место в будущем. Само по себе место не страшное, есть кабельное телевидение, кормят вкусно (хотя человек может так мало прожевать), но в каком-то смысле это такая же морилка для бабочек, как и блок «Г» в Холодной Горе.

Здесь даже есть парень, немного напоминающий мне Перси Уэтмора, получившего работу на Зеленой Миле только потому, что губернатор штата был его родственником. У здешнего парня, по-моему, важных родственников нет, хотя он ведет себя так же, как Перси. Его зовут Долан. Он все время причесывает волосы, как Перси, и в заднем кармане всегда таскает какое-нибудь чтиво. У Перси были журналы типа «Аргоси» и «Мужские приключения», а у Брэда — небольшие

тоненькие книжечки под названием «Анекдоты». Он все время задает вопросы вроде таких, как: «Почему француз перешел дорогу?», «Сколько поляков нужно, чтобы вкрутить лампочку?» или «Сколько человек несут гроб на похоронах в Гарлеме?». Как и Перси, Брэд отличается тупостью, и в его понимании смешно только то, что отдает злорадством.

То, что Брэд сказал позавчера, показалось мне остроумным, но я не слишком этим восхищался, ведь, как гласит пословица, даже остановившиеся часы два раза в день показывают точное время. Он сказал мне:

«Поли, тебе повезло, что у тебя нет болезни Альцгеймера». Мне не нравилось, что Брэд называет меня «Поли», но он все равно продолжал называть меня так, и мне надоело просить не делать этого. Есть пара пословиц, которые вполне применимы к Брэду Долану:

«Можно завести лошадь в воду, но нельзя заставить ее пить» — это одна, а вторая: «Можно нарядить, но нельзя с ним выйти». Своей бестолковостью он тоже был сродни Перси.

Когда Брэд сказал насчет Альцгеймера, он мыл шваброй пол солярия, где я просматривал уже написанные страницы. Их набралось много, и

я думаю, будет еще больше, пока я доберусь до конца.

— Ты знаешь, что такое болезнь Альцгеймера?

— Нет, — сказал я. — Но ведь ты мне расскажешь, Брэд?

— Это СПИД у пожилых людей, — объяснил он и разразился смехом: ха-ха-ха-ха, совсем как над своими идиотскими анекдотами.

Я не смеялся — то, что он сказал, меня слегка задело. У меня не было болезни Альцгеймера, хотя здесь, в прекрасном местечке Джорджия Пайнз, много страдающих ею. Сам же я страдал обычным старческим склерозом. А это — проблема вспомнить скорее «когда», чем «что». Просматривая уже написанное, я подумал, что помню все, что произошло в далеком тридцать втором, а вот хронология событий несколько перепуталась в моей голове. Но все равно, если следить, то, надеюсь, смогу и это восстановить. Более или менее.

Джон Коффи появился в блоке «Г» и на Зеленой Миле в октябре того года, осужденный за убийство девятилетних девочек-близняшек Деттерик. Это — моя главная веха, и если отталкиваться от нее, все будет нормально. Вильям Уортон — Буйный Билл — пришел после Коффи, Делакруа — раньше. А еще раньше — мышь, которую

Брутус Ховелл, для друзей «И ты, Брут», назвал Вилли-Пароход, а Делакруа перекрестил в Мистера Джинглза.

Как ни называй ее, но мышь появилась первой, даже раньше Дэла, ведь еще стояло лето, когда он поступил, и у нас тогда было два заключенных на Зеленой Миле: Вождь — Арлен Биттербак и Президент — Артур Фландерс.

Эта мышь. Эта проклятая мышь. Делакруа ее любил, а вот Перси совсем наоборот.

Перси ненавидел ее с самого начала.

2

Мышь появилась снова дня через три после того, как Перси прогнал ее в первый раз. Дин Стэнтон и Билл Додж говорили о политике, а в те годы это значило, что они обсуждали Рузвельта и Гувера — Герберта, а вовсе не Дж. Эдгара. Они ели печенье из коробки, купленной Дином у старого Тут-Тута час назад. Перси стоял в дверях кабинета, слушал и отрабатывал короткие выпады своей любимой дубинкой. Он вытаскивал ее из дурацкого самодельного чехла, жонглировал ею (вернее, пытался, чаще всего он ронял ее, но она не падала, потому что висела на петле у него на кисти), потом снова совал в чехол. В ту ночь я не дежурил, но получил полный отчет на следующий вечер от Дина.

Мышь прошла по Зеленой Миле, как и раньше, семеня, останавливаясь и словно проверяя пустые камеры. Потом направилась вперед, ничуть не смущаясь, словно знала, что впереди долгий путь, и была готова его пройти.

На этот раз не спал Президент, он стоял у двери камеры. Этот парень был что надо, умудрялся выглядеть опрятно даже в тюремной робе. По

его виду мы знали, что Олд Спарки не для него, и оказались правы — не прошло и недели после того, как Перси прогнал мышь во второй раз, как Президенту заменили смертный приговор пожизненным заключением, и он присоединился ко всем остальным.

— Эй, — позвал он. — Да здесь мышь! Ребята, что у вас здесь за заведение?

Он смеялся, но Дин сказал, что Президент был слегка возмущен, как будто смертного приговора недостаточно, чтобы вывести его из себя. Он был главой регионального общества под названием Ассоциация торговцев недвижимостью Среднего Юга, и ему хватило ума вытолкнуть своего престарелого отца-маразматика из окна третьего этажа, а потом получить двойную страховку. Вот здесь он был неправ, хотя и не очень.

— Заткнись, верзила, — сказал Перси, но как-то машинально. Его взгляд был прикован к мыши. Он уже засунул дубинку в чехол и доставал один из журналов, но теперь бросил его на стол дежурного и, выхватив дубинку, стал постукивать ею по костяшкам пальцев левой руки:

— Сукин сын, — проговорил Билл Додж. — Я никогда не видел здесь мышей.

— Она такая симпатичная, — сказал Дин, — и

совсем не боится.

— Откуда ты знаешь?

— Она приходила раньше. Перси тоже ее видел. А Брут назвал Вилли-Пароходом.

Перси фыркнул, но промолчал. Он все быстрее постукивал дубинкой по руке.

— Посмотри, — сказал Дин. — Она уже подходила почти к самому столу. Давай посмотрим, а вдруг опять появится.

Она подошла, далеко обойдя Президента, как будто ей не нравился запах отцеубийцы. Она проверила две пустые камеры, даже залезла под койку понюхать, потом вернулась на Зеленую Милю. А Перси все стоял, барабаня и барабаня, ничего не говоря, желая проучить эту мышь, заставить пожалеть, что вернулась.

— Хорошо, ребята, что этого мышонка вам не надо сажать на Олд Спарки, — заметил Билл с неожиданным интересом. — Вам пришлось бы повозиться, пристегивая лапки и надевая шлем.

Перси опять промолчал, но очень медленно зажал дубинку между пальцами, словно сигару.

Мышь остановилась там же, где раньше, менее чем в метре от стола дежурных, глядя на Дина, как узник за решеткой. Она взглянула на Билла, потом снова переключила внимание на Дина.

Перси она словно и вовсе не заметила.

— Какая смелая маленькая чертовка, я должен ей это дать, — воскликнул Билл. Он слегка повысил голос. — Эй, эй! Вилли-Пароход!

Мышь чуть шевельнулась и навострила уши, но не убежала и даже не проявила к этому ни малейшего желания.

— Теперь смотри, — сказал Дин, вспоминая как Брут скормил ей кусочек бутерброда с солониной. — Я не знаю, повторит она это или нет…

Он отломил кусочек крекера и уронил его прямо перед мышью. Она только посмотрела своими остренькими черными глазками на оранжевый кусочек, ее усики зашевелились, когда она принюхивалась. Потом взяла крекер лапками, села и начала есть.

— Провалиться мне на этом месте! — воскликнул Билл. — Ест так аккуратно, как приходский священник в субботний вечер.

— А мне больше напоминает негра, который ест арбуз, — сказал Перси, но никто из охранников не обратил на него внимания. Вождь и Президент тоже пропустили его замечание мимо ушей. Мышь покончила с крекером, но продолжала сидеть, словно балансируя на пружинке своего хвоста и глядя снизу вверх на великанов в синем.

— Дай я попробую. — Билл отломил еще кусочек крекера, наклонился через стол и аккуратно бросил его. Мышь принюхалась, но не прикоснулась к нему.

— Да, — сказал Билл. — Похоже, наелась.

— Не-а, — отозвался Дин. — Она знает, что ты временный, вот и все.

— Временный, я?! Скажите, пожалуйста! Я здесь почти столько же, сколько Харри Тервиллиджер. Может, даже больше!

— Не кипятись, дружище, не кипятись. — Дин улыбнулся. — Просто посмотри и узнаешь, прав я или нет. — Он бросил еще один кусочек крекера в сторону. Мышь уверенно подняла именно этот кусочек и снова принялась за еду, не обращая никакого внимания на угощение Билла. Но не успела она отгрызть и кусочка, как Перси швырнул в нее дубинку, метнув ее, как гарпун.

Мышь была небольшой мишенью, и, надо отдать должное этому черту, — удар вышел очень меткий, он наверняка снес бы Вилли голову, если бы мышонок не среагировал так молниеносно. Он пригнулся — точь-в-точь как человек — и уронил кусочек крекера. Тяжелая деревянная дубинка пролетела так близко, что взъерошила шерсть на загривке (так утверждает Дин, и я пе-

редаю его слова, хотя и не очень-то верю), потом ударилась о зеленый линолеум и отскочила к решетке пустой камеры. Мышонок не стал дожидаться, пока промах будет исправлен; словно вспомнив о своих важных делах, он повернулся и умчался по коридору к смирительной комнате.

Перси заорал от недовольства — он ведь подошел так близко — и снова погнался за мышонком. Билл Додж схватил его за руку, словно повинуясь инстинкту, но Перси вырвался. И все равно, по словам Дина, именно это спасло жизнь Вилли-Пароходу, ведь тот был так близко. Перси хотел не просто убить мышь, он хотел раздавить ее, поэтому бежал широкими нелепыми прыжками, как олень, тяжело шлепая подошвами черных рабочих ботинок. Мышь едва увернулась от двух последних прыжков Перси, сделав зигзаг по коридору. Потом залезла под дверь, махнула на прощание длинным розовым хвостиком и — прощай, незнакомец, — убежала.

— Твою мать! — выругался Перси и ударил по двери ладонью. Потом стал перебирать ключи, чтобы войти в смирительную комнату и продолжить погоню.

Дин прошел по коридору вслед за ним, стараясь идти медленно, чтобы взять себя в руки

и успокоиться. С одной стороны, как он потом рассказывал, ему хотелось посмеяться над Перси, а с другой — схватить его, повернуть к себе лицом, прижать к двери смирительной комнаты и избить до полусмерти. Но прежде всего он просто испугался, ведь наша работа в блоке «Г» заключалась в том, чтобы свести шум к минимуму, а шум и Перси были неразлучны. Работа вместе с ним напоминала работу сапера, пытающегося обезвредить бомбу, в то время как кто-то стоит у него за спиной и все время бьет в тарелки. Словом, ужасно. Дин сказал, что этот ужас он увидел в глазах Арлена Биттербока… и даже в глазах Президента, хотя этот господин обычно оставался спокоен, как катафалк.

Но дело не только в этом. Просто Дин уже начал привыкать к мыши. Не то чтобы считал ее другом, нет, но она стала частью жизни в блоке. Поэтому Перси был неправ и в том, что сделал, и в том, что пытался сделать. И то, что Перси никогда не смог бы понять, почему он неправ, прекрасно свидетельствовало о его полной непригодности выполнять эту работу.

Когда Дин дошел до конца коридора, он уже успокоился и сообразил, как лучше уладить дело. Единственное, чего Перси не мог выносить, так

это когда попадал в глупое положение, и мы все это знали.

— Что, следопыт, опять сбился со следа? — сказал он, слегка улыбаясь, подшучивая над Перси.

Перси смерил его презрительным взглядом и отбросил волосы со лба.

— Выбирай выражения, очкарик. Не видишь, я злой. Как бы не стало хуже.

— Значит, опять перестановка, да? — Дин оставался серьезным… но глаза его смеялись. — Ладно, когда все вытащишь, помой, пожалуйста, пол.

Перси посмотрел на дверь. Взглянул на ключи. Подумал о еще одних долгих, утомительных и безрезультатных поисках в комнате с мягкими стенами, о том, как все будут стоять рядом и смотреть… и Вождь, и Президент… все.

— Я лично ничего смешного не вижу, — буркнул он. — Нам только мышей в блоке не хватало, и так полно всякой нечисти.

— Как скажешь, Перси, — Дин поднял руки. Именно в этот момент, как он уверял меня на следующий день, Дин подумал, что Перси может на него броситься.

Подошедший Билл Додж разрядил ситуацию.

— По-моему, это ты уронил. — Он протянул

Перси его дубинку. — На сантиметр ниже, и ты сломал бы бедной твари хребет.

В ответ на это Перси гордо выпятил грудь.

— Да, неплохой бросок, — сказал он, бережно укладывая свой снаряд в дурацкий чехол. — Я был подающим в школьной бейсбольной команде. Бросал неотбиваемые мячи.

— Правда? — полюбопытствовал Билл, и его уважительного тона (хотя он подмигнул Дину, когда Перси отвернулся) было достаточно, чтобы окончательно сгладить конфликт.

— Да, — заявил Перси. — В Кноксвилле я отлично бросал. Эти городские не знали, кто бросает. Сделали две пробежки. Могла бы получиться отличная игра, если бы принимающий не стоял столбом.

Дин мог все так и оставить, но он был старше Перси по должности, и в его обязанности входило инструктировать молодых, а в то время — еще до Коффи, до Делакруа — он считал, что Перси можно чему-то научить. Поэтому он взял молодого человека за руку.

— Тебе надо думать о том, что делаешь, — сказал Дин. Позже он объяснил, что хотел говорить серьезно, но не осуждающе. Во всяком случае, не слишком осуждающе.

Но для Перси это не годилось. Он ничему не научился… хотя со временем ему придется.

— Слушай, очкарик, я знаю, что делаю, — пытаюсь поймать мышь. Ты что слепой, не видишь?

— Ты перепугал до смерти Билла, меня и их. — Дин указал в сторону Биттербака и Фландерса.

— Ну и что? — сказал Перси, выпрямляясь. — Здесь ведь не детский сад, если вы помните. Хотя вы с ними все время нянчитесь.

— Но лично мне не нравится, когда меня пугают, — проворчал Билл, — а я тоже здесь работаю, Уэтмор, не забывай. И я не принадлежу к твоим тюфякам.

Перси посмотрел на него недоверчиво, прищурив глаза.

— И мы не пугаем заключенных без необходимости, ведь они и так переживают стресс, — сказал Дин. Он все еще старался говорить спокойно. — А люди в стрессовом состоянии могут сломаться, сделать себе больно. Сделать больно другим. Иногда у нас тоже бывают неприятности.

Перси скривил губы. Понятие «неприятности» имело над ним особую власть. Устраивать кому-то неприятности — это нормально. Но вот попадать в них — увольте.

— Наша работа разговаривать, а не кричать, —

наставлял Дин. — Если человек кричит на заключенных, значит он потерял самообладание.

Перси знал, кто автор этой лекции, — я. Начальник. Перси Уэтмор и Пол Эджкум всегда недолюбливали друг друга, а дело было летом, вы помните, задолго до начала всех событий.

— Лучше, если ты станешь относиться к этому месту, как к реанимационной палате, — продолжал Дин, — самое лучшее здесь — тишина…

— Я считаю, что это параша с мочой, где надо топить крыс, — заявил Перси, — вот и все. А теперь, пусти.

Он вырвал руку, прошел между Дином и Биллом и зашагал по коридору, опустив голову. Он прошел слишком близко к решетке Президента — так близко, что этот Фландерс мог дотянуться и схватить его, а может, отколотить своей знаменитой деревянной дубинкой, если бы Фландерс был человеком такого плана. Но он, конечно, был не из тех, а вот Вождь, наверное, таков. Вождь не упустил бы случая отколошматить Перси, хотя бы для того, чтобы проучить. Об этом сказал мне Дин, когда на следующий день рассказывал всю эту историю, и я помню его слова до сих пор, потому что они оказались пророческими.

— Уэтмор не понимает, что у него нет над ними

никакой власти, — сказал Дин. — Что бы он ни делал, хуже уже им не будет, казнить их можно только раз. Пока он сам этого не поймет, он опасен и для окружающих, и для самого себя.

Перси вошел в мой кабинет и захлопнул за собой дверь.

— Все я да я, — проговорил Билл Додж, — как надутое вонючее яйцо.

— Ты не знаешь и половины, — заметил Дин.

— Ну, давай посмотрим с лучшей стороны. — Билл всегда предлагал посмотреть с лучшей стороны и так надоел, что хотелось щелкнуть его по носу, когда он произносил эти слова. — Твоя умная мышь все равно ведь удрала.

— Да, но больше мы ее не увидим, — сказал Дин. — Представляю, как перепугал ее этот проклятый Перси Уэтмор.

3

Это было логично, но неверно. Мышь вернулась на следующий вечер, как раз в первую из двух ночей, когда Перси не дежурил, а потом его перевели в ночную смену.

Вилли-Пароход появился около семи вечера. Я дежурил и видел, как он пришел, со мной были Дин и Харри Тервиллиджер. Харри сидел за столом. Вообще-то мое дежурство было днем, но я оставался, чтобы провести время с Вождем, чей час уже приближался. Биттербак внешне держался стойко, как полагается людям его племени, но я видел: в нем поднимается страх перед грядущим концом, как отравленный цветок. Поэтому мы разговаривали. С ними можно поговорить и днем, но днем плохо: крики, разговоры (не говоря уже о периодических драках), доносящиеся с прогулочного дворика, размеренный лязг печатных станков в типографии, редкие крики охранников с приказом поднять или убрать что-либо, а то и просто: «Пойди сюда, дерьмовый Харви». После четырех становится получше, а после шести все затихает. С шести до восьми — самое лучшее время. В это время в их головах снова появляются

глубокие мысли, словно вечерние тени (это видно по глазам), и тогда лучше замолчать. Они еще слушают, что им говорят, но смысл ваших речей уже не доходит. После восьми они готовятся и представляют, как будет сидеть на голове шлем и чем пахнет воздух внутри черного мешка, который им натянут на потные лица.

Но я застал Вождя в удачное время. Он рассказал мне о своей первой жене, о том, как они вместе построили вигвам в Монтане. Это были самые счастливые дни в его жизни, заметил он. Вода была такой чистой и холодной, что при каждом глотке ломило зубы.

— Послушайте, мистер Эджкум, — сказал Вождь. — Как вы думаете, если человек искренне раскаялся в содеянном, сможет ли он оказаться в том времени, которое было для него самым счастливым, и жить там вечно? Может, это и есть рай?

— Именно в это я и верю, — ответил я, и это была ложь, о которой совсем не жалею. Я узнавал о добре и зле от своей прекрасной матушки и верил в то, что Святое Писание говорит об убийцах: для них нет царства небесного. Я думаю, они попадают прямо в ад, где горят в муках до тех пор, пока Бог наконец не велит Архангелу

Гавриилу протрубить конец. Потом они исчезнут и, наверное, будут этому рады. Но я никогда даже намеком не обмолвился об этом Биттербаку, да и никому из них. Думаю, в душе они все знали. Где твой брат, сказал Господь Каину, его кровь вопиет мне из земли, и я сомневаюсь, чтобы эти слова удивили именно это заблудшее дитя. Готов спорить, что он слышит, как кровь Авеля взывает к нему из земли на каждом шагу.

Вождь улыбался, когда я уходил, наверняка вспоминая свой вигвам в Монтане и жену, лежащую с обнаженной грудью у огня. Я не сомневался, что и он скоро будет в огне.

Я пошел вверх по коридору, и Дин рассказал мне о своей вчерашней стычке с Перси. Думаю, он специально поджидал меня, чтобы рассказать, и я слушал его внимательно. Я всегда внимательно слушал, если дело касалось Перси, потому что был согласен с Дином, что Перси из тех людей, которые приносят неприятности и окружающим, и самим себе.

Когда Дин заканчивал рассказ, появился старый Тут-Тут со своей красной тележкой с закусками, на которой от руки были написаны библейские изречения («Господь будет судить народ свой», «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша», а

также другие подобные ободряющие сентенции), и продал нам бутерброды и ситро.

Дин искал мелочь в кармане, говоря, что больше не увидит Вилли-Парохода, что этот проклятый Перси Уэтмор напугал его до смерти, когда вдруг Тут-Тут спросил: «Что это там, ребята?».

Мы посмотрели и увидели мышонка собственной персоной, семенящего по центру Зеленой Мили. Он прошел немного, остановился, огляделся вокруг черными бусинками глаз и отправился дальше.

— Эй, мышь! — сказал Вождь, и мышонок, задержавшись, посмотрел на него, шевеля усиками.

Честное слово, похоже, это ничтожное создание понимало, что его зовут.

— Ты что, духовный хранитель? — Биттербак бросил мышонку кусочек сыра, оставшийся от ужина. Он упал прямо перед мордочкой Вилли-Парохода, но тот, даже не взглянув на него, продолжал свой путь по Зеленой Миле, заглядывая в пустые камеры.

— Босс Эджкум! — позвал Президент. — Ты думаешь, этот шельмец знает, что Уэтмора нет? По-моему, знает, клянусь Богом!

Я тоже так думал… но мне не хотелось говорить

об этом вслух.

В коридор вышел Харри, как обычно подтягивая брюки после нескольких минут отдыха в сортире, и остановился, открыв рот. Тут-Тут тоже уставился на мышь, улыбка некрасиво скривила нижнюю часть его дряблого лица с беззубым ртом.

Мышь остановилась на своем обычном уже месте, обвив хвостиком лапки, и уставилась на нас. И опять я вспомнил картинки, где судьи выносили приговор беззащитным заключенным… впрочем, видел ли кто хоть когда-нибудь заключенного столь маленького и столь бесстрашного, как этот? Конечно, он был не совсем заключенным, он мог приходить и уходить когда вздумается. Но эта мысль не покидала меня, и снова я представил, что мы все будем такими маленькими перед Божьим Судом, когда жизнь окончится, но мало кто из нас сможет смотреть так смело.

— Клянусь вам, — сказал старик Тут-Тут, — он видит, словно Замороженный Билли (Billy-Be-Frigged).

— Ты еще ничего не видел, Тут, — ухмыльнулся Харри. — Смотри.

Он залез в карман и вытащил кусочек сушеного

коричневого яблока, завернутого в вощеную бумагу. Отломив кусочек, бросил на пол. Я подумал, что сухой и твердый кусочек отскочит, отлетит в сторону, но мышонок вытянул лапку и небрежно, как человек, гоняющий мух, чтобы убить время, сбил кусочек на пол. Мы все громко засмеялись в восхищении, такой взрыв мог бы спугнуть мышонка, но он даже не шевельнулся. Взяв кусочек сушеного яблока лапками, он лизнул его пару раз, потом уронил и снова посмотрел на нас, словно говоря: «Что ж, неплохо, а что еще есть?».

Тут-Тут открыл свою тележку, достал бутерброд, развернул и оторвал кусочек мяса.

— Не беспокойся, — остановил его Дин.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Тут-Тут. — Неужели живая мышь пропустит мясо, если его можно взять? Ты с ума сошел!

Но я знал, что Дин прав, и видел по лицу Харри, что он тоже знает. Дежурили временные и постоянные надзиратели. Похоже, мышь понимала разницу. Невероятно, но факт.

Старый Тут-Тут бросил кусочек мяса вниз, и, конечно же, мышонок не притронулся к нему, только понюхал и отодвинулся.

— Чтоб я пропал, — обиженно произнес старый Тут-Тут.

Я протянул руку:

— Дай мне.

— Что? Тот же бутерброд?

— Тот же самый. Я заплачу.

Тут-Тут протянул мне его. Я поднял верхний кусок хлеба, оторвал еще кусочек мяса и бросил его через стол. Мышонок тут же подошел, поднял мясо лапками и стал есть. Мясо исчезло в одно мгновение.

— Чтоб я сдох! — закричал Тут-Тут. — Дьявол! Дай-ка я!

Он выхватил назад бутерброд, оторвал гораздо больший кусок мяса — не кусочек, а шматок — и уронил его так близко от мышонка, что Вилли-Пароход чуть не надел его вместо шляпы. Он снова отошел, принюхался (уверен, что ни одной мыши не удавалось заполучить такой лакомый кусочек во время Депрессии — во всяком случае, в нашем штате), а потом посмотрел вверх на нас.

— Ну, давай, ешь! — сказал Тут-Тут еще более обиженно. — Что с тобой?

Дин взял бутерброд и бросил кусочек мяса — теперь это уже стало походить на странную служебную процедуру. Мышонок взял его сразу и заглотнул. Потом повернулся и ушел по коридору в сторону смирительной комнаты, задерживаясь

по дороге, чтобы заглянуть в пару пустых камер и проверить, что там в третьей. Опять мне в голову пришло, что он ищет кого-то, и на сей раз я прогнал эту мысль не так скоро.

— Я не буду об этом рассказывать, — произнес Харри. И было не понятно, шутит он или нет.

— Во-первых, это никому не интересно, а во-вторых, никто и не поверит.

— Он ест только из ваших рук, — изумился Тут-Тут. Он недоверчиво покачал головой, потом с трудом наклонился, поднял то, что отвергла мышь, сунул в свой беззубый рот и начался длительный процесс перетирания. — А почему?

— У меня есть лучше вопрос, — сказал Харри. — Откуда он узнал, что Перси нет?

— Это простое совпадение, — ответил я. — Случайность, что мышонок появился сегодня.

Хотя со временем становилось все труднее верить, что это случайность, потому что мышонок приходил только, когда Перси не было в блоке: тот находился в другой смене или в другом конце тюрьмы. Мы — Харри, Дин, Брут и я — решили, что он узнает Перси по голосу или по запаху. Мы, не сговариваясь, старательно избегали разговоров о самом мышонке, потому что разговоры могли испортить что-то особое… и прекрасное

со всей его странностью и хрупкостью. В конце концов, Вилли сам нас выбрал, а каким образом, я и сейчас после всех событий не знаю. Наверное, Харри был ближе к правде, когда сказал, что не стоит о нем рассказывать другим, не потому что они не поверят, а потому, что им все равно.

4

Пришло время казни Арлена Биттербака, который на самом деле был не вождь, а первый старейшина своего племени в резервации Ваишта, а также член совета ирокезов. Он убил человека по пьянке, причем пьяными были оба. Вождь размозжил голову собутыльника цементным блоком. Поводом для ссоры послужила пара башмаков. Так что семнадцатого июля в то дождливое лето мой совет старейшин постановил что его жизни — конец.

Часы приема посетителей в Холодной Горе были жесткие, как прутья решетки, но для обитателей блока «Г» делали исключение. Шестнадцатого Биттербак был препровожден в длинную комнату рядом со столовой — «Аркаду». Она была разгорожена посередине сеткой, перевитой колючей проволокой. Сюда к Вождю придут его вторая жена и те из его детей, кто хотел еще поговорить с ним. Пришло время прощаться.

Туда его привели Билл Додж и двое временных. У всех остальных была работа — за час надо было провести хотя бы две репетиции. Или три, если удастся.

Перси не сильно протестовал, когда его на время казни Биттербака поставили в аппаратную вместе с Джеком Ван Хэем, он еще не понимал, хорошее или плохое место ему досталось. Но он знал, что у него будет квадратное сетчатое окошко, через которое видна, правда, лишь спинка стула, но все равно это достаточно близко, и можно увидеть летящие искры.

Прямо рядом с этим окошком на стене висел черный телефон без рычажка и диска. Телефон мог только звонить, и звонить лишь из одного места — кабинета губернатора. Я столько видел фильмов про тюрьмы, в которых телефон губернатора оживал как раз в тот момент, когда все было готово к включению рубильника для казни невиновного, но наш телефон не звонил ни разу за все годы моей работы в блоке «Г» — ни разу. Это в кино спасение стоит дешево. Как и невиновность. Платишь 25 центов и соответственно получаешь. Реальная жизнь стоит дороже, и большинство ответов другие.

В туннеле у нас стоял портновский манекен, чтобы везти его в рефрижераторе. Для всего остального у нас был старик Тут-Тут. С годами Тут-Тут стал традиционной заменой осужденного, такой же ритуальной, как гусь на столе в

Рождество, и неважно, любите вы гусятину или нет. Большинство охранников его любили, им казался забавным его акцент — тоже французский, но канадский, а не луизианский, причем смягченный за долгие годы жизни на Юге. Даже Брут радовался выходкам старика Тута. А я нет. Мне казалось, что он своего рода старый и потертый вариант Перси Уэтмора, человека слишком брезгливого, чтобы самому жарить мясо, но в то же время обожающего запах жареного.

На репетицию собрались все те, кто будет участвовать в казни. Брутус Ховелл был «выпускающий», как мы его называли, это означало, что он надевает шлем, следит за телефонной линией губернатора, приводит доктора с его места у стены, если понадобится, и в нужный момент отдает приказ «включай на вторую». Если все проходит хорошо, благодарностей не объявляют никому. А вот если не совсем хорошо, Брута будут ругать свидетели, а меня — начальник тюрьмы. Никто из нас на это не жаловался — без толку. Просто земля вращается, и все. Можно вертеться вместе с ней, а можно остановиться в знак протеста, и тогда тебя сметет.

Дин, Харри Тервиллиджер и я пришли в камеру Вождя на первую репетицию минуты через три

после того, как Билл с ребятами вывели Биттербака из камеры и препроводили в «Аркаду». Дверь камеры была открыта, на койке Вождя сидел старик Тут-Тут, его светлые волосы растрепались.

— Здесь пятна спермы по всей простыне, — заметил Тут-Тут. — Он, должно быть, старался освободиться от нее, чтобы вы ее не сварили.

И он захихикал.

— Заткнись, Тут, — сказал Дин. — Давай играть серьезно.

— Ладно. — Тут-Тут немедленно напустил на себя выражение предгрозовой мрачности. Но глаза его подмигивали. Старый Тут всегда оживлялся, когда играл мертвецов.

Я вышел вперед.

— Арлен Биттербак, как представитель суда штата такого-то, я имею предписание на то-то и то-то, казнь должна состояться в 12.01, тогда-то и тогда-то, выйдите вперед, пожалуйста.

Тут поднялся с койки.

— Я выхожу вперед, я выхожу вперед, я выхожу вперед, — забубнил он.

— Повернись, — приказал Дин и, когда Тут-Тут повернулся, осмотрел его плешивую макушку. Макушку Вождя обреют завтра вечером, и тогда Дин проверит, не нужно ли чего подправить.

Щетина может уменьшить проводимость и будет тяжелее. А все, что мы делали сегодня, призвано облегчить процедуру.

— Все нормально, пошли, Арлен, — сказал я Тут-Туту, и мы вышли.

— Я иду по коридору, я иду по коридору, я иду по коридору, я иду по коридору, — заговорил Тут. Я шел слева от него, Дин — справа, Харри сразу за ним. В начале коридора мы повернули направо, прочь от жизни в прогулочном дворике, навстречу смерти — в помещении склада. Мы вошли в мой кабинет, и Тут упал на колени, хотя его не просили об этом. Он знал сценарий, хорошо знал, наверное, лучше, чем любой из нас. Ведь он находился здесь. Бог знает, насколько дольше нас.

— Я молюсь, я молюсь, я молюсь, — Тут-Тут сложил свои корявые руки. Они были похожи на знаменитую гравюру, вы, наверное, знаете, о чем я говорю: «Бог — мой пастырь» и т. д. и т. п.

— А кто будет читать молитву с Биттербаком? — спросил Харри. — Нам ведь не надо, чтобы какой-нибудь ирокезский знахарь тряс тут своим членом?

— В самом деле…

— Все еще молюсь, все молюсь, молюсь Господу Иисусу, — перебил меня Тут.

— Заткнись, старый чудак, — бросил Дин.

— Я молюсь!

— Молись про себя.

— Вы чего задерживаетесь? — крикнул из склада Брут. Его тоже освободили для наших целей. Мы снова были в зоне убийства, и казалось, что здесь даже пахнет смертью.

— Подожди, не кипятись! — прокричал Харри в ответ.

— Не будь так нетерпелив.

— Молюсь, — проговорил Тут, улыбаясь своей неприятной беззубой улыбочкой. — Молюсь за терпение, за чуточку терпения, чтоб его…

— На самом деле, Биттербак утверждает, что он христианин, — сказал я им, — и он очень рад, что к нему придет баптист, который был у Тиллмана Кларка. Его фамилия Шустер. Мне он тоже нравится. Он быстрый, и помогает им успокоиться. Вставай, Тут. На сегодня хватит молитв.

— Иду. Опять иду, опять иду, да, сэр, иду по Зеленой Миле.

Тут был маленький, и все равно пригнулся, чтобы пройти в дверь в дальней стене кабинета. Всем остальным пришлось нагибаться еще сильнее. Для настоящего узника это был больной момент, и, посмотрев на платформу, где стоял

Олд Спарки, а рядом Брут с винтовкой, я удовлетворенно кивнул. Все нормально.

Тут-Тут спустился по ступенькам и остановился. Складные стулья, около сорока, уже стояли по местам. Биттербак пройдет к платформе на безопасном для сидящих зрителей расстоянии, плюс еще шесть охранников обеспечат безопасность. За это отвечает Билл Додж. У нас никогда не было случаев нападения приговоренного на свидетелей, несмотря на такой достаточно примитивный антураж, и я думал, что так и должно быть.

— Парни, готовы? — спросил Тут, когда мы вернулись своим первоначальным составом к ступенькам из моего кабинета. Я кивнул, и мы прошли на платформу. Я часто думал, что мы похожи на знаменосцев, забывших где-то свой флаг.

— А что мне делать? — спросил Перси из-за сетчатого окошка между складом и аппаратной.

— Смотри и учись, — крикнул я в ответ.

— И держи руки подальше от своей сосиски, — пробормотал Харри. Но Тут-Тут услышал его и захихикал.

Мы провели его на платформу. Тут повернулся кругом — старый ветеран в действии.

— Я сажусь, — объявил он, — сажусь, сажусь на

колени к Олд Спарки.

Я присел на правое колено у его правой ноги. Дин присел на левое колено у левой ноги Тута. В этот момент мы были наиболее уязвимы для физического нападения, если вдруг приговоренный начнет буянить, что они довольно часто проделывали. Мы оба повернули согнутое колено слегка внутрь, чтобы защитить область паха. Опустили подбородки, чтобы защитить горло. И, конечно же, мы старались действовать быстро, чтобы закрепить лодыжки и нейтрализовать опасность как можно быстрее. На ногах Вождя будут шлепанцы, когда он совершит последнюю прогулку, но «все может статься» служит слабым утешением человеку с разорванной гортанью. Или валяющемуся на полу с яичками, раздувшимися до размера пивной кружки, на глазах у сидящих на складных стульчиках сорока с чем-то зрителей, среди которых есть и журналисты.

Мы пристегнули лодыжки Тут-Тута. Застежка на стороне Дина немного крупнее, потому что в ней раствор. Когда Биттербак завтра сядет на стул, его левая икра будет выбрита. У индейцев, как правило, немного волос на теле, но мы не можем довериться случаю.

Пока мы закрепляли лодыжки Тут-Тута, Брут

пристегнул его правую кисть. Харри плавно вышел вперед и пристегнул левую. Когда и с этим было покончено, Харри кивнул Бруту, и тот скомандовал Ван Хэю: «Включай первую».

Я услышал, как Перси спросил Джека Ван Хэя, что это означает (просто не верилось, что он знает так мало, что он ничему не научился, пока был в блоке «Г»), и Ван Хэй тихо объяснил. Сегодня «включай первую» не значило ничего, но когда он услышит это завтра, Ван Хэй повернет рукоятку тюремного генератора блока «Г». Свидетели услышат низкий ровный гул, и во всей тюрьме свет станет ярче. В других блоках заключенные при виде слишком яркого света решат, что все уже кончилось, хотя на самом деле все только начиналось.

Брут обошел стул, так что Тут мог его видеть.

— Арлен Биттербак, вы приговариваетесь к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен судом присяжных и утвержден судьей штата. Боже, храни жителей этого штата. У вас есть что сказать перед тем, как приговор будет приведен в исполнение?

— Да, — произнес Тут со сверкающими глазами и беззубой счастливой улыбкой на губах. — Я хочу обед с жареным цыпленком, с картошкой

и соусом, я хочу накакать вам в шляпу, и я хочу, чтобы Мэй Вест присела мне на лицо, потому что я крутой донжуан.

Брут пытался сохранить серьезное выражение, но это было невозможно. Он откинул голову и захохотал. Дин сполз на край платформы, будто его подстрелили, голова в коленях, всхлипывая, как койот, и прижав руку ко лбу, словно боясь, что растрясет мозги. Харри прислонился к стене и выдавал свои «ха-ха-ха» так, как будто кусок застрял у него в глотке. Даже Джек Ван Хэй, не отличавшийся чувством юмора, смеялся. Мне тоже было смешно, мне тоже хотелось смеяться, но я сдерживал себя. Завтра ночью все будет по-настоящему, и там, где сейчас сидит Тут-Тут, умрет человек.

— Заткнись, Брут, — сказал я. — И вы тоже, Дин, Харри. А ты, Тут, смотри, еще одно выступление подобного рода станет последним. Я прикажу Ван Хэю включить на вторую по-настоящему.

Тут ухмыльнулся мне, словно хотел сказать: «Это было так здорово, босс Эджкум, правда, здорово». Его ухмылка сменилась выражением недоумения, когда он увидел, что я не разделяю общего веселья.

— Что с тобой? — спросил он.

— Это не смешно, — отрезал я. — Вот что со мной, и если у тебя не хватает ума понять, то просто держи свой хлебальник закрытым. — Хотя было и вправду смешно, и, наверное, это меня и разозлило.

Я посмотрел вокруг и увидел, что Брут все еще улыбается.

— Черт, я, наверное, становлюсь слишком старым для такой работы.

— Не, — отозвался Брут. — Ты в полном расцвете, Поль.

Но я этого не ощущал, как не ощущал и Брут, и дурацкая работа не шла, мы оба понимали. Тем не менее приступ смеха прошел. И к лучшему, потому что меньше всего мне хотелось, чтобы завтра вечером кто-то вспомнил идиотское выступление Тута и стал снова смеяться. Вы скажете, такое невозможно: охранник умирает со смеху, сопровождая приговоренного на электрический стул, но, когда люди в стрессовом состоянии, возможно все что угодно. А о таком люди будут вспоминать лет двадцать.

— Ты замолкнешь, Тут? — прикрикнул я.

— Да. — Он, словно самый пожилой ребенок, надул губы.

Я кивнул Бруту, чтобы тот продолжил репети-

цию. Он снял маску со специального крючка за спинкой стула и натянул ее на голову Тут-Тута, закрепив под подбородком, так что на макушке оказалась большая дыра. Потом Брут наклонился, вынул круглую мокрую губку из ведра, прижал к ней палец, а потом кончик пальца лизнул. Проделав это, опустил губку назад в ведро. Завтра будет не так. Завтра он положит губку в шлем, висящий на спинке. Не сегодня, сегодня совсем незачем мочить старую голову Тута.

Шлем был стальной, с завязками и напоминал каску пехотинца. Брут надел его на голову старого Тут-Тута, натянув вниз вокруг дыры в черной ткани маски.

— Надеваю шлем, надеваю шлем, надеваю шлем, — говорил Тут, и его голос звучал сдавленно и приглушенно. Завязки не давали открыть рот, и я думаю, что Брут натянул его чуть сильнее, чем требовалось для репетиции. Он отступил назад, оглядел пустые стулья и сказал:

— Арлен Биттербак, сейчас через ваше тело пропустят электрический ток, пока вы не умрете в соответствии с законом штата. Пусть Господь будет милостив к вашей душе.

Брут повернулся к сетчатому квадрату:

— Включай на вторую.

Старый Тут, пытаясь повторить свой гениальный комический трюк, стал ерзать и дергаться на стуле, чего обычно клиенты Олд Спарки почти никогда не делали.

— Я жарюсь, — кричал он. — Жарюсь! Горю-ю! Я жареный индюк!

Я увидел, что Харри и Дин смотрят совсем в другую сторону. Они отвернулись от Спарки и глядели через пустой склад на дверь, ведущую в мой кабинет.

— Будь я проклят, — проговорил Харри, — один из свидетелей явился на день раньше.

На пороге, аккуратно обвив хвостиком лапки и глядя круглыми блестящими глазами-бусинками, сидела мышь.

5

Казнь прошла хорошо, и если вообще можно сказать «хорошая казнь» (в чем я очень сомневаюсь), то казнь Арлена Биттербака, старейшины совета ирокезов Ваишта, была именно такой. Он плохо заплел волосы в косы — сильно дрожали и не слушались руки, — и его старшей дочери, тридцатитрехлетней женщине, разрешили заплести их ему ровно и красиво. Она хотела вплести перья в кончики кос — хвостовые перья сокола, его птицы, но я не разрешил. Они могли загореться. Я, конечно, не сказал ей этого, просто объяснил, что не положено. Она не возражала, только наклонила голову и прижала руки к вискам в знак разочарования и неодобрения. Женщина вела себя с достоинством и этим практически гарантировала, что ее отец будет вести себя так же.

Когда пришло время. Вождь вышел из камеры без протестов и задержек. Иногда нам приходится отдирать их пальцы от прутьев решетки — я даже сломал как-то один или два и никогда не забуду их приглушенный треск, — но Вождь, слава Богу, был не из таких. Он прямо прошел по Зеленой Миле в мой кабинет и там опустился на колени,

чтобы помолиться вместе с братом Шустером, который специально приехал из баптистской церкви «Райский Свет» на своем драндулете. Шустер прочел Вождю несколько псалмов, и Вождь заплакал, когда Шустер дошел до места, где говорится о том, чтобы лежать у спокойной воды. Но это была совсем не истерика. Я подумал, что он представил ту спокойную воду такой чистой и холодной, что ломит зубы при каждом глотке.

А вообще, мне нравится, когда они немного плачут. Если нет, это уже тревожит.

Многие не могут подняться с колен без посторонней помощи, но Вождь и здесь показал себя достойно. Он, правда, слегка покачнулся сначала, словно у него закружилась голова, и Дин протянул руку, чтобы поддержать его, но Биттербак уже обрел равновесие сам, и мы пошли.

Почти все стулья были заняты, люди тихо переговаривались между собой, как обычно в ожидании начала свадьбы или похорон. И вот тут единственный раз Биттербак дрогнул. Я не знаю, то ли кто-то конкретно из присутствующих так подействовал на него, то ли все они вместе, но я услышал, как из горла у него вырвался тихий стон, и сразу же рука, которую я держал, обмякла. Уголком глаза я видел, как Харри Тервиллиджер

двинулся и отрезал Биттербаку путь к отступлению, если тому вдруг вздумается уйти.

Я крепче сжал его локоть и постучал по плечу пальцем. «Спокойно, Вождь, — сказал я уголком рта, не разжимая губ. — Все, что большинство запомнит о тебе, — это как ты ушел, поэтому покажи им, как Ваишта умирает».

Он взглянул на меня искоса и кивнул. Потом взял одну из косичек, заплетенных его дочерью, и поцеловал. Я посмотрел на Брута, который торжественно стоял за электрическим стулом во всем великолепии своей лучшей синей униформы с начищенными до блеска пуговицами и с исключительно ровно сидящей на большой голове кепкой. Я слегка кивнул ему, и он ответил мне, шагнув вперед, чтобы помочь Биттербаку взойти на помост, если понадобится такая помощь. Она не понадобилась.

Прошло меньше минуты с того момента, как Биттербак сел на стул, и до момента, когда Брут тихо через плечо скомандовал: «Включай на вторую». Свет снова слегка потускнел, но только чуть-чуть, вы бы и не заметили, если бы не ожидали специально. Это означало, что Ван Хэй повернул выключатель, который какой-то умник назвал феном для волос Мэйбл. Из-под шлема

донесся низкий гул, и Биттербак подался вперед, натянув застежки и ремень на груди. У стены стоял тюремный врач, глядя безучастно, закусив губы так, что рот превратился в белую линию. Не было ни дерганий, ни рывков, которые старый Тут-Тут изображал на репетиции, только это сильное стремление вперед, такое, как мужчина ощущает в бедрах во время мощного спазма при оргазме. Голубая рубашка Вождя натянулась на груди, и между застежками стали видны полоски кожи.

А потом пошел запах. Сам по себе не плохой, но неприятный из-за ассоциаций. Я никогда не мог спуститься в подвал, когда меня привезли в дом внучки, хотя именно там у маленького правнука была установка Лайонела, которую он с удовольствием показал бы своему прадедушке. Я не против шестеренок, но, уверен, вы уже догадались, не выношу трансформатора. То, как он гудит. А еще то, как пахнет, когда нагреется. Даже через столько лет этот запах напоминает мне о Холодной Горе.

Ван Хэй дал ему тридцать секунд и отключил ток. Доктор вышел вперед и послушал стетоскопом. Свидетели сидели молча. Доктор выпрямился и посмотрел сквозь сетку. «Рас-

строено», — сказал он и сделал резкое движение пальцами. Он услышал несколько беспорядочных ударов сердца в груди Биттербака, скорее всего таких же бессмысленных, как последние судороги обезглавленного цыпленка, но все же лучше не оставлять шансов. Никому не нужно, чтобы он вдруг сел на каталке, когда его провезут через полтоннеля, и стал орать, что горит.

Ван Хэй включил на третью, и Вождь опять подался вперед, слегка качаясь из стороны в сторону в волнах электрического тока. На этот раз доктор, послушав его, кивнул. Все было кончено. Мы в очередной раз успешно справились с разрушением того, что не можем создать. Кое-кто из зрителей снова начал тихо разговаривать, но большинство людей сидели, опустив голову и глядя в пол, словно окаменев. Или словно им было стыдно.

Харри и Дин принесли носилки. С одной стороны их должен был нести Перси, но он не знал этого, и никто ему не сказал. Вождя, все еще в черном шелковом мешке на голове, погрузили на носилки, и мы с Брутом быстро-быстро, почти бегом, понесли его в тоннель. Из отверстия в верхней части мешка шел дым — много дыма — с ужасающей вонью.

— О Боже, — закричал Перси срывающимся голосом. — Что за смрад?

— Уйди с дороги и не путайся под ногами, — бросил ему Брут, направляясь к стенке, где висел огнетушитель. Он был старинного типа, с насосом, но не так уж плох, и мог пригодиться: левая коса Биттербака тлела, как куча влажной листвы.

— Не обращай внимания, — сказал я Бруту. Мне не хотелось счищать массу химической пены с лица покойника перед тем, как погрузить его в рефрижератор. Я похлопал ладонью по голове Вождя (Перси все это время смотрел, вытаращив глаза), пока дым не перестал идти. Потом мы спустили тело по лестнице в двенадцать ступеней, ведущей в тоннель. Здесь было холодно и промозгло, как в темнице, где-то все время капала вода. В тусклом свете лампочек с грубыми жестяными плафонами, сделанными в тюремной мастерской, виднелась кирпичная труба, проходившая метрах в десяти под шоссе. Потолок был неровный и влажный. Каждый раз, попадая в тоннель, я чувствовал себя персонажем рассказов Эдгара По.

Там нас ждала каталка. Мы положили тело Биттербака на нее, и я в последний раз проверил, что

его волосы не горят. Косичка здорово обгорела с одной стороны, и я с сожалением увидел, что красивая ленточка превратилась в обугленный комочек.

Перси шлепнул покойника по щеке. Звук пощечины заставил всех нас вздрогнуть. Перси посмотрел на нас с гордой улыбкой на губах и сияющими глазами. Потом снова взглянул на Биттербака.

— Прощай, Вождь, — сказал он. — Надеюсь, в аду тебе мало не покажется.

— А ну, не трогай. — Голос Брута гулко и торжественно звучал в пустоте тоннеля. — Он свое заплатил. Теперь со всеми в расчете. Так что не трогай его.

— Да ладно тебе, — протянул Перси, но тут же неловко отступил назад, когда Брут придвинулся к нему и его тень за спиной выросла, как тень той обезьяны из рассказа об улице Морг. Но вместо того, чтобы схватить Перси, Брут взялся за ручки каталки и стал медленно толкать Арлена Биттербака в тоннель, где его ожидала последняя машина, припаркованная на обочине шоссе. Жесткие резиновые колеса каталки скрипели, ее тень качалась и извивалась на неровной кирпичной стене. Дин и Харри взялись за простынку

в ногах и прикрыли лицо Вождя, приобретающее уже восковой цвет мертвых, невинное и в то же время виноватое.

6

Когда мне было восемнадцать, мой дядя Поль, в честь которого меня назвали, умер от инфаркта. Я поехал с родителями в Чикаго на его похороны и зашел навестить родственников по отцовской линии, многих из которых вообще не знал. Мы пробыли там почти месяц. Вообще поездка была неплохой и волнующей, но, с другой стороны, ужасной. Я был тогда влюблен без памяти в молодую женщину, которая потом, через две недели после моего девятнадцатилетия, стала моей женой. Однажды ночью, когда тоска по ней жгла сердце и разум (не говоря уже о моих гениталиях) так, что я сходил с ума, я сел писать ей письмо, длинное, почти нескончаемое: я изливал свою душу без оглядки, не перечитывая, потому что боялся, что малодушие меня остановит. И я не остановился, а когда мой внутренний голос настойчиво стал повторять, что это безумие отправлять такое письмо, где мое раскрытое сердце протянуто, как на ладони, я не внял ему с детской беззаботностью, не задумываясь о последствиях. Меня потом всегда интересовало, сохранила ли Дженис это письмо, но никогда не хватало смело-

сти спросить об этом. Знаю точно, что не нашел его, когда разбирал вещи жены после похорон, хотя само по себе это уже ничего не значило. Я не спросил ее скорее всего из боязни узнать, что пылающие строчки значили для нее гораздо меньше, чем для меня.

Письмо было на четырех страницах, я в жизни не писал ничего длиннее, а теперь вот эта история. Сколько уже рассказано, а конца все еще не видно. Если бы я знал, что будет так длинно, то, наверное, и не начинал. Я и представить себе не мог, сколько дверей откроется в процессе писания, словно старая отцовская авторучка не просто ручка, а странная волшебная палочка. Лучший пример того, о чем я говорю, — Вилли Пароход, Мистер Джинглз, мышь на Миле. Пока я не начал писать, я не осознавал, насколько важен этот мышонок (да, именно он). Например то, как искал Делакруа до прихода самого Делакруа, — я никогда не думал, что это придет мне в голову в здравом уме, пока не начал писать и вспоминать.

Я хочу сказать, что не представлял, как далеко в прошлое мне придется уйти, чтобы рассказать вам о Джоне Коффи, или насколько придется оставить его в камере, этого громадного человека,

чьи ноги не умещались на койке, а свисали до самого пола. Но я не хочу, чтобы вы о нем забыли. Я хочу, чтобы вы увидели, как он лежит, глядя в потолок камеры, плача молчаливыми слезами или закрыв лицо руками. Я хочу, чтобы вы услышали его вздохи, похожие на рыдания, и время от времени всхлипывания. Эти звуки не были такими, какие мы слышим иногда в блоке «Г» — резкие крики с нотками раскаяния; в них отсутствовало страдание, а выражение его глаз, казалось, было далеко от того выражения боли, с которым мы привыкли сталкиваться. Иногда — я понимаю, как глупо это звучит, конечно, понимаю, но нет смысла писать так длинно, если не можешь рассказать все, что накопилось в душе, — иногда мне казалось, что он (Джон Коффи) чувствовал скорбь обо всем мире, слишком большую, чтобы как-то ее облегчить. Изредка я садился и разговаривал с ним, как разговаривал со всеми (разговоры были нашей самой большой и самой важной работой, как я уже говорил), и старался утешить его. Не думаю, что мне это удавалось, ведь в душе я радовался тому, что он страдает, это понятно. Я чувствовал, что он заслужил того, чтобы страдать. Мне даже иногда хотелось позвонить губернатору (или чтобы Перси сказал ему, ведь

это его дядя, а не мой) и попросить отсрочить казнь. Мы не должны сжигать его сейчас, сказал бы я. Ему еще очень больно, все еще живо жжет и колет его изнутри, как острая заноза. Дайте ему еще девяносто дней. Ваша честь. Пусть он сделает для себя то, что мы не в силах.

Я хочу, чтобы вы не забывали о Джоне Коффи, пока я не закончу уже начатый рассказ, — о Джоне Коффи, лежащем на койке, о том Джоне Коффи, кто боится темноты и наверняка не без причины, потому что в темноте его, возможно, ожидают не только тени двух девочек с белокурыми волосами — уже не маленькие девочки, а мстительные гарпии. О том Джоне Коффи, из глаз которого все время бегут слезы, как кровь из раны, которая не затянется никогда.

7

И вот Вождь сгорел, а Президент ушел, но недалеко — всего в блок «В», служивший домом для большинства из ста пятидесяти обитателей Холодной Горы. Жизнь Президента продлилась на двенадцать лет. В 1944-м он утонул в тюремной прачечной. Но не в прачечной тюрьмы «Холодная Гора», та была закрыта в 1933-м. Хотя мне кажется, заключенным все равно: стены везде стены, а Олд Спарки столь же смертелен в небольшой каменной камере, как и в помещении склада в Холодной Горе.

А Президента кто-то окунул лицом в чан с химическим растворителем и подержал там. Когда охранники извлекли его, на нем лица уже не было. Его опознали по отпечаткам пальцев. В общем, лучше бы ему умереть на Олд Спарки, хотя тогда он не прожил бы еще двенадцать лет. Я сомневаюсь, что он задумывался над этим, разве что в последнюю минуту своей жизни, когда его легкие пытались вдыхать щелочной раствор для химчистки.

Кто это сделал, так и не узнали. К тому времени я уже не работал в системе исправительных

учреждений, но Харри Тервиллиджер написал об этом в письме. «С ним расправились скорее всего потому, что он белый, — писал Харри, — но все равно он получил свое. Я просто считаю, что у него была большая отсрочка от казни, но в конце концов казнь состоялась».

После ухода Президента в блоке «Г» наступило затишье. Харри и Дина временно перевели в другое место, и на Зеленой Миле какое-то время оставались только Брут, Перси и я. Что на самом деле означало Брут и я, потому что Перси был сам по себе. Просто поразительно, как этот молодой человек ухитрялся все время ничего не делать. И довольно часто (но только в отсутствие Перси) другие ребята приходили для того, чтобы «потрепаться», как называл это Харри. В такие дни появлялся и мышонок. Мы кормили его, и он сидел во время еды важный, как Соломон, глядя на нас блестящими бусинками глаз.

Эти несколько недель были легкими и спокойными, даже несмотря на большую, чем обычно, язвительность Перси. Но всему хорошему приходит конец, и в дождливый июльский понедельник — я ведь говорил уже, что лето было сырым и дождливым? — я сидел на койке в открытой камере в ожидании Эдуара Делакруа.

Он пришел с неожиданным шумом. Дверь, ведущая в прогулочный дворик, распахнулась, впустив пучок света, раздался беспорядочный звон цепей, испуганный голос, бормочущий на смеси английского и южного американского с французским (этот говор заключенные Холодной Горы называли «до баю»), и крики Брута:

«Эй! А ну прекрати! Ради Бога! Прекрати, Перси!».

Я уже начал было дремать на койке Делакруа, но вскочил, и сердце мое тяжело заколотилось. Такого шума до появления Перси в блоке «Г» практически не было никогда; он принес его с собой, как неприятный запах.

— Давай иди, чертов французский педик! — орал Перси, совсем не обращая внимания на Брута. Одной рукой он тащил человека ростом не больше кегли. В другой руке Перси держал дубинку. Лицо его было красным, зубы напряженно оскалены. Хотя выражение лица совсем не было несчастным. Делакруа пытался идти за ним, но цепи на ногах мешали, и как быстро он ни старался двигать ногами, Перси все равно толкал его быстрее. Я выскочил из камеры как раз вовремя и успел поймать его, пока он не упал.

Перси замахнулся на него дубинкой, но я удер-

жал его рукой. Тут подбежал запыхавшийся Брут, такой же растерянный и недоумевающий, как и я.

— Не разрешайте ему больше меня бить, месье, — лепетал Делакруа. — Силь ву пле, силь ву пле!

— Пустите меня к нему, пустите, — орал Перси, бросаясь вперед. Он стал колотить дубинкой по плечам Делакруа. Тот с криком поднял руки, а дубинка продолжала наносить удары по рукавам его синей тюремной рубашки. В тот вечер я увидел его без рубашки, и синяки у этого парня шли по всему телу. Видеть их было неприятно. Он был убийца и ничей не любимчик, но мы так не обращались с заключенными в блоке «Г». По крайней мере, до прихода Перси.

— Эй, эй! — заревел я. — А ну прекрати! Что это такое?

Я пытался встать между Перси и Делакруа, но это не очень помогло. Дубинка Перси продолжала мелькать то с одной стороны от меня, то с другой. Рано или поздно она зацепила бы и меня, и тогда бы прямо здесь в коридоре началась драка, независимо от того, какие у него родственники. И если бы я не смог за себя постоять, мне охотно помог бы Брут. В какой-то мере жаль, что мы этого

не сделали. Может быть, тогда то, что произошло потом, сложилось бы иначе.

— Чертов педик! Я научу тебя, как распускать руки, вшивый гомосек!

Бамс! Бамс! Бамс! Кровь потекла из уха Делакруа, и он закричал. Я перестал его загораживать, схватил за одно плечо и втащил в камеру, где он упал, скорчившись, на койку. Перси обошел вокруг меня и дал ему пинок под зад — для скорости, можно сказать. Потом Брут его схватил — я имею в виду Перси — за плечи и вытащил в коридор.

Я задвинул дверь камеры, потом повернулся к Перси, чувство недоумения и потрясения боролись во мне с настоящей яростью. К тому времени Перси уже работал здесь несколько месяцев — достаточно, чтобы мы все поняли, что он нам не нравится, но тогда я впервые осознал, насколько он неуправляем.

Он стоял и глядел на меня не без страха — я никогда не сомневался, что в душе он трус, — но все равно уверенный, что связи защитят его. В этом он был прав. Я подозревал, что найдутся люди, не понимающие, как это может быть, даже после всего, что я рассказал, но этим людям слова «Великая депрессия» знакомы только по учебнику истории. Если бы вы жили в то время,

для вас эти слова значили гораздо больше: если вы имели постоянную работу, то сделали бы что угодно, лишь бы сохранить ее.

Краска слегка сошла уже с лица Перси, но щеки все еще пылали, а волосы, всегда зачесанные назад и лоснящиеся от бриолина, свесились в беспорядке на лоб.

— Что это такое, черт побери? — воскликнул я. — На моем блоке никогда — слышишь? — никогда не били заключенных!

— Этот ублюдок — педик, пытался полапать мой член, когда я вытаскивал его из фургона, — заявил Перси. — Он еще заплатит за это, я ему всыплю.

Я смотрел на него, не в состоянии найти слова от изумления. Я не мог себе представить самого хищного гомосексуала на Божьем свете, кто бы сделал то, что Перси только что описал. Подготовка к переселению в зарешеченную квартиру на Зеленой Миле, как правило, не приводит даже самых аморальных заключенных в сексуальное настроение.

Я оглянулся на Делакруа, все еще закрывающегося руками на койке, чтобы защитить лицо. На запястьях его были наручники, а между лодыжек проходила цепь. Потом повернулся к Перси.

— Иди отсюда, — сказал я. — Я поговорю с тобой позже.

— Это будет в твоем рапорте? — язвительно осведомился он. — Если нет, то ты знаешь, я напишу свой рапорт.

Я не собирался писать рапорт, я только хотел, чтобы он убрался с глаз. Что я ему и объявил.

— Вопрос закрыт, — закончил я. И увидел, что Брут смотрит неодобрительно, но не придал этому значения. — Давай иди отсюда. Иди в административный блок и скажи, что тебе надо прочитать письма и помочь с упаковкой.

— Хорошо. — К нему вернулось самообладание (или эта дурацкая надменность, служившая ему самообладанием). Он откинул волосы со лба руками — мягкими, белыми и маленькими, как у девушки-подростка, а потом подошел к камере. Делакруа увидел его и еще больше съежился на своей койке, бормоча на смешанном англо-французском.

— Я еще с тобой разберусь, — бросил Перси, потом вздрогнул, потому что почувствовал на плече тяжелую руку Брута.

— Нет, ты уже закончил, — сказал Брут. — А теперь иди на воздух. Освежись.

— Ты меня не запугаешь. Нисколько. — Глаза

Перси остановились на мне. — И никто из вас. — Но, похоже, мы его напугали. Это было ясно, как день, видно по его глазам, и от этого он становился еще опаснее. Такой парень, как Перси, никогда не знает сам, что сделает в следующую минуту или даже секунду.

Но тогда он повернулся к нам спиной и пошел по коридору надменной походкой. Ей-Богу, он показал миру, что бывает, когда тощий плешивый французик пытается лапать его член, и теперь уходил с поля сражения победителем.

Я произнес заготовленную речь о том, как мы включаем радио («Фантастический бал» и «Воскресенье нашей девушки»), о том, что мы будем обращаться с ним нормально, если он тоже будет вести себя нормально. Эта маленькая проповедь была не самой успешной. Он все время плакал, сидя скрючившись на своей койке, стараясь отодвинуться как можно дальше от меня и при этом не упасть в угол. Он съеживался при каждом моем движении и скорее всего слышал одно слово из шести. А может, и того меньше. Во всяком случае я не думаю, что именно эта проповедь имела вообще смысл.

Через пятнадцать минут я опять был у стола, где с потрясенным видом сидел Брутус Ховелл

и слюнявил кончик карандаша из книги посетителей.

— Ради всего святого, перестань, пока не отравился, — одернул его я.

— Боже Всемогущий, — воскликнул он, опустив карандаш. — Чтоб еще раз такой гвалт при поступлении заключенного на блок? Ни за что!

— Мой папа всегда говорил, что беда не приходит одна и Бог любит троицу.

— Надеюсь, твой папочка сильно ошибался по этому поводу, — сказал Брут, но, увы, — это не так. Когда поступил Джон Коффи, была ругань, и полнейшая буря, когда пришел Буйный Билл, — смешно, но, похоже, беды действительно являлись по три сразу. Рассказ о том, как мы познакомились с Буйным Биллом, как он, входя на Милю, пытался совершить убийство, еще предстоит. И довольно скоро.

— Что это еще за история с попыткой Делакруа полапать его член? — поинтересовался я. Брут фыркнул.

— Он был с цепью на ногах, а детка Перси тянул слишком сильно, вот и все. Делакруа споткнулся и стал падать, когда выходил из фургона. Он вытянул руки вперед, как все делают, когда падают, и зацепил одной рукой за переднюю часть брюк

Перси. Чистая случайность.

— А Перси понимает это, как ты думаешь? — спросил я. — Может, он придумал это как отговорку, ему просто хотелось немного побить Делакруа? Показать, кто здесь самый большой начальник?

Брут медленно кивнул.

— Да, наверное, так и было.

— Надо за ним следить. — Я запустил руки в волосы. Только этого мне не хватало. — Боже, как я ненавижу все. И ненавижу его.

— Я тоже. И знаешь что еще, Поль? Я его не понимаю. У него есть связи, и это нормально, но почему он использует их для того, чтобы получить работу на этой долбаной Зеленой Миле? А не где-нибудь еще в исправительной системе штата? Почему бы не стать служителем в сенате штата или тем, кто назначает встречи лейтенант-губернатору? Ведь наверняка его люди подыскали бы что-нибудь получше, если бы он попросил. Тогда почему здесь?

Я покачал головой. Я не знал. Я тогда не знал так много. Наверное, я был наивен.

8

После этого все пошло, как обычно… по крайней мере какое-то время. В суде графства готовился суд над Джоном Коффи, и шериф графства Трапингус Хомер Крибус муссировал идею, что суд Линча может немного ускорить правосудие. Нам было все равно, в блоке «Г» мало обращали внимания на новости. Жизнь на Зеленой Миле по-своему напоминала жизнь в звуконепроницаемой комнате. Время от времени доносились приглушенные звуки, бывшие взрывами на поверхности, но ничего больше. Они не станут торопиться с Джоном Коффи, они хотят убедиться, что это был именно он.

Пару раз Перси принимался издеваться над Делакруа, и во второй раз я оттащил его в сторону и велел зайти ко мне в кабинет. Это был не первый мой разговор с Перси о его поведении и не последний, но он диктовался ясным пониманием того, что за фрукт этот Перси. У него сердце жестокого мальчишки, который ходит в зоопарк не для того, чтобы узнать животных, а чтобы бросать в них камнями.

— Оставь его в покое сейчас же, понятно? —

сказал я. — Пока не дам специального приказа, держись от него подальше.

Перси отбросил волосы со лба, потом пригладил их своими изящными руками. Парню просто нравилось трогать волосы.

— Я ничего ему не делал. Только спросил, как он себя чувствует после того, как сжег детишек, вот и все. — Перси посмотрел на меня круглыми невинными глазами.

— Перестань, а то я напишу рапорт.

— Пиши, что хочешь, — засмеялся он. — А я потом напишу свой рапорт. И посмотрим, чей окажется лучше.

Я наклонился вперед, сложив руки на столе и начал говорить тоном, который мне казался дружески конфиденциальным.

— Брутус Ховелл тебя не очень любит, — сказал я. — А когда Брут кого-то не любит, то известно, что он пишет свой собственный рапорт. Он не очень-то ладит с авторучкой и никак не перестанет лизать свой карандаш, поэтому он напишет рапорт кулаками. И ты понимаешь, о чем я говорю.

Самодовольная улыбка Перси слегка потускнела.

— Что ты пытаешься этим сказать?

— Я не пытаюсь сказать ничего. Я уже сказал. И если ты расскажешь хоть кому-нибудь из своих… друзей… об этом разговоре, я заявлю, что ты все выдумал. — Я смотрел на него открыто и прямо. — Кроме того, я пытаюсь быть твоим другом, Перси. Говорят, что мудрого слова достаточно. И прежде всего: зачем тебе все это из-за какого-то Делакруа? Он того не стоит.

На какое-то время подействовало. Установился мир. Я даже смог пару раз отправить Перси с Дином или Харри сопровождать Делакруа в душ. Ночью играло радио, Делакруа стал понемногу отходить, привыкая к ежедневному распорядку блока «Г», и все было спокойно.

Потом однажды ночью я услышал, что он смеется.

Сидевший за столом Харри Тервиллиджер скоро тоже засмеялся. Я поднялся и пошел к камере Делакруа, чтобы посмотреть, что его так развеселило.

— Смотри, капитан, — сказал он, увидев меня. — А у меня завелась мышка!

Это был Вилли-Пароход. Он сидел в камере Делакруа. Более того, он восседал на плече Делакруа и бесстрашно смотрел сквозь прутья решетки своими глазами-бусинками. Его хвостик аккурат-

но обвился вокруг лапок, и выглядел мышонок абсолютно спокойным. Что же до самого Делакруа — друзья, это был совсем не тот человек, что сидел, скорчившись и вздрагивая, в углу койки всего неделю назад. Сейчас он походил на мою дочь рождественским утром, когда она спускалась вниз и видела подарки.

— Посмотри! — повторил Делакруа. Мышонок сидел на его правом плече. Делакруа вытянул левую руку. Мышонок вскарабкался на макушку Делакруа, цепляясь за волосы (достаточно густые на затылке). Потом он спустился с другой стороны, и Делакруа хихикнул, когда хвостик защекотал ему шею. Мышонок пробежал по руке до самого запястья, потом повернул обратно и засеменил назад на левое плечо Делакруа и уселся, обвив хвостик вокруг лап.

— Чтоб я пропал, — ахнул Харри.

— Это я научил его так делать, — гордо произнес Делакруа. Я подумал: «Черта с два ты его научил», но промолчал.

— Его зовут Мистер Джинглз.

— Не-а, — добродушно сказал Харри. — Это Вилли-Пароход, как в мультике. Начальник Ховелл так его назвал.

— Это Мистер Джинглз, — настаивал Делакруа.

По любому поводу он мог бы сказать на черное белое, если вам требовалось, но в вопросе об имени мышонка оставался непреклонен. — Он шепнул мне это на ухо. Капитан, а можно я заведу для него коробку? Дайте мне, пожалуйста, коробку для мышонка, чтобы он спал в ней у меня! — В его голосе появились заискивающие нотки, которые я тысячи раз слышал раньше. — Я поставлю ее под койку, и он никому не будет мешать, никому.

— Твой английский становится в сто раз лучше, когда тебе что-то надо, — заметил я, чтобы потянуть время.

— О-хо-хо, — пробормотал Харри, толкая меня локтем. — Вот идут неприятности.

Но Перси, по-моему, не был похож на неприятности в тот вечер. Он не приглаживал руками волосы, не играл дубинкой, и даже верхняя пуговица его форменной рубашки была расстегнута. Я впервые видел его таким: довольно забавно, как маленькая деталь способна все изменить. Больше всего, однако, меня поразило выражение его лица. Там царило спокойствие. Не безмятежность — я не думаю, что Перси Уэтмору хоть в малейшей степени известна безмятежность, — он имел вид человека, который вдруг понял, что может подождать того, чего хочет. А это очень отличало

его от прежнего молодого человека, которому пришлось пригрозить кулаками Брутуса Ховелла всего лишь несколько дней назад.

Делакруа не увидел этой перемены и скорчился у стены камеры, прижав колени к животу. Глаза его округлились настолько, что заняли пол-лица. Мышонок вскарабкался на его лысину и замер там. Я не знаю, помнил ли мышонок, что ему тоже не стоит доверять Перси, но, похоже, помнил. А может, почувствовал исходящий от французика запах страха и реагировал на него.

— Ну-ка, ну-ка, — протянул Перси. — Никак, ты нашел себе дружка, Эдди?

Делакруа попытался ответить — наверное, что-то беспомощное о том, что станет с Перси, если он только тронет его нового дружка — я так полагаю, — но ничего не вышло. Его нижняя губа чуть-чуть задрожала и все. Восседавший на макушке Мистер Джинглз не дрожал. Он сидел совершенно спокойно, запустив задние лапки в волосы Делакруа, а передние положив на его лысый череп и глядя на Перси, словно измеряя его. Так люди обычно мерят взглядом с головы до ног своих старых врагов.

Перси посмотрел на меня.

— Это что, тот самый, которого я гонял? Что

живет в смирительной комнате?

Я кивнул. Я подумал, что Перси не видел вновь окрещенного Мистера Джинглза с той самой погони. Сейчас же он вроде не подавал признаков того, что хочет опять погонять его.

— Да, тот самый. Только Делакруа утверждает, что его зовут Мистер Джинглз, а не Вилли-Пароход. Говорит, он сам шепнул ему на ухо.

— Так это или нет, — произнес Перси, — никто не узнает, верно? — Я готов был ожидать, что Перси вытащит свою дубинку и начнет постукивать ею по прутьям решетки, чтобы показать Делакруа, кто здесь начальник, но он только стоял, уперев руки в бока, и смотрел.

И по какой-то необъяснимой причине, я сказал:

— Делакруа только что спрашивал насчет коробки, Перси. Я думаю, он хочет, чтобы мышонок спал в ней. Чтобы он держал его у себя. — Мой голос звучал скептически, и я скорее почувствовал, чем увидел, что Харри смотрит на меня удивленно. — Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что он нагадит ему в нос как-нибудь ночью и убежит, — спокойно отреагировал Перси, — но полагаю, что это французику новый надзиратель. Я недавно видел в тележке Тут-Тута

отличную коробку от сигар. Не знаю, выбросил он ее или еще нет. Но, может, за двугривенный и отдаст. Или за гривенник.

Я украдкой взглянул на Харри и увидел, что тот стоит с открытым ртом. Перемены были не совсем те, что произошли со Скруджем рождественским утром, после того, как привидения поработали над ним, но уж очень близко к этому.

Перси придвинулся ближе к Делакруа, просунув лицо между прутьями. Делакруа забился еще дальше. Ей Богу, он бы вплавился в стену, если бы мог.

— Эй, тюфяк, у тебя есть двадцать центов или хотя бы десять, чтобы заплатить за коробку от сигар? — спросил он.

— У меня четыре цента. Я отдам их за коробку, если она хорошая, с'иль э бон.

— Знаешь что, — сказал Перси, — если этот беззубый старый развратник отдаст тебе коробку от сигар «Корона» за четыре цента, я утащу немного ваты из амбулатории, чтобы сделать подстилку. Устроим такой мышиный «Хилтон», пока ты здесь. — Он перевел взгляд на меня. — Я должен написать рапорт о работе в аппаратной при казни Биттербака, — продолжил он. — Поль, у тебя в кабинете есть ручки?

— Конечно. И бланки тоже. В левом верхнем ящике.

— Отлично, — сказал он и ушел с важным видом. Мы с Харри переглянулись.

— Он что, заболел? — удивился Харри. — Может, пошел к врачу и ему сказали, что жить осталось три месяца?

Я ответил, что не имею ни малейшего понятия. И это было правдой, и тогда, и немного позже, но со временем я все узнал. Через несколько лет у меня состоялся интересный разговор за ужином с Хэлом Мурсом. К тому времени мы уже могли говорить свободно, он был уже на пенсии, а я служил в исправительной колонии для мальчиков. За этим ужином мы много пили, но мало ели, и наши языки развязались. Хэл рассказал мне, что Перси жаловался на меня и на жизнь на Миле в целом. Это случилось как раз после поступления Делакруа в блок, когда мы с Брутом не дали Перси избить новенького до полусмерти. Больше всего Перси задело то, что я велел ему уйти с глаз долой. Он считал, что с человеком, приходящимся родственником самому губернатору, нельзя разговаривать подобным тоном.

Мурс сообщил, что сдерживал Перси, как мог, но когда стало ясно, что Перси собирается использо-

вать свои связи, чтобы добиться моего наказания и перевода как минимум в другую часть тюрьмы. Мурс вызвал Перси к себе в кабинет и сказал, что если тот перестанет раскачивать лодку, то Мурс сделает так, чтобы Перси распоряжался на казни Делакруа. То есть чтобы он стоял за электрическим стулом. Командовать буду, как всегда, я, но зрители этого не узнают, им будет казаться, что главный распорядитель — мистер Перси Уэтмор. Мурс не обещал больше того, что мы уже обсудили и на что я готов был пойти, но Перси этого не знал Он согласился оставить угрозы о переводе меня в другое место, и атмосфера в блоке «Г» улучшилась Он даже не возражал против того, чтобы Делакруа держал при себе старого врага Перси. Забавно, как меняются некоторые люди под воздействием верного стимула. В случае с Перси все, что начальнику Мурсу пришлось предложить — это шанс отнять жизнь у маленького лысого французика.

9

Тут-Туту показалось, что четыре цента слишком мало за отличную коробку от сигар «Корона», и в этом он, наверное, был прав — коробки от сигар высоко ценились в тюрьме. В них можно хранить тысячу разных мелочей, от них шел приятный запах, а еще в них было нечто, напоминавшее нашим обитателям о свободе. Наверное потому, что сигареты разрешены в тюрьме, а сигары нет.

Дин Стэнтон, вернувшийся уже снова на блок, добавил цент, и я тоже бросил один. Когда Тут все еще упорствовал, в дело вступил Брут, сказав, что стыдно быть таким скупердяем, и пообещав, что он, Брутус Ховелл, лично вручит эту коробку в руки Тута на следующий день после казни Делакруа.

— Шесть центов, возможно и недостаточно, если говорить о продаже коробки, тут можно спорить очень долго, — сказал Брут, — но, согласись, это хорошая цена за аренду. Он пройдет по Миле через месяц, ну максимум через шесть недель. И потом коробка окажется под твоей тележкой еще раньше, чем ты узнаешь, что его уже нет.

— Да, он еще найдет себе мягкого судью, чтобы заменить приговор, и будет еще сидеть и распевать «Я позабуду всех друзей», — сказал Тут, хотя возил свою чертову тележку с библейскими изречениями с незапамятных времен, и у него было много источников информации… думаю, получше, чем у нас. Он знал, что для Делакруа не найдется добрых судей. Ему оставалось надеяться только на губернатора, а тот, как правило, не миловал людей, поджаривших заживо полдюжины его избирателей.

— Даже если он не получит отсрочки, эта мышь будет гадить в коробку до октября, а может, и до Дня Благодарения, — спорил Тут, но Брут видел, что он уже сдается. — А кто потом купит коробку из-под сигар, служившую мышиным туалетом?

— О Господи, — вздохнул Брут. — Большей нелепости я от тебя никогда не слышал, Тут. Дальше уже некуда. Во-первых, Делакруа станет поддерживать чистоту в коробке, так что из нее можно будет есть церковный обед — он так любит свою мышь, что вылижет коробку дочиста, если дело в этом.

— Ладно, с этим ясно, — согласился Тут, сморщив нос.

— А во-вторых, — продолжал Брут, — мыши-

ный помет не проблема. В конце концов, это всего лишь твердые комочки, похожие на мелкую дробь. Вытряхнешь — и все.

Старый Тут понял, что лучше дальше не спорить. Он находился здесь давно и хорошо знал, когда можно позволить подставить лицо ветру, а когда лучше согнуться перед ураганом. В данном случае урагана не было, но нам, охране, нравился мышонок, и нам нравилось то, что он будет жить у Делакруа, а это означало по меньшей мере шторм.

Так что Делакруа получил свою коробку, а Перси сдержал слово: через два дня на донышке была постелена мягкая вата из амбулатории. Перси принес ее сам, и я видел страх в глазах Делакруа, когда он протянул руку сквозь решетку, чтобы взять вату. Он боялся, что Перси схватит его за руку и сломает пальцы. Я тоже слегка опасался этого, но ничего такого не произошло. Тогда я чуть было не стал хорошо относиться к Перси, но даже тогда невозможно было не заметить выражение холодного самодовольства в его глазах. У Делакруа есть питомец, у Перси тоже. Делакруа будет заботиться о нем и любить его, как можно дольше, а Перси — терпеливо ждать (во всяком случае так терпеливо, как только сможет), а по-

том сожжет его заживо.

— Мышиный «Хилтон» начал работать, — сказал Харри. — Теперь вопрос, станет ли этот мелкий тип им пользоваться?

Ответ на вопрос последовал, как только Делакруа поймал Мистера Джинглза в одну руку и осторожно опустил его в коробку. Мышонок тут же зарылся в белую вату, словно в шарф Тетушки Би, и отныне чувствовал себя здесь, как дома, пока… но конец истории о Мистере Джинглзе я расскажу в свое время.

Беспокойства старого Тут-Тута насчет того, что коробка от сигар будет полна мышиного помета, оказались совершенно безосновательны. Я никогда не замечал там ни комочка, и Делакруа говорил, что тоже никогда не видел… вообще нигде в камере, если уж на то пошло. Гораздо позже, примерно в то время, когда Брут показал мне дыру в балке и мы нашли разноцветные щепочки, я убрал стул из восточного угла смирительной комнаты и там обнаружил небольшую кучку мышиного помета. Он всегда приходил в одно и то же место для своих дел, причем как можно дальше от нас. И еще одно: я никогда не видел, чтобы он оставлял лужицы, а обычно мыши не могут закрыть свой краник больше чем на пару

минут, особенно во время еды. Так что, уверяю вас, это создание было одним из таинств Божьих.

Примерно через неделю после того, как Мистер Джинглз поселился в коробке из-под сигар, Делакруа позвал меня и Брута к своей камере что-то посмотреть. Он так часто звал нас, что уже надоело: когда Мистер Джинглз переворачивался на спину, болтая лапками в воздухе, это было прекраснейшее зрелище на свете, особенно, если учесть ломаный французский. Но на этот раз действительно было на что посмотреть.

После осуждения о Делакруа почти все позабыли, но у него существовала незамужняя тетка, по-моему, она раз в неделю писала ему письма. Тетка прислала ему огромный пакет мятных леденцов, примерно такие сейчас продаются под маркой «Канада Минтс». Они походили на большие розовые таблетки. Делакруа не разрешили забрать весь пакет сразу, и понятно, в нем было больше двух килограммов, и он жевал бы их до тех пор, пока не попал в лазарет с расстройством желудка. Как почти все убийцы у нас на Миле, он страдал отсутствием чувства меры. Поэтому мы выдавали ему по шесть конфет, да и то, когда просил.

Когда мы подошли, Мистер Джинглз сидел ря-

дом с Делакруа на койке, держал в лапках одну из розовых конфет и с довольным видом ее грыз. Делакруа лопался от гордости — он напоминал пианиста, наблюдающего, как его пятилетний сын играет свои первые сбивчивые упражнения. Но поймите меня правильно: это действительно выглядело ужасно смешно. Леденец был как половина самого Мистера Джинглза, и его белое брюшко уже блестело от сахара.

— Забери у него, Эдди, — сказал Брут со смехом и тревогой одновременно. — Боже всемогущий, он ведь лопнет. Я уже чувствую запах мяты прямо отсюда. Сколько ты ему скормил?

— Это второй, — Делакруа с тревогой поглядел на животик Мистера Джинглза. — Ты что, правда думаешь, что он… может лопнуть?

— Может, — ответил Брут.

Авторитета Брута было достаточно. Делакруа потянулся за полусъеденным леденцом. Я думал, что мышонок его укусит, но Мистер Джинглз отказался от леденца, вернее, от его остатков, совсем кротко. Я взглянул на Брута, а Брут недоверчиво покачал головой, словно говоря: «Не может быть». Потом Мистер Джинглз плюхнулся в свою коробку и улегся на бок с таким утомленным видом, что мы все втроем расхохотались. После

этого мы частенько видели мышонка, сидящего рядом с Делакруа с конфетой, которую он грыз аккуратно, как пожилая леди на вечеринке, и от обоих шел запах, который я потом почувствовал в той дырке в балке — горьковато-сладкий запах мятных леденцов.

И вот еще что я хочу рассказать о Мистере Джинглзе, прежде чем перейду к рассказу о появлении Вильяма Уортона, когда на блок «Г» и впрямь обрушился циклон. Через неделю после случая с мятными леденцами, то есть после того, как мы уговорили Делакруа не закармливать своего питомца до смерти, французик позвал меня к своей камере. Я находился один на посту, Брут ушел за чем-то в интендантскую, и согласно правилам, я не мог в таком случае подходить к заключенным. Но поскольку я сумел бы одной рукой толкнуть Делакруа, как ядро, метров на двадцать, то решил нарушить правила и узнать, что ему нужно.

— Смотри, босс Эджкум, — сказал он. — Сейчас ты увидишь, что Мистер Джинглз умеет! — Он вытащил из-за коробки маленькую деревянную катушку.

— Откуда ты ее взял? — спросил я, хотя, по-моему, знал. Был всего один человек, кто мог бы ему

ее принести.

— У Тут-Тута. Смотри.

Я уже смотрел и увидел, что Мистер Джинглз стоит в своей коробке, опершись передними лапками на край, и внимательно глядя черными глазками на катушку, которую Делакруа держал между большим и указательным пальцами правой руки. Я почувствовал, как по спине побежали мурашки. Я никогда не видел, чтобы мышь относилась к чему-то с такой сосредоточенностью и пониманием. Я не верю в сверхъестественное происхождение Мистера Джинглза и прошу извинить, если заставил вас так думать, но я никогда не сомневался, что он был в своем роде гений.

Делакруа наклонился и покатил пустую катушку по полу камеры. Она покатилась легко, как два колеса на оси. Мышонок мгновенно выскочил из коробки и помчался за ней по полу, словно собака за палкой. От удивления я вскрикнул, и Делакруа улыбнулся.

Катушка ударилась в стену и отскочила. Мистер Джинглз обошел ее и стал толкать обратно к койке, переходя от одного конца катушки к другому, если ему казалось, что она сбивается с курса. Он толкал катушку до тех пор, пока она не ударилась в ногу Делакруа. Потом на секунду

посмотрел вверх, как бы убеждаясь, что у Делакруа больше нет для него заданий (например, нескольких задач по арифметике или латинских предложений для разбора). Удовлетворенный, Мистер Джинглз вернулся в свою коробку и уселся там опять.

— Это ты его научил?

— Да, сэр, босс Эджкум, — ответил Делакруа, слегка пригасив улыбку. — Он приносит ее каждый раз. Умный, подлец, правда?

— А катушка? Как ты узнал, что нужно принести для него, Эдди?

— Он шепнул мне на ушко, что хочет катушку, — сказал спокойно Делакруа. — Точно так же, как прошептал свое имя.

Делакруа показывал этот трюк всем ребятам, всем, кроме Перси. Для Делакруа было неважно, что Перси предложил коробку из-под сигар и принес ваты для подстилки. В этом Делакруа напоминал некоторых собак: пни их однажды, и они никогда не поверят больше тебе, как бы хорошо ты потом к ним ни относился.

Я и сейчас слышу, как Делакруа кричит: «Эй, ребята! Идите посмотреть, что умеет Мистер Джинглз!» И они пришли группой — все в синих формах: Брут, Харри, Дин и даже Билл Додж. Они

все были очень довольны, так же, как и я.

Через три-четыре дня после того, как Мистер Джинглз начал делать трюк с катушкой, Харри Тервиллиджер, роясь во всяких штуках, которые мы хранили в смирительной комнате, нашел восковые карандаши и принес их Делакруа с какой-то смущенной улыбкой.

— Мне кажется, стоит покрасить катушку в разные цвета, — сказал он. — Тогда твой маленький дружок станет как настоящая цирковая мышь.

— Цирковая мышь! — воскликнул Делакруа, и вид у него при этом был безмятежно счастливый. Я думаю, что таким полностью счастливым он выглядел, наверное, впервые за свою жалкую жизнь.

— Это он и есть! Цирковая мышь! Когда я выйду отсюда, он сделает меня богатым, как в цирке! Вот увидите.

Перси Уэтмор, несомненно, напомнил бы Делакруа, что, когда тот выйдет из Холодной Горы, то поедет в скорой помощи, которая не станет ни торопиться, ни включать сирену или мигалку, но Харри было лучше знать. Он просто сказал, что Делакруа может покрасить катушку в какие угодно цвета, и это нужно сделать быстро, потому что после обеда ему придется забрать карандаши

назад.

Дэл сделал ее разноцветной. Когда он закончил, один конец катушки стал желтым, другой — зеленым, а барабан посередине красным, как пожарная машина. Мы привыкли к тому, что Делакруа трубит на ломаном французском: «Maintenant, m'sieurs et mesdames! Le cirque presentement le mous' amusant et amazeant!» (Внимание, месье и медам! Цирк предлагает забавную и восхитительную мышь!). Это, конечно, не совсем то, но примерно таким был его французский. Потом его голос умолкал — я думаю, он представлял в это время барабанную дробь, а потом бросал катушку. Мистер Джинглз кидался за ней в мгновение ока, прикатывая назад либо носом, либо передними лапками. За второе можно было платить деньги и показывать в цирке. Делакруа, его мышь и эта разноцветная катушка стали для нас главным развлечением, когда под нашу опеку явился Джон Коффи, и все оставалось как есть. Потом моя «мочевая» инфекция, затихшая на время, вернулась, появился Вильям Уортон, и вот тут начался ад.

10

Даты все время выпадают у меня из головы. Наверное, придется попросить мою внучку Даниэль посмотреть некоторые из них в подшивках старых газет, хотя стоит ли? Ведь события тех самых важных дней, того, например, когда мы пришли в камеру Делакруа и увидели мышь, сидящую у него на плече, или того, когда в блок поступал Вилли Уортон и чуть не убил Дина Стэнтона, все равно не попадут в газеты. Может, даже стоит просто продолжать, как пишется, в конце концов, я думаю, даты не так важны, если помнишь события в том порядке, в каком они происходили.

Я знаю, что иногда время сжимается. Когда наконец из кабинета Кэртиса Андерсона пришли документы с датой казни Делакруа, я с удивлением увидел, что время свидания нашего друга-французика с Олд Спарки подвинуто вперед, — неслыханное дело даже по тем меркам, когда не нужно было сдвигать половину рая и всю землю для того, чтобы казнить человека. Речь шла о двух днях, по-моему, вместо 27 октября назначили 25-е. Я не уверен, что именно эти дни, но очень близко, я еще подумал, что Тут получит

назад свою коробку из-под сигар раньше, чем предполагал.

Уортон же поступил позже, чем мы ожидали. С одной стороны, суд длился дольше, чем предполагали достоверные источники Андерсона (когда речь идет о Буйном Билле, ничего достоверного не бывает, и мы в этом скоро убедимся, включая наши проверенные временем и надежные методы контроля за поведением узников). Потом, после того, как его признали виновным (все происходило в основном по сценарию), его поместили в больницу в Индианоле для обследования. С ним случилось несколько якобы припадков во время суда, дважды довольно серьезных, когда он падал на пол и лежал, дергаясь, трясясь и стуча ногами по доскам. Назначенный судом адвокат заявил, что Уортон страдает эпилептическими припадками и совершил свои преступления в состоянии помешательства. Обвинитель возразил, что эти припадки инсценированы в отчаянной трусливой попытке спасти свою собственную жизнь. Увидев так называемые эпилептические припадки своими глазами, присяжные решили, что Уортон симулирует. Судья согласился с ними, но назначил ряд анализов после оглашения, перед исполнением приговора Бог знает, почему

— может, просто из любопытства.

И уж совершенно непонятно, как это Уортон не сбежал из больницы (по иронии судьбы жена Мурса Мелинда находилась в той же больнице в то же самое время). Его, наверное, окружали охранники, а может быть, он все еще надеялся, что его признают недееспособным по причине эпилепсии, если таковую обнаружат.

Но ее не оказалось. Доктора не нашли никаких отклонений в его мозгах, по крайней мере физиологических, и Крошку Билли — Уортона — наконец водворили в Холодную Гору. Это произошло не то шестнадцатого, не то восемнадцатого октября, мне помнится, что Уортон прибыл примерно через две недели после Коффи и за неделю или за десять дней перед тем, как по Зеленой Миле прошел Делакруа.

День, когда наш новый психопат появился в блоке, очень памятен для меня. Я проснулся часа в четыре утра от пульсирующей боли в паху и ощущения, что мой пенис стал горячим, тяжелым и раздулся. Даже еще не спустив ног с кровати, я понял, что «мочевая» инфекция не прошла, как я надеялся. Просто было временное затишье, и вот оно закончилось.

Я вышел на улицу по нужде — это было го-

да за три до того, как мы оборудовали первый ватерклозет, — и едва дошел до поленницы на углу дома, как понял, что больше не вытерплю. Я успел стянуть пижамные штаны как раз, когда полилась моча, испытывая самую мучительную в своей жизни боль. В 1956-м у меня выходил желчный камень, говорят, это что-то ужасное, но по сравнению с той болью желчный камень был как приступ гастрита.

Ноги мои подкосились, и я тяжело упал на колени, разорвав пополам пижамные штаны, когда расставлял ноги, чтобы не потерять равновесие и не плюхнуться лицом в собственную лужу. Я бы все равно упал, если бы не схватился левой рукой за полено в поленнице. Все это могло происходить в Австралии или даже на другой планете. Мне было все равно. Единственное, что я чувствовал — пронзившую меня насквозь боль. Жгло внизу живота, а мой пенис — орган, о котором я обычно забывал, кроме тех случаев, когда тот доставлял мне наслаждение, — казалось, вот-вот расплавится. Я думал, что увижу кровь, стекающую с кончика, но оказалось, что это совершенно обычная струя мочи.

Держась одной рукой за поленницу, я прижал другую ко рту, чтобы не закричать. Я не хотел

пугать жену и будить ее криком. Казалось, струя мочи нескончаема, но наконец она иссякла. К этому времени боль ушла глубоко внутрь живота и яичек и покалывала, как острые зубы. Я долго не мог подняться, наверное, с минуту. Но вот боль пошла на убыль, и я встал на ноги. Посмотрев на лужицу мочи, уже впитавшуюся в землю, я подумал: неужели Бог мог сотворить мир, в котором такое ничтожное количество жидкости способно выходить с такой невыносимой болью.

Я мог бы сказаться больным и пойти на прием к доктору Сэдлеру. Мне не хотелось есть вонючие серные таблетки, от которых тошнит, но все лучше, чем когда стоишь на коленях у поленницы, стараясь не кричать, а твой член в это время сообщает, что в него налили нефти и подожгли.

Потом, глотая аспирин на кухне и прислушиваясь к легкому храпу Джен в соседней комнате, я вспомнил, что сегодня должны доставить в блок Вильяма Уортона и что не будет Брута — у него дежурство в другой части тюрьмы, он помогает перевозить в новое здание остатки библиотеки и оборудование лазарета. Несмотря на боль я чувствовал, что нельзя оставить Уортона на Дина и Харри. Они хорошие ребята, но в рапорте Кэртиса Андерсона говорилось, что Вильям Уортон совсем

не подарок. «Этому человеку терять нечего», — написал он и подчеркнул.

Боль слегка поутихла, и я смог соображать. Мне казалось, что лучше поехать в тюрьму утром. Я смогу добраться туда к шести, в это время обычно приезжает начальник Мурс. Он может переместить Брутуса заранее в блок «Г» для приема Уортона, а я тогда нанесу свой запоздалый визит к врачу. Так что путь мой лежал в Холодную Гору.

Дважды на протяжении тридцатикилометрового пути в тюрьму меня останавливала внезапная потребность выйти по малой нужде. Оба раза я смог решить проблему без особого смущения (во многом благодаря тому, что движение на сельских дорогах в такое время практически отсутствует). Ни один из этих двух позывов не был таким болезненным, как тот, что застал меня по пути во двор, но оба раза мне пришлось держаться за ручку дверцы моего маленького «форда»-купе, чтобы не упасть, и я чувствовал, как пот течет по лицу. Я был болен, и еще как.

И все же я добрался, въехал в южные ворота, припарковал машину в обычном месте и пошел прямо к начальнику. Было около шести часов. Кабинет мисс Ханны оказался пуст: раньше цивилизованных семи она не появлялась, но в

кабинете Мурса горел свет, я видел его сквозь матовое стекло. Предварительно постучавшись, я открыл дверь. Мурс поднял глаза, не ожидая увидеть никого в столь ранний час, да и я многое бы отдал, чтобы не встретить его в таком состоянии, с таким беззащитным лицом. Его седые волосы, обычно аккуратно причесанные, были взлохмачены и торчали во все стороны, и, когда я вошел, он сидел, обхватив руками голову. Глаза были красные, опухшие, с мешками. Самое ужасное — он дрожал, словно вошел в дом после прогулки ужасно холодной ночью.

— Хэл, извини, я зайду позже, — начал я.

— Нет, — сказал он. — Пожалуйста, Пол. Зайди. Мне так нужно сейчас с кем-нибудь поговорить, как никогда в жизни. Зайди и закрой дверь.

Я сделал, как он велел, забыв о своей боли впервые с тех пор, как проснулся утром.

— У нее опухоль мозга, — сообщил Мурс. — Врачи сделали рентгеновские снимки. И этими снимками они очень довольны. Один из них сказал: это, наверное, лучшие из всех, что есть. Собираются опубликовать их в каком-то медицинском журнале в Новой Англии. Они сказали, что опухоль размером с лимон и уходит вглубь, а там нельзя оперировать. Они предполагают,

что она умрет к Рождеству. Я ей не сообщил. Не представляю, как это сделать. Я не знаю, как мне жить дальше.

Потом он заплакал, всхлипывая, и его рыдания вызвали во мне жалость и своего рода страх: когда человек, умеющий владеть собой так, как Хэл Мурс, вдруг теряет самообладание, на это страшно смотреть. Я постоял, а потом подошел к нему и положил руку на плечи. Он обнял меня обеими руками, как утопающий, и стал рыдать у меня на животе. Позже, снова взяв себя в руки, он извинился. Мурс старался глядеть мне в глаза, как человек, чувствующий, что ему стыдно, и, может быть, так стыдно, что он не в состоянии это пережить.

Человек способен даже возненавидеть другого, если тот застал его в таком состоянии. Я думаю, что Мурсу было не настолько плохо, но мне и в голову не пришло говорить о деле, ради которого я, собственно, и пришел. Поэтому, выйдя из кабинета, я отправился в блок «Г», а не обратно к машине. Аспирин уже начал действовать, и боль внизу живота уменьшилась до тихой пульсации. Я подумал, что как-нибудь переживу этот день, устрою Уортона, зайду к Хэлу Мурсу после обеда и получу больничный на завтра. Я считал, что

худшее позади, без малейшей мысли о том, что самое плохое в этот день еще не началось.

11

«Мы подумали, что он все еще под действием наркотиков после обследования», — сказал Дин поздно вечером. Его голос звучал тихо, хрипло и отрывисто, словно лай, а на шее все ярче проступал темно-багровый синяк. Я видел, что ему больно говорить, и хотел уже предложить бросить это дело, но иногда бывает больнее молчать. Я понял, что сейчас как раз тот момент, и промолчал. «Мы все думали, что он наколот наркотиками, правда?»

Харри Тервиллиджер кивнул. Даже Перси, сидевший в печальном одиночестве, тоже кивнул.

Брут взглянул на меня, и наши глаза на мгновение встретились. Мы думали одинаково о том, как это все произошло. Вот живет человек, все делает по Святому Писанию, но вот одна ошибка и — хлоп! — на него обрушивается небо. Они считали, что он наколот наркотиками, вполне обоснованное предположение, но никто не спросил: а так ли это? По-моему, я еще кое-что заметил в глазах Брута: Харри и Дин извлекут уроки из этой ошибки. Особенно Дин, ведь он мог быть уже мертвецом. Перси не извлечет. Перси скорее

всего не сможет. Все, что остается Перси, — это сидеть в уголке и дуться, потому что он опять оказался в дерьме.

За Буйным Биллом Уортоном в Индианолу отправились семеро: Харри, Дин, Перси, два охранника сзади (я забыл их имена, хотя уверен, что когда-то знал), и еще два впереди. Они поехали на том, что мы называли фургоном: «форд»-грузовик с фургоном со стальными стенками и пуленепробиваемым стеклом. Он походил на помесь молоковоза с танком.

Харри Тервиллиджер был старшим в экспедиции. Он передал бумаги шерифу графства (не Хомеру Крибусу, а другому такому же мужлану, как и тот), который в свою очередь вручил им мистера Вильяма Уортона, просто extraordinaire (выдающегося) возмутителя спокойствия, как выразился бы Делакруа. Униформу заключенного Холодной Горы передали заранее, но ни шериф, ни его ребята не побеспокоились одеть в нее Уортона, оставив эту работу моим ребятам. Уортон оказался в хлопчатобумажной больничной пижаме и дешевых шлепанцах, когда они впервые встретили его на втором этаже больницы.

Это был щуплый паренек с узким прыщавым лицом и копной длинных спутанных белокурых

волос. Из спущенных пижамных штанов торчал его тоже узкий и тоже прыщавый зад. Эту его часть Гарри и остальные увидели раньше всего, потому что, когда пришли, Уортон стоял у окна и смотрел на стоянку машин. Он не повернулся, а так и стоял, держа одной рукой шторы, молчаливый, как кукла, пока Харри ругал шерифа за то, что поленились напялить на Уортона тюремную робу, а шериф графства вещал — как и все графское начальство, — о том что входит в его обязанности, а что нет.

Когда Харри это надоело (а я думаю, что очень скоро), он приказал Уортону повернуться. Тот повиновался. Парень был похож, по словам Дина, говорящего хриплым, лающим сдавленным голосом, на одного из тысячи сельских жителей, прошедших через Холодную Гору за годы нашей работы. Иногда вы обнаруживаете у них склонность к трусости, особенно если они стоят спиной к стенке, но чаще всего в них нет ничего, кроме злобы и тупости, потом еще большей злобы и еще большей тупости. Некоторые усматривают благородство в людях типа Билли Уортона, но я не отношусь к таким. Крыса тоже будет драться, если ее загнать в угол. В лице этого человека, казалось, не больше индивидуальности, чем в

его прыщеватой заднице, так сказал нам Дин. Его подбородок был безвольным, глаза отсутствующие, плечи опущены, руки дрожали. Похоже, что ему вкололи морфий, типичный наркоман и шизик, они таких видели не раз.

В этом месте Перси опять грустно кивнул.

— Надевай, — приказал Харри, указывая на тюремную робу, лежащую на кровати. Ее уже достали из коричневой бумаги, но больше не трогали, она была сложена так, словно только из прачечной: белые хлопчатобумажные трусы торчали из одного рукава, а пара белых носков — из другого.

Уортон вроде бы проявил готовность повиноваться, но без посторонней помощи не очень получалось. Он надел трусы, но когда взялся за брюки, то все время попадал двумя ногами в одну штанину. В конце концов Дин помог ему сунуть ноги туда, куда надо, натянул брюки, застегнул ширинку и пояс. Уортон стоял и даже не пытался помогать, видя, что Дин делает все за него. Он тупо смотрел через комнату, опустив руки, и никому в голову не пришло, что парень притворяется. Не для того, чтобы попытаться убежать (по крайней мере я не верю в это), а только для того, чтобы доставить максимум неприятностей

в подходящий момент.

Бумаги были подписаны. Вильям Уортон, бывший собственностью графства после ареста, перешел в собственность штата. Его провели по черной лестнице через кухню в окружении охранников в синей форме. Он шел, опустив голову, и его руки с длинными пальцами дрожали. Первый раз, когда упала его кепка, Дин надел ее на него. Во второй раз он просто сунул кепку к себе в задний карман. Уортон имел еще один шанс устроить неприятность в задней части фургона, когда его заковывали, но он им не воспользовался. Если он и хотел (я даже сейчас не уверен хотел ли он, а если хотел, то насколько сильно), то, наверное, думал, что там слишком мало места и чересчур много народа, чтобы вызвать соответствующий шум. Поэтому дальше он ехал в цепях: одна между лодыжек, а другая, как оказалось, слишком длинная, — между кистями.

Дорога в Холодную Гору заняла час. Все это время Уортон сидел на левой скамейке, опустив голову, руки болтались между колен. Время от времени он постанывал, по словам Харри, а Перси, слегка отошедший от испуга, сказал, что у этого тюфяка слюна капала с отвисшей нижней губы, как у собаки с языка в жаркий летний день,

и под ногами образовалась лужица.

Они въехали через южные ворота к тюрьме, наверное, проехали мимо моей машины. Охранник на южном посту открыл большую дверь между стоянкой и прогулочным двориком, и фургон проехал внутрь. Во дворе почти никого не было, несколько человек гуляли, но большинство копалось в саду. Было время урожая. Они подъехали прямо к блоку «Г» и остановились. Водитель открыл дверь и сказал, что ему нужно отогнать фургон в гараж, чтобы поменять масло, и что с ними было хорошо работать. Дополнительная охрана поехала вместе с фургоном, двое сзади ели яблоки, двери фургона стояли распахнутыми.

С закованным осужденным остались Дин, Харри и Перси. Этого было бы достаточно, вполне хватило бы, если бы их не убаюкал вид тощего сельского парня с опущенной головой, стоящего в пыли, с цепями на руках и ногах. Они провели его шагов двенадцать к двери, ведущей в блок «Г», в то же самое помещение, которым мы пользовались, когда вели заключенных по Зеленой Миле. Харри — слева, Дин — справа, а Перси шел сзади с дубинкой в руке. Мне никто не сказал, но я уверен, что она была не в чехле, Перси очень любил свою дубинку. А я в это время сидел в

камере, предназначенной для Уортона, и ждал, пока он появится и займет ее, — первую камеру справа, если идти вниз по коридору в сторону смирительной комнаты. В руках у меня были бумаги, и я не думал ни о чем, кроме того, чтобы поскорее произнести свою маленькую речь и уйти к черту отсюда. Боль в паху опять усилилась, и мне хотелось лишь одного: отправиться к себе в кабинет и ждать, когда она пройдет.

Дин вышел вперед, чтобы открыть дверь. Он выбрал нужный ключ из связки на поясе и вставил в замок. Как только Дин повернул ключ и потянул за ручку, Уортон вдруг ожил. Он издал резкий нечленораздельный крик, похожий на вопль протеста, — от этого крика Харри остолбенел на время, а Перси выключился до конца событий. Я услышал крик через полуоткрытую дверь, но сначала никак не связал его с человеческим существом, подумав, что во двор каким-то образом попала собака и ее побили, что, наверное, какой-то обозленный зэк ударил ее мотыгой.

Уортон поднял руки, забросил цепь, висевшую между рук, за голову Дину и начал душить его. Дин издал сдавленный крик и рванулся вперед, в холодный электрический свет нашего маленького мирка. Уортон с радостью пошел за ним, даже

толкнул, все время издавая нечленораздельные крики и даже хохоча. Он держал себя за локти на уровне ушей Дина, затягивая цепь как можно туже и двигая ею наподобие пилы, взад-вперед.

Харри бросился на Уортона со спины, схватив одной рукой длинные сальные белокурые волосы парня, а другой нанося изо всех сил удары по лицу. У него тоже была дубинка и на боку пистолет, но в суматохе он не достал ни того, ни другого. У нас случались неприятности с заключенными и раньше, но никто из них не нападал так внезапно, как Уортон. Его хитрость застала нас врасплох. Я никогда не видел такого ни прежде, ни потом.

А еще он оказался сильным. Вся его напускная расслабленность исчезла. Харри сказал после, что он прыгнул словно на клубок сжатых стальных пружин, которые вдруг почему-то ожили. Уортон, уже внутри коридора рядом со столом дежурного, повернулся влево и отбросил Харри. Тот ударился о стол и растянулся на полу.

— Эй, ребята! — засмеялся Уортон. — У нас сегодня праздник или что?

Все еще крича и смеясь, он снова принялся душить Дина своей цепью. А почему бы и нет? Уортон знал то же, что и все мы: поджарить его можно лишь один раз.

— Бей его, Перси, бей его! — закричал Харри, вскакивая на ноги. Но Перси только стоял с дубинкой в руке, вытаращив глаза, как суповые миски. Вы скажите, вот шанс, которого он так ждал, золотая возможность использовать свою дурную силу по назначению, но он был слишком напуган и растерян и ничего не мог сделать. Перед ним оказался не перепуганный французик и не черный великан, который вообще был слегка не в себе, перед ним оказался сущий дьявол.

Я выскочил из камеры Уортона, уронив бумаги и выхватив пистолет, забыв про свою инфекцию второй раз за день. Я не подвергал сомнению рассказ других о том, что у Уортона было безучастное лицо и отсутствующие глаза, но тот, кого я увидел, был не Уортон. Я увидел лицо зверя — не разумного зверя, а хитрого, злобного и веселого. Да, он делал то, для чего создан. Место и обстоятельства значения не имели. А еще я увидел красное, раздувшееся лицо Дина Стэнтона. Он умирал на моих глазах. Уортон заметил пистолет и повернул Дина перед собой так, что при стрельбе я обязательно задел бы обоих. Из-за плеча Дина один сверкающий синий глаз призывал меня выстрелить.

Часть 3
Руки Джона Коффи

1

Просматривая все, что я написал, я заметил, что назвал Джорджию Пайнз, где сейчас живу, домом для престарелых. Тем, кто работает в этом месте, такое название не понравится. Согласно буклетам и проспектам, лежащим в вестибюле и рассылаемым потенциальным клиентам, это «отличный пенсионный комплекс для пожилых». Здесь есть Центр развлечений — так сказано в буклете. Люди, которым приходится жить тут (в буклете нас не называют заключенными, а я иногда называю), говорят о нем просто — телевизионная комната.

Здешние обитатели считают меня замкнутым, потому что я почти не хожу днем смотреть телевизор, хотя это не из-за людей, а из-за программ, которые мне не нравятся. Мыльные оперы, Рики Лейк, Карни Уилсон, Роланда — мир рушится вокруг ушей, и всем интересны только разговоры о том, с кем спят эти женщины в миниюбках и мужчины в расстегнутых рубашках. Конечно, как сказано в Библии, «не судите, да не судимы будете», поэтому я выпадаю из общей песочницы. Просто, если бы мне хотелось провести время

среди мусора, я проехал бы пару миль к автостоянке «Хэппи Уилз», где вечером по пятницам и субботам всегда носятся полицейские машины с сиренами и мигалками. Мой особый, самый близкий друг Элен Коннелли со мной согласна. Элен восемьдесят лет, она высокая, худощавая и все еще стройная, очень интеллигентная и утонченная. Она очень медленно ходит из-за каких-то проблем с ногами, и я знаю, что ее ужасно мучает подагра кистей рук, но у нее прекрасная длинная шея — почти лебединая, и длинные красивые волосы, которые падают на плечи, если она их распускает.

Больше всего мне нравится, что она не считает меня странным или замкнутым. Мы проводим много времени вместе, я и Элен. Если бы не мой абсурдный возраст, я считал бы ее своей возлюбленной. Но все равно, самый близкий друг — совсем неплохо, а с некоторой стороны даже лучше. Множество проблем, возникающих обычно между любовниками, уже просто перегорели у нас. И хотя я знаю, что никто из тех, кто моложе, скажем, шестидесяти мне не поверит, иногда горячие угли лучше яркого костра. Это странно, но это правда.

Так что днем я телевизор не смотрю. Иногда

гуляю, иногда читаю, но чаще всего в последний месяц я писал эти воспоминания, сидя среди растений в солярии. Мне кажется, здесь больше кислорода, а это хорошо действует на память. И куда там какому-то Джеральдо Ривере!

Но когда у меня бессонница, я иногда сползаю вниз по ступенькам и включаю телевизор. В Джорджии Пайнз нет канала HBO или другого, где идут только фильмы, — должно быть, они слишком дороги для нашего Центра развлечений, но основные кабельные каналы есть, а это означает, что можно смотреть канал американской классики. Это тот (если вдруг у вас нет кабельного телевидения), на котором большинство фильмов черно-белые и в них женщины не раздеваются. Для старого хрыча, как я, то, что надо. Я провел много приятных ночей, засыпая прямо на потертом зеленом диване перед телевизором, а на экране Фрэнсис-Говорящий Мул опять вытаскивал сковороду Дональда О'Коннора из огня, или Джон Уэйн приводил в порядок «додж», или Джимми Кэгни называл кого-то грязной крысой, а потом нажимал на курок. Некоторые из этих фильмов я смотрел со своей женой Дженис (не только моей возлюбленной, но и моим лучшим другом), и они меня успокаивали. Одежда героев,

то, как они ходят и говорят, даже музыка из этих фильмов, — все меня успокаивало. Наверное, они напоминали мне то время, когда я крепко стоял на ногах и был хозяином своей судьбы, а не изъеденным молью ископаемым, рассыпающимся в доме для престарелых, где многие обитатели носят пеленки и резиновые штанишки.

Но сегодня утром я не увидел ничего утешительного. Совсем ничего.

Элен иногда смотрела этот канал вместе со мной, обычно ранним утром, в так называемое утро жаворонков, начинающееся в четыре часа утра. Она не говорит много, но я знаю, что подагра ее ужасно мучает, и лекарства уже почти не помогают.

Когда она пришла сегодня утром, скользя, как привидение, в своем белом махровом халате, я сидел на продавленном диване, колченогом, стоящем на том, что когда-то было ножками, и, сжимая колени изо всех сил, старался не дрожать, но озноб пробирал меня, как от сильного ветра. Мне было холодно везде, кроме паха, который словно горел, как призрак той «мочевой» инфекции, так портившей мне жизнь осенью 1932-го, — осенью Джона Коффи, Перси Уэтмора и Мистера Джинглза — дрессированной мыши.

Это также была осень Вильяма Уортона.

— Пол, — воскликнула Элен и поспешила ко мне, поспешила, как только позволяли ей ржавые гвозди и стекла в суставах. — Пол, что с тобой?

— Все будет нормально, — успокоил я, но слова звучали не очень убедительно — они произносились нечетко, проходя сквозь стучащие зубы. — Дай мне пару минут, и я буду как огурчик.

Она присела рядом со мной и обняла за плечи.

— Я знаю, — кивнула она. — Но что случилось? Ради Бога, Пол, у тебя вид, словно ты увидел привидение.

Я действительно его увидел, но не понял, что произнес это вслух, пока у нее глаза не стали огромными.

— Не совсем, — сказал я и погладил ее по руке (так нежно-нежно). — Всего на минутку, Элен, Боже!

— Оно было из того времени, когда ты служил охранником в тюрьме? — спросила она. — Из того времени, о котором ты писал в солярии?

Я кивнул.

— Я работал на своего рода Этаже Смерти.

— Я знаю…

— Только мы называли его Зеленая Миля.

Потому что линолеум на полу был зеленый. Осенью 32-го года к нам поступил этот парень, этот дикарь по имени Вильям Уортон. Он любил называть себя Крошка Билли, даже вытатуировал это на плече. Просто пацан, но очень опасный. Я до сих пор помню, что Кэртис Андерсон — он тогда был помощником начальника тюрьмы — писал о нем: «Дикий и сумасбродный, и этим гордится. Уортону девятнадцать лет, но ему терять нечего». И подчеркнул последнее предложение.

Рука, обнимавшая мои плечи, теперь растирала мне спину. Я начал успокаиваться. В эту минуту я любил Элен Коннелли, и если бы сказал ей об этом, то расцеловал бы все ее лицо. Может, нужно было сказать. В любом возрасте ужасно быть одиноким и напуганным, но, по-моему, хуже всего в старости. Однако у меня на уме было другое: давил груз старого и все еще не завершенного дела.

— Да, ты права, — сказал я, — я как раз вспоминал, как Уортон появился в блоке и чуть не убил тогда Дина Стэнтона — одного из ребят, с которыми я тогда работал.

— Как это могло случиться? — спросила Элен.

— Коварство и неосторожность, — печально ответил я. — Уортон олицетворял коварство, охранники же, что привели его, проявили неосто-

рожность. Главная ошибка — цепь на руках Уортона, она оказалась слишком длинной. Когда Дин открывал дверь в блок «Г», Уортон находился позади него. Охранники стояли по бокам, но Андерсон прав — Буйному Биллу просто нечего было терять. Он накинул цепь на шею Дину и стал его душить. Элен вздрогнула.

— Я все время думал об этом и не мог заснуть, поэтому пришел сюда. Я включил канал американской классики, надеясь, что, возможно, ты придешь и у нас будет маленькое свидание.

Она засмеялась и поцеловала меня в лоб над бровью. Когда так делала Дженис, у меня по всему телу бежали мурашки, и когда Элен поцеловала меня сегодня рано утром, мурашки тоже побежали. Наверное, есть что-то постоянное в жизни.

На экране шел черно-белый фильм про гангстеров сороковых годов под названием «Поцелуй смерти».

Я почувствовал, что меня опять начинает трясти, и попытался подавить озноб.

— В главной роли Ричард Уайлдмарк, — сказал я. — По-моему, это была его первая крупная роль. Я никогда не смотрел этот фильм с Дженис, мы обычно не ходили на фильмы про полицейских и воров, но я помню, что читал где-то, будто Уайл-

дмарк был великолепен в роли негодяя. Да, он великолепен. Очень бледный, не ходит, а плавно скользит… все время называет других «дерьмо»… говорит о стукачах, о том, как сильно он ненавидит стукачей…

Несмотря на все усилия, меня опять колотило, и я ничего не мог поделать.

— Белокурые волосы, — прошептал я. — Длинные светлые волосы. Я досмотрел до того места, где Уайлдмарк сталкивает пожилую женщину в коляске с лестницы, а потом выключил.

— Он напомнил тебе Уортона?

— Он был Уортоном, — сказал я. — По жизни.

— Пол, — начала Элен и запнулась. Она смотрела на потухший экран телевизора (коробка подключения кабеля все еще была включена, красные цифры показывали 10 — номер канала американской классики), потом снова повернулась ко мне.

— Что? — спросил я. — Что, Элен? — И подумал: «Она сейчас скажет, что я должен прекратить об этом писать. Что я должен порвать то, что уже написано, и покончить с этим».

Но она сказала: «Только не бросай писать из-за этого».

Я уставился на нее.

— Закрой рот, Пол, ворона залетит.

— Извини. Просто я… просто…

— Ты думал, что я скажу тебе прямо противоположное, так?

— Да.

Она взяла мои руки в свои (так нежно-нежно — ее длинные прекрасные пальцы с узловатыми ужасными суставами) и наклонилась вперед, неотрывно глядя в мои голубые глаза своими карими, левый из которых был слегка замутнен катарактой.

— Наверное, я слишком стара и хрупка, чтобы жить, — сказала она, — но я еще не слишком стара, чтобы думать. Что такое несколько бессонных ночей в нашем возрасте? Или привидение по телевизору, ну и что? Разве ты никогда не видел привидений?

Я вспомнил о начальнике Мурсе, о Харри Тервиллиджере и Брутусе Ховелле, подумал о матушке и о Джен, моей жене, умершей в Алабаме. Я знаю, что такое привидения, точно знаю.

— Нет, — повторил я. — Видел, и не раз. Но, Элен, это был просто шок. Потому что это был он.

Она снова поцеловала меня, потом встала, пошатываясь и прижимая ладони к бедрам, словно боясь, что суставы прорвутся сквозь кожу нару-

жу, если она сделает неосторожное движение.

— Я, пожалуй, не буду смотреть телевизор, — решила она. — У меня есть лишняя таблетка, я ее берегла на черный день… или ночь. Я сейчас приму ее и пойду опять спать. Может, и ты сделаешь то же самое.

— Да, наверное, тоже пойду, — сказал я. И на секунду вдруг подумал предложить ей пойти вместе. Но потом увидел затаенную боль в ее глазах и решил не делать этого. Потому что она может согласиться, и согласиться только ради меня. Нехорошо.

Мы ушли из телевизионной комнаты (я не возвеличиваю ее этим названием, даже не иронизирую) рука об руку, я подстраивался под ее шаги, а она шла медленно и осторожно. В здании было тихо, лишь только кто-то за одной из закрытых дверей стонал во сне от кошмарного сна.

— Как думаешь, ты сможешь заснуть? — спросила она.

— Да, наверное, — ответил я, хотя, конечно же, не мог, я лежал на кровати до рассвета, думая о «Поцелуе смерти». Я видел, как Ричард Уайлдмарк, дико хохоча, привязывал пожилую леди к коляске, а потом сталкивал вниз по лестнице. «Вот так мы поступаем со стукачами», — сказал

он ей, и тут его лицо превратилось в лицо Вильяма Уортона, такого, каким он был в тот день, когда поступил в блок «Г» на Зеленую Милю: Уортон хохотал, как Уайлдмарк, Уортон кричал: «У нас сегодня праздник или что?» Я даже не стал завтракать после всего этого, я просто пришел сюда в солярий и начал писать.

Привидения? Конечно.

Я знаю все о привидениях.

2

— Эй, ребята! — засмеялся Уортон. — У нас сегодня праздник или что?

Все время крича и смеясь, Уортон снова принялся душить Дина своей цепью. А почему бы и нет? Уортон знал то, что и Дин, и Харри, и мой друг Брутус Ховелл: поджарить его можно лишь один раз.

— Бей его! — закричал Харри Тервиллиджер. Он бросился на Уортона, пытаясь остановить все в самом начале, но Уортон его отбросил, и Харри пытался подняться на ноги. — Перси, бей его!

Но Перси только стоял с дубинкой в руке, вытаращив глаза, как суповые миски. Он так любил свою дубинку, вы скажете, что вот появился шанс поработать ею, которого он искал с самого прихода в Холодную Гору. Но шанс представился, а он был слишком напуган, чтобы воспользоваться им. Перед ним оказался не перепуганный французик вроде Делакруа и не черный великан, который вообще был словно не в себе, как Джон Коффи, перед ним стоял сущий дьявол.

Я выскочил из камеры Уортона, уронив бумаги и выхватив пистолет. Второй раз за этот день

я забыл про свою инфекцию, жгущую мне низ живота. Я не сомневаюсь в правдивости рассказа остальных о том, что у Уортона было безучастное лицо и отсутствующие глаза, как они потом говорили, но тот, кого я увидел, был не Уортон. Я увидел лицо зверя — не разумного, а хитрого, злобного… и веселого. Да. Он делал то, для чего был создан. Место и обстоятельства значения не имели. А еще я увидел красное, раздувшееся лицо Дина Стэнтона. Он умирал на моих глазах. Уортон увидел пистолет и повернул Дина перед собой так, что при стрельбе я обязательно задел бы обоих. Из-за плеча Дина сверкающий голубой глаз призывал меня выстрелить. Второй глаз Уортона прятался за волосами Дина. Дальше я увидел Перси, замершего в нерешительности с приподнятой дубинкой. И вот тогда в дверном проеме показалось чудо во плоти: Брутус Ховелл. Он закончил перетаскивать оборудование лазарета и пришел узнать, не хочет ли кто кофе.

Брут начал действовать без малейших колебаний: отодвинул Перси в сторону, вжав в стену одним зубодробительным толчком, вытащил свою дубинку из петли и со всей силой обрушил серию ударов по затылку Уортона правой рукой. Послышался глухой звук, словно по скорлупе,

как будто в черепе Уортона совсем не было мозгов, — и наконец цепь вокруг шеи Дина ослабла. Уортон упал, как мешок с мукой, а Дин отполз в сторону, хрипло кашляя, держась рукой за горло, с вытаращенными глазами.

Я сел на колени возле него, но он резко покачал головой.

— Все нормально, — выдохнул он. — Следите… ним! — Он показал головой на Уортона. — Закройте! Камера!

Я подумал, что после такого тяжелого удара Брута Уортону понадобится не камера, а гроб. Но увы! — нам не повезло. Уортон был оглушен, но далеко не покойник. Он лежал, растянувшись на боку, откинув одну руку, так что пальцы касались линолеума на Зеленой Миле, закрыв глаза, дыхание его было медленным, но ровным. На лице даже появилось подобие мирной улыбки, словно он заснул под звуки своей любимой колыбельной. Тоненькая струйка крови стекала по волосам, окрашивая воротник его новой тюремной рубашки. Вот и все.

— Перси, — сказал я. — Помоги мне!

Перси не шевельнулся, просто стоял у стены, глядя широко открытыми испуганными глазами. Вряд ли он соображал, где находится.

— Перси, черт бы тебя побрал, а ну держи его!

Тогда он сдвинулся, а Харри помог ему. Втроем мы перетащили бесчувственное тело мистера Уортона в камеру, пока Брут помогал Дину подняться и держал его по-матерински нежно, а Дин в это время наклонялся вперед и заглатывал в легкие воздух.

Наш новый «проблемный ребенок» не просыпался почти три часа, а когда проснулся, то оказалось, что мощный удар Брута не оставил никаких следов. Уортон двигался, как и раньше — быстро. Только что он лежал на койке, словно мертвый, а в следующую секунду уже стоял у решетки — молча, как кот, — и смотрел на меня, пока я сидел за столом дежурного и писал рапорт о происшествии. Когда в конце концов я почувствовал взгляд и поднял глаза, он был тут как тут, с улыбочкой, демонстрирующей ряд почерневших и уже поредевших гнилых зубов. Я вздрогнул, увидев его. Я старался этого не показать, но по-моему, он понял.

— Эй, холуй, — бросил он. — В следующий раз твоя очередь. И я не промахнусь.

— Привет, Уортон, — сказал я как можно спокойнее. — При таких обстоятельствах, думаю, можно пропустить приветственную речь, прав-

да?

Его ухмылка стала шире. Он ожидал иного ответа, да и я ответил бы иначе при других обстоятельствах. Но пока Уортон был без сознания, кое-что произошло. Думаю, это то самое важное, ради чего я исписал уже столько страниц. А теперь посмотрим, поверите ли вы.

3

После происшествия с Уортоном Перси вел себя тихо и лишь однажды наорал на Делакруа. Наверное, он вел себя так из-за потрясения, а совсем не из чувства такта; по-моему, Перси Уэтмор знал об этом чувстве не больше, чем я о племенах Черной Африки, но все равно, это было приятно. Если бы он попытался возмущаться по поводу того, что Брут толкнул его об стену, или оттого, что никто не сообщил ему о таких паиньках, как Буйный Билли Уортон, иногда поступающих в блок «Г», ему бы точно несдобровать. И тогда мы смогли бы пройти Зеленую Милю совсем по-другому. Смешно, если вдуматься. Я упустил возможность побывать в шкуре Джеймса Кэгни из «Белой жары».

Хотя мы были уверены, что Дин сможет дышать, а не свалится замертво тут же, Харри и Брут все-таки отвели его в лазарет. Делакруа, молча наблюдавший за происходящим (а он провел в тюрьме много лет и знал, когда нужно держать рот закрытым, а когда относительно безопасно его снова открыть), стал громко кричать в коридор, пока Харри и Брут выводили Дина. Делакруа

интересовало, что случилось. Можно подумать, нарушали его конституционные права.

— Слушай, ты, заткнись! — огрызнулся Перси так разъяренно, что на шее набухли жилы. Я дотронулся до его плеча и почувствовал, что он дрожит под рубашкой. Отчасти это объяснялось обычным страхом (хочу себе напомнить, что одна из проблем с Перси состояла с том, что ему был всего двадцать один год, чуть больше, чем Уортону), но дрожал он все-таки в основном от злости. Он ненавидел Делакруа. Не знаю, за что и почему, но это так.

— Пойди узнай, на месте ли начальник Мурс, — сказал я Перси. — Если да, то дай ему полный отчет о том, что произошло. Скажи, что мой письменный рапорт он получит завтра утром, если я успею его составить.

Перси надулся от важности. На секунду мне показалось, что он возьмет под козырек.

— Есть, сэр, сделаю.

— Начни с того, что обстановка в блоке «Г» нормальная. Это не детектив, и начальнику не очень понравится, если ты будешь вдаваться в подробности и нагнетать напряжение.

— Я не буду.

— Ладно. Иди.

Он пошел уже к двери, но повернул назад. Нужно было всегда иметь в виду его чувство противоречия. Я безумно хотел, чтобы он убрался, боль в паху становилась нестерпимой, а он, похоже, не очень хотел уходить.

— С тобой все в порядке, Пол? — спросил он. — У тебя лихорадка? Подхватил грипп? У тебя все лицо в испарине.

— Может, я и подхватил что, но в основном, все в порядке, — сказал я. — Иди, Перси, доложи начальнику.

Он кивнул и ушел — слава Богу за маленькие милости. Как только дверь закрылась, я бегом рванул в свой кабинет. Оставлять стол дежурного без присмотра — это нарушение правил, но мне было не до того. Мне было плохо, почти так же, как утром.

Я успел добежать до туалета и справиться со штанами до того, как полилась моча, но я едва успел. Одну руку я прижал ко рту, чтобы сдержать крик, а другой не глядя ухватился за край умывальника. Здесь не дом, где можно упасть на колени и сделать лужу у поленницы, если бы я упал на колени тут, моча залила бы весь пол.

Мне удалось не упасть и не закричать, но я был очень близок и к тому, и к другому. Казалось, мо-

ча наполнена мельчайшими осколками стекла. Запах, исходивший от унитаза, был затхлый и неприятный, и я увидел что-то белое, наверное гной, расплывающийся по поверхности воды.

Я снял с крюка полотенце и вытер лицо. Пот заливал меня, лихорадка выходила вместе с ним. Взглянув в зеркало, я увидел пылающее от жара лицо. Интересно, какая температура, градусов тридцать восемь? Или тридцать девять? Наверное, лучше не знать. Я повесил полотенце на место, спустил воду и медленно прошел через кабинет к двери, ведущей в блок камер. Я боялся, что Билл Додж или кто-нибудь еще зайдет и увидит, что трое заключенных без присмотра, но в блоке было пусто. Уортон все еще лежал без сознания на своей койке. Делакруа молчал, а Джон Коффи, я вдруг понял, вообще никогда не издавал звуков. Никаких. И это настораживало.

Я прошел вниз по Миле и заглянул в камеру Коффи, уже начиная подозревать, что тот покончил с собой одним из двух принятых на Этаже Смерти способов: повесился на собственных брюках либо перегрыз себе вены. Оказалось, ничего подобного. Коффи просто сидел на койке, положив руки на колени, — самый крупный человек из всех, что я видел в жизни, и смотрел на меня

своими нездешними влажными глазами.

— Капитан, — позвал он.

— В чем дело, парень?

— Мне нужно вас увидеть.

— А разве ты сейчас меня не видишь, Джон Коффи?

Он ничего не ответил, продолжая изучать своим странным влажным взглядом. Я вздохнул.

— Сейчас, парень.

Я посмотрел на Делакруа, стоящего у решетки своей камеры. Мистер Джинглз, его любимец — мышонок (Делакруа всем говорил, что это он научил Мистера Джинглза делать трюки, но мы, те кто работал на Зеленой Миле, все равно оставались едины во мнении, что Мистер Джинглз научился сам), без остановки прыгал с одной вытянутой руки Дела на другую, как акробат, совершающий прыжки под куполом цирка. Глаза сверкали, уши были прижаты к маленькой коричневой голове. Я не сомневался, что мышь реагирует на нервные импульсы Делакруа. Пока я смотрел, мышонок сбежал по штанине Делакруа на пол и побежал в стене, где лежала ярко раскрашенная катушка. Он прикатил ее к ноге Делакруа и выжидающе глядел вверх, но французик не обращал в этот момент внимания на

своего дружка.

— Что там, босс? — спросил Дэл. — Кто пострадал?

— Все нормально, — ответил я. — Наш новый мальчик показал когти, но сейчас он смирный, как овечка. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Еще не кончилось, — сказал Делакруа, глядя в ту сторону коридора, где лежал Уортон. — L'homme mauvais, c'est vrai![1]

— Ну не расстраивайся так, Дэл, — успокоил его я. — Никто ведь не заставляет тебя играть с ним во дворе в скакалочки.

За спиной послышался скрип койки — поднялся Коффи.

— Босс Эджкум! — позвал он опять. На этот раз настойчивее. — Мне нужно поговорить с вами.

Я повернулся к нему, думая, что все нормально, разговаривать — наша работа. И все время старался не дрожать, потому что лихорадка перешла в озноб, иногда так бывает. Горело только одно место: пах, словно его разрезали, набили горячими углями и зашили снова.

— Ну, говори, Джон Коффи. — Я старался говорить легко и спокойно. Впервые за время

---

[1] Примечания: 1
Плохой человек, это видно (фр.).

пребывания Коффи в блоке «Г» я увидел, что он на самом деле здесь, действительно среди нас. Нескончаемый поток слез из уголков глаз впервые прекратился, и я понял, что он видит того, на кого сейчас смотрит, — мистера Пола Эджкума, старшего надзирателя блока «Г», а не то место, куда бы хотел вернуться, чтобы исправить тот чудовищный поступок, который совершил.

— Нет, — сказал он. — Вы должны войти сюда.

— Сейчас, понимаешь ли, я не могу этого сделать. — Я старался все еще удержать легкий тон. — По крайней мере в настоящий момент. Я один сейчас здесь, а ты превосходишь меня по весу тонны на полторы. Мне хватило уже одной потасовки на сегодня. Так что давай просто поговорим через решетку, если тебе все равно, и…

— Пожалуйста! — Он так крепко сжал прутья решетки, что побелели суставы и ногти. Лицо удлинилось и приняло страдальческое выражение, в глазах застыла тревога, которую я не мог понять. Помню, я подумал, что, может, и понял бы, не будь так болен, и от этой мысли мне стало легче с ним разговаривать. Если ты знаешь, что человеку нужно, то чаще понимаешь и самого человека.

— Пожалуйста, босс Эджкум! Вам нужно войти

ко мне!

«Ничего более неразумного не слыхивал», — подумал я, а потом ощутил нечто еще более безумное: я это сделаю. Я снял ключи с пояса и стал искать ключ от камеры Джона Коффи. Он мог бы взять меня одной левой и легко бросить через колено, даже когда я здоров, а сегодня был не тот момент. Но все равно я решил к нему войти. Сам, один и меньше чем через полчаса после наглядной демонстрации того, к чему могут привести халатность и тупость при работе с осужденными убийцами, я собирался открыть камеру этого черного великана, зайти в нее и сесть с ним рядом. Если меня обнаружат, я потеряю работу, даже если он ничего плохого не сделает, и вот я все равно готов на это пойти.

Остановись, говорил я себе, пора остановиться, Пол. Но не остановился. Я открыл верхний замок, потом нижний, затем отодвинул дверь в сторону.

— Эй, начальник, а ты хорошо подумал? — произнес Делакруа таким тревожным и дрожащим голосом, что при других обстоятельствах я бы засмеялся.

— Занимайся своим делом, а в своих я уж разберусь как-нибудь сам, — сказал я, не оглянувшись.

Мой взгляд был прикован к глазам Джона Коффи, да так, словно прибит гвоздями. Похоже на гипноз. Мой голос доносился до меня, словно издалека, отдаваясь гулким эхом. Черт возьми, наверное, я был загипнотизирован. — Ты ложись, отдохни.

— Боже, здесь все с ума посходили, — дрожащим голосом запричитал Делакруа. — Мистер Джинглз, лучше бы меня поджарили, чтоб этого не видеть!

Я вошел в камеру Коффи. Он отошел, пропуская меня. Потом снова подошел к койке — она приходилась ему по икры, вот какой он был высокий — и сел. Сел и похлопал рукой по матрасу рядом с ним, потом обнял меня за плечи, словно мы сидели в кино и я был его девушкой.

— Чего тебе надо, Джон Коффи? — спросил я, все еще глядя в его глаза — печальные и серьезные.

— Просто помочь. — Он вздохнул, как человек принимающийся за работу, которую не очень-то хочется делать, а потом положил свою ладонь мне на пах в области лобковой кости.

— Эй! — закричал я. — Убери свою мерзкую руку…

И тут меня словно током ударило, сильно, но не больно. Я дернулся на койке и согнулся, вспом-

нив, как старик Тут-Тут кричал, что он жарится и что он — жареный индюк. Я не ощущал ни жара, ни электротока, но на секунду мир потерял цвет, словно его выжали и он запотел. Я видел каждую пору на лице Джона Коффи, я видел все сосуды его пристальных глаз, я видел маленькую царапинку у него на подбородке. Я чувствовал, что мои пальцы сжимают воздух, а ступни барабанят по полу.

Потом все прошло. И моя «мочевая» инфекция тоже. И жар, и пульсирование в паху исчезли вместе с лихорадкой. Я еще ощущал испарину, пока пот испарялся с кожи, я чувствовал его запах, но вот прошла и она.

— Что там такое? — пронзительно кричал Делакруа. Его голос долетал издалека, но, когда Джон Коффи наклонился вперед, отведя взгляд от моих глаз, голос французика вдруг стал яснее. Словно из ушей у меня вытащили вату. — Что он делает?

Я не ответил. Коффи перегнулся вперед, лицо его перекосилось, шея раздулась. Глаза почти вылезли из орбит. Он напоминал человека, подавившегося куриной косточкой.

— Джон! — Я похлопал его по спине: больше ничего не смог придумать. — Джон, что с тобой?

Он вздрогнул под моей рукой и издал неприят-

ный утробный звук, словно его сейчас стошнит. Он открыл рот так, как иногда делают лошади: зубы оскалены в презрительной усмешке. Потом, разжав зубы, он выдохнул облачко мелких черных насекомых, похожих на мошек или комаров. Они яростно закружились между его коленей, стали белыми, а потом исчезли.

Внезапно тяжесть ушла из нижней части моего живота, как будто все мускулы там превратились в воду. Я прислонился спиной к каменной стенке камеры Коффи. Помню, что повторял снова и снова имя Спасителя: Христос, Христос, Христос, а еще помню, как подумал о том, что из-за лихорадки у меня бред.

А потом я услышал, что Делакруа зовет на помощь, он кричал всему миру, что Джон Коффи меня убивает, вопил во всю мощь своих легких. Коффи и правда наклонился надо мной, но лишь для того, чтобы убедиться, что со мной все хорошо.

— Дэл, заткнись, — проговорил я, поднимаясь. Я ожидал, что боль пронзит мои внутренности, но ничего не случилось. Я чувствовал себя лучше. В самом деле. На секунду у меня закружилась голова, но головокружение прошло еще до того, как я протянул руку и схватился за прутья решетки на

двери в камеру Коффи. — Со мной все в порядке.

— Выходите оттуда скорее, — сказал Делакруа таким тоном, каким нервные пожилые женщины велят ребенку «слезть с этой яблони». — Вам нельзя находиться там, когда на блоке никого нет.

Я посмотрел на Джона Коффи, который сидел на койке, положив свои огромные руки на колени. Джон Коффи взглянул на меня. Для этого ему пришлось лишь слегка приподнять подбородок.

— Что ты сделал, парень? — спросил я тихо. — Что ты со мной сделал?

— Помог. Я ведь помог вам, правда?

— Да, наверное, но как? Как ты мне помог?

Он покрутил головой: направо, налево, назад. Коффи не знал, как он помог (как вылечил), а его простецкое лицо говорило о том, что ему наплевать, как это получилось, все равно что мне было безразлично, какова механика бега, когда я шел первым последние пятьдесят метров двухмильного забега в честь Дня Независимости. Я хотел спросить, откуда он узнал, что я болен, но не стал, потому что в ответ получил бы точно такое же отрицательное движение головой. Где-то я вычитал фразу, которую все время помню: что-то про «загадку, окутанную тайной». Именно это и

представлял собой Джон Коффи, и спать по ночам он мог только потому, наверное, что ему было все равно. Перси называл его «идиот», жестоко, но не так далеко от истины. Наш великан знал свое имя, знал, что оно пишется иначе, чем напиток, и это все, что ему хотелось знать.

И, словно подчеркнув это мне еще раз, он намеренно покачал опять головой, потом лег на койку, положив сложенные ладони под левую щеку, как подушку, и отвернулся к стене. Ступни его свисали с койки, но его это нисколько не волновало. Рубашка на спине задралась кверху, и я увидел шрамы, исполосовавшие кожу.

Я вышел из камеры, закрыл замки, потом посмотрев на Делакруа, который, вцепившись руками в прутья решетки, глядел на меня с беспокойством. А может, даже со страхом. Мистер Джинглз восседал у него на плече, и его светлые усики шевелились.

— Что этот черный человек делал с тобой? — прошептал Делакруа. — Это что у него, амулет? Он приложил к тебе амулет? — Странный французский акцент рифмовал «амулет» и «туалет».

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Дэл.

— Понимаешь, черт бы тебя побрал! Посмотри на себя! Весь переменился! Даже походка изме-

нилась, босс!

Наверное, и вправду моя походка стала другой. Я не ощущал боли в паху, чувствуя вместо этого умиротворение, близкое к восторгу, — тот, кто хоть раз страдал от сильной боли, а потом выздоровел, понимает, о чем речь.

— Все в порядке, Дэл, — настаивал я. — Джону Коффи просто приснился кошмарный сон, вот и все.

— Он колдун с амулетом! — с горячностью произнес Делакруа. На верхней губе у него выступили капельки пота. Дэл не так много видел, но ему хватило, чтобы перепугаться до смерти. — Он приносит несчастье.

— Почему ты так думаешь?

Делакруа взял мышонка на ладонь. Он прикрыл его другой ладонью и поднес к своему лицу. Потом вынул из кармана кусок розового мятного леденца. Протянул его мышонку, но тот сначала не обратил на леденец внимания, а вытянул шею, принюхиваясь к дыханию человека, словно вдыхая аромат цветов. Его бусинки-глаза были полуприкрыты и на мордочке написано выражение восторга, Делакруа поцеловал его в носик, и мышонок позволил себя поцеловать. Потом он взял предложенный кусочек леденца и принялся

жевать. Делакруа смотрел на него несколько секунд, затем перевел взгляд на меня. И я сразу понял.

— Тебе мышонок сказал, — произнес я. — Так?

— Oui.

— Так же, как прошептал свое имя?

— Да, он шепнул его мне на ухо.

— Ложись, Дэл, — предложил я. — Отдохни. Все эти шептанья, наверное, тебя утомили. — Он сказал что-то еще, должно быть, осудил за то, что не верю ему. Его голос снова долетал как бы издалека. А когда я вернулся к столу дежурного, мне казалось, что я не иду, а плыву или вообще это камеры плывут мимо меня с обеих сторон, передвигаясь на потайных колесах.

Я хотел было сесть, как обычно, но на полпути мои колени подкосились, и я свалился на голубую подушку, которую год назад Харри принес из дома и положил на сиденье. Если бы стул стоял чуть дальше, я плюхнулся бы прямо на пол, не успев сосчитать до трех.

Вот так и сидел, не ощущая никакой боли в паху, где еще десять минут назад горел лесной пожар.

«Я помог вам, правда?» — сказал Джон Коффи, и это было правдой, мое тело это подтверждало. Но

умиротворения в моей душе не наступило. Этому он совсем не помог.

Мой взгляд упал на стопку бумаг под жестяной пепельницей на углу стола. На верхней стояло: «Отчет по блоку», а где-то посередине была графа, озаглавленная «Отчет о необычных происшествиях». Я заполню ее вечером, когда начну составлять рапорт о ярком и шумном прибытии Вильяма Уортона. Но нужно ли рассказывать, что произошло со мной в камере Джона Коффи? Я представил, как беру карандаш, тот, чей кончик всегда облизывал Брут, и вывожу одно слово крупными прописными буквами: ЧУДО.

Это, наверное, выглядело смешно, но вместо того, чтобы улыбаться, я вдруг почувствовал, что сейчас заплачу. Я закрыл лицо руками, прижав ладони ко рту, чтобы сдержать рыдания: мне не хотелось опять пугать Дэла, когда он только-только начал успокаиваться. Но рыданий не было, как не было и слез. Через несколько секунд я отнял руки от лица и сложил их на столе. Не знаю, что я чувствовал, но в моей голове жила единственная ясная мысль, чтобы никто не вернулся в блок, пока я не возьму себя в руки. Я боялся того, что они смогут увидеть на моем лице.

Я придвинул к себе бланк отчета. Я хотел по-

дождать, пока успокоюсь, чтобы написать о том, как мой последний «проблемный ребенок» чуть не задушил Дина Стэнтона, но бюрократические штуки вполне мог заполнить сейчас. Я боялся, что мой почерк тоже будет смешным — дрожащим, но писал, как обычно.

Через пять минут я положил карандаш и пошел в туалет рядом с моим кабинетом. В общем-то, не сильно и хотелось, но, думаю, мне не терпелось проверить, что же случилось со мной! Стоя в ожидании, когда потечет, я предчувствовал, что будет больно, как утром, когда казалось, будто из меня выходят мелкие осколки стекла, и то, что он сделал, в конце концов окажется всего лишь гипнозом, просто временным облегчением.

Боли я не почувствовал, а моча оказалась чистой, без признаков гноя. Я застегнул брюки, потянул за цепочку и вернулся к столу дежурного продолжать работу.

Я знал, что произошло. Наверное, знал это даже тогда, когда пытался убедить себя, что был под гипнозом. Я получил исцеление, настоящее, чудесное, от Всемогущего Бога. Еще мальчиком, посещая всякие баптистские или пятидесятнические церкви, которые почитались моей матерью и сестрами в определенный месяц года, я наслу-

шался разных историй о чудесных исцелениях. Не все я принимал на веру, но многим людям верил. Один из них — мужчина по имени Рой Делфинс, живший неподалеку от нас со своей семьей, когда мне было лет шесть. Делфинс случайно отрубил топором пальчик своему маленькому сыну, когда тот неосторожно положил руку на полено, которое держал, помогая отцу рубить дрова. Рой Делфинс сказал, что почти протер ковер коленями в молитвах осенью и зимой, а весной пальчик прирос снова. Даже ноготь стал расти. Я поверил Рою Делфинсу, когда тот свидетельствовал об этом во время празднования в четверг вечером. В том, что он говорил, чувствовалась неподдельная искренность; он стоял, засунув руки в карманы комбинезона, и не поверить ему было невозможно. Когда палец начал прирастать, его сначала покалывало, палец не давал спать ночью, говорил Рой Делфинс, но он знал, что это божественное покалывание, и терпел. Молитесь Иисусу, Отче наш, сущий на Небесах.

Рассказ Роя Делфинса был одним из многих, я воспитывался в традициях чудес и исцелений. Я вырос с верой и в амулеты (только там, в горах, мы рифмовали его со словом «портрет»), — болотная вода от бородавок, мох под подушкой от

сердечной боли из-за потерянной любви — и, конечно же, в то, что мы называли талисманами, но я не верил, что Джон Коффи колдун. Я смотрел ему в глаза. Более того, я ощутил его прикосновение. Оно было как прикосновение странного и удивительного доктора.

— Я ведь помог, правда?

Эти слова все звенели и звенели у меня в голове, как обрывок песенки, от которой никак не можешь избавиться, или как слова заклинания.

— Я ведь помог, правда?

Правда, только помог не он. Помог Господь. И если Джон Коффи говорил «я», то скорее от незнания, чем из гордости, но я знал, верил по крайней мере в то, что узнал об исцелениях в этих церквях (Молитвы «Отче наш, сущий на Небесах»), в сосновых деревянных домиках, так милых сердцу моей двадцатидвухлетней матушки и теток: исцеление зависит не от исцеляемого и не от целителя, а только от воли Божьей. Для того, кто просто поправился после болезни, это нормально, так и должно быть, но человек исцеленный должен потом спросить «почему», задуматься о воле Божьей и о том, какие сверхъестественные пути прошел Господь для осуществления воли своей.

Чего же тогда Бог хотел от меня? Чего так

сильно желал, что вложил целительную силу в руки детоубийцы? Чтобы я остался в блоке, а не дрожал дома в постели, больной, как собака, с мерзким запахом серы, исходящей из всех моих пор? Возможно. А может быть, мне нужно было находиться здесь, а не дома на тот случай, если Буйный Билл Уортон опять решит выкинуть какой-нибудь номер, или для того, чтобы Перси Уэтмор не отмочил что-нибудь идиотское и разрушительное. Ну ладно, что ж. Я буду смотреть вокруг и помалкивать, особенно о чудесных исцелениях.

Никто не удивится тому, что я лучше выгляжу, я всем говорил, что мне лучше, и до сегодняшнего дня действительно в это верил. Я даже сказал начальнику Мурсу, что поправляюсь. Кое-что видел Делакруа, но я подумал, что он тоже будет помалкивать (опасаясь, вероятно, что Джон Коффи напустит порчу, если станет болтать). Что же касается самого Коффи, то он, наверное, уже забыл обо всем. В конце концов, он всего лишь посредник, передаточная труба, а ни одна труба не вспомнит, что за вода текла в ней, когда перестанет идти дождь. Так что я решил молчать по этому поводу и не представлял себе вовсе, когда смогу рассказать об этом и тем более, кому.

Однако, нужно признаться, этот громадный парень был мне интересен. А после того, что произошло со мной в его камере, он стал мне еще интереснее.

4

Прежде чем уйти домой в тот день, я договорился с Брутом, что он заменит меня утром, если я задержусь, а когда проснулся, то сразу же отправился в городок Тефтон графства Трапингус.

— Что-то мне не очень нравится, что ты так беспокоишься об этом Коффи, — сказала жена, протягивая мне пакет с приготовленным завтраком (Дженис не доверяла гамбургерам из придорожных забегаловок, она говорила, что в каждом из них — расстройство желудка). — Это на тебя не похоже, Пол.

— Я не беспокоюсь о нем, — объяснил я. — Мне просто интересно, вот и все.

— Опыт мне подсказывает, что одно с другим всегда связано, — язвительно заметила Дженис и крепко поцеловала меня в губы. — Я бы сказала, что ты стал лучше выглядеть. А то я уже стала волноваться. Твои «водные артерии» прошли?

— Да, все прошло, — ответил я и уехал, всю дорогу напевая песенки вроде «Приходи, Джозефина, покатаемся в машине» или «Мы богачи».

Сначала я зашел в редакцию тефтонской газеты «Интеллидженсер», и там мне сообщили, что па-

рень, которого я ищу, — Берт Хэммерсмит, скорее всего в здании суда графства. В здании суда мне сказали, что Хэммерсмит был, но ушел, после того как прорвало трубу и заседание суда отложили. Рассматривалось дело об изнасиловании (на страницах «Интеллидженсера» преступление будет упоминаться как «нападение на женщину», именно в таком стиле описывались подобные дела, пока на сцене не появлялись Рикки Лейк и Карни Вильсон). Вероятнее всего, он пошел домой, объяснили мне. Я узнал, в каком направлении нужно ехать по грунтовой дороге, такой разбитой и узкой, что я с трудом осмелился направить на нее свой «форд», и там наконец нашел нужного мне господина. Хэммерсмит написал большую часть очерков о суде над Коффи, и именно от него я узнал многие подробности преследования, которое и привело к поимке Коффи. Подробности, которые в «Интеллидженсере» посчитали слишком ужасными, чтобы напечатать.

Миссис Хэммерсмит оказалась симпатичной молодой женщиной с усталым лицом и покрасневшими от стирки руками. Она не спросила, по какому я делу, а просто провела через весь дом, пахнущий выпечкой, на заднее крыльцо, где сидел ее муж с бутылкой ситро в руке и нерас-

крытым номером журнала «Либерти» на коленях. За домом был небольшой, уходящий углом двор. В дальнем конце двое маленьких детей то смеялись, то ссорились из-за качелей. С крыльца было трудно различить, какого они пола, но мне показалось, что это мальчик и девочка. Возможно, даже двойняшки, что придавало участию их отца в суде над Коффи особую личную окраску. Чуть поближе, посреди вытоптанного, усыпанного пометом участка земли, айсбергом возвышалась собачья конура. Но никаких признаков ее хозяина; день был опять не по сезону жарким, и я подумал, что он, вероятно, храпит внутри.

— Берт, вот тебе и компания, — сказала миссис Хэммерсмит.

— Хорошо. — Он взглянул на меня, затем на жену, а потом опять стал смотреть на детей, и стало ясно, что сердце его с ними. Он был очень худ, даже болезненно худ, словно только стал выздоравливать после тяжелой болезни, его волосы начинали редеть. Жена робко положила ему на плечо покрасневшую, распухшую от стирки руку. Он не взглянул и не дотронулся до нее, и она убрала руку. Мне вдруг показалось на секунду, что они похожи больше на брата и сестру, чем на мужа и жену: у него ум, у нее — внешность,

но в обоих просматривается некое фамильное сходство, наследство, которого трудно избежать. Позже, уже по дороге домой, я понял, что они совсем не похожи, такими их сделали следы пережитого стресса и давней печали. Так странно, боль оставляет следы на наших лицах и делает похожими друг на друга.

Она спросила:

— Хотите выпить чего-нибудь холодного, мистер…

— Эджкум, — подсказал я. — Пол Эджкум. Спасибо. Что-нибудь холодное — это отлично, мадам.

Она снова вошла в дом. Я протянул руку, Хэммерсмит ответил кратким рукопожатием. Оно было вялым и холодным. Взгляд его оставался прикован к детям в глубине двора.

— Мистер Хэммерсмит, я работаю старшим надзирателем блока «Г» в тюрьме «Холодная Гора». Это…

— Я знаю, что это такое, — перебил он и посмотрел на меня с чуть большим интересом. — То есть главный надзиратель Зеленой Мили стоит на моем крыльце собственной персоной. Что привело вас за пятьдесят миль для разговора с единственным штатным репортером местной газетенки?

— Джон Коффи, — ответил я.

Наверное, я ожидал какой-то сильной реакции (ассоциации с детьми-двойняшками вертелись у меня в голове… да еще собачья конура; у Деттериков была собака), но Хэммерсмит только поднял брови и отхлебнул из бутылки.

— Теперь проблемы с Коффи у вас, так? — уточнил Хэммерсмит.

— С ним не так много проблем, — сказал я. — Он не любит темноты, почти все время плачет, но эти проблемы не мешают работать. Бывает и хуже.

— Много плачет, да? — спросил Хэммерсмит. — Да, я бы сказал, ему есть над чем поплакать. Учитывая то, что он сделал. Что бы вы хотели узнать?

— Все, что расскажете. Я читал ваши очерки в газетах, так что, наверное, мне бы хотелось знать все, что не попало туда.

Он смерил меня острым сухим взглядом.

— Как выглядели девочки? Что именно он с ними сделал? Вас интересуют такие подробности, мистер Эджкум?

— Нет, — ответил я, стараясь говорить мягко. — Меня интересуют не девочки Деттерик, сэр. Бедные малышки мертвы. А Коффи жив — еще жив, — и меня интересует он.

— Хорошо, — кивнул он. — Берите стул и садитесь, мистер Эджкум. Простите, если говорю сейчас слишком резко, но мне приходится часто сталкиваться со стервятниками. Боже, меня самого в этом обвиняли. Я просто хотел вас проверить.

— И как, проверили?

— Думаю, что да, — сказал он почти безразлично. То, что он мне рассказал, очень похоже на уже описанное мной ранее: как миссис Деттерик обнаружила, что на веранде никого нет, дверь сорвана с верхней петли, одеяла скомканы в углу, кровь на ступеньках; как ее сын и муж пустились в погоню за похитителем девочек; как отряд догнал сначала их, а потом чуть позже Джона Коффи. Как Коффи сидел на берегу реки и выл, держа в своих громадных руках тела девочек, словно больших кукол. Репортер — худой, в белой рубашке с расстегнутым воротом и серых брюках — говорил спокойным бесстрастным голосом… а его взгляд не отрывался от детей, которые ссорились и смеялись, и качались по очереди на качелях в тени в дальнем конце двора. Где-то посередине рассказа пришла миссис Хэммерсмит с бутылкой домашнего пива — холодного, крепкого и изысканного. Она постояла и послушала

немного, а потом отвлеклась, чтобы спуститься к детям и сказать им, чтобы пришли к дому, потому что будет вынимать печенье из духовки. «Мы сейчас, мама!» — прозвенел голос маленькой девочки, и женщина вернулась на крыльцо.

Когда Хэммерсмит закончил, он спросил:

— А почему, собственно, вам все это нужно знать? Ко мне никогда не приходили из охраны Большого дома, вы первый.

— Я ведь говорил вам…

— Понятно, любопытство. Народу любопытно, я понимаю. Слава Богу, а не то я бы остался без работы и пришлось бы действительно трудиться, чтобы прожить. Но пятьдесят миль слишком много, и вряд ли стоило их преодолевать из чистого любопытства, особенно, если последние двадцать миль идут по плохой дороге. Почему вы не говорите мне правды, Эджкум? Я удовлетворил ваше любопытство, теперь ответьте и вы мне.

Я мог бы, конечно, рассказать, что у меня была «мочевая» инфекция, а Джон Коффи положил на меня руки и вылечил ее. Это сделал человек, который изнасиловал и убил двух маленьких девочек. И меня это, конечно, удивило, как удивило бы любого. Я даже подумал, а не могло ли случиться так, что Хомер Крибус и помощник

Роб Макджи поймали не того человека. Несмотря на все улики против него, я сомневался. Потому что образ человека, чьи руки обладают такой удивительной силой, обычно не ассоциируется с типом, который насилует и убивает детей.

Нет, пожалуй, это не пойдет.

— Меня интересуют две вещи, — сказал я. — Во-первых, совершал ли он что-нибудь подобное раньше.

Хэммерсмит повернулся ко мне, в его глазах засветился неподдельный интерес, и я понял, что он очень сообразительный человек. Может даже блестяще умный, но по-своему незаметный.

— Почему? — спросил он. — Что вы знаете, Эджкум? Что он сказал?

— Да ничего. Но если человек сотворил такое, то обычно он делал подобное и раньше. Эти люди входят во вкус.

— Да. Так и бывает. Действительно так и бывает.

— И мне показалось, что будет несложно проследить его путь и все узнать. Такой большой человек, да еще негр — фигура довольно заметная.

— Вы так думали, но вы ошибались, — сказал он. — Во всяком случае насчет Коффи. Я знаю.

— Вы пытались это сделать?

— Да, и ничего не нашел. Пара железнодорожников, которые вроде бы видели его в Кноксвил-Ярдзе за два дня до убийства девочек Деттерик. Неудивительно, ведь его схватили за рекой как раз напротив Большой южной магистрали, и, наверное, он там проходил по пути из Теннесси. Я получил письмо от человека, который написал, что нанял огромного чернокожего лысого мужчину переносить корзины ранней весной того года, это было в Кентукки. Я отправил ему фотографию Коффи, и он опознал его. Но кроме этого… — Хэммерсмит пожал плечами и покачал головой.

— Вам не показалось это странным?

— Это показалось мне более чем странным, мистер Эджкум. Он словно свалился с неба. И от него никакой пользы: он не может вспомнить, что было на прошлой неделе, когда наступает следующая.

— Да, не может, — согласился я. — А как вы это объясняете?

— Мы живем в эпоху депрессии, — сказал он. — Вот так я это объясняю. Все куда-то едут. Оклахомцы отправляются в Калифорнию собирать персики, бедные белые из лесов хотят собирать автомобили в Детройте, чернокожие из

Миссисиппи желают переехать в Новую Англию и работать на обувной фабрике или на ткацкой. И все они — и черные, и белые — думают, что на новом месте им будет лучше. Такой вот американский образ жизни, черт бы его побрал. Даже такой великан, как Коффи, может остаться незамеченным… пока, да, пока он не решит убить пару маленьких девочек. Маленьких белых девочек.

— Вы верите в это? — спросил я.

Он ласково посмотрел на меня:

— Иногда.

Его жена высунулась из кухонного окна, как машинист из кабины локомотива, и закричала: «Дети, печенье готово! — Потом обратилась ко мне: — Не хотите ли овсяного печенья с изюмом, мистер Эджкум?».

— Я уверен, что оно превосходно, мадам, но я воздержусь.

— Ну ладно, — сказала она и исчезла из окна.

— Вы видели его шрамы? — вдруг спросил Хэммерсмит. Он все еще наблюдал за детьми, которые никак не могли оторваться от качелей, даже ради овсяного печенья с изюмом.

— Да. — Я был удивлен, что он тоже заметил. Он увидел мою реакцию и засмеялся.

— Одной из побед защитника было то, что ему удалось заставить Коффи снять рубашку и показать свои шрамы присяжным. Обвинитель Джордж Петерсон, протестовал как мог, но судья разрешил. Старый Джордж зря сотрясал воздух: здешние присяжные не придерживаются всех этих психологических бредней о том, что люди, с которыми плохо обращались в детстве, просто не могут себя контролировать. Они верят в то, что люди всегда за себя отвечают. Я тоже во многом разделяю эту точку зрения… но все равно, эти шрамы были ужасающими. Вы рассмотрели их, Эджкум?

Я видел Коффи раздетым в душе и понял, о чем он говорил.

— Они все словно размазаны, расплывчатые такие.

— Вы знаете, что это означает?

— Кто-то избил его до полусмерти, когда он был маленьким, — сказал я. — До того, как он вырос.

— Но им не удалось изгнать из него дьявола, так, Эджкум? Лучше бы поберегли палку и утопили его в реке, как слепого котенка, правда?

Я подумал, что, наверное, следует просто согласиться и уйти, но не смог. Я видел его. И я также ощутил его. Ощутил прикосновение его рук.

— Он… странный, — произнес я. — Но в нем нет признаков агрессивности и склонности к насилию. Я знаю, как его нашли, это не согласуется с тем, что я вижу каждый день на блоке. Мне известно, что такое агрессивные люди, мистер Хэммерсмит. — Я подумал, конечно, об Уортоне, душившем Дина Стэнтона цепью и оравшем: «Эй, ребята! У нас сегодня праздник или что?»

Теперь он смотрел на меня пристально и слегка улыбался недоверчивой улыбкой, которой я не придал большого значения.

— Вы приехали не для того, чтобы понять, мог ли он убить других девочек в другом месте, — проговорил он. — Вы приехали узнать, думаю ли я, что он этого вообще не совершал. Ведь так, правда? Признайтесь, Эджкум.

Я допил свое холодное пиво, поставил бутылку на столик и сказал:

— И что, вы согласны?

— Дети! — позвал он детей снизу, наклонившись вперед. — Идите сейчас же сюда есть печенье! — Потом откинулся снова на стуле и посмотрел на меня. Слабая улыбка, которой я не придал значения, появилась снова.

— Я вам расскажу кое-что, — сказал он. — Слушайте внимательно, потому что, вполне

возможно, вы услышите то, что вам надо.

— Я готов.

— У нас была собака по кличке Сэр Галахад. — Он показал пальцем на будку. — Хорошая собака. Беспородная, но ласковая. Спокойная. Готовая лизать руки или принести палку. Таких помесей очень много, правда?

Я, пожав плечами, кивнул.

— Беспородная собака во многом напоминает негра-раба, — продолжал он. — Его узнаешь и зачастую начинаешь любить. Пользы от такой собаки не много, но ее держат потому, что вам кажется, будто она вас любит. Если повезет, мистер Эджкум, то вам не придется никогда узнать, что это не так. А вот нам с Синтией не повезло.

Он вздохнул — протяжно и с печальным звуком, словно ветер, перебирающий осенние опавшие листья. Он снова показал на собачью будку, и я подумал, как это я раньше не заметил запустения, мог бы догадаться и по кускам помета, уже побелевшим и рассыпающимся.

— Я обычно убирал за ним, — сказал Хэммерсмит, — и чинил крышу будки, чтобы не протекала в дождь. И в этом Сэр Галахад походил на южного негра, который тоже этого для себя не делал. Теперь я не прикасаюсь к ней, я даже

не подходил туда после несчастья… если то, что случилось, можно назвать несчастьем. Я подошел к собаке с винтовкой и застрелил ее, но с тех пор туда не подходил. Не могу. Может быть, со временем… Тогда я уберу всю эту грязь, а будку снесу.

Явились дети, и мне вдруг очень захотелось, чтобы они не подходили, — больше всего на свете. Девочка была нормальной, а вот мальчик…

Они затопали по ступенькам, глядя на меня, хихикая, а потом направились к двери в кухню.

— Калеб, — позвал Хэммерсмит. — Подойди сюда на секунду.

Девочка — точно его двойня, они были одного возраста — отправилась на кухню. Мальчик же подошел к отцу, глядя себе под ноги. Он знал, что уродлив. Ему было года четыре, наверное, но в четыре года уже можно понять, что ты уродлив. Отец взял мальчика пальцами за подбородок и попытался поднять его лицо. Сначала мальчик сопротивлялся, но когда отец попросил его: «Пожалуйста, сынок», с нежностью и теплотой в голосе, он сделал, как просили.

Громадный полукруглый шрам шел от волос, пересекая лоб и один безразлично сощуренный глаз, и дальше к уголку рта, исковерканного и застывшего в отвратительной гримасе. Одна щека

была гладкой и прелестной, а другая — шероховатой, как древесный ствол. Наверное, там была рана, но теперь она наконец зажила.

— У него один глаз, — сказал Хэммерсмит, поглаживая изуродованную щеку мальчика любящими пальцами. — Слава Богу, что он не остался совсем слепым. Мы на коленях его благодарили. Эй, Калеб?

— Да, сэр, — застенчиво сказал мальчик — мальчик, которого будут немилосердно бить словами, смехом, прозвищами в течение всех лет учебы, которого не будут приглашать поиграть в бутылочку или в почту и который вряд ли будет спать с женщиной, когда наступят времена мужских надобностей, если только не заплатил за нее, мальчик, который всегда будет вне теплого и светлого круга своих ровесников, — мальчик, который, глядя в зеркало в ближайшие пятьдесят или шестьдесят лет своей жизни, будет думать: урод, урод, урод.

— Ну иди, иди ешь свое печенье, — сказал его отец и поцеловал искривленные губы мальчика.

— Да, сэр, — проговорил Калеб и бросился внутрь. Хэммерсмит достал платок из заднего кармана и вытер глаза, они были сухие, но, я думаю, он привык, что они всегда влажные.

— Собака здесь уже была, когда они родились. Я привел пса в дом, чтобы он их понюхал, когда Синтия принесла детей домой из больницы, и Сэр Галахад лизнул их ручки. Их крошечные ручки. — Он кивнул, словно подтверждая это самому себе. — Пес с ними играл, обычно лизал лицо Арден, пока она не начинала хихикать. Калеб таскал его за уши, а когда учился ходить, то иногда ковылял по двору, держась за хвост Галахада. Пес никогда даже не рычал на них. Ни на кого.

Теперь действительно выступили слезы. Он вытер их автоматически, уже привычным движением.

— Просто не было причины, — сказал он. — Калеб не делал ему больно, не кричал на него, ничего такого. Я знаю, я присутствовал там. Если бы меня не было, мальчик, скорее всего, погиб бы. А ведь не случилось ничего, ничего, мистер Эджкум. Мальчик просто сел так, что его лицо оказалось напротив морды собаки. И что взбрело Сэру Галахаду — кто его знает, — но он бросился и схватил малыша. Он бы его загрыз, если бы смог. То же самое случилось с Коффи. Он там был, увидел девочек на веранде, схватил, изнасиловал и убил. Вы сказали, что должно быть какое-то объяснение, что он, вероятно, делал что-то подобное

в прошлом, и я понимаю вас, но, может быть, он ничего такого раньше и не делал, а этот первый раз. Может, если Коффи отпустить, он никогда такого не совершит. Может, и мой пес больше никого бы не укусил. Но я не смирился с этим. Я просто вышел с винтовкой, взял его за ошейник и отстрелил голову.

Он тяжело дышал.

— Я достаточно просвещенный человек, как и все, мистер Эджкум, я закончил колледж в Баулинг Грине, изучал историю, журналистику, немного философию. Я привык считать себя интеллигентным. Не думаю, что северяне согласны со мной, но я себя считаю интеллигентным. Я не соглашусь, чтобы вернулось обратно рабство, даже за весь чай Китая. Уверен, мы должны быть гуманными и добрыми при решении расовой проблемы. Но нам следует помнить, что такой, как ваш негр, способен укусить при первом удобном случае, как беспородный пес может укусить, если это взбредет ему в голову и представится случай. Вы хотите знать, сделал ли он это, ваш плачущий мистер Коффи со шрамами по всему телу?

Я кивнул.

— Да, — произнес Хэммерсмит. — Он это сделал.

Не сомневайтесь и не отворачивайтесь от него. С этим можно смириться раз или сто раз, даже тысячу… но в конце концов… — Он поднял руку перед моими глазами и резко постучал сложенными пальцами по большому пальцу, изображая кусающуюся пасть. — Понимаете?

Я кивнул снова.

— Он изнасиловал их, убил, а потом пожалел об этом… но девочки остались изнасилованными, остались мертвыми. Вы ведь разберетесь с ним, правда, Эджкум? Через пару недель разберетесь так, что он больше никогда такого не сделает. — Он поднялся, подошел к перилам и посмотрел на собачью конуру в центре вытоптанной полянки, посреди старого дерьма. — А теперь извините меня, — сказал он. — Раз уж я не должен быть в суде после обеда, то думал, что смогу побыть немного со своей семьей. Ведь дети только раз бывают маленькими.

— Да, конечно, — согласился я. Мои губы словно онемели и казались чужими. — И спасибо за то, что уделили мне столько времени.

— Да не за что, — сказал он.

Из дома Хэммерсмита я поехал прямо в тюрьму. Дорога была долгой, и на этот раз я не мог сократить ее пением песенок. Казалось, все песни

на какое-то время ушли из меня. Перед глазами стояло изуродованное лицо бедного мальчика. И рука Хэммерсмита, его пальцы, сложенные в кусающуюся морду.

5

Свой первый поход в смирительную комнату Буйный Билл Уортон совершил на следующий же день. Все утро, да и днем тоже он выглядел смирным и кротким, словно барашек Мэри, и, как потом мы поняли, это состояние было для него неестественным и означало: что-то не в порядке. Потом где-то в половине восьмого вечера Харри вдруг почувствовал теплые капли на манжетах форменных брюк, которые он надел первый раз после стирки. Это была моча. Вильям Уортон стоял в своей камере и, оскалив почерневшие зубы, мочился на брюки и башмаки Харри Тервиллиджера.

— Этот сукин сын, наверное, терпел весь день, чтобы побольше набралось, — говорил Харри позднее все еще с отвращением и омерзением.

Да, вот так и было. Настала пора показать Вильяму Уортону, кто заказывает музыку в блоке «Г». Харри позвал Брута и меня, я поднял Дина и Перси, которые тоже находились на блоке. У нас было трое заключенных, если вы помните, и мы работали в полном составе: моя группа с семи вечера до трех ночи — время, когда чаще

всего возникают нештатные ситуации, — и две другие смены в остальное время суток. Те смены состояли в основном из временных охранников, обычно под руководством Билла Доджа. В конце концов это неплохо, я это чувствовал, и, если бы мог назначить Перси в дневную смену, было бы еще лучше. И все же я этого так и не сделал. И до сих пор иногда спрашиваю себя: изменилось бы что-нибудь, переведи я его тогда?

В помещении склада был пожарный кран, чуть в стороне от Олд Спарки, Дин и Перси привинтили к нему длинный пожарный шланг и стояли около клапана, чтобы, если понадобится, сразу его открыть.

Мы с Брутом поспешили к камере Уортона, он все еще стоял, скалясь, и его хозяйство по-прежнему болталось из штанов. Я принес смирительную рубашку и положил ее на полку в кабинете еще перед уходом домой вчера, думая, а вдруг она понадобится для нашего новенького «трудного мальчика». Теперь я держал ее в руках, просунув указательный палец в одну из петель. За нами шел Харри, держа наконечник шланга, который извивался в мой кабинет, а оттуда в помещение склада, где Дин и Перси изо всех сил быстро разматывали барабан.

— Ну как, нравится? — спросил Буйный Билл. Он смеялся, как ребенок на карнавале, смеялся так, что почти не мог говорить, слезы текли у него по щекам. — Вы пришли так быстро, что я даже не ожидал. А я вам готовлю какашки на закуску. Теплые и мягкие. Завтра выдам…

Он увидел, что я открываю дверь его камеры и прищурился. Он заметил, что Брут держит в одной руке револьвер, а в другой — дубинку, и глаза его сузились еще больше.

— Только попробуйте сюда войти, вас отсюда вынесут, Крошка Билли вам это гарантирует, — объявил он нам. Его взгляд снова остановился на мне. — А если ты попытаешься напялить на меня эту рубашку для шизиков, то увидишь, что будет, старый кобель.

— Здесь не ты командуешь, понял? — сказал я ему. — А если ты настолько туп, что не понял, то придется тебя слегка подучить.

Я открыл второй замок и отодвинул дверь в сторону. Уортон отступил к койке, его пенис все еще высовывался из штанов, протянул руки ко мне и поманил пальчиками:

— Ну давай, давай, мерзкий козел. — Они меня будут учить, а этот старикашка так и рвется в учителя. — Он перевел взгляд на Брута и одарил

его гнилозубой улыбкой. — Ну давай, верзила, начинай. Только теперь тебе не удастся зайти мне за спину. И опусти свою пушку, все равно ведь стрелять не будешь. Давай поборемся один на один и посмотрим, кто из нас лучше…

Брут шагнул в камеру, но не к Уортону. Он отошел влево, пройдя через дверь, и Уортон вытаращил глаза, увидев направленный на него пожарный шланг.

— Нет, не надо, — пробормотал он. — Не надо, нет…

— Дин, — закричал я. — Включай! На полную!

Уортон, рванулся вперед, и Брут нанес ему сильнейший удар дубинкой — я уверен, что о таком ударе мечтал Перси, — поперек лба как раз меж бровей. Уортон, считавший наверное, что до его прихода у нас не было неприятностей, осел на колени с широко открытыми невидящими глазами. Когда пошла вода, Харри отошел на шаг под ее напором, а потом, сжимая наконечник шланга, нацелил его, как автомат. Струя ударила Буйного Билла Уортона прямо в середину груди, сбив на пол и загнав под койку. Ниже по коридору Делакруа прыгал с ноги на ногу, издавая резкие звуки и крича Джону Коффи, чтобы тот рассказал, что там происходит, кто побеждает

и как этому новенькому шизику нравится душ по-китайски. Джон не отвечал, просто тихо стоял в своих слишком коротких брюках и тюремных шлепанцах. Мне удалось лишь один раз бросить на него взгляд, и я успел заметить прежнее выражение его лица — печальное и отрешенное.

— Отключай воду! — крикнул Брут через плечо и быстро вбежал в камеру. Он просунул руки под мышки Уортона, находящегося почти в бессознательном состоянии, и выволок его из-под койки. Уортон кашлял и издавал булькающие звуки. Кровь стекала на его помутневшие глаза из раны на лбу, где дубинка Брута рассекла кожу.

Процесс надевания смирительной рубашки мы с Брутом отработали до автоматизма, проделывая это, как пара водевильных танцоров, разучивающих новый танец. И всякий раз оставались довольны собой. Как и в этот раз. Брут посадил Уортона и вытянул его руки ко мне, как дети тянут руки к новой кукле. Сознание только начало возвращаться к Уортону, в глазах забрезжило понимание того, что, если он не начнет сейчас же бороться, потом может быть поздно, но связь между мозгом и мышцами еще не восстановилась, и пока он ее не починил, я натянул рукава рубашки ему на руки, а Брут застегнул пряжки

на спине. Пока он справлялся с застежками, я схватил завязки манжет, перекинул рукава крест-накрест за спину и связал вместе холщовой завязкой. После этого стало казаться, что Уортон сам себя обнимает.

— Черт тебя подери, истукан, ну как там они с ним управляются? — восклицал Делакруа. Я слышал также писк Мистера Джинглза, которому будто тоже было интересно.

Появился Перси в мокрой, облепившей тело рубашке от долгой борьбы с вентилем, лицо его пылало от возбуждения. За ним шел Дин с ожерельем багрового синяка на шее, и гораздо менее взволнованный.

— Ну давай, Буйный Билл, — сказал я и поднял Уортона на ноги. — Немножко сделай топ-топ.

— Не называй меня так! — резко выкрикнул Уортон, наверное, впервые обнаружив свои настоящие чувства, скинув маску умного зверя.

— Буйный Билл Хайкок не был крутым! Он не ходил на медведя с ножом! Он был таким же бродягой, как Джон Лоу! Тупой сукин сын сидел у двери, и его убил алкаш!

— Боже ж ты мой, целый урок истории! — воскликнул Брут и вытолкал Уортона из камеры. — Попадая сюда, никто не знает, что получит, но

все будет здорово. Особенно когда здесь такие славные ребята, как ты, это похоже на правду. И знаешь что? Скоро ты сам станешь историей, Буйный Билл. А сейчас пойдешь по коридору, там для тебя приготовлена комната. Освежающая.

Уортон издал яростный, нечленораздельный вопль и бросился на Брута, хотя был запакован в смирительную рубашку и рукава завязаны за спиной. Перси схватился уже за свою дубинку — рецепт Уэтмора на все случаи жизни, — но Дин перехватил его руку. Перси взглянул на него недоумевающе и возмущенно, словно хотел сказать: «После всего того, что Уортон сделал, с тобой, ты еще хочешь меня удержать?»

Брут оттолкнул Уортона назад. Я поймал его и толкнул Харри. А Харри толкнул его по Зеленой Миле мимо ликующего Делакруа и безучастного Коффи. Уортон побежал, чтобы не упасть лицом на пол, и всю дорогу изрыгал ругательства. Проклятия сыпались, словно искры с электрода сварщика. Мы втолкнули его в последнюю камеру с правой стороны, пока Дин, Харри и Перси (который впервые жаловался на то, что все время перерабатывает) выносили всякий хлам из смирительной комнаты. Пока они это делали, я коротко поговорил с Уортоном.

— Ты думаешь, что крутой, — сказал я, — может, сынок, так и есть, но здесь это не имеет значения. Твои дни все равно сочтены. Если нам с тобой будет легко, то и тебе будет легко с нами. Если ты нам добавишь проблем, ты все равно умрешь, только мы тебя сначала заточим, как карандаш.

— Вы будете счастливы, когда мне придет конец, — хрипло проговорил Уортон. Он дергался в смирительной рубашке, даже зная, что ничего из этого не выйдет, его лицо стало красным, как помидор. — А пока я не уйду, я попорчу вам крови. — И он обнажил свои зубы, как злобный бабуин.

— Если ты только хочешь попортить нам крови, то тебе это уже удалось, можешь перестать, — вмешался Брут. — Но пока идет твое время на Миле, Уортон, нам плевать, можешь весь срок просидеть в комнате с мягкими стенами. И носить эту рубашку до тех пор, пока от недостатка кровообращения твои руки не сгниют от гангрены и не отпадут. — Он перевел дух. — Сюда ведь никто не приходит. И если ты думаешь, будто кого-то волнует, что творится с тобой, то ошибаешься. Для всего мира ты уже мертвый.

Уортон внимательно вглядывался в Брута, и краска медленно сползла с его лица.

— Выпустите меня, — сказал он миролюбиво — слишком серьезно, чтобы поверить. — Я хорошо буду себя вести. Честное слово.

В дверях камеры появился Харри. Конец коридора стал похож на блошиный рынок, но мы привыкли все быстро приводить в порядок, раз уж начали. Мы и раньше это делали, мы знали, как надо.

— Все готово, — объявил Харри.

Брут схватил за выступ холщовой рубашки, где находился правый локоть Уортона и поднял его на ноги.

— Пошли, Буйный Билл. И постарайся посмотреть на все с хорошей стороны. В твоем распоряжении по меньшей мере сутки, чтобы запомнить, что нельзя сидеть спиной к двери и никогда не стоит откалывать такие номера.

— Выпустите меня, — заныл Уортон. Он переводил взгляд с Брута на Харри, потом на меня, и лицо его снова наливалось краской. — Я стану хорошо себя вести, говорю вам, я усвоил урок. Я… я… у-ум-ммм…

Он вдруг упал на пол, оказавшись наполовину в камере, наполовину на веселеньком линолеуме, дрыгая ногами и корчась всем телом.

— Боже, да у него судороги, — прошептал Пер-

си.

— Конечно, а моя сестра — вавилонская блудница, — невозмутимо произнес Брут. — Она танцует хучи-кучи для Моисея по субботам в длинной белой накидке. — Он наклонился и зацепил Уортона одной рукой под мышкой. Я взялся с другой стороны. Уортон трепетал между нами, как пойманная рыба. Было ужасно неприятно тащить его дергающееся тело и слышать хрипение и пуканье.

Я поднял глаза и на секунду встретился взглядом с Джоном Коффи. Глаза его покраснели, щеки были влажными. Он опять плакал. Я вспомнил Хэммерсмита и его кусающий жест и поежился. Потом снова обратился к Уортону.

Мы швырнули его в смирительную комнату, будто мешок, и смотрели, как он дергается на полу рядом с водостоком, где мы однажды вели поиски мышонка, появившегося в блоке «Г» под именем Вилли-Пароход.

— Мне все равно, если он проглотит свой язык или еще чего и умрет, — сказал Дин хриплым и резким голосом, — но подумайте, ребята, сколько потом понадобится бумаг! Мы не будем успевать их писать.

— Да черт с ними, с бумагами, подумай о том,

какие слухи пойдут, — мрачно сказал Харри. — Мы потеряем эту проклятую работу и кончим тем, что отправимся собирать горох на Миссисиппи. Знаете, что такое Миссисиппи? Это индейское название задницы.

— Да не умрет он и не проглотит свой грязный язык, — успокоил их Брут. — Завтра, когда откроем эту дверь, он будет как огурчик. Слово даю.

Так оно и случилось. Когда на следующий вечер в девять часов мы привели его обратно в камеру, он был тих, бледен и вроде бы покорен. Он шел, опустив голову, и уже не пытался никого задеть, когда сняли смирительную рубашку, Уортон безразлично смотрел на меня, когда я говорил, что в следующий раз будет то же самое, и ему надо подумать, сколько времени он хочет провести, писая в штаны и кушая детское питание из ложечки.

— Я буду хорошо себя вести, босс, я понял урок, — прошептал он слабым голосом, когда мы запирали его снова в его камеру. Брут посмотрел на меня и подмигнул.

На следующий вечер Вильям Уортон, называющий себя Крошка Билли и никогда — Джон Лоу Буйный, Билл Хайкок, купил шоколадный рожок у старика Тут-Тута. Такое Уортону было строжай-

ше запрещено, но охрана после обеда состояла из временных, я уже говорил об этом, поэтому сделка состоялась. Сам Тут тоже прекрасно знал о запрете, но для него тележка с продуктами всегда была источником дохода, а деньги, как известно, не пахнут.

Ночью, когда Брут обходил камеры, Уортон стоял у двери. Он подождал, пока Брут взглянет на него, а потом хлопнул ладонями по надутым щекам и выстрелил густой и удивительно длинной струей шоколадной жижи прямо ему в лицо. Уортон запихал себе в рот шоколадный рожок целиком, держал его, пока тот не растворился, а потом мусолил, как жевательный табак.

Уортон с вымазанным шоколадом подбородком повалился на свою койку, задирая ноги и хохоча, показывая пальцем на Брута, на лице которого шоколада было куда больше.

— Ха-ха, Черный Самбо, сэр, босс, как поживаете? — хохотал Уортон, держась за живот. — Господи, если бы это было дерьмо! Как жаль, что это не дерьмо! Если бы у меня было хоть немного.

— Сам ты дерьмо, — проревел Брут. — А теперь, собирай чемоданы, сейчас опять отправишься в свой любимый туалет.

Уортона снова запаковали в смирительную

рубашку, и опять мы затащили его в комнату с мягкими стенками. На этот раз на два дня. Иногда мы слышали доносившиеся оттуда ругательства, обещания, что он станет хорошим, что он образумится и будет хорошим, что ему нужен врач, что он умирает. Но чаще всего, Уортон все-таки молчал. Молчал, когда мы его выводили, и опять понуро шел, опустив голову, глядя перед собой и не отвечая, когда Харри говорил ему:

— Запомни, все зависит от тебя.

Какое-то время он вел себя нормально, а потом придумывал что-то еще. Почти все, что он пытался выкинуть, делали и до него (разве что этот трюк с шоколадным рожком, даже Брут признал его оригинальным), но его настойчивость пугала. Я боялся, что рано или поздно кто-нибудь допустит оплошность, и тогда придется дорого заплатить. А такое положение могло сохраняться еще долго, потому что где-то у Уортона был адвокат, обивающий пороги и доказывающий всем, как это неправильно убивать парня, у которого молоко на губах еще не обсохло… и который, между прочим, белый, как старый Джефф Дэвис. Жаловаться на это было бесполезно, ведь уберечь Уортона от электрического стула входило в обязанности адвоката. А беречь его в надежном

месте входило в наши обязанности. И в конце концов, адвокат там или не адвокат, а Олд Спарки Уортону не миновать.

6

Именно на этой неделе Мелинда Мурс, жена начальника тюрьмы, вернулась домой из Индианолы. Докторам она уже была не нужна: они получили свои новомодные рентгеновские снимки опухоли, отметили в истории болезни слабость ее руки и невыносимые боли, мучившие ее тогда уже почти постоянно, — и на этом закончили. Они дали ее мужу кучу таблеток с морфием и отправили Мелинду домой умирать. Хэл Мурс взял больничный, ненадолго, в те дни длинных отпусков не давали, на сколько мог, чтобы хоть как-то помочь ей.

Дня через три после возвращения Мелинды домой мы с женой поехали ее навестить. Я позвонил заранее, и Хэл сказал: хорошо, приезжайте, у Мелинды сегодня неплохой день, и она будет рада вас видеть.

— Терпеть не могу таких визитов, — заметил я Дженис, когда мы подъезжали к домику, где Мурсы прожили почти всю свою совместную жизнь.

— Никто не любит, дорогой, — ответила она и погладила меня по руке. — Мы поддержим ее, и ей станет легче.

— Я надеюсь.

Мелинду мы увидели в гостиной, она сидела в лучах не по сезону теплого октябрьского солнца, и первое, что меня поразило: она похудела килограммов на сорок. Конечно же, это было не так, если бы она настолько похудела, то вряд ли сидела бы здесь, но мой мозг так отреагировал на то, что увидели глаза. Обтянутый кожей череп, а кожа — цвета пергамента. Под глазами были темные круги. И впервые за столько лет я увидел, что она сидит в кресле-качалке без работы на коленях: ни лоскутов для одеяла, ни полосок ткани для плетения ковриков. Она просто сидела. Как в ожидании поезда.

— Мелинда, — мягко произнесла моя жена. Я думаю, она была потрясена не меньше, а скорее больше, чем я, но перенесла это стойко, как могут некоторые женщины. Она подошла к Мелинде, присела около ее кресла-качалки и взяла за руку. В этот момент мой взгляд упал на синий ковер перед камином. Мне пришло в голову, что он должен быть зеленоватым, потому что теперь эта комната превратилась в подобие Зеленой Мили.

— Я привезла тебе чай, — сказала Джен. — Я сама его составляла. Замечательный снотворный чай. Я оставила его в кухне.

— Спасибо тебе, дорогая, — проговорила Мелинда. Ее голос был усталым и бесцветным.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросила жена.

— Уже лучше, — отозвалась Мелинда безразличным скрипучим голосом. — Не так, чтобы прямо пуститься в пляс, но по крайней мере сегодня нет боли. Врачи дали мне таблетки от головной боли. Иногда они помогают.

— Это неплохо, ведь правда?

— Да, но я ничего не могу держать. Что-то случилось с моей рукой. — Она подняла ее, посмотрела на нее так, словно никогда не видела раньше, потом снова опустила себе на колени. — Что-то случилось… со мной вообще. — Она беззвучно заплакала, и я вспомнил поэтому Джона Коффи. И в моей голове снова зазвенели его слова: «Я ведь помог, правда? Я ведь помог, правда?». Как стишок, от которого никак не отвяжешься.

Вошел Хэл. Он обнял меня за плечи, и я обрадовался этому, можете мне верить, мы пошли в кухню, и он налил мне полрюмки самогона, крепкого, свежего, только что привезенного откуда-то из села. Мы сдвинули рюмки и выпили. Напиток обжигал горло, как нефть, но ощущение в желудке было божественным. Хотя, когда Мурс

протянул мне кружку, словно спрашивая, не повторить ли, я отрицательно покачал головой. Буйный Билл Уортон был избавлен от смирительных средств, по крайней мере в данный момент, — и было бы небезопасно находиться рядом с ним со слегка затуманенной алкоголем головой. Даже если нас разделяла решетка.

— Я не знаю, Пол, сколько смогу выдержать, — тихо сказал он. — По утрам к нам приходит девушка помочь мне с ней, но врачи говорят, что у нее может отказать кишечник, и тогда… тогда… — Он замолчал, сдерживая в горле рыдания, не желая плакать при мне опять.

— Постарайся сделать все, что в твоих силах. Я протянул руку через стол и быстро пожал его бессильную, в веснушках руку. — Делай это изо дня в день, а остальное предоставь Господу. Больше ты, пожалуй, ничего не можешь, так?

— Пожалуй, да. Но это так тяжело, Пол. Я молю Бога, чтобы ты никогда не узнал, как это тяжело.

Сделав над собой усилие, он взял себя в руки.

— А теперь расскажи, что нового. Как вы там справляетесь с Вильямом Уортоном? И как уживаетесь с Перси Уэтмором?

Мы немного поговорили о работе, и на этом визит закончился. Позже всю дорогу домой, когда

моя жена почти все время сидела рядом молча, задумчивая и с мокрыми глазами, в голове у меня прыгали слова Коффи (почти как Мистер Джинглз в камере у Делакруа): «Я ведь помог, правда?».

— Это ужасно, — в какой-то момент печально произнесла моя жена. — И никто ничем не может ей помочь.

Я кивнул в знак согласия и подумал: «Я ведь помог, правда?». Но мысль казалась безумной, и я постарался отогнать ее.

Когда мы въезжали в свой двор, она заговорила во второй раз, но не о старом друге Мелинде, а о моей «мочевой» инфекции. Спросила, совсем ли она прошла. Я ответил, что совсем.

— Ну и отлично, — сказала она и поцеловала в заветное место над бровью. — Может, нам стоит кое-чем заняться, если, конечно, у тебя есть время и желание.

Поскольку последнего было много, да и первого хватало, я взял ее за руку и отвел в спальню, раздел ее, а она гладила ту мою часть, которая разбухла и пульсировала, но уже не болела. И когда я двигался в ее сладких глубинах медленно, как она любила — как мы оба любили, — я опять вспомнил слова Джона Коффи, что он помог, он ведь помог, правда? Как мелодия песенки, не

выходящая из ума, пока не вспомнится целиком.

А еще позднее, по дороге в тюрьму, я стал думать о том, что уже очень скоро нам придется начать репетицию казни Делакруа. Это привело к мысли, что на сей раз Перси будет распорядителем, и я ощутил холодок страха. Я уговаривал себя, что нужно просто через это пройти, всего одна казнь — и мы скорее всего освободимся от Перси… но холодок остался, словно инфекция, от которой я так страдал, не прошла вовсе, а просто переместилась в другое место — из паха в затылок.

7

— Собирайся, пошли, — сказал Брут Дэлу на следующий вечер. — Мы немного погуляем. Ты, я и Мистер Джинглз.

Делакруа посмотрел на него недоверчиво, а потом полез в коробку за мышонком. Он посадил его на ладошку и смотрел на Брута прищуренными глазами.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Сегодня для тебя и Мистера Джинглза большой вечер, — сказал Дин, подходя вместе с Харри к Бруту. Синяк вокруг шеи Дина стал неприятно желтым, но он уже мог опять говорить нормально, а не как пес, дающий на кота. — Как ты думаешь, Брут, нужны ему наручники?

Брут слегка задумался.

— Не-а, — произнес он наконец. — Он будет хорошо себя вести, правда, Дэл? И ты, и твоя мышка. В конце концов, ты сегодня даешь представление для довольно высокой публики.

Мы с Перси стояли около стола дежурного, наблюдая: Перси сложил руки на груди, и на его губах играла презрительная улыбка. Через секунду он вынул свою роговую расческу и стал

причесываться. Джон Коффи тоже смотрел, стоя в молчании у решетки своей камеры. Уортон лежал на койке, глядя в потолок и не обращая внимания на происходящее. Он все еще «вел себя хорошо», хотя это «хорошо» врачи в Бриар Ридже назвали бы ступором. И еще один человек присутствовал. Его не было видно из-за двери моего кабинета, но его тонкая тень падала из двери на Зеленую Милю.

— Что происходит, вы что, с ума сошли? — недовольно спросил Дал, поджимая ноги на койке, когда Брут отпер оба замка его камеры и открыл дверь. Его взгляд перебегал с одного охранника на другого.

— Ну ладно, слушай, — сказал Брут. — Мистер Мурс ушел в отпуск, у него жена умирает, может, ты слышал. Поэтому его заменит мистер Андерсон. Мистер Кэртис Андерсон.

— Да? А я тут при чем?

— При чем? — вступил в разговор Харри. — Босс Андерсон слышал о твоей мыши, Дэл, и хочет увидеть ее трюки. Он и еще шестеро других сейчас ждут твоего представления в административном корпусе. И не только обычные охранники, говорят, среди них есть и большие шишки. Один из них — даже политик из столицы штата.

Делакруа заметно приосанился, и я не заметил ни тени сомнения в его лице. Конечно, они хотят увидеть Мистера Джинглза, а кто ж не хочет?

Он засуетился, залез сначала под койку, а потом под подушку. Достал одну из больших розовых мятных конфет и разноцветную катушку. Вопросительно взглянул на Брута, тот кивнул.

— Да, наверное, они хотели посмотреть именно трюк с катушкой, но то, как он ест леденцы, тоже ужасно занятно. И не забудь коробку. Ты ведь понесешь его в ней, так?

Делакруа взял коробку, положил в нее принадлежности Мистера Джинглза, а самого посадил на плечо. Когда он гордо выходил из камеры, то посмотрел на Дина и Харри:

— А вы, ребята, идете?

— Нет, — ответил Дин. — У нас дела. Но ты им покажи, Дэл, покажи им, что бывает, когда парень из Луизианы кладет молоток и начинает работать по-настоящему.

— Ладно. — Улыбка озарила его лицо таким внезапным и полным счастьем, что на секунду мне стало его жаль, несмотря на совершенное им ужасное преступление. В каком мире мы живем, в каком мире!

Делакруа обернулся к Джону Коффи, с которым

у них возникло что-то вроде дружбы, как часто бывало среди сотни других приговоренных к смерти.

— Давай, покажи им, Дэл, — сказал Коффи серьезно. — Покажи им все его штучки.

Делакруа кивнул и поднес руку к плечу. Мистер Джинглз сошел на нее, словно на платформу, и Делакруа протянул руку к камере Коффи, Коффи просунул сквозь решетку огромный палец, и, будь я проклят, если мышонок не вытянул шею и не лизнул его кончик, как собака.

— Пошли Дэл, хватит копаться, — поторопил Брут. — Эти ребята отложили дома обед, чтобы посмотреть, как твоя мышь выкидывает коленца. — Это, конечно, была неправда, Андерсон пробудет в тюрьме до восьми вечера, а охранники, которых он привел посмотреть «шоу» Делакруа, и того больше — до одиннадцати или двенадцати, смотря когда кончаются их смены. «Политик из столицы штата» скорее всего окажется обычным швейцаром в позаимствованном галстуке. Но Делакруа не должен об этом знать.

— Я готов, — сказал Делакруа просто, тоном звезды, чудом сохранившей демократизм. — Пошли. — И, пока Брут вел его по Зеленой Миле и Мистер Джинглз восседал у него на плече, Дела-

круа снова начал вещать.

— Messieurs et mesdames? Bieavenue au cirque de mousie! «Месье и медам! Добро пожаловать в мышиный цирк!», — но даже уйдя с головой в мир своих фантазий, он постарался подальше обойти Перси и посмотрел на него с недоверием.

Харри и Дин остановились перед пустой камерой напротив Уортона (этот тип так и не шелохнулся). Они посмотрели, как Брут открыл дверь в прогулочный дворик, где их ожидали два других охранника, и вывел Дэла из блока давать представление перед самыми большими и влиятельными манекенами в тюрьме «Холодная Гора». Мы подождали, пока дверь снова закроется, потом я посмотрел в сторону своего кабинета. Тень еще виднелась на полу, узкая, похожая на женскую, и я был рад, что Делакруа в волнении ее не заметил.

— Выходи, давай, — сказал я. — И по-быстрому, ребята. Я хочу, чтоб мы прошли два раза, а времени у нас в обрез.

Старик Тут-Тут, как всегда, с ясными глазами и лохматой головой, вышел из кабинета, направился к камере Делакруа и прошел внутрь через открытую дверь.

— Сижу, — произнес он. — Я сижу, я сижу, я

сижу.

Я подумал, что настоящий цирк как раз здесь, и закрыл на секунду глаза. Да, здесь действительно цирк, а мы все — всего лишь стайка дрессированных мышей. Потом я отбросил эту мысль, и мы начали репетировать.

8

Первая репетиция прошла нормально, вторая тоже. Перси действовал лучше, чем я мог представить в самых невообразимых мечтах. Это не означало, что все пройдет гладко, когда действительно настанет час для французика пройти по Миле, но шаг в нужном направлении сделан. Мне показалось, что все шло хорошо лишь потому, что Перси наконец делал то, что ему нравилось. Мне представлялось это подозрительным, но я старался не придавать этому значения. Зачем? Он наденет на Делакруа шлем, включит ток — и все, оба исчезнут. Если это не счастливый финал, то что? И, как сказал Мурс, Делакруа все равно умрет, неважно, кто будет при этом распорядителем.

И тем не менее Перси показал себя неплохо в новой роли, и сам это понимал. Мы все понимали. Что же касается меня, то чувствовал себя слишком хорошо, чтобы ненавидеть его сейчас. Похоже было, что все идет как надо. Еще большее облегчение я испытал, увидев, что Перси действительно прислушивается к нашим наставлениям и предостережениям. Честно говоря, сегодня

мы этим очень увлеклись, даже Дин, который обычно старался держаться подальше от Перси и поменьше думать о нем, если получалось. И неудивительно: я думаю, для большинства зрелых мужчин нет ничего более приятного видеть, что молодой и неопытный человек прислушивается к их советам, и в этом смысле мы не были исключением. В результате никто из нас, включая и меня, не заметил, что Буйный Билл Уортон уже не глядит в потолок. Он смотрел на нас, когда мы стояли у стола дежурного и наперебой давали советы Перси. Мы давали советы! А он делал вид, что слушает! Смешно, особенно если учесть, что из этого вышло.

Звук открывающегося замка в двери прогулочного дворика положил конец нашему послерепетиционному обсуждению. Дин предупреждающе посмотрел на Перси.

— Помни, ни слова, ни неверного взгляда, — сказал он. — Мы не хотим, чтобы он знал, что здесь делается. Это для них плохо. Они расстраиваются.

Перси кивнул и поднес палец к губам жестом, который, он думал, будет выглядеть смешным, но не получилось. Дверь в прогулочный двор открылась, и вошел Делакруа в сопровождении Брута,

который нес коробку из-под сигар с разноцветной катушкой внутри, словно ассистент волшебника в водевильном шоу, уносящий принадлежности хозяина со сцены в конце акта. Мистер Джинглз восседал на плече Делакруа. А сам Делакруа? Уверяю вас, Лилли Лангтри не была счастливей после выступления в Белом Доме.

— Им понравился Мистер Джинглз! — объявил Делакруа. — Они смеялись, кричали «браво» и хлопали в ладоши.

— Да, это классно. — Перси произнес это снисходительным, начальственным тоном, который совсем не напоминал прежнего Перси. — Иди в камеру, старожил!

Делакруа бросил на него взгляд, полный недоверия, и тут прежний Перси явился во всей красе. Он оскалил зубы в ухмылке и сделал вид, что хочет схватить Делакруа. Конечно, это была шутка. Перси был доволен и совсем не собирался никого хватать, но Делакруа этого не знал. Он отпрянул со страхом, и, споткнувшись о громадную ступню Брута, тяжело упал, сильно ударившись затылком о линолеум. Мистер Джинглз успел вовремя отскочить, иначе бы его раздавило, и с писком убежал по Зеленой Миле в камеру Делакруа.

Делакруа поднялся на ноги, смерил усмехаю-

щегося Перси ненавидящим взглядом и поплелся вслед за своим любимцем, зовя его по имени и потирая затылок. Брут (не знавший, что Перси проявил признаки сознательности) презрительно взглянул на Перси и пошел за Дэлом, доставая ключи.

То, что случилось потом, думаю, произошло именно из-за искреннего желания Перси принести извинения.

Я понимаю, в это трудно поверить, но в тот день он был в необычайном настроении. По правде, это лишний раз подтверждает старую циничную пословицу, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Помните, я рассказывал, как после погони за мышью, еще до прихода Делакруа, Перси слишком близко подошел к камере Президента? Так опасно делать, именно поэтому Зеленая Миля такая широкая: когда идешь точно посередине, ни с одной из сторон до тебя нельзя дотянуться. Президент тогда ничего не сделал Перси, но я, помню, подумал, что Арлен Биттербак мог бы что-нибудь выкинуть, если бы Перси подошел так близко. Просто чтобы проучить.

Да, Президент и Вождь уже ушли, но на их месте оказался Буйный Билл Уортон. Характер у него был во сто крат хуже, чем у Президента

и Вождя вместе взятых, и он смотрел весь этот маленький спектакль в надежде появиться на сцене самому. И вот благодаря Перси Уэтмору случай представился.

— Эй, Дал! — позвал Перси, смеясь, и пустился вслед за Брутом и Делакруа, не замечая, что опасно приблизился к решетке Уортона. — Эй, я не хотел тебя трогать! С тобой все в п…

Уортон в мгновение ока вскочил с койки и оказался у решетки камеры. За все время работы в охране я не видел никого, кто двигался бы так быстро, включая и тех спортивных ребят, с которыми мы с Брутом работали позже в колонии для мальчиков. Он просунул руки за прутья и схватил Перси сначала за плечи форменной блузы, а потом за горло. Уортон прижал его спиной к двери камеры. Перси визжал, как поросенок на бойне, и по глазам его было видно, что он думал, будто сейчас умрет.

— Какой славный, — прошептал Уортон. Одна рука оставила глотку Перси и взъерошила его волосы. — Мягкие, — сказал он со смехом. — Как у девушки. Я скорее трахнул бы тебя в задницу, чем переспал с твоей сестрой. — И он страстно поцеловал Перси в ухо.

Я думаю, что Перси, который избил Делакруа на

блоке лишь за то, что тот случайно провел рукой по его промежности — помните? — точно понимал, что происходит. Кровь отлила от его лица, и прыщи на щеках проступили, словно родимые пятна. Глаза расширились и стали влажными. Слюна стекала из уголка перекошенного рта тонкой струйкой. Все произошло очень быстро, секунд за десять, не больше.

Мы с Харри вышли вперед, подняв дубинки. Дин достал пистолет. Но прежде чем мы успели что-то предпринять, Уортон отпустил Перси и отступил назад, подняв руки к плечам и улыбаясь гнилыми зубами:

— Я его отпустил, я просто поиграл и отпустил его, — проговорил он. — С его прелестной головки и волосок не упал, так что не надо тащить меня в эту проклятую комнату с мягкими стенками.

Перси Уэтмор метнулся через Зеленую Милю и скорчился у зарешеченной двери пустой камеры с противоположной стороны, дыша тяжело и так громко, что было похоже на рыдания. Он наконец получил урок, почему надо держаться ближе к центру Зеленой Мили и подальше от головорезов с кусающимися зубами и хватающими когтями. Я подумал, что этот урок он запомнит намного дольше, чем все наши советы. На лице его засты-

ло выражение животного ужаса, а его роскошные волосы впервые с тех пор, как я его увидел, были в беспорядке. Он напоминал человека, чудом спасшегося от изнасилования.

На секунду воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь рыдающим и свистящим дыханием Перси. И вдруг раздался смех, внезапный и такой безумный, что мы застыли в шоке. «Уортон» — была моя первая мысль, но это оказался не он. Смеялся Делакруа, стоявший в открытой двери своей камеры и показывая пальцем на Перси. Мышь снова сидела у него на плече, и Делакруа был похож на маленького, но злобного колдуна со своим чертенком.

— Смотрите, он в штаны намочил! — завопил Делакруа. — Смотрите, что этот верзила наделал! Сначала бьет других палкой, а когда его самого тронули, то написал в штаны, как маленький!

Он смеялся и показывал пальцем, и весь его страх и ненависть к Перси звенели в этом ироническом смехе. Перси смотрел на него, словно не в силах ни пошевелиться, ни говорить. Уортон снова подошел к решетке камеры и улыбнулся, глядя, как на брюках Перси расплывается темное пятно, — небольшое, но заметное, и никто не сомневался в его происхождении.

— Нужно купить крутому мальчику пеленочку, — бросил он и вернулся, смеясь, на свою койку.

Брут подошел к камере Делакруа, но француз успел нырнуть внутрь и улечься еще до прихода Брута.

Я взял Перси за плечо.

— Перси, — начал я и дальше не знал, что сказать. Он вернулся к жизни и стряхнул мою руку. Потом взглянул на свои брюки, увидел на них расплывающееся пятно и густо-густо покраснел. Он поднял глаза на меня, затем посмотрел на Харри и Дина. Я был рад, что старик Тут-Тут ушел. Будь он здесь, история облетела бы всю тюрьму в один день. А учитывая фамилию Перси,[2] особенно неудачную в сегодняшнем контексте, эту историю смаковали бы еще долгие и долгие годы.

— Только попробуйте кому-нибудь рассказать, вы все тут же окажетесь в очередях за хлебом, — злобно прошипел он. В других обстоятельствах я обязательно дал бы ему в морду, но сейчас мне стало его жалко. И, наверное, он увидел эту жалость, и ему стало еще хуже — словно по открытой ране хлестнули крапивой.

---

[2] Примечания: 2
Wetmor (Уэтмор), англ. — мокрый.

— Что здесь происходит, здесь и остается, — тихо сказал Дин. — Можешь не беспокоиться.

Перси оглянулся через плечо на камеру Делакруа. Брут как раз закрывал дверь на замки, а изнутри ясно доносилось хихиканье Делакруа. Перси стал чернее тучи. Я хотел было сказать ему: в этой жизни что посеешь, то и пожнешь, а потом решил, что для назиданий момент не самый подходящий.

— А его, — начал Перси, но не закончил. Вместо этого он, опустив голову, пошел в кладовку искать сухие брюки.

— Он такой прелестный, — проговорил Уортон сонным голосом.

Харри велел ему заткнуть хлебальник, пока не попал в смирительную комнату просто из принципа. Уортон сложил руки на груди, закрыл глаза и притворился спящим.

9

Ночь накануне казни Делакруа оказалась более жаркой и душной, чем когда-либо: тридцать три градуса по термометру на окне приемной административного корпуса я видел, когда заступал на дежурство в шесть. Тридцать три — и это в конце октября, представляете, к тому же где-то на западе рокотал гром — ну совсем как в июле. В тот вечер я встретил в городе одного прихожанина из моего района, и он на полном серьезе спросил меня, не означает ли такая не по сезону погода конца света. Я ответил с уверенностью отрицательно, но подумал, что конец света наступит для Делакруа. Так и есть.

Билл Додж стоял в дверях в прогулочный дворик, пил кофе и курил сигаретку. Он посмотрел на меня и сказал:

— Смотрите, кто идет. Пол Эджкум, большой, как жизнь, и столь же неприглядный.

— Как дела, Билл?

— Нормально.

— Как Делакруа?

— Тоже в норме. Он вроде и понимает, что будет завтра, а вроде бы и не понимает. Знаешь, каки-

ми они становятся, когда конец действительно уже близок.

Я кивнул.

— А как Уортон?

Билл засмеялся:

— Этот клоун? Он и Джека Бенни заставит говорить, как квакера. Сказал Рольфу Веттермарку, что ел клубничное варенье из прелестей его жены.

— И что ответил Рольф?

— Что он не женат. Сказал, что Уортон, наверное, имел в виду свою мать.

Я расхохотался. Это действительно звучало смешно, хотя и не очень тонко. И так приятно смеяться и не чувствовать, что кто-то зажигает спички внизу живота. Билл тоже смеялся, потом выплеснул остатки кофе во двор, где почти никого не было, кроме нескольких долгожителей, большинство которых сидели здесь уже тысячу лет.

Где-то далеко гремела гроза, и на горизонте неясные молнии вспыхивали над головой в темнеющем небе. Билл посмотрел вверх с тревогой, перестав смеяться.

— Знаешь, — сказал он. — Не нравится мне эта погода. Словно что-то должно случиться. Что-то

ужасное.

Насчет этого он оказался прав. Ужасное произошло вскоре, где-то в четверть десятого той же ночью. Тогда Перси убил Мистера Джинглза.

10

Поначалу казалось, что ночь пройдет спокойно несмотря на жару: Джон Коффи вел себя, как всегда, тихо, Буйный Билл притворялся Тихим Биллом, а настроение Делакруа можно было считать хорошим, учитывая, что свидание с Олд Спарки ему предстояло не раньше чем через сутки.

Он понимал, что с ним случится, по крайней мере в основном: на свой последний ужин он заказал соус чили и дал мне специальные указания для кухни.

— Скажи им, пусть положат в этот острый соус что-нибудь такое, что бы обжигало и прыгало в горле — зеленый чили, а не слабый. Он меня так забирает, что на следующий день я не могу сойти с унитаза. Но на сей раз, думаю, с этим проблем не будет, n'est-ce pas?[3]

Большинство приговоренных беспокоились о своей бессмертной душе с какой-то идиотической свирепостью, но Делакруа сразу же отмел все мои вопросы о том, чего бы он хотел получить в

---

[3] Примечания: 3
Не так ли? (фр.)

последние часы для душевного комфорта. Если «этот парень» Шустер подошел для Большого Вождя Биттербака, рассуждал Дэл, то и для него сойдет. Но больше всего он беспокоился — вы уже догадались о чем, я уверен, — что будет с Мистером Джинглзом после его, Делакруа, ухода. Я привык проводить долгие часы с приговоренными в последнюю ночь перед казнью, но тогда впервые провел это время в рассуждениях о судьбе мыши.

Дэл рассматривал сценарий за сценарием, терпеливо продумывая варианты в своем затуманенном мозгу. И пока он рассуждал так вслух, желая обеспечить мышонку будущее, словно отправлял ребенка в колледж, то бросал разноцветную катушку об стену. И каждый раз Мистер Джинглз бросался за ней, находил и прикатывал назад к ноге Дэла. В конце концов это стало действовать мне на нервы: удары катушки о каменную стену и цокот мышиных лапок. И хотя трюк был интересным, часа через полтора интерес к нему как-то пропал. А Мистер Джинглз совсем не устал. Он периодически останавливался, чтобы освежиться глотком воды из кофейного блюдечка, которое Делакруа специально держал для этих целей, или подкрепиться

кусочком мятного леденца, а потом начинал все снова. Несколько раз я уже готов был остановить Делакруа, чтобы он дал мышонку отдохнуть, и каждый раз напоминал себе, что у него для игры с Мистером Джинглзом остались лишь ночь и день — и все. Но к концу все равно стало трудно себя сдерживать: знаете, как действует на нервы один и тот же звук. И я начал уже говорить, но потом что-то заставило меня посмотреть через плечо. Джон Коффи стоял у двери своей камеры и качал головой: вправо, влево. Словно он прочитал мои мысли и советовал подумать.

Я предложил отдать Мистера Джинглза незамужней тетке Делакруа, той, что прислала ему большой пакет леденцов. Его разноцветную катушку можно отправить вместе с мышонком, даже его «домик» — мы проследим, чтобы Тут оставил свои претензии на коробку из-под сигар «Корона». Но Делакруа после некоторых раздумий (он успел бросить катушку в стену как минимум раз пять, причем Мистер Джинглз прикатывал ее либо носом, либо лапками) сказал: «Нет, не пойдет». Тетушка Гермион слишком стара, она не поймет, насколько талантлив Мистер Джинглз, кроме того, что если Мистер Джинглз ее переживет? Что тогда с ним будет потом? Нет-нет,

тетушка Гермион не подходит.

Ладно, тогда я спросил, а что если один из нас возьмет его. Мы могли бы держать мышонка прямо здесь, в блоке «Г». Нет, не согласился Делакруа, сердечно поблагодарив за предложение, это хорошо, но Мистер Джинглз — мышь, которая заслужила свободу. Он, Эдуар Делакруа, это знает, потому что Мистер Джинглз — догадались? — шепнул ему на ухо.

— Ну хорошо, — предложил я. — Один из нас, Дэл, возьмет его к себе домой. Например, Дин. У него маленький сын, который полюбит мышонка, уверяю.

Делакруа просто побледнел от ужаса при мысли о том, что заботам маленького ребенка поручат такого гения среди грызунов, как Мистер Джинглз. Ради всего святого, неужели мальчик способен обеспечить ему тренировки, не говоря уже о том, чтобы научить чему-нибудь новенькому. А если ребенку станет неинтересно и он забудет его покормить дня два, а то и три? Делакруа, который погубил шесть человеческих жизней в попытке скрыть следы первоначального преступления, ежился от отвращения, как ярый противник вивисекций.

Ну хорошо, я пообещал тогда, что возьму его

к себе (обещайте им все, помните? В последние двое суток обещайте им все). Как этот вариант?

— Нет, господин начальник Эджкум, — извиняющимся тоном отверг и этот вариант Дэл. И снова бросил катушку. Она ударилась о стенку, отскочила и покатилась. Мистер Джинглз тут же догнал ее и носом прикатил к Делакруа. — Спасибо вам большое, мерси боку, но вы живете в лесу, а Мистеру Джинглзу будет страшно жить dans la foret.[4] Мне лучше знать, потому что…

— По-моему, я угадал, откуда ты знаешь, Дэл.

Делакруа кивнул, улыбаясь.

— Но мы все равно что-нибудь придумаем. Обязательно. — Он опять бросил катушку. Мистер Джинглз кинулся за ней. Я старался не кривиться. В конце концов на помощь пришел Брут. Он стоял, у стола дежурных и наблюдал, как Дин и Харри играют в нарды. Перси тоже был там, Бруту наконец надоело пытаться заговорить с ним, получая в ответ только высокомерное ворчание, и он подошел к нам с Делакруа и, сложив на груди руки, слушал наш разговор.

— А как насчет Маусвилля? — вмешался Брут во время паузы, возникшей после того, как Дэл

---

[4] Примечания: 4
В лесу (фр.)

отверг мой старый дом в лесу, где водились привидения. Он спросил это обычным тоном, словно подбрасывая еще одно предложение.

— Маусвилль? — переспросил Делакруа, глядя на Брута с недоумением и интересом одновременно. — Какой Маусвилль?

— Это аттракцион для туристов во Флориде, — объяснил он. — По моему, в Таллахасси. Я прав, Пол? В Таллахасси?

— Да, — ответил я без малейших раздумий, подумав: «Дай Бог здоровья Брутусу Ховеллу». — Таллахасси, прямо по дороге, сразу же за университетом для собак. — Губы Брута при этом дернулись, и я подумал, что он сейчас все испортит смехом, но он сдержался и кивнул. Я представил, что он мне потом выдаст насчет собачьего университета.

На этот раз Дэл не бросил катушку, хотя Мистер Джинглз стоял на его шлепанце, подняв передние лапки, явно ожидая следующего случая догнать катушку. Французик переводил взгляд с Брута на меня и обратно.

— А что они делают в Маусвилле? — спросил он.

— Как ты считаешь, они возьмут Мистера Джинглза? — обратился ко мне Брут, словно не

слыша Дэла и в то же время провоцируя его. — Думаешь, он им подойдет, Пол?

Я попытался изобразить задумчивость:

— Ты знаешь, — начал я, — чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится эта мысль. — Уголком глаза я увидел, что Перси прошел половину Зеленой Мили (далеко обходя камеру Уортона). Он стоял, прислонившись плечом к двери пустой камеры и слушал с полупрезрительной улыбкой.

— Что такое Маусвилль? — спросил Дэл уже с огромным интересом.

— Аттракцион для туристов, я уже говорил тебе, — ответил Брут. — Там столько, я не знаю, штук сто, наверное, мышей. Да, Пол?

— Сейчас уже, наверное, сто пятьдесят, — поддакнул я. — Успех бешеный. Слышал, они собираются открыть еще един в Калифорнии и назвать его «Маусвилль Вест», так что дело это процветает. Говорят, дрессированные мыши становятся популярными в высшем свете, хотя мне этого не понять.

Дэл сидел с разноцветной катушкой в руках и глядел на нас, позабыв на время о своей собственной участи.

— Туда берут только самых умных мышей, —

предупредил Брут. — Тех, которые умеют выполнять трюки. И не берут белых, потому что белые мыши продаются в магазинах.

— Эти мыши из зоомагазинов, — воскликнул Делакруа с жаром, — я их терпеть не могу!

— А еще у них есть, — не унимался Брут, и глаза его стали далекими, словно он представлял себе это, — у них есть такая палатка, куда входят люди…

— Да, да как в цирке! А нужно платить за вход?

— Ты шутишь? Конечно, надо. Десять центов для взрослых, два цента для детей. А там внутри целый городок, сооруженный из коробок из-под печенья и рулонов туалетной бумаги, и сделаны окошечки из слюды, чтобы видеть, что там происходит.

— Да! Да! — Делакруа был в восторге. Потом повернулся ко мне: — А что такое слюда?

— Это вроде стекла в газовой плите, через нее видно, что там внутри, — ответил я.

— Конечно, конечно! Именно это! — Он помахал рукой Бруту, чтобы тот продолжал рассказывать, а маленькие глазки-бусинки Мистера Джинглза чуть не выскочили из орбит, когда он пытался не упустить из вида катушку. Это выглядело очень смешно. Перси подошел поближе, словно хотел

увидеть получше, и я обратил внимание, как Джон Коффи хмурится, но был так погружен в фантазию Брута, что не придал этому значения. Разговор, в котором приговоренный слышал то, что хотел, поднялся к новым высотам, и я был восхищен, честное слово.

— Да, — продолжал фантазировать Брут, — это городок для мышей, но детям больше всего нравится цирк «Все звезды Маусвилля», где мыши качаются на трапециях, катают маленькие бочонки и складывают монетки…

— Да, это то, что надо для Мистера Джинглза! — сказал Делакруа. Глаза его сияли, а щеки порозовели. Мне показалось, что Брутус Ховелл просто святой. — Ты будешь выступать в цирке, Мистер Джинглз! Будешь жить в мышином городе во Флориде! Со слюдяными окошками! Ура!

Он с силой бросил катушку. Она ударилась низко в стену, отскочила очень далеко и вылетела сквозь решетку двери на Милю. Мистер Джинглз бросился за ней, и тут Перси понял, что у него появился шанс.

— Стой, дурак! — закричал Брут, но Перси не прореагировал. Как только Мистер Джинглз догнал катушку — слишком увлеченный ею, чтобы заметить, что его старый враг неподале-

ку, — Перси наступил на него подошвой своего тяжелого черного башмака. Послышался хруст ломающегося позвоночника Мистера Джинглза, изо рта у него хлынула кровь. Его темные глазки выкатились из орбит, и в них я прочел совсем человеческое выражение удивления и муки.

Делакруа закричал от ужаса и горя. Он бросился на дверь камеры, просунул руки сквозь решетку, как можно дальше, и стал снова и снова звать мышонка по имени.

Перси обратился к нему, улыбаясь. И ко всем нам троим.

— Вот так, — сказал он. — Я знал, что рано или поздно разделаюсь с ним. Вопрос времени. — Он отвернулся и не торопясь пошел по Зеленой Миле, оставив Мистера Джинглза лежать на линолеуме в небольшой лужице крови.

Часть 4
Ужасная смерть Эдуара Делакруа

1

Кроме всей этой писанины, с самого начала своей жизни в Джорджии Пайнз я вел маленький дневник — так, ничего особенного, пара-тройка строк в день, в основном о погоде, — и вчера вечером я его просматривал. Хотелось понять, сколько времени прошло с тех пор, как мои внуки Кристофер и Даниэль так или иначе заставили меня переехать в Джорджию Пайнз. «Это для твоей пользы, дедушка», — утверждали они. Конечно, так всегда говорят, когда наконец понимают, что можно избавиться от проблемы, которая ходит и разговаривает.

Это произошло чуть больше двух лет назад. Странно, что я не знаю, сколько это — два года, — много или мало. Мое чувство времени как будто тает, словно детский снеговик в январскую оттепель. Словно времени, в котором всегда жил — стандартное восточное время, дневное время скидки, время в человеко-днях, больше не существует. А есть только время Джорджии Пайнз, то есть Время Пожилого Человека, Время Пожилой Дамы и Время Мокрой Постели. Все остальное… ушло.

Опасное, проклятое место. Сначала этого не понимаешь, сначала кажется, что здесь скучно, только и всего, а опасность — как в детском садике во время тихого часа, во здесь все-таки опасно. Я видел многих людей, которые впали в старческий маразм уже после моего прихода сюда, и иногда они не просто впадали, они иногда влетали в маразм со скоростью торпеды. Сюда они прибывали в сравнительной норме: затуманенные глаза, палочка в руках, может, чуточку более слабый мочевой пузырь, но вполне здравый рассудок — а потом в ними что-то случалось. Через месяц они только сидели в телевизионной, уставившись на очередную мыльную оперу безразличными глазами, отвесив нижнюю челюсть и забыв о стакане с апельсиновым соком в трясущейся неверной руке. А еще через месяц им уже нужно было напоминать имена детей, когда те приходили их навестить. А еще месяц спустя уже не помнили даже своих собственных имен. Что-то с ними случается: да, с ними случается Время Джорджии Пайнз. Время здесь напоминает слабую кислоту, которая сначала стирает память, а потом и само желание жить.

С этим приходится бороться. Именно это я и сказал Элен Коннелли, своему особому другу.

Мне стало лучше с тех пор, как я начал писать о том, что происходило в 1932-м, в тот год, когда на Зеленую Милю прибыл Джон Коффи. Некоторые вещи я помню очень смутно, но чувствую, как обостряются память и сознание, словно нож заостряет карандаш, а это многого стоит. У меня еще есть тело, изношенное и смешное, и хотя это нелегко, я стараюсь тренировать его, как могу. Сначала было трудно, старые чудаки вроде меня без особого энтузиазма относятся к упражнениям ради самих упражнений, но сейчас гораздо легче, потому что теперь у моих прогулок есть цель.

Я выхожу рано, еще до завтрака, когда только рассветет, почти каждый день — на свою первую прогулку. В то утро шел дождь, и мои суставы ныли на погоду, но я взял накидку с крюка около кухонной двери и все равно вышел. Когда у человека есть ежедневная работа, он обязан ее делать, даже если при этом больно. Это имеет и положительную сторону. Главная — сохранение чувства Реального Времени, в противоположность времени Джорджии Пайнз. И мне нравится дождь, независимо от того, болят ли суставы, особенно по утрам, когда день еще молодой, полный возможностей даже для такого потрепанного старика, как я.

Я прошел через кухню, остановившись, чтобы попросить пару поджаренных кусочков хлеба у одной из поварих с сонными глазами, а потом вышел. Я пересек поле для крокета, потом заросшее сорняками небольшое поле для гольфа. За ним начинался небольшой лес, где между двух заброшенных и тихо разрушающихся сараев проходила узенькая тропинка. Я медленно шел по этой тропинке, прислушиваясь к слабому шороху дождя в соснах и жуя потихоньку кусочек жареного хлеба оставшимися зубами. Ноги у меня болели, но эта боль была не сильной, а вполне переносимой. Так что в общем мне было хорошо! Я вдыхал влажный серый воздух во всю силу легких, вкушая его, как пищу.

Добредя до второго из этих старых сараев, я зашел в него ненадолго и там сделал свое дело.

Когда через двадцать минут я возвращался по тропинке обратно, то почувствовал, как червячок голода начинает шевелиться у меня в животе, и подумал, что съел бы, пожалуй, что-нибудь посущественней, чем поджаренный хлеб. Тарелку овсянки, а может, даже глазунью с сосиской. Я люблю сосиски, всегда любил их, но сейчас, если съедаю больше одной, страдаю расстройством желудка. Хотя одну вполне можно. А потом, когда

желудок наполнится, а влажный воздух все еще будет освежать мой ум (я так надеялся!), я пойду в солярий и напишу о казни Эдуара Делакруа. Я постараюсь писать как можно быстрее, чтобы не потерять смелость.

Переходя через поле для крокета, я думал о Мистере Джинглзе, о том, как Перси Уэтмор наступил на него и сломал ему хребет и как Делакруа кричал, когда понял, что его враг сделал, — и я не заметил Брэда Долана, стоящего под козырьком, пока он не схватил меня за руку.

— На прогулку ходил, Поли? — спросил он. Я отшатнулся от него и отдернул руку. Отчасти это объяснялось тем, что я не ожидал этого — любой вздрогнул бы от неожиданности, — но отчасти еще и другим. Я как раз думал о Перси Уэтморе, помните, именно его мне напоминал Брэд. И тем, что Брэд всегда ходил с книжкой в кармане (у Перси был приключенческий журнал для мужчин, а у Брэда книжка идиотских анекдотов, которые смешны только для тупых и злых), и тем, что он все время изображал себя Королем Дерьма из Горы Помета, но больше всего тем, что он был труслив и любил делать больно.

Я увидел, что он только что приступил к работе, даже не переоделся в обычный белый халат. На

нем были джинсы и модная ковбойская рубашка. В одной руке он держал остатки рулета, взятого на кухне. Он стоял и ел под козырьком, чтобы не промокнуть. И чтобы наблюдать за мной, теперь я в этом не сомневаюсь. Еще я уверен в том, что мне нужно опасаться мистера Брэда Долана. Он не очень меня любит. Не знаю почему, но я так и не узнал, за что Перси Уэтмор так не любил Делакруа. «Не любил» еще мягко сказано. Перси ненавидел Дэла с самой первой минуты, когда маленький французик прибыл на Зеленую Милю.

— Что это за накидка на тебе, Поли? — спросил Брэд, встряхивая ее воротник. — Это не твоя.

— Я взял ее в коридоре возле кухни. — Я терпеть не мог, когда Брэд называл меня Поли, и, по-моему, он это знал, но будь я проклят, если доставлю ему удовольствие и покажу это. — Там их целый ряд. Я ее не испортил, правда же? В конце концов, они сделаны для дождя.

— Но они сделаны не для тебя, Поли, — сказал он и еще раз дернул воротник. — Вот в чем дело. Эти дождевики для сотрудников, а не для проживающих.

— Я все равно не понимаю, кто при этом пострадал.

Он ехидно улыбнулся.

— Речь не идет о том, кто пострадал. Речь о правилах. Что за жизнь была бы без правил? Поли, Поли, Поли. — Он покачал головой, словно от одного моего вида ему не хотелось жить. — Ты, наверное, думаешь, что такому старперу, как ты, уже не надо думать о правилах. Но в этом ты очень ошибаешься, Поли.

Улыбается мне. Не любит меня. Может, даже ненавидит. Но почему? Я не знаю. Иногда на вопрос «почему» нет ответа. И это страшно.

— Ну хорошо, извините, что я нарушил правила, — сказал я. Слова прозвучали жалобно и слегка испуганно, и я ненавидел себя за это, но я стар, а старые люди легко пугаются. Очень легко.

Брэд кивнул.

— Извинения принимаются. А теперь повесь накидку на место. Нечего тебе гулять под дождем. Особенно в лесу. А вдруг ты поскользнешься, упадешь и сломаешь себе бедро? Кто тогда потащит твои старые кости наверх?

— Я не знаю. — Мне уже хотелось уйти от него. Чем больше я его слушал, тем больше он напоминал мне Перси. Вилли Уортон, сумасшедший, появившийся на Зеленой Миле осенью тридцать второго, как-то схватил Перси и так напугал, что тот намочил в штаны, «Только попробуйте ко-

му-нибудь рассказать, — сказал потом Перси нам всем. — Вы все тут же окажетесь в очередях за хлебом». И теперь, через столько лет я почти слышал, как Брэд Долан произносит те же слова тем же самым тоном. Словно, описывая эти старые времена, я отомкнул какую-то необъяснимую дверь, соединяющую прошлое и настоящее: Перси Уэтмора с Брэдом Доланом, Дженис Эджкум с Элен Коннелли, тюрьму «Холодная Гора» с домом для престарелых «Джорджия Пайнз». И только из-за этого я не смогу заснуть сегодня ночью.

Я попытался пойти к кухонной двери, и Брэд снова схватил меня за руку. Я не знаю, как первый раз, но теперь он делал это сознательно, чтобы причинить боль. Его глаза бегали по сторонам — он желал убедиться, что в утренней сырости никого поблизости нет и никто не увидит, как он оскорбляет одного из тех стариков, за которым должен ухаживать.

— Что ты делал там, на тропинке? — спросил он. — Я знаю, ты ходишь туда не для того, чтобы мастурбировать, эти дни для тебя давно миновали, поэтому признавайся, что ты там делаешь?

— Ничего. — Я сказал себе, что нужно сохранять спокойствие и не показывать, как мне больно; спокойно, ведь он упомянул лишь тропинку, он

не знает про сарай. — Я просто гулял. Проветривал мозги.

— Слишком поздно, Поли. Твои мозги уже никогда не станут ясными. — Он снова сжал мою худую старческую кисть, перемещая хрупкие кости, глаза его постоянно бегали из стороны в сторону, чтобы знать, что он в безопасности. Брэд не боялся нарушать правила, он только боялся, что его поймают, когда он нарушает их. И в этом тоже походил на Перси Уэтмора, который никогда не давал вам забыть, что он племянник губернатора. — Ты такой старый, просто чудо, как ты еще помнишь, кто ты такой. Ты слишком, чертовски стар. Даже для этого музея. Ты мне действуешь на нервы, Поли.

— Пусти меня, — сказал я, стараясь, чтобы голос не звучал жалобно. И не просто из гордости. Я думал, что это может возбудить его, как запах пота нервную собаку, которая обычно только рычит, и она кусает. И я вспомнил журналиста, писавшего о Джоне Коффи. Этот репортер — ужасный человек по фамилии Хэммерсмит. Самое ужасное в кем было то, что он не знал, что он ужасен.

Вместо того, чтобы меня отпустить, Долан снова сжал мою кисть. Я застонал. Я не хотел, но ничего не мог поделать. Боль пронзила меня насквозь до

самых лодыжек.

— Что ты там делаешь, Поли? Скажи мне.

— Ничего! — Я еще не плакал, но боялся, что скоро заплачу, если он будет продолжать в том же духе. — Ничего, я просто гуляю, я люблю гулять, отпусти меня!

Он отпустил ненадолго и лишь для того, чтобы схватить мою другую руку. Пальцы ее были сжаты.

— Открой, — приказал он. — Дай папе посмотреть.

Я повиновался, и он фыркнул с отвращением. Там не было ничего, кроме остатков второго кусочка жареного хлеба. Я сжимал его в правой руке, когда он стал давить мою левую кисть, и на пальцах осталось масло — не масло, маргарин, масла здесь не держали.

— Иди в дом и вымой свои мерзкие руки, — велел он, отходя назад и откусывая кусок рулета. — Боже правый.

Я пошел вверх по лестнице. Ноги у меня дрожали, сердце колотилось, как мотор с протекающими клапанами и старыми разболтанными поршнями. Когда я взялся за ручку двери, ведущей в кухню — и к безопасности, — Долан сказал:

— Если ты, Поли, расскажешь хоть кому-нибудь, что я сжимал твою бедную ручку, то я всем скажу, что у тебя галлюцинации. Начало старческого маразма. А ты знаешь, что мне поверят. Если же там синяки, они подумают, что ты их сам себе поставил.

Да. Это правда. И опять — эти слова мог сказать Перси Уэтмор. Перси, каким-то образом оставшийся молодым и подлым, тогда как я стал старым и хрупким.

— Я никому не собираюсь ничего говорить, — пробормотал я. — Нечего говорить.

— Вот и правильно, дорогуша. — Его голос звучал легко и насмешливо — голос верзилы (если взять словечко Перси), который думает, что будет молодым вечно. — А я узнаю, что ты там делаешь. Я сделаю это своей обязанностью. Слышишь?

Конечно, я слышал, но не доставил ему удовольствия подтвердить это. Я вошел в дом, прошел через кухню (я чувствовал запах яичницы с сосисками, но уже не хотел их) и повесил накидку на крюк. Потом поднялся в свою комнату, останавливаясь на каждой ступеньке, давая своему сердцу время успокоиться и собираясь с мыслями, чтобы начать писать.

Я вошел в солярий и просто сидел за маленьким

столом у окон, когда мой друг Элен, просунула в дверь голову. Она казалась усталой, и, по-моему, ей было нехорошо. Элен гладко зачесала волосы, но все еще была в своем платье. Старые возлюбленные не тратят много времени на церемонии, ведь по большей части мы просто не можем себе этого позволить.

— Я не буду тебя отвлекать, — сказала она. — Я вижу, что ты собрался писать…

— Не говори глупостей, — ответил я. — У меня времени больше, чем у Картера печеночных таблеток. Заходи.

Она вошла, но остановилась у двери.

— Просто я не могла заснуть… опять… и случайно оказалась у окна чуть пораньше… и…

— И ты видела меня с мистером Доланом во время нашей милой беседы, — помог ей я. — Я надеялся, что она только видела, что ее окно было закрыто, и она не слышала, как я хныкал и просил отпустить.

— Это было неприятно и совсем не дружески, — сказала она. — Пол, этот мистер Долан расспрашивал всех о тебе. Он и меня спрашивал, это было на прошлой неделе. Я тогда об этом не задумалась, просто решила, что у него противный любопытный нос, который он сует в чужие

дела, а теперь мне интересно.

— Спрашивал обо мне? — Я надеялся, что мой голос звучит не так тревожно, как я ощущал. — Что спрашивал?

— Во-первых, куда ты ходишь. А еще — зачем ты ходишь гулять.

Я попробовал засмеяться.

— Этот человек просто не верит в тренировки, все ясно.

— Он считает, что у тебя есть тайна. — Она помолчала… — Мне тоже так кажется.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что впервые об этом слышу, но Элен подняла свою скрюченную, но странно прекрасную руку, прежде, чем я произнес хоть звук.

— Если это так, мне совсем не надо знать, что там, Пол. Твои дела — только твои дела. Меня воспитывали так, но не все это понимают. Поэтому будь осторожен. Именно это я и хотела сказать. А теперь оставляю тебя, занимайся своим делом.

Элен повернулась, чтобы уйти, но, прежде чем она вышла, я позвал ее по имени. Она обернулась и посмотрела вопросительно.

— Когда я закончу то, что пишу… — Начал было я, но потом покачал головой. Не так. — Если я закончу то, что пишу, ты прочитаешь?

Она чуть задумалась, а потом улыбнулась такой улыбкой, что можно было влюбиться, даже такому старику, как я.

— Для меня это будет большая честь.

— Подожди, пока прочитаешь, а потом уже говори о чести, — возразил я, думая о смерти Делакруа.

— Я все равно прочту, — сказала она. — Каждое слово, обещаю. Но сначала ты должен завершить начатое.

Она оставила меня писать, но, прежде чем я написал хоть слово, прошло довольно много времени. Я сидел почти час, глядя в окно и постукивая карандашом по столу, наблюдая, как временами проясняется серый день, думая о Брэде Долане, который называет меня Поли и все время отпускает пошлые шуточки про китайцев, ирландцев и негров, а также о том, что сказала Элен Коннелли. «Он считает, что у тебя есть тайна. Мне тоже так кажется». Может, так оно и есть. Да, может быть. И конечно же, Брэд Долан хочет знать. Не то чтобы он думал, что это важная тайна (это не так, важная она разве что для меня), а просто потому, что считает: такой старик, как я, не должен иметь тайны. Не должен брать накидки с крюка возле кухни и, конечно

же, не должен иметь тайн. Не должен думать, что такие, как мы, все еще люди. А почему бы нам не позволить такую мысль? Он не знает. И в этом он тоже похож на Перси.

И вот мои мысли, как рукав реки, снова вернулись туда, где их прервал Брэд Долан, когда из-под козырька кухонного входа схватил меня за руку: к Перси, к злобному Перси Уэтмору, и к тому, как он отомстил человеку, посмеявшемуся над ним. Делакруа бросал в стену разноцветную катушку, ту, которую приносил Мистер Джинглз, и она отскочила из камеры в коридор. И тут уж Перси не упустил своего шанса.

2

— Стой дурак! — закричал Брут, во Перси не прореагировал. Как только мистер Джинглз догнал катушку — слишком увлеченный ею, чтобы заметить, что его старый враг неподалеку, — Перси изо всех сил наступил на него своим тяжелым черным башмаком. Послышался хруст ломающегося позвоночника Мистера Джинглза, изо рта у него хлынула кровь. Его темные глазки выкатились из орбит, и в них я прочел совсем человеческое выражение удивления я страдания.

Делакруа закричал от горя и ужаса. Он бросился на дверь своей камеры, просунул руки сквозь решетку как можно дальше и стал снова и снова звать мышонка по имени.

Перси обратился к нему, улыбаясь. А также к нам с Брутом:

— Вот так, — сказал он. — Я знал, что рано или поздно разделаюсь с ним. Вопрос времени. — Он повернулся и не торопясь пошел назад по Зеленой Миле, оставив Мистера Джинглза лежать на линолеуме в красной лужице крови, растекающейся по зеленому.

Дин вскочил из-за стола, ударившись об него

коленом и опрокинув доску для игры в нарды на пол. Фишки рассыпались и покатились в разные стороны, но ни Дин, ни Харри не обратили на это ни малейшего внимания.

— Что ты наделал? — закричал Дин. — Ну что ты опять натворил, дубина?

Перси не ответил. Он молча прошагал мимо стола, приглаживая руками волосы. Он прошел через мой кабинет в помещение склада. Вилли Уортон ответил за него:

— Что он сделал, босс Дин? По-моему, просто показал французоиду, что смеяться над ним — не очень-то мудро. — Он засмеялся здоровым таким смехом деревенского парня — жизнерадостным и глубоким. Мне попадались люди (правда, довольно редко), которые выглядели нормальными только когда смеялись. Буйный Билл Уортон был как раз из них.

Я снова обескураженно посмотрел на мышонка. Он все еще дышал, но в его усиках застывали капельки крови, и пелена постепенно застилала его еще недавно блестящие глазки-бусинки. Брут поднял разноцветную катушку, взглянул сначала на нее, а потом на меня. Он был растерян, да и я тоже. За спиной Делакруа все еще причитал от горя и ужаса. И дело не только в мыши. Перси про-

бил брешь в защитной броне Делакруа, и теперь весь его страх выплескивался наружу. Но Мистер Джинглз оставался в центре его переживаний, и слушать это было тяжело.

— Нет, нет, — снова и снова причитал он между рыданиями и сбивчивыми молитвами на ломаном французском. — Нет, нет, бедный Мистер Джинглз, мой бедный Мистер Джинглэ, нет, нет.

— Дайте его мне.

Я поднял глаза, с удивлением услышав этот глубокий голос, и сначала не поверил, кому он принадлежит. Я увидел Джона Коффи. Как и Делакруа, он просунул руки сквозь прутья решетки, но не махал ими, как Дэл. Он просто вытянул их открытыми ладонями как можно дальше. И держал ладони так, словно настаивая на чем-то. Его голос звучал тоже настойчиво, поэтому я и не узнал его сразу. Перед нами был совсем не тот растерянный и плачущий человек, который занимал эту камеру уже несколько недель.

— Дайте его мне, мистер Эджкум! Пока еще есть время!

И тогда я вспомнил, что он сделал для меня, и все понял. Я подумал, что хуже не будет, хотя и не очень-то верил, что поможет. Подняв мышонка, я содрогнулся, почувствовав, как много мелких

косточек торчит в разных местах Мистера Джинглза, словно я держал в руках подушечку для иголок, покрытую мехом. Это вам не «мочевая» инфекция. И все же…

— Что ты делаешь? — спросил Брут, когда я положил Мистера Джинглза в огромную ладонь Джона Коффи. — Какого черта?

Коффи забрал мышь в камеру. Мышонок неподвижно лежал на его ладони, хвостик свисал между большим и указательным пальцами Коффи, и кончик его слабо подергивался. Тогда Коффи накрыл правую ладонь левой, образовав словно чашу, в которой лежал мышонок. Мы уже не видели самого Мистера Джинглза, только хвостик свисал и подергивался кончик, как останавливающийся маятник. Коффи поднес ладони к лицу, расставил пальцы, образовав подобие решетки. Хвостик мышонка теперь был обращен к нам.

Брут подошел поближе ко мне, все еще держа в пальцах катушку.

— Что это он делает?

— Тихо, — прошептал я. Делакруа перестал причитать.

— Пожалуйста, Джон, — тихо сказал он. — Джонни, помоги ему, пожалуйста, помоги ему, силь ву пле.

К нам подошли Дин и Харри. Харри все еще держал в руках колоду карт.

— Что происходит? — спросил Дин, но я только покачал головой. Я снова был как загипнотизирован, чтоб я пропал, если это не так.

Коффи поднес ладони ко рту и резко вдохнул. На момент все вдруг поплыло. Потом он медленно отвел голову от рук, и я увидел, что у него лицо очень больного человека, испытывающего невыносимую боль. Глаза его сверкали, нижняя губа прикушена, темное лицо так побледнело, что стало цвета пепла. Он издал неприятный сдавленный горловой звук.

— Боже милосердный, Христос-Спаситель, — прошептал Брут. Его глаза чуть не вылезли на лоб от удивления.

— Что? — почти пролаял Харри. — Что?

— Хвост! Разве не видишь? — Хвост!

Хвост Мистера Джинглза уже не напоминал затухающий маятник, он быстро качался из стороны в сторону, как у кота во время охоты на птиц. А потом из сомкнутых ладоней Коффи раздался знакомый писк.

Коффи снова издал сдавленный горловой звук, затем отклонился, словно откашлянул целый комок мокроты и собирается его выплюнуть.

Но вместо этого он выдохнул изо рта и из носа облачко черных насекомых, — думаю, что это были насекомые, и другие говорили то же самое, но сейчас я уже не уверен. Они кружились вокруг него темным облачком, и оно на время скрыло черты его лица.

— Боже мой, а это что? — спросил Дин дрожащим испуганным голосом.

— Все нормально, — услышал я свой голос. — Не волнуйтесь, все нормально, через пару секунд они исчезнут.

Так же, как и тогда, когда Коффи избавил меня от «мочевой» инфекции, «мушки» стали белыми, а потом исчезли.

— Господи, — прошептал Харри.

— Пол? — спросил неуверенно Брут. — Пол?

Коффи снова стал похож на себя, как человек, откашлявший кусок мяса, которым подавился. Он наклонился, положил сомкнутые ладони на пол, посмотрел сквозь пальцы, потом разжал руки. Оттуда выбежал Мистер Джинглз, совершенно здоровый, без малейших повреждений, и совсем не хромая. Он на секунду задержался у двери в камеру Коффи, потом перебежал через Зеленую Милю в камеру Делакруа. И, когда он бежал, я заметил, что на его усиках все еще была кровь.

Делакруа, плача и смеясь одновременно, поднял его и стал покрывать звонкими поцелуями. Дин, Харри и Брут смотрели в молчаливом недоумении. Потом Брут шагнул вперед и протянул сквозь решетку разноцветную катушку. Сначала Делакруа ее не видел, уж слишком поглощен был Мистером Джинглзом. Он походил на отца, сына которого спасли, вытащив из воды. Брут постучал катушкой по плечу Делакруа. Тот посмотрел, взял ее и вернулся снова к Мистеру Джинглзу, гладя его шерстку, пожирая глазами, стремясь снова и снова убедиться, что мышонок жив, здоров и весел.

— Брось ее, — сказал Брут. — Я хочу посмотреть, как он бегает.

— С ним все в порядке, босс Ховелл, слава Богу, с ним все в порядке.

— Брось, — повторил Брут. — Ради меня, Дэл.

Делакруа наклонился с явной неохотой, боясь выпустить Мистера Джинглза из рук даже на время. Потом очень нежно бросил катушку. Она покатилась по камере мимо коробки из-под сигар «Корона» к стене. Мистер Джинглз погнался за ней, но не так быстро, как раньше. Казалось, что он слегка припадает на заднюю левую лапку, и это меня поразило больше всего. Эта небольшая

хромота.

Он добежал все же до катушки и прикатил ее носом назад к Делакруа со всем своим прежним энтузиазмом. Я повернулся к Джону Коффи, который стоял у двери в свою камеру и улыбался. Улыбка его была усталой. Не сказать, чтобы он выглядел совсем счастливым, но та встревоженная настойчивость, которую я видел на его лице, когда он просил дать ему мышь, исчезла, как исчезло и выражение боли и страха. Это снова был наш Джон Коффи со слегка отсутствующим лицом и странными нездешними глазами.

— Ты помог ему, — сказал я — Правда, парень?

— Да, это так. — Улыбка Коффи стала чуть шире, и на секунду или две стала счастливой. — Я помог ему. Я помог мышонку Дала. Я помог… — Он замолк, не в силах вспомнить имя.

— Мистеру Джинглзу, — подсказал Дин. Он смотрел на Джона Коффи внимательно, изучающим взглядом, словно ожидая, что Коффи вдруг возгорится или начнет плавать по камере.

— Правильно, — кивнул Коффи. — Мистеру Джинглзу. Он — цирковая мышь. И будет жить за стеклом.

— Да уж будьте покойны, — заверил Харри, тоже обратившись к Джону Коффи. За нашими

спинами Делакруа лежал на своей койке, держа Мистера Джинглза на груди. Дэл ворковал с ним и пел какую-то французскую песенку, похожую на колыбельную.

Коффи посмотрел вдоль Зеленой Мили в сторону стола дежурных и двери, ведущей в мой кабинет и в складское помещение.

— Босс Перси — плохой, — произнес он. — Босс Перси — подлый. Он наступил на мышку Дэла. Он наступил на Мистера Джинглза.

А потом, мы не успели еще ничего сказать — словно мы могли еще что-то сказать ему, — Джон Коффи вернулся на койку, лег и повернулся набок лицом к стене.

3

Перси стоял к нам спиной, когда мы с Брутом минут через двадцать вошли в помещение склада.

На полочке над корзиной с грязной форменной одеждой (а иногда и с гражданской, тюремной прачечной было все равно, что стирать) он нашел баночку мебельной политуры и теперь натирал дубовые подлокотники и ножки электрического стула. Вам это может показаться странным или даже жутковатым, но для нас с Брутом работа, которую Перси делал всю ночь, казалась вполне нормальной. Олд Спарки завтра предстанет перед публикой, а Перси наконец появится в роли распорядителя.

— Перси, — тихо позвал я.

Он обернулся, мелодия, которую он напевал, застряла у него в горле, и посмотрел на нас. Я не увидел ожидаемого страха, по крайней мере сначала. Но я понял, что Перси как-то постарел. И подумал, что Джон Коффи прав. У него был вид подлого человека. А подлость, как наркотик — никто в мире не разбирается в этом лучше меня, и, должен сказать, после некоторых экспериментов

Перси попался крепко. Он был доволен тем, что сделал с мышью Делакруа. И больше всего ему понравились отчаянные крики Дэла.

— Нечего на меня так смотреть, — сказал он голосом, который звучал почти приятно. — В конце концов, это всего лишь мышь. И ее здесь раньше никогда не было, вы это прекрасно знаете.

— С мышью все в порядке, — произнес я. Сердце у меня в груди билось гулко, но я старался произносить слова спокойно и почти бесстрастно. — Все в порядке. Бегает, пищит и снова гоняется за катушкой. Оказывается убивать мышей ты умеешь не лучше, чем все остальное, что ты здесь делаешь.

Он посмотрел на меня с недоверием:

— Вы думаете, я в это поверю? Я эту мерзость раздавил! Я сам слышал! Так что…

— Заткнись.

Он уставился на меня, вытаращив глаза.

— Что? Что ты мне сказал?

Я сделал к нему шаг. Я чувствовал, как бьется вена у меня на лбу. Давно я не был так разозлен.

— Ты что, не рад, что Мистер Джинглз в порядке? После всех наших разговоров о том, что наша работа заключается в том, чтобы внушать спокойствие заключенным, особенно когда дело идет

к концу, я думал, ты обрадуешься. Вздохнешь с облегчением. Ведь Дэлу завтра идти и все такое.

Перси перевел взгляд с меня на Брута, его обычное спокойствие сменилось неуверенностью.

— В какую игру, черт побери, вы, ребята, играете? — спросил он.

— Это совсем не игра, дружище, — ответил Брут. — Ты думаешь, что это… ладно, это одна из причин, по которой тебе нельзя доверять. Хочешь знать абсолютную правду? Я думаю, что ты — человек пропащий.

— Ты еще увидишь. — Теперь голос Перси стал звучать грубо. Страх вернулся к нему, боязнь того, что мы можем захотеть сделать с ним что-то. Я порадовался, услышав это. Так с ним легче иметь дело. — Я знаю кое-кого. Важных людей.

— Это ты так говоришь, а ты — такой мечтатель, — произнес Брут так, словно готов был рассмеяться. Перси уронил тряпку на сиденье стула.

— Я убил эту мышь, — сказал он уже не очень уверенно.

— Пойди и сам убедись, — предложил я. — Здесь свободная страна.

— И пойду, — ответил он. — Пойду.

Он прошел мимо нас, поджав губы и поигры-

вая расческой в маленьких ручках (Уортон был прав, они действительно были прелестны). Он поднялся по ступенькам и нырнул в дверь в мой кабинет. Мы с Брутом остались рядом с Олд Спарки, ожидая его возвращения, и молчали. Не знаю, как Брут, но мне нечего было сказать. Я даже не знал, что подумать о только что увиденном.

Прошло три минуты. Брут поднял тряпку Перси и стал натирать толстые перекладины спинки электрического стула. Он уже закончил одну и приступил ко второй, когда вернулся Перси. Он споткнулся и чуть не упал на пол, спускаясь по ступенькам из офиса, а к нам подошел неровной походкой. Лицо у него было недоумевающее.

— Вы их заменили, — сказал он дрожащим, обвиняющим голосом. — Вы как-то подменили мышей, ублюдки. Играете со мной, но вы очень пожалеете, если не прекратите! Вас выбросят на улицу, если не перестанете! Кто вы такие?

Он замолк, задыхаясь и сжав кулаки.

— Я расскажу тебе, кто мы такие, — ответил я. — Мы — люди, с которыми ты работаешь, Перси… но больше уже не будешь. — Я протянул руки и сжал его плечи. Не сильно, но все-таки сжал.

Перси это не понравилось.

— Убери свои…

Брут схватил его за правую руку, и она вся — маленькая, мягкая и белая — исчезла в загорелом кулаке Брута.

— Заткни пасть, сынок. Если понимаешь, что тебе лучше, то воспользуйся последним шансом, чтобы прочистить уши.

Я повернул Перси, поднял на платформу и толкал до тех пор, пока он ногами не ударился о сиденье электрического стула и не сел. Его спокойствие улетучилось вместе с апломбом. Не забывайте, что Перси был очень молод. И в его возрасте это качество как тонкий слой фанеры, как тень на поверхности эмалевой краски. Этот слой еще можно проткнуть. И я понял, что сейчас Перси готов слушать.

— Я хочу, чтобы ты дал слово, — сказал я.

— Какое еще слово? — Он еще пытался усмехаться но в глазах читался испуг. Электричество в аппаратной не было включено, но у деревянного сиденья Олд Спарки есть своя сила, и в тот момент я понял, что Перси ее чувствует.

— Дай нам слово, что если мы поставим тебя распорядителем завтра ночью, ты тут же перейдешь в Бриар Ридж и оставишь нас в покое. — Брут говорил с яростью, которой я у него раньше не слышал. — Что ты подашь заявление

о переходе на следующий же день.

— А если нет? Если я просто позвоню кое-кому и скажу, что вы меня мучали, запугивали и угрожали?

— Мы можем вылететь отсюда, если твои связи так же хороши, как тебе кажется, — заявил я. — Но уж позаботимся, чтобы и твоей крови на полу осталось немало, Перси.

— Из-за мыши? Ха! Вы думаете, кого-то волнует, что я наступил на любимую мышку осужденного убийцы? За пределами этого сумасшедшего дома, да?

— Нет. Но три человека видели, как ты стоял, засунув палец в задницу, когда Буйный Билл Уортон пытался задушить Дина Стэнтона своей цепью. Это людей будет волновать, я тебе, Перси, обещаю. Об этом даже твой высокопоставленный дядюшка-губернатор заволнуется.

Щеки и лоб Перси покрылись красными пятнами.

— Вы думаете, они вам поверят? — спросил он, но голос его потерял злую силу. Он ясно понимал, что кто-нибудь сможет нам поверить. А Перси не любил попадать в неприятности. Нарушать правила можно. Но вот чтобы тебя поймали, — этого нельзя.

— А еще у меня есть фотографии шеи Дина, когда синяки еще не сошли, — добавил Брут. Я не знал, правда это или нет, но звучало убедительно. — И знаешь, о чем говорят эти снимки? Что Уортон успел хорошо потрудиться, пока его не оттащили, хотя ты стоял там, да еще с той стороны, где Уортон тебя не видел. Тебе придется отвечать на довольно трудные вопросы, понял? А такие случаи накладывают на человека своего рода клеймо. И оно останется надолго после того, как его родственники оставят государственную службу и будут сидеть дома, попивая мятный джулеп на веранде. Запись в рабочей карточке может стать сильной и интересной штукой, ведь в карточку будут заглядывать многие в течение твоей жизни.

Глаза Перси недоверчиво перебегали с одного на другого. Левой рукой он пригладил волосы. Он не сказал ничего, но я подумал, что мы его почти уже сделали.

— Ну давай, и покончим с этим. Ведь ты не желаешь оставаться здесь дольше, чем мы этого хотим, правда?

— Я ненавижу здесь все! — выкрикнул он. — Я ненавижу, как вы со мной обращаетесь, как не даете проявить себя!

Последнее было очень далеко от правды, однако я счел несвоевременным это оспаривать.

— И еще я не люблю, когда меня запугивают. Мой папа учил меня, что однажды ступив на этот путь, скорее всего кончишь тем, что потом всю жизнь позволишь людям запугивать тебя. — Его глаза, почти такие же прелестные, как руки, засверкали. — Особенно не люблю, когда меня запугивают такие громадные обезьяны, как этот тип. — Он посмотрел на моего старого друга и фыркнул — «И ты, Брут!» — подходящая кличка.

— Ты должен кое-что понять, Перси, — сказал я. — С нашей точки зрения, это ты нас запугиваешь. Мы все время подсказываем тебе, как нужно вести себя здесь, а ты продолжаешь все делать по-своему, когда же все идет не так, прикрываешься своими связями. Типичный пример — когда ты наступил на мышь Делакруа, — Брут поймал мой взгляд и я быстро поправился. — Когда ты попытался наступить на мышь Делакруа. Ты все время угрожаешь, угрожаешь и угрожаешь. И в конце концов мы поступаем с тобой так же, вот и все. Но, послушай, если ты сделаешь так, как надо, все получится и ты выйдешь чистеньким, как молодой человек, делающий карьеру, и благоухающим, как роза. Ну, что скажешь на это?

Поступай, как взрослый, Перси. Пообещай, что уйдешь после казни Дэла.

Он обдумал наше предложение. Через пару секунд в его глазах появилось выражение, какое бывает у людей, когда в голову приходит хорошая мысль. Мне это не очень понравилось, потому что любая идея, хорошая для Перси, совсем не обязательно хороша для нас.

— К тому же, — добавил Брут, — подумай, как здорово будет избавиться от этого мешка с дерьмом — Уортона.

Перси кивнул, и я позволил ему встать со стула. Он одернул форменную рубашку, заправил ее сзади, причесал волосы расческой. Потом поглядел на нас.

— Ладно, я согласен. Я распоряжаюсь завтра ночью на казни Дэла, а на следующий день подаю прошение о переводе в Бриар Ридж. И мы квиты. Идет?

— Идет, — согласился я. В его глазах все еще сохранялось прежнее выражение, но в тот момент я уже расслабился и не придал ему значения.

Он протянул руку:

— Ну что, по рукам?

Я пожал ему руку. Брут тоже.

И опять мы остались в дураках.

4

Следующий день был самым жарким, хотя именно в тот день и закончилась эта странная октябрьская жара. Когда я приехал на работу, на западе собиралась гроза и темные тучи понемногу закрывали небо. Они спустились к вечеру, и из них стали выбиваться голубовато-белые зигзаги молний. В десять часов вечера над графством Трапенгус прошел ураган — погибли четыре человека, сорвало крышу с платной конюшни, а над Холодной Горой бушевали жестокие грозы и дули сильные порывистые ветры. Позже мне стало казаться, что сами небеса протестовали против ужасной смерти Эдуара Делакруа.

Сначала все шло нормально. Дэл провел спокойный день в своей камере, иногда играя с Мистером Джинглзом, но чаще просто лежа на койке и лаская его. Уортон пару раз пытался затеять скандал: то он орал Дэлу что-то про мышь-бургеры, которые будут готовить после того, как старина Пьер станцует тустеп в ад, но маленький французик не отвечал, и Уортон, полагавший, что это его самая остроумная шутка, сдался.

В четверть одиннадцатого пришел брат Шу-

стер и привел нас в восторг сообщением, что собирается читать Дэлу молитву «Отче наш» на французском. Это было похоже на хорошее предзнаменование. Но мы, конечно же, ошибались.

Около одиннадцати начали съезжаться свидетели, вполголоса говоря об ужасной погоде и рассуждая о возможной задержке казни из-за перебоев с электроснабжением. Наверное, никто из них не знал, что Олд Спарки работает от генератора, и если молния не ударит прямо в него, то шоу состоится при любой погоде. В аппаратной в ту ночь был Харри, поэтому ему, Биллу Доджу и Перси Уэтмору пришлось послужить «билетерами» и провожать зрителей на места, предлагая каждому прохладительные напитки. На церемонию прибыли две женщины: сестра той девушки, которую изнасиловал и убил Дэл, и мать одного из погибших в пожаре, — крупная, бледная и решительная леди. Она высказала Харри Тервиллиджеру надежду, что человек, на которого она пришла посмотреть, добрый и испуганный, что он знает о приготовленных для него адских печах и ожидающих подручных сатаны. Потом она расплакалась и спрятала лицо в кружевной платочек размером с наволочку.

Раздался оглушительный раскат грома, совсем

не приглушаемый тонкой металлической крышей. Люди тревожно переглянулись. Мужчины чувствовали себя неловко в галстуках в столь поздний час и вытирали вспотевшие щеки. И, конечно же, все глаза были обращены на Олд Спарки. В начале недели они еще могли шутить по поводу этого ритуала, но сегодня к половине двенадцатого все шуточки как-то испарились.

Свой рассказ я начал с того, что у тех, кому действительно предстояло сесть на этот дубовый стул, юмор улетучивался моментально, но когда наступал ответственный момент, улыбки сходили с лиц не только у приговоренных. Говорили мало, а когда снова загремел гром, словно расщепленное дерево, сестра жертвы Делакруа даже вскрикнула. Последним свое место среди свидетелей занял Кэртис Андерсон, заменяющий начальника тюрьмы Мурса.

В половине одиннадцатого я подошел к камере Делакруа, Брут и Дин шли чуть поодаль. Дэл сидел на своей койке, держа на коленях Мистера Джинглза. Голова мышонка была повернута в сторону осужденного, а его глазки-бусинки смотрели прямо в лицо. Дэл гладил макушку Мистера Джинглза между ушками. По его лицу беззвучно катились крупные слезы, и казалось, что именно

на них и смотрит мышонок. Дэл поднял глаза при звуке наших шагов. Он был бледен. У себя за спиной я не увидел, а скорее почувствовал, что Джон Коффи стоит у двери своей камеры и наблюдает.

Дэл вздрогнул от лязга моих ключей, но остался неподвижным, продолжая гладить голову Мистера Джинглза, когда я открыл замки и отодвинул дверь.

— Привет, босс Эджкум, — сказал он. — Привет, ребята. Поздоровайся, Мистер Джинглз. — Но Мистер Джинглз только продолжал завороженно смотреть в лицо лысого человечка, словно недоумевая, откуда берутся слезы. Разноцветная катушка аккуратно лежала в коробке «Корона» — я подумал, что она лежит там последний раз, и содрогнулся.

— Эдуар Делакруа, как представитель суда…

— Босс Эджкум?

Я хотел продолжать положенную речь, но потом передумал.

— В чем дело, Дэл?

Он протянул мне мышонка.

— Возьми. И пусть с ним ничего не случится.

— Дэл, я боюсь, что он не пойдет ко мне. Он не…

— Пойдет, он сказал, что пойдет. Он сказал, что

все о тебе знает, босс Эджкум, и что ты отвезешь его в это место во Флориде, где мышки выполняют трюки. Он говорит, что доверяет тебе. — Делакруа протянул руку подальше, и, чтоб я пропал, мышонок шагнул с его ладони ко мне на плечо. Он был такой легкий, что я почти не ощущал его сквозь китель — только как маленькое теплое пятнышко. — А еще, босс, не позволяй этому злому парню подходить к нему. Пусть этот негодяй не трогает мою мышку.

— Хорошо, Дэл, я не позволю. — Вопрос был в том, что делать с мышью сейчас, в данный момент. Не мог же я провести Делакруа перед свидетелями с мышью, восседающей на моем плече.

— Я возьму его, босс, — раздалось за моей спиной. Голос принадлежал Джону Коффи, и было странно, что он прозвучал именно тогда, словно Коффи прочитал мои мысли. — Ненадолго. Если Дэл не против.

Дэл кивнул с облегчением.

— Да, возьми его, Джон, пока этот идиотизм не закончится, хорошо? А потом… — Его взгляд снова остановился на мне и Бруте. — Вы отвезете его во Флориду. В тот Маусвилль.

— Да, скорее всего мы с Полем это сделаем вместе, — сказал Брут, с тревогой глядя, как Мистер

Джинглз перешел с моего плеча в громадную протянутую ладонь Коффи. Мистер Джинглз совершил это без возражений и не пытаясь убежать, наоборот, он так же охотно вскарабкался вверх по руке Джона Коффи, как и шагнул на плечо мне.

— Мы возьмем часть отпуска, правда, Пол?

Я кивнул. Дэл кивнул тоже, его глаза стали ясными, а губы тронула улыбка.

— Люди будут платить десять центов, чтобы его увидеть. А для детей — два цента. Правильно, босс Ховелл?

— Да, правильно, Дэл.

— Ты хороший человек, босс Ховелл, — сказал Дэл. — И ты тоже, босс Эджкум. Вы иногда кричали на меня, да, но не больше, чем было нужно. Вы все хорошие, кроме этого Перси. Жаль, что мы больше нигде не встретимся. Плохие времена, плохие нравы.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, Дэл, — обратился я к нему. — Эти слова я говорю всем перед тем, как идти. Не то чтобы шедевр, но это часть моей работы. Ладно?

— Да, месье. — Он в последний раз посмотрел на Мистера Джинглза, восседающего на широком

плече Джона Коффи. — Au revour, mon ami,[5] — сказал он и заплакал сильнее, — Je t'aime, mon petit.[6] — Он послал мышонку воздушный поцелуй Это должно было выглядеть смешно, может, даже нелепо, но нам так не казалось. На секунду я встретился взглядом с Дином и тут же отвел глаза. Дин смотрел в глубину коридора, в сторону смирительной комнаты, и как-то странно улыбался. Я подумал, что он вот-вот расплачется. Что же касается меня, то я сказал то, что должен был сказать, начиная со слов, «по поручению суда», а когда закончил, Дэл в последний раз вышел из своей камеры.

— Подожди секунду, парень, — сказал Брут и проверил макушку Дэла, куда будут надевать шлем. Потом кивнул мне и похлопал Дэла по плечу. — Гладко, как после бритвы. Пошли.

И вот так Эдуар Делакруа совершил свои последний проход по Зеленой Миле, струйки пота и слез вперемешку текли по ею лицу, а над головой бушевала гроза. Брут шел слева от приговоренного, я — справа, а Дин — позади.

Шустер находился в моем кабинете, где по

---

[5] Примечания: 5
Прощай, друг (фр.)

[6] Примечания: 6
Я люблю тебя, мои малыш (фр.)

углам уже стояли на страже Рингголд и Бэттл. Шустер посмотрел на Дэла, улыбнулся и обратился к нему по-французски. Мне он показался неестественным, но он сотворил чудо: Дэл тоже улыбнулся в ответ, а потом подошел к Шустеру и обнял его. Рингголд и Бэттл дернулись, но я поднял руки и покачал головой.

Шустер слушал поток сдавленных от слез слов Дэла по-французски, кивал, словно он отлично все понял, и похлопывал Дэла по спине. Он посмотрел на меня через плечо маленького французика и сказал:

— Из того, что он говорят, хорошо, если я понимаю четверть.

— Это неважно, — проворчал Брут.

— Я тоже так думаю, сынок, — ответил Шустер с улыбкой. Он был лучшим из священников, и теперь я подумал, что совсем ничего не знаю о его судьбе. Надеюсь, что вопреки всему он смог сохранить веру.

Он помог Дэлу опуститься на колени и сложил руки в молитве. Делакруа сделал то же самое.

— Отче наш, сущий на небесах, — начал Шустер по-французски, и Делакруа повторял вместе с ним. Они читали «Отче наш» вместе на плавно звучавшем, журчащем языке до самого конца,

до слов «но избави нас от лукавого, аминь». К этому времени слезы почти перестали бежать из глаз Дэла, да и сам он заметно успокоился. Затем последовали стихи из Библии (на английском), в том числе и старинный мотив о спокойных водах. Закончив читать, Шустер хотел встать, но Дэл потянул его за рукав и произнес что-то по-французски. Шустер внимательно слушал, нахмурясь. Потом ответил. Дэл проговорил что-то еще, а потом только смотрел с надеждой.

Шустер обратился ко мне:

— Он хочет прочитать еще одну молитву. Я не могу ему помочь по причине моей веры. Как вы думаете, пусть читает?

Я посмотрел на часы на стене и увидел, что уже без семнадцати минут полночь.

— Да, — сказал я, — но только побыстрее. Мы должны придерживаться графика.

— Хорошо. — Он повернулся к Делакруа и кивнул. Дэл закрыл глаза, словно для молитвы, но секунду не говорил ничего. Напряженные морщины прорезали его лоб, и у меня появилось чувство, что этот человек ищет где-то далеко в мозгу забытую кладовку, где лежит предмет, которым не пользовались много-много лет. Я опять посмотрел на часы и уже было открыл рот, чтобы

что-то сказать, но Брут дернул меня за рукав и покачал головой.

И тогда Дэл начал мягко и быстро говорить на американском французском, таком округлом, мягком и нежном, как грудь молодой женщины:

— О Мария, приветствую вас, Мария всемилостивейшая. Господь Бог с вами, вы — святая из всех женщин и Господь Бог Иисус, плод вашего чрева, святой. — Он снова заплакал, но, по-моему, не замечая этого. — Пресвятая Мария, мать моя, Богородица, помолитесь за меня, помолитесь за всех нас, грешных, теперь в час, когда… в час нашей смерти. В час, когда я умру. — Он глубоко и прерывисто вздохнул. — Аминь.

Когда Делакруа поднимался на ноги, вспышка молнии озарила комнату мгновенным голубоватым сиянием. Все вздрогнули и поежились, кроме самого Делакруа, который словно целиком был поглощен старинной молитвой. Он вытянул руку, не глядя. Брут взял и быстро пожал ее. Делакруа поднял глаза и чуть улыбнулся.

— Nous voyons… — начал он, но осекся. С заметным усилием он снова перешел на английский.

— Теперь мы можем идти, босс Ховелл, босс Эджкум. Я в согласии с Богом.

— Хорошо, — сказал я и подумал, насколько в

согласии с Богом будет себя чувствовать Дэл через двадцать минут, когда окажется по ту сторону электричества. Я надеялся, что его последняя молитва услышана и теперь Матерь Мария будет молиться за него всем своим сердцем и душой, ибо Эдуару Делакруа, насильнику и убийце, именно тогда понадобятся все молитвы, которые он сможет припомнить. На улице снова прогрохотал гром. — Пойдем, Дэл. Теперь уже недалеко.

— Хорошо, босс, хорошо. Я уже не боюсь.

Он так сказал, но по его глазам я увидел, что — с Богом или без Бога, со Святой Марией или нет, — но он лжет. К тому моменту, когда они проходят последние сантиметры зеленого ковра и ныряют в маленькую дверь, почти все боятся.

— Остановись внизу, — сказал я ему тихо, когда он прошел в дверь, но эти указания были явно излишними. Он все равно остановился бы внизу лестницы как вкопанный, потому что увидел на платформе Перси Уэтмора, у его ног стояло ведро с губкой, а за правым бедром виднелся телефон, соединяющий с губернатором.

— Нет, — произнес Дел перепуганным голосом. — Нет, нет, только не он!

— Давай иди, — приказал Брут. — Просто смотри на меня и на Пола. Словно его там нет.

— Но…

Люди уже повернулись и глядели на нас, но слегка сдвинувшись, я все еще мог незаметно схватить Делакруа за левый локоть.

— Спокойно, — произнес я так тихо, что меня слышал только Дэл, ну, может быть, еще и Брут. — Единственное, что о тебе запомнят эти люди, это как ты ушел. Поэтому веди себя достойно.

В эту секунду над головой прогрохотал самый громкий раскат грома, задрожала железная крыша. Перси вздрогнул, словно кто-то напугал его, а Дэл коротко фыркнул.

— Если будет еще громче, он опять намочит в штаны, — сказал он и расправил плечи, хотя там было не так много чего расправлять. — Пошли, и покончим с этим.

Мы прошли к платформе. Дэл нервно пробежал взглядом по свидетелям — их было человек двадцать пять, а мы — Брут, Дин и я — не сводили тренированных глаз со стула. Все, казалось, в порядке. Я вопросительно поднял большой палец и одну бровь, и Перси криво усмехнулся в ответ, словно говоря: «Ты что, хочешь узнать, все ли в порядке? Конечно».

Я очень надеялся, что он прав.

Мы с Брутом автоматически взяли Делакруа

за локти, когда он взошел на платформу. Она возвышается всего на двадцать сантиметров над полом, но, к вашему удивлению, очень многим из наших постояльцев, даже самым крутым и отпетым, требовалась помощь, чтобы сделать этот последний в их жизни шаг.

Дэл его сделал нормально. Секунду постоял перед стулом (решительно не глядя на Перси), а потом заговорил со стулом вслух, словно знакомясь: «C'est moi — это я», — сказал он. Перси протянул было руку, но Делакруа повернулся и сел. Я стал на колено слева от стула, а Брут — справа. Я защищал пах и горло так, как я уже описывал, потом устроил застежку, чтобы она полностью охватывала худую белую плоть чуть выше лодыжки. Гром снова оглушил нас, и я вздрогнул. Пот заливал и щипал глаза. Я почему-то все время думал о Маусвилле. Куда можно попасть за десять центов. За два цента детям, которые увидят Мистера Джинглза за слюдяными окошечками.

Застежка капризничала и не хотела закрываться. Я слышал, как Дэл тяжело вдыхает воздух в легкие, которые сейчас пытаются угнаться за бешено колотящимся от страха сердцем, а через какие-нибудь четыре минуты превратятся

в пустые мешки. И то, что он убил полдюжины человек, сейчас казалось самой незначительной подробностью. Ничего не хочу говорить о добре и зле, я просто рассказываю, как все было.

Дин присел рядом со мной и спросил:

— В чем дело, Пол?

— Я не могу… — начал было я, но тут пряжка со звучным щелчком защелкнулась. Наверное, она прищемила и складку кожи на ноге Делакруа, потому что он дернулся и издал тихий свистящий звук.

— Извини, — сказал я.

— Ничего, босс, — ответил Дэл. — Болеть будет недолго.

В застежке со стороны Брута находились электроды, и поэтому на нее уходило всегда больше времени, и вот мы втроем встали почти одновременно. Дин взялся за пряжку на запястье левой руки Дэла, а Перси — правой. Я был готов двинуться ему на помощь, но у него все получилось лучше, чем у меня. Я видел, что Дэл уже дрожит, словно сквозь него начал проходить ток низкого напряжения. Я чувствовал запах его пота. Он был кисловатый и крепкий и напомнил запах слабого маринада.

Дин кивнул Перси, Перси обернулся через пле-

чо — я даже увидел, где он порезался, когда брился в тот день, — и сказал тихим твердым голосом:

— Включай на первую!

Раздался низкий гул, похожий на шум старого холодильника при включении, и светильники в помещении склада загорелись ярче. Из публики донеслось несколько ахов и бормотанье. Дэл дернулся на стуле и схватился за дубовые подлокотники с такой силой, что побелели суставы. Глаза его быстро забегали из стороны в сторону, а сухое дыхание стало еще чаще. Он почти задыхался.

— Спокойно, — пробормотал Брут. — Спокойно, Дэл, все нормально. Держись, все идет нормально.

«Эй, ребята! — вспомнил я. — Идите смотреть, что умеет Мистер Джинглз». Над головой снова загрохотало.

Перси величественно обошел вокруг и встал перед электрическим стулом. Наступил важный момент, он был в центре внимания, все глаза устремились на него. Все, кроме одной пары. Делакруа увидел, кто это, и стал смотреть себе на колени. И я готов был поспорить на что угодно, что Перси станет напыщенно декламировать свой текст, но он прочел его бесстрастным, стран-

но спокойным голосом.

— Эдуар Делакруа, вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен судом присяжных и подтвержден судьей с хорошей репутацией в данном штате. Боже, храни жителей этого штата. Не желаете ли сказать что-нибудь, прежде чем приговор будет приведен в исполнение?

Дэл попытался что-то произнести, но сначала не получилось ни звука, кроме испуганного шепота, полного воздуха и гласных звуков. Тень презрительной улыбки тронула уголки рта Перси, и я готов был убить его тут же на месте. Потом Дэл облизал губы и попытался снова.

— Я сожалею о том, что совершил, — произнес он. — Я бы все отдал, чтобы повернуть часы назад, но это невозможно. Поэтому сейчас… — Гром взорвался над нами, словно артиллерийский снаряд. Дэл дернулся, насколько позволяли пряжки, глаза дико сверкали на его влажном лице. — Поэтому сейчас я за все плачу. Господи, прости меня. — Он снова облизал губы и посмотрел на Брута. — Не забудьте про обещание насчет Мистера Джинглза, — добавил он тихим голосом только для нас.

— Не забудем, не беспокойся, — сказал я и потрепал его по ледяной руке. — Он поедет в

Маусвилль…

— Черта с два, — проговорил Перси уголком рта, как рецидивист, пристегивая ремень поперек груди Делакруа. — Нет такого места. Эту сказку парни выдумали, чтоб ты вел себя тихо. Это чтоб ты знал, педик.

Вспыхнувший в глазах Дэла огонь сказал мне, что отчасти он так и думал… но не рассказывал всем остальным. Я посмотрел на Перси с недоумением и злостью, а он выдержал мой взгляд, понимая, что сделать я ничего не могу. И он, конечно, был прав. Я ничего не мог сделать ни перед свидетелями, ни перед Делакруа, сидящим на самом краешке жизни. Ничего не оставалось, как продолжать и закончить это.

Перси снял с крюка маску и натянул ее на лицо Делакруа, закрепив под подбородком, чтобы дыра на макушке была шире. Теперь следовало взять намоченную в ведре губку и положить ее в шлем, и вот тут как раз Перси впервые отошел от принятого порядка: вместо того, чтобы наклониться и вынуть губку, он снял сам шлем из-за стула и наклонился вместе с ним. Иными словами, вместо того, чтобы поднести губку к шлему, что было бы естественно, он поднес шлем к губке. Я понял: тут что-то не так, но был слишком расстро-

ен. Впервые на казни я чувствовал, что совсем не владею собой. Что касается Брута, он совсем не смотрел на Перси, ни когда тот наклонялся к ведру (стоя так, что практически заслонялся от нас), ни когда выпрямлялся и поворачивался к Дэлу со шлемом в руках и коричневым кружочком губки уже внутри шлема. Брут смотрел на ткань, закрывавшую лицо Дэла, наблюдая, как ткань черной шелковой маски втягивается внутрь, очерчивая круг открытого рта, а потом с дыханием выходит обратно. На лбу и на висках Брута выступили капли пота. Я никогда раньше не замечал, чтобы он потел во время казни. За его спиной Дин стоял с отрешенным и нездоровым видом, словно боролся с приступами тошноты. Мы все чувствовали: что-то не так, теперь я знаю. Мы только не понимали, что именно. Тогда еще никто не знал о вопросах, которые Перси задавал Джеку Ван Хэю. Вопросов было много, но, по-моему, для отвода глаз. Я так думаю, что Перси хотелось узнать лишь об одном: губка. Для чего нужна губка. Зачем ее пропитывают рассолом… и что будет, если ее оставить сухой.

Вот что случится, если губка будет сухой.

Перси нахлобучил шлем на голову Дэла. Французик дернулся и снова застонал, на этот раз

громче. Некоторые свидетели беспокойно заерзали на своих складных стульях. Дин сделал полшага вперед, собираясь помочь с завязкой под подбородком, но Перси показал ему нетерпеливым жестом — отойди. Дин отошел, слегка сгорбившись, поеживаясь от очередного раската грома. На этот раз после грома послышались удары дождя по крыше, тяжелые, словно кто-то швырял горстями горох на стиральную доску.

Вам знакомо такое выражение: «Кровь застыла у меня в жилах»? Ну конечно, знакомо. Все мы однажды испытали нечто подобное, но на самом деле я почувствовал это единственный раз в своей жизни — в ту грозовую ночь октября 1932-го, секунд через десять после полуночи. Я почувствовал это не из-за язвительного самодовольства на лице Перси Уэтмора, когда он отошел от фигуры в шлеме и капюшоне, сидевшей на Олд Спарки, — этого я не заметил, хотя должен был. По щекам Дэла из-под шлема не текла вода. И вот тут я все понял.

— Эдуар Делакруа, — говорил Перси, — сейчас через ваше тело пройдет электрический ток, пока вы не умрете согласно законодательству штата.

Я посмотрел на Брута с такой мукой, по сравнению с которой моя «мочевая» инфекция пока-

залась мне ушибленным пальцем. Губка была сухой! Я губами произнес это, но он только непонимающе покачал головой и снова стал смотреть на маску на лице француза, где последние вдохи втягивали и отпускали черный шелк.

Я дотронулся до локтя Перси, но он отошел в сторону, смерив меня взглядом. Он длился всего секунду, но я понял все. Это потом он станет рассказывать свою ложь и полуправду, и этому скорее всего поверят влиятельные люди, но я знал теперь точно. Перси был прилежным учеником, когда делал то, что ему нравилось, мы это поняли на репетиции, и он очень внимательно слушал объяснения Джека Ван Хэя о том, как пропитанная рассолом губка проводит ток, направляет его и превращает в своего рода электрическую пулю в мозг. Да, Перси хорошо знал, что делает. Я даже поверил ему позже, когда он сказал, что не знал, как далеко все может зайти, но это все равно нельзя отнести к добрым намерениям, правда? И все равно я ничего не мог сделать, разве что в присутствии помощника начальника тюрьмы и всех свидетелей крикнуть Джеку Ван Хэю, чтобы тот не включал рубильник. Еще пять секунд, и я думаю, что крикнул бы, но Перси мне этих пяти секунд не оставил.

— Пусть Господь смилостивится над твоей душой, — сказал он задыхающейся, перепуганной фигуре на электрическом стуле, а потом обратился в сетчатое окошечко, где стояли Харри и Джек, и рука Джека лежала на выключателе с пометкой «Сушилка для волос Мэйбл». Справа от этого окна стоял доктор, уставившись, как всегда, молчаливо и замкнуто на свой черный чемоданчик, стоявший между ног. — Включай на вторую!

Сначала все вроде выглядело, как всегда — гул стал чуть громче, чем вначале, но ненамного, затем тело Дэла рефлексивно рванулось вперед от сокращений мышц.

Потом все пошло наперекосяк.

Гул перестал быть ровным и завибрировал. Потом к нему добавился треск, словно от разрыва целлофана. Пошел ужасный запах, но я не смог определить, что так пахнут паленые волосы в сочетании с горящей органической губкой, пока не увидел струйки синего дыма, выходящей из-под краев шлема. Из дыры же наверху шлема, откуда тянулись провода, дым валил, как из индейского вигвама.

Делакруа начал ерзать и вертеться на стуле, его закрытое маской лицо поворачивалось туда-сюда, словно в знак категорического отказа. Ноги

стали подниматься и топать по полу, позвякивая застежками на лодыжках. Над головой снова прогремел гром, и дождь забарабанил сильнее.

Я посмотрел на Дина Стэнтона, он сделал мне страшные глаза. Из-под шлема донесся приглушенный хлопок, словно в огне треснул сосновый сучок, и теперь стал виден дым, пробивающийся мелкими колечками через маску.

Я рванулся к сетчатому окошечку между нами и аппаратной, но не успел и звука произнести, потому что Брутус Ховелл схватил меня за локоть. Он стиснул его так сильно, что боль пронзила всю руку. Брут был белый как полотно, но совсем не растерян и далек от паники.

— Не говори Джеку, чтоб остановил, — сказал он тихо. — Все что угодно, только не это. Уже слишком поздно.

Сначала, когда Дэл начал кричать, свидетели его не слышали. Дождь барабанил по железной крыше, а гром гремел почти непрерывно. Но мы, стоящие на платформе, слышали очень хорошо эти сдавленные вопли боли из-под дымящейся маски, — звуки, которые могло издавать животное, попавшее в пресс для сена.

Гул из шлема стал прерывистым и громким, с периодическим треском, похожим на радиопо-

мехи. Делакруа бросало вперед и назад на стуле, словно ребенка в припадке. Платформа шаталась, ремень на груди так натянулся, что чуть не лопнул. Я услышал хруст кости, словно его правое плечо сломалось или вышло из сустава. При этом еще был такой звук, словно кувалдой ударили по бревну. Брюки в паху, видимые не больше пятна из-за частых ударов его ног, потемнели. Потом Делакруа начал кричать, издавая ужасные высокие, животные звуки, слышные даже при шуме дождя.

Кто-то крикнул:

— Что с ним происходит, черт побери?!

— А пряжки его выдержат?

— Фу, что за запах, Боже!

Потом одна из двух женщин спросила:

— Это нормально?

Делакруа качнулся вперед, откинулся назад, качнулся вперед, откинулся назад. Перси смотрел на него с выражением тихого ужаса. Он ожидал чего-то такого, но совсем не этого кошмара.

Маска на лице Делакруа вспыхнула. К запаху горящих волос и губки присоединился запах горелого мяса. Брут схватил ведро, в котором находилась губка — теперь оно, конечно же, было пусто, — и бросился к очень глубокому баку

уборщика.

— Пол, мне отключить ток? — спросил Ван Хэй сквозь сетку. Голос его дрожал. — Мне отклю…

— Нет! — прокричал я в ответ. Брут понял это сразу, а я гораздо позднее: нам нужно закончить. Все остальное было вторично, прежде всего нам надо было закончить с Делакруа. — Включай, ради Бога! Включай, включай!

Я повернулся к Бруту, почти не замечая того, что люди позади нас уже разговаривают, некоторые встали, некоторые кричали.

— Стой! — завопил я Бруту. — Нельзя воду! Нельзя! Ты что, сдурел?

Брут повернулся, и до него наконец дошло. Лить воду на человека под током. Отличная идея. Он посмотрел вокруг, увидел химический огнетушитель на стене и взялся за него. Молодчина.

Маска сползла с лица Делакруа, показав черты, ставшие уже чернее, чем Джон Коффи. Глаза его, теперь уже бесформенные шары белого полупрозрачного желе, выскочили из орбит и лежали на щеках. Ресницы сгорели, а пока я смотрел, вспыхнули и сами веки.

Дым выходил из выреза рубашки. А гул электричества все продолжался, наполняя мне голову и вибрируя. Я подумал, что этот звук, должно

быть, слышат сумасшедшие, если не этот, то похожий.

Дин рванулся вперед, думая, видимо, что сможет сбить пламя с рубашки Дела руками, и я оттолкнул его так сильно, что он чуть не упал. Трогать Делакруа сейчас, все равно что Братцу Кролику прикасаться к Смоляному Чучелу. Электрическому Смоляному Чучелу в данном случае.

Я все еще не оглядывался и не видел, что происходит за спиной, но похоже было на столпотворение: падали стулья, люди кричали, какая-то женщина вопила изо всех сил: «Да прекратите же наконец! Разве вы не видите, что уже хватит?». Кэртис Андерсон схватил меня за плечо и спросил, что происходит, ради всего святого, что происходит и почему я не приказал Джеку выключить.

— Потому что не могу, — ответил я. — Мы уже зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад, разве вы не видите? Все и так закончится через несколько секунд.

Но прошло еще не меньше двух минут до конца, эти две минуты длились дольше всего в моей жизни, и большую их часть, думаю, Делакруа был в сознании. Он кричал, ерзал и дергался из стороны в сторону. Дым шел у него из ноздрей и изо

рта, ставшего цвета перезрелых слив. Дым поднимался с языка, как от сковороды. Все пуговицы на рубашке либо оторвались, либо расплавились. Его майка не вспыхнула, но уже тлела, дым просачивался сквозь нее, и мы чувствовали запах горящих волос на его груди. Люди устремились к дверям, как скот из загона. Они не могли выйти, ведь это как-никак была тюрьма, поэтому просто столпились у двери, пока Делакруа жарился («Теперь я жарюсь, — говорил старый Тут, когда мы готовились к казни Арлена Биттербака. — Я поджаренный индюк!»), а гром все гремел, и дождь лил как из ведра.

В какой-то момент я вспомнил о враче и поискал его. Он был на месте, но лежал, скрючившись, на полу около своего черного чемоданчика. Он был в обмороке.

Ко мне подошел Брут и стал рядом, держа наготове огнетушитель.

— Не сейчас, — сказал я.

— Я знаю.

Мы поискали глазами Перси и увидели, что он стоит прямо за спиной Спарки, застывший, с вытаращенными глазами, прикусив фалангу пальца.

Потом наконец Делакруа откинулся и обмяк на

стуле, его голова с опухшим бесформенным лицом упала на плечо. Он все еще дергался, но так бывало и раньше, это просто ток еще шел через него. Шлем сполз набок, но, когда мы снимали его, почти вся кожа с головы и оставшиеся волосы снялись вместе с ним, прочно приклеившись к металлу.

— Отключай! — крикнул я Джеку через тридцать секунд, когда ничего, кроме электрических разрядов, не исходило от дымящегося куска угля в форме человека, лежащего на электрическом стуле. Гул немедленно прекратился, и я кивнул Бруту.

Он повернулся и сунул огнетушитель в руки Перси с такой силой, что тот отшатнулся назад и чуть не упал с платформы.

— Давай, шевелись, — произнес Брут. — В конце концов, ты распоряжаешься, так?

Перси посмотрел на него взглядом одновременно больным и убийственным, потом направил огнетушитель, накачал его, нажал кнопку и выпустил облако белой пены в человека на стуле. Я увидел, что ступня Дэла дернулась, когда пена попала на лицо, и подумал:

«Боже, нет, неужели придется включать еще раз?» — но больше движений не последовало.

Андерсон повернулся и раскланивался перед перепуганными свидетелями, объясняя, что все нормально, все под контролем, просто бросок электричества из-за грозы, не надо беспокоиться. Да, он еще объяснил бы им, что запах вокруг — дьявольская смесь из жженых волос, жареного мяса и свежеиспеченного дерьма — это «Шанель» номер пять.

— Возьми у доктора стетоскоп, — сказал я Дину, когда огнетушитель иссяк. Теперь Делакруа был весь в белой пене, и к самому отвратительному из запахов добавился тонкий химический аромат.

— Доктор… мне нужно…

— Не обращай внимания на него, просто возьми стетоскоп, — проговорил я. — Давай с этим покончим… и убери его отсюда.

Дин кивнул. «Покончить» и «отсюда» — эти два понятия ему нравились. Они нравились нам обоим. Он подошел к чемоданчику доктора и стал в нем рыться Доктор начал опять шевелиться, так что по крайней мере его не хватил ни инфаркт, ни инсульт. И хорошо. Но Брут смотрел на Перси далеко не хорошо.

— Иди в тоннель и жди у тележки, — приказал я.

Перси сглотнул.

— Пол, слушай, я не знал…

— Заткнись. Иди в тоннель и жди у тележки. Выполняй.

Он опять сглотнул, скривился, как от боли, а потом пошел к двери, ведущей на лестницу и в тоннель. Он нес пустой огнетушитель в руках, словно ребенка. Дин прошел мимо него, направляясь ко мне со стетоскопом. Я расправил шланги и вставил в уши. Я делал подобное и раньше, в армии, а это, как езда на велосипеде, не забывается.

Я смахнул пену с груди Делакруа, а потом пришлось подавить приступ рвоты, потому что большой горячий кусок его кожи просто сполз с плоти ниже, так, как кожа слезает с… ну, вы понимаете. Жареный индюк.

— О Боже. — Голос, которого я не узнал, почти прорыдал за моей спиной. — Это всегда так? Почему мне не сказали, я бы в жизни сюда не пришел!

«Слишком поздно, дружок», — подумал я.

— Уберите этого человека отсюда, — бросил я Дину и Бруту, да и всем, кто слышал. Я сказал это для того, чтобы убедиться, что могу говорить, не боясь, что меня вырвет прямо на дымящиеся колени Делакруа. — Отведите всех к дверям.

Я успокоил себя, как мог, потом приставил диск стетоскопа к красно-черной полоске свежей плоти, которую расчистил на груди Делакруа. Я слушал и молился, чтобы не услышать ничего, — так оно и произошло.

— Он мертв, — сказал я Бруту.

— Слава Богу.

— Да, Слава Богу. Вы с Дином, принесите носилки. Давайте по-быстрому отстегнем его и унесем отсюда.

5

Мы благополучно спустили его тело по двенадцати ступенькам и положили на тележку. Я до ужаса боялся, что его жареная плоть может просто отделиться от костей, когда мы будем его перегружать, но, конечно, ничего такого не случилось.

Кэртис Андерсон наверху успокаивал зрителей, пытался по крайней мере, и для Брута это было хорошо, потому что Андерсон не видел, как Брут шагнул к передку тележки и занес руку, чтобы ударить Перси, с остолбеневшим видом стоящего рядом. Я перехватил его руку, к лучшему для обоих. Для Перси хорошо тем, что Брут собирался ударить так, что голова точно отлетела бы, а для Брута — тем, что, если бы удар достиг цели, он потерял бы работу, а может, даже кончил свои дни в тюрьме.

— Не надо, — сказал я.

— Что значит «не надо»? — со злостью спросил он. — Как ты можешь так говорить? Ты ведь видел, что он сделал! Что ты мне говоришь? Что ты опять позволишь его связям спасти его? После всего, что он натворил?

— Да.

Брут уставился на меня, приоткрыв рот, в его сердитых глазах выступили слезы.

— Послушай меня, Брут. Ну, врежешь ты ему, и скорее всего нас уволят. Тебя, меня, Дина, Харри, может, даже Джека Ван Хэя. Всех остальных понизят на ранг или два, начиная с Билла Доджа, а тюремная комиссия наймет трех или четырех безработных с улицы, чтобы заполнить места. — Может, ты сможешь это пережить, но… — Я указал большим пальцем на Дина, всматривающегося в сырой тоннель с кирпичными стенами. Очки свои он держал в руке, и вид у него был почти такой же потрясенный, как у Перси. — А как же Дин? У него двое детей, один ходит в школу, а второй только собирается.

— Ну, и к чему ты клонишь? Что мы опять его отпустим?

— Я не знал, что губка должна быть влажной, — проговорил Перси слабым, механическим голосом. Эту версию он отрепетировал, конечно, заранее, когда ожидал, что получится неприятная шутка, а вовсе не катаклизм, который мы наблюдали. — Она никогда не была мокрой на репетициях.

— Ах ты, дрянь, — начал Брут и снова рванулся

к Перси. Я опять схватил его и оттащил назад. На лестнице послышались шаги. Я посмотрел, с ужасом ожидая Кэртиса Андерсона, но это оказался Харри Тервиллиджер. Его щеки были бледны, как бумага, а губы посинели, словно он ел черничный пирог.

Я снова переключился на Брута.

— Ради всего святого, Брут, Делакруа мертв, и этого уже не изменить, а Перси того не стоит.

Был ли уже тогда в моей голове план или хотя бы его начало? Я до сих пор не знаю. И по прошествии стольких лет продолжаю спрашивать себя, но так и не нахожу вразумительного ответа. Я полагаю, теперь это уже не так важно. Хотя я заметил, что есть масса вещей, не имеющих значения, но это не мешает человеку задавать вопросы.

— Вы, ребята, обо мне говорите так, словно я колода, — сказал Перси. Его голос все еще звучал потрясение и с одышкой, словно Перси ударили под дых и он только-только начинал приходить в себя.

— Ты и есть колода, Перси, — отреагировал я.

— Нет, я бы попросил…

Я едва удержался, чтобы не ударить его, да посильнее. Вода капала с кирпичей тоннеля,

наши тени, большие и бесформенные, плясали на стенах, словно тени в рассказе Эдгара По о громадной обезьяне с улицы Морг. Гром продолжал грохотать, но здесь он звучал приглушенно.

— Перси, я хочу услышать от тебя только одно: ты повторишь свое обещание завтра же подать заявление о переходе в Бриар Ридж.

— Не беспокойся об этом, — мрачно произнес он. Он посмотрел на укрытую простынями фигуру на тележке, отвел глаза, потом на секунду встретился взглядом со мной и снова отвел глаза.

— Это будет к лучшему, — сказал Харри. — Иначе тебе пришлось бы узнать Буйного Билла Джона гораздо ближе, чем тебе хочется. — Он выдержал небольшую паузу. — Мы позаботились бы об этом.

Перси испугался нас и, наверное, испугался того, что мы сможем сделать, когда узнаем о его разговоре с Джеком Ван Хэем, о том, как он спрашивал, зачем нужна губка и почему ее всегда смачивают в рассоле, а при упоминании о Джоне в глазах Перси появился настоящий ужас. Я видел, что он вспомнил, как Джон прижал его к решетке и, взъерошив волосы, ворковал на ухо.

— Вы не посмеете, — прошептал он.

— Посмеем, еще как, — спокойно сказал Хар-

ри. — И знаешь что? Мне это сойдет. Потому что ты уже показал себя невнимательным к заключенным. И некомпетентным.

Перси сжал кулаки, а его щеки слегка порозовели.

— Я не…

— Да, некомпетентным, — поддержал Дин, присоединяясь к нам. Мы встали полукругом вокруг Перси около ступеней, отрезав ему путь к отступлению: сзади была тележка с грузом дымящейся плоти под старой простыней. — Ты только что сжег Делакруа заживо. Что это, если не некомпетентность?

Глаза Перси сверкнули. Он планировал прикрыться незнанием, а теперь понял, что попался в свою же яму. Я не знаю, чего бы он еще наговорил, но тут в тоннель спустился Кэртис Андерсон. Мы услышали его шаги и немного отошли, чтобы не выглядело, что мы угрожаем Перси.

— Вашу мать, что все это значит? — проревел Андерсон. — Господи, там же заблевали весь пол! А запах! Я приказал Магнуссону и старому Тут-Туту открыть обе двери, но вонь не выветрится и лет через пять, уж как пить дать! А этот козел Джон еще и поет об этом. Я сам слышал.

— У него что, слух есть, Кэрт? — спросил Брут.

Знаете, как можно одной искрой выжечь осветительный газ и при этом не пострадать? Надо поджечь еще до того, как собралась сильная концентрация. Так вот это как раз был тот случай. Мы сначала с изумлением посмотрели на Брута, а в следующую секунду расхохотались. Высокий звук нашего истерического хохота носился по мрачному тоннелю, как летучие мыши. Тени качались и извивались на стенах. К концу даже Перси присоединился к нам. Потом смех стих, и мы почувствовали себя немного лучше. Почувствовали себя опять нормальными.

— Ладно, ребята, — сказал Андерсон, утирая платком слезы и все еще фыркая от смеха, — что, черт возьми, произошло?

— Казнь, — произнес Брут. По-моему, его безразличный тон обескуражил Андерсона, но не удивил меня, во всяком случае не очень. Бруту всегда удавалось быстро переводить стрелки. — Успешная казнь.

— И вы, черт возьми, еще хотите назвать этот аборт при постоянном токе успешной казнью? Господи, да эти свидетели теперь месяц не смогут спать! А тот толстяк, наверное, и целый год!

Брут указал на тележку и тело под простыней.

— Он ведь мертв, так? Что касается ваших

свидетелей, большинство из них завтра будут рассказывать своим друзьям, что свершилось высшее правосудие: Дэл сжег нескольких человек заживо, поэтому все вернулось на круги своя, и он сам сгорел заживо. По крайней мере никто не скажет, что это сделали мы. Они скажут, что это воля Божья, а мы были ее исполнителями. Может, в этом есть доля правды. И знаете, что самое интересное? Просто самый персик? Друзья будут завидовать и жалеть, что их там не было и они ничего не видели. — Произнося последнюю фразу, он поглядел на Перси одновременно с отвращением и злорадством.

— А если их перышки слегка растрепались, так что? — заявил Харри. — Они сами пожелали все увидеть, никто их не заставлял.

— Я не знал, что губка должна быть мокрой, — повторял Перси механическим голосом. — На репетициях она всегда была сухой.

Дин посмотрел на него с явным отвращением.

— Сколько лет ты мочился на сиденье унитаза, пока тебе не сказали, что его надо сначала поднять? — проворчал он.

Перси открыл было рот, но я велел ему заткнуться. К удивлению, он подчинился. Я обратился к Андерсену.

— Кэртис, все просто и ясно — дело испортил Перси, вот что случилось. — Я повернулся к Перси, ожидая возражений. Но он не возражал, наверное потому, что понял по моим глазам: лучше, если Андерсон услышит, что произошла глупая ошибка чем узнает, что это были сознательные действия. Кроме того, что бы ни говорилось здесь в тоннеле, это все не имело большого значения. В мире Перси Уэтморов важно было то, в каком именно виде попадет информация к большим шишкам — влиятельным людям. В мире таких, как Перси, важно было то, как это появится в газетах.

Андерсон неуверенно обвел взглядом всех нас пятерых. Он даже посмотрел на Дэла, но Дэл молчал.

— По-моему, могло быть гораздо хуже, — сказал Андерсон.

— Ты прав, — подтвердил я. — Он мог быть все еще жив.

Кэртис моргнул: такая возможность не приходила ему в голову.

— Мне нужен полный отчет о случившемся к завтрашнему утру. И никто из вас ничего не скажет начальнику Мурсу, пока я не поговорю с ним. Ладно?

Мы дружно кивнули. Если Кэртис Андерсон хочет сам сообщить начальнику, что ж, мы не против.

— Если только эти щелкоперы ничего не напишут в своих газетенках.

— Не напишут, — сказал я. — Даже если попытаются, их редакторы все вырежут. — Слишком мрачно для семейного чтения. Но они и не станут пытаться, сегодня не было новеньких. А старые не хуже нас знают, что иногда случаются неудачи, вот и все.

Андерсон на секунду задумался, потом кивнул. Он повернулся к Перси с выражением отвращения на обычно приятном лице:

— Ты — поганец, и я терпеть тебя не могу. — Он кивнул в ответ на изумленный взгляд Перси. — Если ты хоть кому-нибудь из своих трусливых друзей об этом расскажешь, я все буду отрицать до тех пор, пока рак на горе свистнет, а эти ребята меня поддержат. У тебя будут неприятности, сынок.

Он повернулся и пошел вверх по лестнице. Я дал ему подняться на четыре ступеньки, а потом окликнул:

— Кэртис!

Он молча повернулся, удивленно подняв бро-

ви.

— Не беспокойся так сильно о Перси, — сказал я. — Он скоро перейдет в Бриар Ридж. Больше зарплата и условия лучше. Правда, Перси?

— Как только подпишут перевод, — добавил Брут.

— А пока его не подпишут, он возьмет больничный на все ночные смены, — вставил свое слово Дин.

И тут Перси очнулся: он еще не проработал в тюрьме столько, чтобы заработать оплачиваемый больничный. Перси посмотрел на Дина с явной неприязнью.

— И не надейся, — процедил он.

6

Мы вернулись в блок примерно в четверть второго (кроме Перси, которому было приказано вычистить помещение склада, и он с надутым видом взялся за работу), мне нужно было написать рапорт. Я решил сделать это за столом дежурного, боясь, что, сидя в своем удобном кресле в кабинете, просто засну. Вам это может показаться странным после всего, что произошло всего час назад, но я чувствовал, что прожил как минимум три жизни, начиная с одиннадцати вечера, и все эти жизни без сна.

Джон Коффи стоял у двери своей камеры, слезы текли из его необычных нездешних глаз — словно кровь из какой-то незаживающей, но странно безболезненной раны. В камере, расположенной ближе к столу, на койке сидел Уортон, раскачиваясь из стороны в сторону, и распевал песенку, скорее всего собственного сочинения и не совсем лишенную смысла. Насколько я помню, звучала она примерно так:

Жа-ров-ня! Для тебя и для меня!
Шкворчит и дымится — тра-ля-ля-ля!

Это не Филли — старый Вонючка.
Не Джеку и не Джолиан.
Подлый убийца, мерзкая штучка
По прозвищу Делакруа!

— Заткнись, идиот, — бросил я.

Уортон оскалился, показав два ряда гнилых зубов. Он не умирал, по крайней мере еще, он был жив, счастлив и весел, чуть ли не танцевал.

— Ну, заходи и заставь меня, а? — сказал он весело, а потом запел другой вариант своей песенки, составляя слова отнюдь не случайно. Что-то в этом было, какие-то зачатки отвратительной сообразительности, по-своему даже блестящей.

Я подошел к Джону Коффи. Он вытер слезы тыльной стороной ладони. Глаза его были красные и воспаленные, и мне показалось, что он тоже очень устал. Как это могло быть, ведь он слонялся по прогулочному дворику всего два часа в день, а остальное время сидел или лежал у себя в камере, я не знаю, но, без сомнения, видел, что он устал. Это было ясно.

— Бедный Дэл, — произнес он тихим, хриплым голосом. — Бедный старина Дэл.

— Да, — ответил я. — Бедный старина Дэл. Джон, а с тобой все в порядке?

— Для него уже все позади, — продолжал Коффи. — Для Дэла все уже позади, правда, босс?

— Да. Но ответь на мой вопрос, Джон. С тобой все в порядке?

— Для Дэла уже все прошло, везет ему. Неважно, как это произошло, но ему везет.

Я подумал, что Делакруа вряд ли согласился бы с этим, но ничего не сказал. Вместо этого я осмотрел камеру Коффи.

— А где Мистер Джинглз?

— Убежал туда. — Он указал сквозь решетку по коридору в сторону смирительной комнаты. Я кивнул.

— Он вернется.

Но он не вернулся, дни Мистера Джинглза на Зеленой Миле закончились. Единственные следы его Брут обнаружил зимой: несколько ярко окрашенных деревянных щепочек и запах мятных леденцов, исходящий из дыры в балке.

Я уже собирался уйти, но не смог. Я смотрел на Джона Коффи, а он на меня, словно читая мои мысли. Я сказал себе, что надо двигаться, считать ночную смену оконченной, вернуться к столу дежурных и к своему рапорту. Вместо этого произнес его имя.

— Джон Коффи.

— Да, босс, — тут же ответил он.

Иногда человека просто преследует мысль кое-что узнать, именно это происходило во мне. Я опустился на одно колено и стал снимать башмак.

7

Когда я добрался домой, дождь уже перестал и над горами взошел тонкий серп луны. Моя сонливость словно исчезла вместе с тучами. Мне совсем не хотелось спать, и я чувствовал, как от меня исходит запах Делакруа. Я подумал, что еще долго моя кожа будет пахнуть паленым — «Жаров-ня! Для тебя и для меня, шкворчит и дымится — тра-ля-ля-ля!»

Дженис ждала меня, как всегда, когда ночью была казнь. Мне не хотелось пересказывать ей все, я не видел смысла в том, чтобы мучить ее, но она поняла по моему виду, когда я появился в кухонной двери, и потребовала рассказать все. Поэтому я сел, взял ее теплые руки в свои ледяные ладони (отопитель в моем «форде» почти не грел, а погода после шторма резко изменилась) и поведал ей все, что она хотела услышать. Где-то на половине рассказа я вдруг неожиданно разрыдался. Мне было стыдно, но не очень, ведь рядом была Дженис, а она никогда не упрекала меня за то, что я иногда вел себя не так, как подобает мужчине… не так, как, полагал, должен себя вести. Если у мужчины хорошая жена, он

счастливейшее из созданий Божьих, а если такой жены нет, мне его жаль, единственное утешение состоит в том, что он не знает, сколь жалка такая жизнь. Я плакал, а она прижимала мою голову к своей груди, когда же моя буря улеглась, мне стало чуть-чуть лучше. И, наверное, именно тогда впервые моя мысль стала отчетливой. Не о ботинке, нет. Она имела к нему некоторое отношение, но иное. Именно тогда я вдруг ясно осознал: при всем несходстве пола, цвета кожи и габаритов у Джона Коффи и у Мелинды Мурс были одинаковые глаза: несчастные, печальные и нездешние. Умирающие глаза.

— Пойдем спать, — сказала жена наконец. — Пойдем со мной, Пол.

И мы пошли и занимались любовью, а потом она заснула. А я лежал, глядя на серп луны и прислушиваясь к потрескиванию стен: они остывали и сжимались, сменяя лето на осень. Лежал и думал о Джоне Коффи, о том, как он говорил, что помог. «Я помог мышонку Дэла. Я помог Мистеру Джинглзу. Он — цирковая мышь». Конечно. И, может быть, думал я, мы все — цирковые мыши, бегающие туда-сюда, имеющие лишь слабое представление о том, что Бог и Дух святой смотрят сверху в наши бакелитовые дома через слюдяные

окошечки.

Я задремал, когда начало светать, и проспал часа два или три, я спал так, как теперь все время сплю в Джорджии Пайнз и как редко бывало тогда — короткими отрывками. Я засыпал, думая о церквях моей юности. Их названия менялись в зависимости от пристрастий матушки и ее сестер, но все они были как одна — Первая Церковь в Бэквудзе молитвы «Отче наш, сущий на Небесах». В тени ее квадратной колокольни понятие расплаты присутствовало постоянно, как удары колокола, созывающего верующих на молитву. Только Бог может прощать грехи и прощает их, смывая предсмертной кровью своего распятого Сына, но это не снимает с его детей обязанности каяться в этих грехах (и даже в простых ошибках и заблуждениях) при первой возможности. Расплата была мощной, как замок на двери, закрывающей прошлое.

Я заснул, думая о расплате, Эдуаре Делакруа, скачущем на молнии, о Мелинде Мурс и моем громадном парне с бесконечно плачущими глазами. Мысли сложились в сон. В этом сне Джон Коффи сидел на берегу реки и издавал свои нечленораздельные идиотские горестные вопли под утренним летним небом, а на другом берегу

товарный поезд нескончаемой лентой мчался по высокому арочному мосту в Трапингус. На каждой руке чернокожего лежало тело обнаженной белокурой девочки. Его кулаки, как огромные коричневые камни, были сжаты. Вокруг него стрекотали сверчки и вились мошки, день наполнялся жарой. Во сне я подошел к нему, опустился на колени и взял его руки. Кулаки его разжались, явив свои секреты. В одном была катушка, окрашенная зеленым, красным и желтым. В другом — башмак тюремного надзирателя.

— Я ничего не мог сделать, — сказал Джон Коффи. — Я пытался вернуть все назад, но было уже слишком поздно.

И на этот раз, во сне, я его понял.

8

На следующее утро в девять часов, когда я на кухне пил уже третью чашечку кофе (жена ничего не сказала, но я видел неодобрение, крупно написанное у нее на лице, когда она мне подавала ее), зазвонил телефон. Я пошел в прихожую, чтобы взять трубку, и Центральная сказала кому-то, что линия занята. Потом она пожелала мне веселенького дня и отключилась… предположительно. С этой Центральной никогда ничего не знаешь наверняка.

Голос Хэла Мурса меня потряс. Срывающийся и хриплый, он будто принадлежал восьмидесятилетнему старику. Я подумал, что, слава Богу, все уладилось вчера с Кэртисом Андерсоном в тоннеле, хорошо, что он относится к Перси так же, как и мы, потому что человек, с которым я говорил по телефону, вряд ли остался бы работать в Холодной Горе хоть на день.

— Пол, я понял, что вчера ночью что-то произошло. Я также понял, что в этом участвовал наш друг мистер Уэтмор.

— Да, случилась неприятность, — согласился я, прижимая наушник как можно плотнее к уху и

наклоняясь к рожку, — но работа сделана. А это самое важное.

— Да, конечно.

— А можно спросить, кто тебе сказал? — Чтобы я привязал колокольчик к его хвосту, чуть не добавил я.

— Спросить-то можно, но, так как тебя это не касается, я лучше промолчу. Тут есть другое дело: когда я позвонил в офис узнать, нет ли сообщений или срочных дел, мне сказали одну интересную вещь.

— Да?

— Да. Похоже, на моем столе лежит заявление о переводе. Перси Уэтмор хочет перейти как можно скорее в Бриар Ридж. Должно быть, заполнил бланк еще до окончания ночной смены, как ты считаешь?

— Да, похоже, так, — согласился я.

— Обычно я поручаю такие дела Кэртису, но, учитывая… атмосферу в блоке «Г» в последнее время, я попросил Ханну просмотреть его для меня лично во время ее ланча. Она любезно согласилась. Я его одобрю и прослежу, чтобы оно попало в столицу штата сегодня же. Думаю, ты увидишь спину Перси Уэтмора, выходящего через двери, не позднее чем через месяц. А может,

и раньше.

Он ожидал, что я обрадуюсь этой новости, и имел на то право. Ради такого дела, которое при обычном раскладе могло занять и полгода, даже при связях Перси, он оторвался на время от ухода за своей женой. И все равно, мое сердце упало. Целый месяц! Но, может, это не так уж и важно. Вместо совершенно естественного желания ждать и отложить рискованную попытку, я обдумывал дело, которое могло быть уж очень рискованным. Иногда, как в подобном случае, лучше прыгнуть до того, — как сдадут нервы. Если бы нам все равно пришлось иметь дело с Перси (я всегда допускаю, что мне удастся склонить других к моей безумной затее), то почему бы не сегодня ночью?

— Пол, ты здесь? — Голос Мурса стал немного тише, словно он говорил сейчас сам с собой. — Черт, я думал, нас разъединили.

— Нет, я слушаю, Хэл. Это потрясающая новость.

— Да, — согласился он, и я опять поразился, какой стариковский у него голос. Какой-то бесцветный и дребезжащий. — Я знаю, что ты сейчас думаешь.

«Нет, не знаешь, начальник, никогда не догада-

ешься об этом».

— Ты думаешь, что наш молодой друг все равно будет участвовать в казни Коффи. И это скорее всего так: Коффи отправится на тот свет задолго до Дня Благодарения, но ты можешь опять поставить Перси в аппаратную. Никто возражать не станет, как, очевидно, и он сам.

— Я так и сделаю, — согласился я. — Хэл, а как Мелинда?

Повисла долгая пауза, столь долгая, что я решил бы, что нас разъединили, если бы не его дыхание. Когда он наконец заговорил, голос его звучал еще тише:

— Она угасает.

Угасает. Леденящее слово, которое старики используют для описания не человека, который умирает, а человека, который начал отходить от жизни.

— Головные боли, как будто, стали слабее… хотя бы сейчас, но она не может самостоятельно ходить, не может удерживать предметы, теряет контроль за мочевой системой, когда спит. — Возникла еще одна пауза, потом совсем тихим голосом Хэл сказал что-то, что прозвучало как «Она одевается».

— Одевается? Во что, Хэл? — спросил я, на-

хмурившись. Моя жена появилась в дверях в прихожую и стояла, глядя на меня и вытирая руки посудным полотенцем.

— Нет, — поправил он, и в его голосе послышался не то гнев, не то слезы. — Она ругается.

— О Боже. — Я все еще не понимал, что это значит, но не хотел ничего выспрашивать. Да и не надо было. Он все сам объяснил.

— Она может спокойно сидеть, вполне нормально говорить о своем цветнике или о платье, увиденном в каталоге, о том, что слышала Рузвельта по радио и то, как замечательно он говорил, а потом вдруг начинает произносить ужасные вещи, самые ужасные… слова. Причем не повышая голоса. Лучше бы она как-то выделяла их интонацией, а иначе… просто…

— Она не похожа на саму себя.

— Да, именно так, — благодарно произнес он. — Но слышать эти грязные ругательства, произносимые ее чудесным голосом… извини меня, Пол. — Его голос ушел, и я услышал, как Мурс громко прокашливается. Потом голос стал чуть тверже, но все равно оставался расстроенный. — Она хочет, чтобы пришел пастор Дональдсон, и я знаю, что он ее успокаивает, но как можно просить его? Представляешь, он сидит и читает с ней

Писание, и вдруг она обзывает его неприлично? А она может, она и меня назвала прошлой ночью. Сказала: «Дай мне, пожалуйста, вот тот журнал „Либерти“, ублюдок». Пол, где она могла слышать такие речи? Откуда ей известны такие слова?

— Не знаю, Хэл, ты будешь дома сегодня вечером?

Когда он был здоров, контролировал себя и не был в тревоге или в горе, Хэл Мурс отличался особым сарказмом, по-моему, его подчиненные побаивались его острого язычка больше, чем гнева или подозрения. Его язвительные замечания, обычно раздраженные или даже резкие, жгли, как осы. И вот немного такого сарказма пролилось на меня. Хотя это было неожиданно, я был рад услышать его колкость. Значит, не вся жизнь ушла из него, в конце концов.

— Нет, — сказал он. — Мы с Мелиндой выезжаем на танцы. Будем танцевать «до-со-до», потом немецкую полечку, а потом скажем скрипачу, что он — долбаный сукин сын.

Я прижал ладонь ко рту, чтобы не рассмеяться. Слава Богу, приступ смеха очень быстро прошел.

— Извини, — сказал он. — Я последнее время мало сплю. От этого становлюсь брюзгой. Конечно, мы будем дома. А почему ты спросил?

— Я думаю, это не важно.

— Ты ведь не собирался заезжать, да? Потому что, если ты дежурил вчера, то идешь в ночную и сегодня. Или ты поменялся сменами с кем-нибудь?

— Нет, я не менялся, — ответил я. — Я дежурю сегодня.

— Во всяком случае сегодня не стоит заезжать. Она сейчас не в том состоянии.

— Скорее всего я и не заеду. Спасибо за новости.

— Не за что. Помолись за Мелинду, Пол.

Я пообещал, думая что смогу сделать кое-что, кроме молитвы. «Бог помогает тем, кто помогает себе сам», — так говорили в Церкви молитвы «Отче наш, сущий на Небесах». Я повесил трубку и взглянул на Дженис.

— Как там Мелли?

— Не очень. — Я рассказал ей то, что сообщил мне Хэл, включая эпизод с руганью, но опустил слова «ублюдок» и «долбаный сукин сын». Я закончил словом Хэла «угасает», и Джен печально кивнула. Потом посмотрела на меня более пристально.

— О чем ты думаешь? Скорее всего о чем-то нехорошем. Это написано у тебя на лице.

Солгать было нельзя, мы никогда не лгали друг другу. Я просто сказал, что ей лучше не знать о моих мыслях, по крайней мере пока.

— А у тебя… из-за этого могут быть неприятности? — Ее голос звучал не тревожно, а скорее заинтересованно, это мне в ней всегда нравилось.

— Может быть, — проговорил я.

— А это хорошее дело?

— Может быть, — повторил я. Я все еще стоял и бездумно крутил пальцем телефонный диск, удерживая другой рукой рычаги.

— Ты хочешь, чтобы я ушла, пока ты будешь звонить? — спросила она. — Буду умненькой и выметусь? Вымою тарелки? Свяжу носочки?

Я кивнул.

— Я бы выразился не совсем так, но…

— У нас будут гости к обеду, Пол?

— Надеюсь, да, — сказал я.

9

Я сразу же поговорил с Брутом и Дином по телефону. У Харри не было телефона, но я знал номер его ближайших соседей. Харри взял трубку через двадцать минут, очень смущаясь и обещая «заплатить свою долю», когда придет следующий счет. Я сказал ему, что сосчитаем цыплят по осени, а сейчас не мог бы он приехать ко мне на обед? Будут Брут и Дин, а Дженис обещала приготовить свою знаменитую капусту… не говоря уже о еще более знаменитом яблочном пироге.

— Обед просто ради обеда? — Голос Харри звучал несколько скептически.

Я сказал, что хотел бы кое о чем поговорить с ними, но этого лучше не касаться даже вскользь по телефону. Харри согласился прийти. Я опустил трубку на рычаг и подошел к окну. Хотя мы отработали ночную смену, я не разбудил ни Брута, ни Дина, да и Харри не походил на только что вернувшегося из страны снов. Наверное, не только я переживал случившееся вчера, а учитывая сумасбродность моей идеи, это было даже неплохо.

Брут, живший неподалеку, приехал в четверть двенадцатого. Дин появился через пятнадцать

минут, а Харри, уже в рабочей одежде, через пятнадцать минут после Дина. Дженис подала нам на кухне бутерброды с холодной говядиной, салат из капусты и чай со льдом. Еще пару дней назад мы могли бы обедать на веранде и наслаждаться ветерком, но после грозы температура понизилась градусов на двадцать, и теперь с гор дул холодный, пронизывающий ветер.

— Присаживайся с нами, — сказал я жене. Она покачала головой.

— Мне не очень хочется знать, что вы тут затеваете, я буду меньше волноваться, если останусь в неведении. Перекушу в гостиной. На этой неделе у меня гостит Джейн Остин, а она очень хорошая компания.

— А кто это, Джейн Остин? — спросил Харри, когда она вышла. — Кто-то из твоих родственниц, Пол, или по линии Дженис? Кузина? Хорошенькая?

— Это писательница, дурак, — объяснил ему Брут. — Умерла примерно в то время, когда Бетси Росс пришивала звезды на первый флаг.

— Ого! — Харри смутился. — Я не любитель читать. В основном читаю инструкции к радиоприемникам.

— Что ты задумал, Пол? — спросил Дин.

— Начнем с Джона Коффи и Мистера Джинглза. — Как я и ожидал, лица их стали удивленными, они думали, что я хотел поговорить о Делакруа или Перси. Может, про обоих. Я посмотрел на Дина и Харри. — То, что с Мистером Джинглзом сделал Коффи, произошло очень быстро. Я даже не знаю, успели ли вы увидеть, насколько сильно пострадал мышонок.

Дин покачал головой.

— Но я видел кровь на полу.

Я повернулся к Бруту.

— Этот сукин сын Перси раздавил его, — сказал он просто. — Мышонок должен был умереть, но не умер. Коффи с ним что-то сделал. Каким-то образом вылечил. Я понимаю, как это звучит, но я видел своими глазами.

Тогда я добавил:

— Он вылечил и меня тоже. Но я это не просто видел, я это почувствовал. — И рассказал им о своей «мочевой» инфекции: как она обострилась, как мне было плохо (через окно я показал поленницу, за которую мне пришлось держаться, когда боль свалила меня на колени), и как все прошло после того, как Коффи прикоснулся ко мне. И больше уже не возвращалось.

Рассказ мой длился недолго. Когда я закончил,

они сидели и задумчиво жевали бутерброды. Потом Дин сказал:

— У него изо рта вылетели черные штучки. Как мошки.

— Да, это так, — согласился Харри. — Сначала они были черными, а потом побелели и исчезли. — Он посмотрел вокруг, размышляя. — Я почти совсем об этом забыл, пока ты не рассказал, Пол. Правда, смешно?

— Ничего смешного или странного, — сказал Брут. — По-моему, люди всегда забывают то, что им непонятно. Зачем помнить то, что не имеет смысла? Пол, а с тобой как? Были тогда мошки, когда он вылечил тебя?

— Да. Я думаю, это была болезнь… боль… то, что болит. Он втянул ее в себя, а потом выпустил снова наружу.

— Где она умерла, — добавил Харри. Я пожал плечами. Я не знал, умерла она или нет, и вообще, какое это имело значение.

— Он, что, высосал боль из тебя? — спросил Брут. — Тогда с мышью он словно высосал из нее боль или, я не знаю, смерть.

— Нет, он только дотронулся до меня. И я это почувствовал. Словно удар тока, только без боли. Но я не умирал, мне просто было больно.

Брут кивнул.

— Прикосновение и дыхание. Прямо как у этих из леса, что поют молитвы.

— Молитва «Отче наш, сущий на Небесах», — сказал я.

— Я вообще не знаю, причем тут Бог, — сказал Брут, — но, по-моему, этот Джон Коффи — очень сильный мужик.

— Да, — согласился Дин. — Если ты говоришь, что все это случилось, я могу поверить. Бог творит свои таинства, и неисповедимы его пути. Но при чем тут мы?

Да, вот это был вопрос вопросов. Я набрал побольше воздуха в легкие и рассказал, что хочу предпринять. Они слушали, раскрыв рот от удивления. Даже Брут, который так любил эти рассказы из журналов про зеленых человечков из космоса, и тот был изумлен. Когда я закончил свой рассказ, все молчали, и никто уже не жевал бутерброды.

Наконец Брутус Ховелл сказал мягко и рассудительно:

— Если нас поймают, Пол, мы потеряем работу, и счастье, если отделаемся только этим. Скорее всего, мы окажемся в числе обитателей блока «А» и будем шить сумочки и ходить в душ парами.

— Да, вполне возможно.

— Я, в общем, представляю, что ты чувствуешь, — продолжал Брутус. — Ты знаешь Мурса лучше нас всех, он не только твой босс, но и твой друг, и я знаю, что ты переживаешь за его жену…

— Это самая прекрасная женщина на свете, — сказал я. — И она для него — все.

— Но мы ее не так хорошо знаем, как ты или Дженис, — произнес Брут. — Правда, Пол?

— Если бы вы ее знали, вы бы тоже ее любили. По крайней мере, если бы вы с ней познакомились до того, как болезнь взяла ее в клещи. Она так много делала для общества, была хорошим другом и очень религиозной. А кроме всего этого, она очень веселая, была, по крайней мере. Она могла такое сказать, что вы хохотали бы до слез. Но совсем не по этим причинам я хочу помочь спасти ее. Нет, то, что с ней случилось, это несправедливо, до обидного несправедливо. Невозможно видеть, слышать и принять сердцем.

— Очень благородно, но я сомневаюсь, что из-за этого у тебя крыша поехала, — сказал Брут. — По-моему, все дело в том, что случилось с Дэлом. Ты хочешь это как-то уравновесить.

Он был прав. Конечно, прав. Я знал Мелинду Мурс лучше, чем все остальные, но все-таки не

настолько, чтобы рисковать ради нее их работой… а может быть, и свободой… Или своими собственными работой и свободой. У меня двое детей и меньше всего на свете мне хотелось, чтобы жене пришлось сообщить им, что их отец готовится предстать перед судом за… а за что? Точно я не знал. Скорее всего, за помощь и соучастие в попытке побега.

Но смерть Эдуара Делакруа стала самым отвратительным, самым ужасным событием в моей жизни; причем не только в том, что касалось работы, но и в жизни вообще, и я в этом принимал участие. Мы все принимали участие, потому что позволили Перси Уэтмору остаться после того, как поняли, что он совсем не подходит для работы в таком месте, как блок «Г». И мы играли в эту игру. Даже начальник Мурс принимал в ней участие. «Все равно его мозги поджарятся, будет Перси в команде или нет», — сказал он, и, возможно, этого было достаточно, учитывая то, что совершил французик, но ведь Перси сделал гораздо больше, чем поджарил Дэлу мозги: он выбил ему глаза из орбит и поджег лицо. А все почему? Потому что Дэл убил в шесть раз больше людей? Нет. Потому что Перси намочил в штаны, а маленький французик имел дерзость над ним

посмеяться. Мы участвовали в чудовищном акте, и Перси собирался выйти сухим из воды. Он перейдет в Бриар Ридж, довольный и спокойный, как море, и там получит целый приют сумасшедших, над которыми можно упражняться в жестокости. С этим мы ничего не могли поделать, но, может быть, еще не слишком поздно, чтобы хоть как-то смыть грязь с наших рук.

— В моей церкви называют это расплатой, а не уравновешиванием, — сказал я, — но, по-моему, суть одна.

— Ты и вправду думаешь, что Коффи смог бы ее спасти? — мягко спросил Дин благоговейным тоном. — Взять и… что?.. высосать эту опухоль мозга из ее головы? Словно… словно косточку персика?

— Думаю, он мог бы. Конечно, я не уверен, но после того, что Коффи сделал со мной… и с Мистером Джинглзом…

— Да, эта мышь была здорово раздавлена, — подтвердил Брут.

— Но захочет ли он? — задумался Харри. — Захочет ли?

— Если сможет, то захочет, — сказал я.

— Почему? Ведь Коффи ее даже не знает!

— Потому что он это делает. Потому что для

этого его создал Бог.

Брут обвел всех взглядом, словно давая понять, что мы кое о чем позабыли.

— А что Перси? Ты думаешь, ему все сойдет? — спросил он, и я рассказал им, что думаю по поводу Перси. Когда я закончил рассказ, Харри и Дин смотрели на меня с изумлением, а на лице Брута невольно появилась восхищенная улыбка.

— Лихо, брат Пол! — воскликнул он. — Даже дух захватывает!

— Вот это будет дело! — почти прошептал Дин, потом засмеялся и захлопал в ладоши, как ребенок. — В общем, тушите свет, сливайте воду! — А нужно вспомнить, что у Дина был свой интерес к той части плана, где речь шла о Перси, ведь по милости Перси Дина чуть не убили, когда Перси стоял, как отмороженный.

— Да, а что потом? — спросил Харри. Он говорил серьезно, но глаза его выдавали: в них горели огоньки, как у человека, который хочет, чтобы его уговорили. — Что потом?

— Есть пословица, что мертвые не болтают, — пробормотал Брут, и я бросил на него быстрый взгляд, чтобы убедиться, что он шутит.

— Я думаю, что он будет держать язык за зубами, — сказал я.

— Правда? — Дин посмотрел скептически. Он снял очки и стал их протирать. — Докажите.

— Во-первых, он не узнает, что происходит на самом деле, он будет судить по себе и посчитает, что все это шутка. Во-вторых, а это более важно, он побоится что-либо говорить. На это я, собственно, и рассчитываю. Мы ему скажем, что, если он начнет строчить письма и звонить по телефону, мы тоже станем строчить письма и звонить по телефону.

— Насчет казни, — добавил Харри.

— И о том, как он застыл на месте, когда Уортон напал на Дина, — сказал Брут — По-моему, Перси Уэтмор больше всего боится, что люди узнают об этом. — Он медленно и задумчиво кивнул. — Это может сработать. Но, Пол, не лучше ли привезти миссис Мурс к Коффи, чем везти Коффи к миссис Мурс? Мы могли бы позаботиться о Перси именно так, как ты сказал, а потом провести ее через тоннель, вместо того, чтобы через него выводить Коффи.

Я покачал головой.

— Не пойдет. Никогда в жизни.

— Из-за начальника Мурса?

— Именно. Он такой прагматик, что из Фомы Неверующего делает Жанну д'Арк. Если привезем

Коффи к нему домой, думаю, мы удивим его так, что он позволит Коффи хотя бы попробовать. Иначе…

— А чем ты предлагаешь добираться?

— Я сначала думал взять фургон, но мы не сможем на нем незаметно выехать со двора, к тому же все в округе его хорошо знают. Я думаю, лучше взять мой «форд».

— Подумай еще раз, — сказал Дин, снова водружая свои очки на нос. — Ты не сможешь затолкать Джона Коффи в свою машину, даже если разденешь догола, намажешь салом и применишь рожок для обуви. Ты к нему уже так привык, что не замечаешь, насколько он большой.

На это мне было нечего сказать. Свое внимание я сосредоточил на проблеме Перси и менее важной, но существенной проблеме Буйного Билла Уортона. И теперь я понял, что с транспортом будет все не так просто, как надеялся.

Харри Тервиллиджер взял остатки своего второго бутерброда, посмотрел на него и снова положил на тарелку.

— Если мы и вправду решимся на это безумие, — произнес он, — то, думаю, можно взять мой «пикап». Посадим его сзади. В это время на дорогах практически никого нет. Мы ведь гово-

рим о времени после полуночи, так?

— Да, — подтвердил я.

— Вы, ребята, забыли об одной вещи, — сказал Дин. — Я знаю, что Коффи ведет себя очень тихо с самого появления в блоке, ничего не делает, а только лежит на койке и плачет, но он — убийца. А еще он громадина. Если он решит сбежать из кузова «пикапа», то остановить его мы сможем только пристрелив. А на такого верзилу понадобится много выстрелов, даже из пистолета сорок пятого калибра. А что если мы не сможем его уложить? Или он убьет кого-нибудь еще? Мне бы не хотелось терять работу и садиться в тюрьму — у меня жена и дети на руках, я должен кормить их, но еще больше, мне бы не хотелось, чтобы на моей совести была еще хоть одна убитая девочка.

— Этого не будет, — сказал я.

— С чего это ты так уверен в этом?

Я не ответил. Я просто не знал, с чего начать. Я не сомневался, что этот вопрос всплывет, без сомнения, но все равно не представлял, как начать рассказывать то, что я знал. Помог мне Брут.

— Ты не веришь, что он это сделал, правда Пол? — Он недоверчиво посмотрел на меня. — Ты считаешь, что этот громадный увалень невиновен.

— Я думаю, что он невиновен.

— Ради всего святого, почему?

— Есть две вещи, — сказал я. — Одна из них — мой башмак. — Я наклонился над столом и начал говорить.

Часть 5
Ночное путешествие

1

Господин Герберт Уэлс написал однажды рассказ о человеке, который изобрел машину времени. И я вдруг понял, что, когда писал эти воспоминания, изобрел свою собственную машину времени. В отличие от машины Уэлса моя могла путешествовать только в прошлое. В 1932-й, если уж быть точным, когда я служил старшим надзирателем в блоке «Г» Исправительного учреждения штата «Холодная Гора», но действовала почти без помех. И все равно, эта машина времени напоминает мне старенький «форд», который был у меня в то время: знаешь точно, что заведется, но никогда не можешь сказать, хватит ли одного поворота ключа или придется вылезать и крутить рукоятку, пока рука не отвалится.

Много раз моя машина заводилась с пол-оборота, с тех пор как я начал рассказ о Джоне Коффи, но вчера пришлось крутить рукоятку. Наверное, это потому, что я дошел до казни Делакруа и какая-то часть моего разума никак не хочет успокоиться. Эта смерть была ужасной, просто потрясающе ужасной, и все из-за Перси Уэтмора, молодого человека, который очень любил причесывать

свои волосы, но не терпел, когда над ним кто-то смеялся, — даже наполовину лысый французик, которому не суждено было дожить до Рождества.

Как во всякой грязной работе, самое тяжелое только начиналось. Двигателю все равно, чем его заводить: ключом или рукояткой, если уж завелся, то в любом случае работает нормально. Так и со мной вчера. Сначала слова выходили короткими фразами, потом длинными предложениями, а потом потекли рекой. Я обнаружил, что писание — особый, даже пугающий вид воспоминаний, в них есть что-то захватывающее, приводящее в восторг. Может быть, потому, что сильно постарел (а это произошло как-то незаметно), но по-моему, это не так. Я думаю, что сочетание карандаша и памяти создает какое-то особое волшебство, и волшебство это опасно. Как человек, знавший Джона Коффи и видевший, что он мог сделать — людям и мышам, — я знаю, о чем говорю.

Волшебство опасно.

Во всяком случае я писал весь день вчера, и слова просто текли из меня, солнечная комната этого замечательного дома для престарелых исчезла, а вместо нее появилось помещение склада в конце Зеленой Мили, где столько моих подопечных

присели в последний раз, и ступеньки лестницы, ведущей в тоннель под дорогой. Именно там Дин, Брут и я обступили Перси Уэтмора около дымящегося тела Эдуара Делакруа и заставили Перси повторить свое обещание подать заявление о переводе в психиатрический интернат в Бриар Ридже.

В солярии всегда свежие цветы, но вчера к полудню я ощущал только ядовитый запах горелой плоти мертвеца. Звук газонокосилки за окном сменился гулким капаньем воды, медленно сочащейся со сводчатого потолка тоннеля. Путешествие продолжалось. И если не телом, то душой и разумом я был там, в 1932 году.

Я пропустил обед, писал часов до четырех, а когда наконец отложил карандаш, рука моя ныла. Я медленно спустился в конец коридора второго этажа. Там есть окно, которое выходит на стоянку машин персонала. Брэд Долан — похожий на Перси санитар, которого слишком интересовало, куда я хожу и что делаю на прогулке, — ездил на старом «шевроле», на бампере которого красовалась наклейка: «Я видел Бога, и его имя Тритон». Машины не было, смена Брэда закончилась, и он отправился в какой-нибудь садик, называемый домом. Я представил себе трейлер, на стенах

которого скотчем прилеплены картинки, а по углам стоят банки из-под пива.

Я вышел через кухню, где только начинали готовиться к ужину.

— Что у вас в сумке, мистер Эджкум? — спросил меня Нортон.

— Там пустая бутылка, — ответил я. — Я нашел в лесу «родник молодости» и всегда по вечерам хожу туда. Потом пью эту воду вечером. Она хорошая, уверяю вас.

— Может, поддержит твою молодость, — сказал Джордж, второй повар, — во всяком случае не повредит.

Мы посмеялись, и я вышел. Я все равно огляделся, нет ли поблизости Долана, назвал себя дураком за то, что позволил ему так глубоко войти в мою жизнь, и зашагал через поле для крокета. За ним находится маленькая зеленая лужайка для гольфа, на картинках в буклетах о Джорджии Пайнз она еще прелестнее, а за ней начинается узкая тропка, идущая через рощицу к востоку от дома для престарелых. Вдоль этой тропинки стоит пара старых сараев, они уже давно заброшены. Я зашел во второй из них, который стоит вплотную к каменной стенке, отделяющей территорию Джорджии Пайнз от шоссе «Джор-

джия-47», и пробыл там пару минут.

В тот вечер я хорошо поужинал, посмотрел телевизор и лег спать рано. Много раз я просыпался по ночам, пробирался в телевизионную комнату и смотрел старые фильмы на канале американской классики. Но прошлой ночью все было не так, я спал как убитый и совсем без сновидений, которые преследовали меня с самого начала моих упражнений в литературе. Вся эта писанина меня, должно быть, утомила, а я ведь вовсе не молод.

Когда я проснулся и увидел, что полоса света, обычно лежащая в шесть утра на полу, уже перебралась к самой спинке моей кровати, то вскочил так быстро и в такой тревоге, что даже не заметил уколов артрита в бедренных суставах, коленях и в лодыжках. Я оделся как мог быстро и поспешил вниз в коридор к окну, выходящему на стоянку автомобилей сотрудников, в надежде, что место, где Долан оставляет свой «шевроле», окажется пустым. Иногда он опаздывает и на полчаса…

Не повезло. Автомобиль уже стоял на месте и тускло блестел в лучах утреннего солнца. Похоже, у мистера Брэда Додана была причина приезжать в последнее время вовремя. Да, старый Поли Эджкум куда-то ходит рано утром и

что-то замышляет, а мистеру Брэду Долану очень нужно знать, что же именно. «Что ты там делаешь, Поли? Расскажи мне». Он скорее всего уже наблюдает за мной. Было бы здорово постоять именно здесь… если бы я мог.

— Пол?

Я повернулся так быстро, что чуть не упал. Это пришла Элен Коннелли. Она широко раскрыла глаза и выставила руки вперед, чтобы поддержать меня. К счастью для нее, мне удалось удержать равновесие: у Элен ужасная подагра, и я разломил бы ее пополам, как палочку, если бы упал в ее объятия. Романтические чувства не умирают, когда вы попадаете в странную страну, лежащую после восьмидесяти, но можно забыть сюжет «Унесенных ветром».

— Извини, — сказала она. — Я не хотела тебя пугать.

— Все нормально, — отозвался я и слабо улыбнулся. — Лучше просыпаться так, чем от пригоршни холодной воды. Я бы нанял тебя делать это каждое утро.

— Ты смотрел, на месте ли машина, да? Машина Долана.

Обманывать ее не имело смысла, поэтому я кивнул.

— Жаль, что я не знаю точно, он в западном крыле или нет. Мне нужно выйти ненадолго, а я не хочу, чтобы он меня видел.

Она улыбнулась тенью той дерзкой вызывающей улыбки, которая, вероятно, была у нее в юности.

— Вот любопытный, да?

— Да.

— Его нет в западном крыле. Я уже спускалась на завтрак, соня, и могу сказать, где он, я специально узнала. Он в кухне.

Я посмотрел на нее с испугом. Я знал, что Долан любопытен, но чтоб настолько?

— Ты не можешь отложить свою утреннюю прогулку? — спросила Элен.

Я обдумал это.

— Наверное, могу, но…

— Тебе нельзя.

— Да, нельзя.

«А теперь, — подумал я, — она спросит, куда я хожу и что же такое важное я там делаю».

Но она не спросила. А вместо этого снова улыбнулась своей дерзкой улыбкой. Она так странно светилась на ее изможденном, болезненном лице.

— Ты знаешь мистера Хауленда? — спросила

она.

— Конечно, — ответил я, хотя видел его не так часто, он жил в западном крыле, которое в Джорджии Пайнз считалось почти другим государством. — Но почему?

— Ты ничего особенного о нем не слышал?

Я покачал головой.

— Мистер Хауленд, — сказала Элен, улыбаясь шире обычного, — один из пяти оставшихся обитателей Джорджии Пайнз, которым разрешено курить. Это потому, что он жил здесь еще до изменения правил.

«Исключение для дедушки», — подумал я. А что еще для него может быть лучше, чем дом престарелых?

Она сунула руку в карман своего полосатого сине-белого платья и по одной достала две вещи: сигарету и коробку спичек.

— Элли, Элли, дочь трубача, — пропела она мелодичным смешным голосом. — Украла свинью и дала стрекача.

— Элен, что это…

— Проводи пожилую девушку вниз, — попросила она, засовывая сигареты и спички обратно в карман и беря меня под локоть своей скрюченной рукой. И мы пошли назад в холл. И пока мы

шли, я решил сдаться и вверить себя ей. Она была пожилой и хрупкой, но отнюдь не глупой.

Пока мы спускались, осторожно, словно неся хрустальные древние сосуды (а ведь мы были похожи на них), Элен сказала:

— Подожди внизу. Я пойду в западное крыло, в туалет в коридоре. Знаешь, где это?

— Да, — кивнул я. — Рядом с фонтанчиком. Но зачем?

— Я не курила уже лет пятнадцать, но хочу закурить сегодня утром. Не знаю, сколько затяжек смогу сделать, пока сработает детектор дыма, но это я и хочу узнать.

Я посмотрел на нее с нарастающим восхищением, думая о том, как сильно она напоминает мне мою жену: Джен поступила бы точно так же. Элен снова посмотрела на меня с озорной хитрой улыбочкой. Я положил ладонь на ее прекрасную длинную шею, повернул лицом к себе и слегка поцеловал в губы.

— Я люблю тебя, Элли, — произнес я.

— О, как торжественно, — сказала она, но я видел, что ей приятно.

— А что Чак Хауленд? — спросил я. — У него будут неприятности?

— Нет, потому что он в телевизионной комнате

смотрит «Доброе утро, Америка» вместе с парой десятков других людей. А я собираюсь улизнуть, как только сработает пожарная сигнализация.

— Только постарайся не упасть и не ударься, женщина. Я себе никогда не прощу, если…

— Перестань болтать чепуху. — На этот раз она поцеловала меня сама. Любовь двух развалин. Кое для кого из вас это может показаться смешным, для всех остальных — нелепым, но я вам так скажу, мой друг: нелепая любовь лучше, чем вообще никакой.

Я смотрел, как она уходит, двигаясь медленно и неловко (но палку она брала только в дождливые дни, да и то если боль была очень сильной, в этом проявлялась ее гордость), я ждал. Прошло пять минут, потом десять, и, когда я уже решил было, что она струсила или не сработала батарейка детектора дыма в туалете, в западном крыле с резким хрипловатым звоном прозвучала пожарная сигнализация.

Я сразу пошел к кухне, но медленно — торопиться незачем, пока не удостоверюсь, что на моем пути нет Долана. Толпа пожилых людей, большинство из них все еще в своей униформе, вывалила из телевизионной комнаты (здесь ее называли Центром отдыха, как это нелепо), что-

бы посмотреть, что происходит. Я обрадовался, увидев среди них Чака Хауленда.

— Эджкум, — воскликнул Кент Эйвери, хватаясь одной рукой за костыль, а второй рассеянно хлопая по пижамным брюкам. — Это настоящая тревога или опять просто так? Как ты думаешь?

— Я думаю, что никто не знает.

И в этот момент трое санитаров прошли мимо, спеша в западное крыло и крича людям, столпившимся у двери в телевизионную, чтобы те вышли из здания и ждали, пока все выяснится. Третьим шел Брэд Долан. Он даже не взглянул на меня, проходя, и это меня бесконечно обрадовало. Когда я спускался дальше к кухне, мне пришло в голову, что команда Эллен Коннелли — Пол Эджкум, пожалуй, переиграет дюжину Брэдов Доланов и полдюжины Перси Уэтморов, приданных для усиления.

Повара в кухне продолжали убирать после завтрака, совсем не обращая внимания на ревущую сирену.

— Слушай, мистер Эджкум, — сказал Джордж. — По-моему, Брэд Долан искал тебя. Вы, должно быть, разминулись.

«Мне повезло», — подумал я. А вслух сказал, что я зайду к мистеру Долану позже. Потом спросил,

не осталось ли гренок после завтрака.

— Конечно, остались, но они уже совсем холодные. Вы сегодня поздно.

— Да, — согласился я, — но я голоден.

— Через минуту я поджарю свежие, — сказал Джордж, берясь за хлеб.

— Не надо, сойдут и холодные. — Когда он протянул мне пару кусков (глядя озадаченно), я поспешил к двери, чувствуя себя мальчиком из далеких лет, когда вместо школы я пошел на рыбалку с кусочком рулета, завернутого в пергаментную бумагу, в боковом кармане рубашки.

Выходя из кухни, я быстро и привычно огляделся в поисках Долана, не увидел ничего подозрительного и заспешил к полю для крокета и гольфа, откусывая на ходу кусочки от одного гренка Я замедлил шаги, входя под тень деревьев, а когда пошел по тропинке, мои мысли снова устремились в тот день — следующий день после ужасной казни Эдуара Делакруа.

В то утро я говорил с Хэлом Мурсом, и он сказал мне, что из-за опухоли мозга Мелинда вдруг начинает всех проклинать и говорить неприличные слова… что моя жена позже определила (скорее наугад, не уверенная, что это именно так) как синдром Туретта. Дрожащий голос Мурса и

воспоминания о том, как Джон Коффи вылечил мою «мочевую» инфекцию и сломанный хребет любимой мышки Делакруа, натолкнули меня на мысль о реальном действии.

Но было еще кое-что. Кое-что, связанное с руками Джона Коффи и моим ботинком.

Так что я позвал ребят, с которыми работал и которым долгие годы доверял свою жизнь, Дина Стэнтона, Харри Тервиллиджера, Брутуса Ховелла. Они пришли ко мне на обед, на следующий день после казни Делакруа, и выслушали меня, пока я излагал свой план. Конечно, они знали, что Коффи вылечил мышь, Брут все видел. Поэтому, когда я предположил, что может произойти еще одно чудо, если мы привезем Джона Коффи к Мелинде Мурс, они не рассмеялись мне в лицо. Дин Стэнтон тогда задал наиболее волнующий вопрос: «А что, если Джон Коффи сбежит во время поездки?»

— А что, если он убьет кого-нибудь еще? — спросил Дин. — Я не хочу потерять работу и не хочу сесть в тюрьму — у меня жена и дети на иждивении, я должен их кормить. Но больше всего я бы не хотел, чтобы на моей совести оказалась еще одна мертвая девочка.

Наступило молчание, потом все посмотрели на

меня, ожидая ответа. Я знал, что все изменится, если скажу то, что уже висело на кончике языка, мы зашли уже так далеко, что отступать было некуда.

По крайней мере мне отступать точно некуда. Поэтому я открыл рот и ответил.

2

— Этого не случится.

— Почему, черт возьми, ты так в этом уверен? — спросил Дин.

Я молчал. Я просто не знал, с чего начать. Конечно, я понимал, что об этом придется говорить, но все равно не представлял, как передать им то, что было у меня на уме и в сердце. Помог Брут.

— Ты думаешь, он этого не делал, правда, Пол? — Он глядел недоверчиво. — Ты считаешь, что этот верзила невиновен.

— Я уверен, что он невиновен.

— Но почему, почему?

— По двум причинам, — объяснил я. — Одна из них — мой ботинок.

— Ботинок? — воскликнул Брут. — Какое отношение имеет твой ботинок к тому, что Джон Коффи убил или не убивал этих двух девочек?

— Я снял свой ботинок и передал ему вчера, — сказал я — Это было после казни, когда все немного улеглось. Я протянул ботинок через решетку, и он взял его своей огромной рукой. Я попросил завязать шнурки. Мне нужно было убедиться, ведь все наши «проблемные дети»

обычно ходят в шлепанцах, а человек, который действительно хочет покончить с собой, может сделать это с помощью шнурков, если поставит такую цель. Об этом мы все знаем.

Они закивали.

— Коффи положил ботинок себе на колени и перекрестил концы шнурков правильно, но на этом застрял. Он сказал, что уверен: когда-то, когда был мальчиком, ему показывали, как это делается, — может, отец, а может, один из дружков его матери, когда отец ушел, но он все забыл.

— Я согласен с Брутом, мне все равно не понятно, какая тут связь с тем, убил Коффи близняшек Деттерик или нет, — проговорил Дин.

Тогда я снова вернулся к истории похищения и убийства: к тому, что вычитал в тот знойный день, сидя в тюремной библиотеке, когда пекло в паху, а Гиббонз храпел в углу, и что журналист Хэммерсмит поведал мне позже.

— Собака Деттериков не кусалась, но лаяла здорово. Человек, похитивший девочек, усмирил ее кусочками колбасы. Каждый раз, пока пес ел, я думаю, убийца подкрадывался все ближе, а когда бедняга дожевывал последний кусок, он схватил пса за голову и свернул ему шею.

— Позднее, когда они догнали Коффи, помощ-

ник шерифа возглавлявший отряд — его звали Роб Макджи, — заметил, что карман комбинезона Коффи оттопыривается. Макджи сначала подумал, что там пистолет. А Коффи объяснил, что там завтрак, так оно и оказалось: пара бутербродов и огурчик, завернутые в газету и перевязанные шпагатом. Коффи не помнил, кто дал ему бутерброды, помнил, что женщина в фартуке.

— Бутерброды и огурчик, но без колбасы, — заметил Брут.

— Колбасы не было, — согласился я.

— Конечно, не было, — сказал Дин. — Он ее скормил собаке.

— Да, так заявил обвинитель на суде, — подтвердил я, — но если Коффи разворачивал завтрак и кормил колбасой собаку, то как он смог снова обвязать сверток шпагатом? Я не представляю вообще, было ли у него время, но это сейчас и не важно. Парень не умеет завязать даже простого бабушкиного узла.

Наступила полнейшая тишина, которую в конце концов прервал Брут.

— Боже правый, — тихо протянул он. — Почему же никто не заявил об этом на суде?

— Просто никто не подумал об этом, — сказал я и снова вспомнил Хэммерсмита — журналиста

Хэммерсмита, окончившего колледж в Баулинг Грине, считающего себя просвещенным человеком, — Хэммерсмита, который сказал, что дворняги и негры почти одно и то же: и те, и другие могут однажды напасть на вас совсем без причины. К тому же он все время говорил «ваши негры», словно они все еще собственность… но не его собственность. Не его. И никогда не принадлежали ему. А в то время на юге было полно таких Хэммерсмитов. — Никто не был «готов» подумать об этом, в том числе и адвокат Коффи.

— Но ты ведь подумал, — возразил Харри. — Черт побери, ребята, с нами рядом сидит Шерлок Холмс. — Он говорил одновременно и шутя, и с благоговением.

— Да ладно, оставь. — Я бы тоже не подумал об этом, если бы не сравнил то, что Коффи сказал Макджи в тот день, с его же словами после того, как он вылечил мою инфекцию, и после того, как оживил мышь.

— Что? — спросил Дин.

— Когда я вошел в его камеру, это было похоже на гипноз. Я чувствовал, что не могу не подчиниться его воле, даже если бы пытался.

— Мне это не нравится. — Харри неловко заерзал на стуле.

— Я спросил его, чего он хочет, и он ответил: «Просто помочь». Я это очень ясно помню. А когда все закончилось, он знал, что мне стало лучше. «Я помог, — сказал он. — Я помог тебе, ведь правда?».

Брут закивал головой.

— Точно так же и с мышью. Ты сказал: «Ты помог», и Коффи повторил эти слова, как попугай. «Я помог мышке Дэла». Тогда ты понял? Тогда, да?

— Да, наверное, так. Я вспомнил, что он ответил Макджи, когда тот спросил его, что произошло. Это повторялось во всех статьях об убийствах. «Я ничего не мог сделать, не мог помочь. Я хотел все вернуть обратно, но было слишком поздно». И это говорит человек с двумя мертвыми девочками на руках, белыми, с белокурыми волосами, человек, огромный, как дом, неудивительно, что его неправильно поняли. Все поняли слова Коффи в соответствии с тем, что увидели, а то, что они видели, было ужасно. Они подумали, что это признание, что Коффи в порыве безумия похитил девочек, изнасиловал и убил. А потом, придя в себя, хотел остановиться…

— Но было уже поздно, — пробормотал Брут.

— Да. Однако в действительности он хотел сказать, что нашел их, попытался оживить — вер-

нуть назад — и безуспешно. Девочки оказались уже слишком близки к смерти.

— Пол, и ты в это веришь? — воскликнул Дин. — Ты и вправду, как на духу, в это веришь?

Я хорошо покопался в своем сердце, подумал, как в последний раз, и кивнул. Я не только знал это сейчас, моя интуиция и раньше подсказывала мне, что с самого начала в истории Джона Коффи что-то не так, еще когда Перси вошел в блок с прикованным Коффи и заорал «Мертвец идет!» во всю мощь легких. Я тогда подал ему руку, помните? Я никогда прежде не подавал руки человеку, пришедшему на Зеленую Милю, но я пожал руку Коффи.

— Боже, — произнес Дин, — Боже правый.

— Твой ботинок — одна причина, — сказал Харри, — а другая?

— Незадолго до того, как отряд обнаружил Коффи и девочек, мужчины вышли из леса около южного берега реки Трапингус. Они увидели пятно смятой травы, много крови и остатки ночной рубашки Коры Деттерик. Собаки немного растерялись. Большая часть рвалась на юг, по течению вдоль берега. Но две из них — «хитрые» терьеры — хотели идти вверх по течению. Боб Марчант руководил собаками, и, когда он дал терьерам

понюхать ночную рубашку, они повернули вместе со всеми.

— Терьеры запутались, так? — понял Брут. Странная, болезненная улыбка пряталась в уголках его рта. — Они не созданы для погони, по большому счету, и поэтому перепутали свою задачу.

— Да.

— Я не понимаю, — сказал Дин.

— Терьеры забыли, что давал им нюхать Боб в самом начале, — объяснил Брут. — Когда они вышли на берег реки, терьеры шли вслед за убийцей, а не за девочками. Все было нормально, пока убийца и девочки находились вместе, но…

Глаза Дина начали разгораться. Харри тоже уже понял.

— Подумайте, — сказал я, — вас не удивляет, как им всем, даже присяжным, хотелось свалить преступление на чернокожего бродягу. А ведь даже сама идея подкормить собаку, чтобы она сидела тихо, пока ей не свернули шею, не по зубам Коффи Думаю, он не подходил к ферме Деттериков ближе, чем южный берег реки Трапингус. Не ближе шести или семи миль. Он просто бродил вокруг, может, собирался выйти на железную дорогу и поехать куда-нибудь — когда поезда

спускаются с эстакады, они так замедляют ход, что можно вскочить в вагон, — и вдруг услыхал возню где-то севернее.

— Это был убийца, — произнес Брут.

— Убийца. Он, наверное, уже изнасиловал их, а может, Коффи услышал, как он насилует. Во всяком случае на том месте, где нашли кровавое пятно, убийца завершил свое дело, расплющил их головы друг о дружку, бросил и был таков.

— Ушел к северу, — сказал Брут. — Туда хотели идти терьеры.

— Правильно. Джон Коффи прошел через заросли ольхи чуть юго-восточнее того места, где остались девочки, наверное, решил узнать, что там за шум, и нашел их тела. Вероятно, одна из них была еще жива. Я допускаю даже, что обе оставались живы, хоть и недолго. Джон Коффи не был уверен, что они мертвы, это точно. Все, что он знал: в его руках есть целительная сила, и он попытался приложить ее к Коре и Кейт Деттерик. А когда не получилось, Коффи заплакал и впал в истерику. Вот так они его и нашли.

— А почему он не остался там, где обнаружил их? — не понимал Брут. — Почему понес их на юг вдоль берега? Как ты считаешь?

— Думаю, он сначала там и оставался. На су-

де повторяли, что пятно примятой травы было большое, вся трава полегла. А Джон Коффи не маленький.

— Джон Коффи — верзила будь здоров, мать его, — сказал Харри, понизив голос до шепота, чтобы моя жена не услышала, как он ругается.

— Вероятно, он забеспокоился, когда увидел, что его действия не помогают. А может, решил, что убийца все еще в лесу и наблюдает за ним. Коффи очень большой, но не слишком смелый. Помнишь, Харри, как он спрашивал, оставляем ли мы на ночь свет в блоке?

— Да. Я, помню, подумал тогда, что это смешно — при таких габаритах. — Вид у Харри был потрясенный и растерянный.

— Но если не он убивал этих девочек, то кто же? — спросил Дин.

Я покачал головой.

— Кто-то другой. Скорее всего, кто-то белый. Обвинитель много говорил, что нужна недюжинная сила, чтобы убить такую большую собаку, какая была у Деттериков, но…

— Ерунда, — перебил Брут. — Сильная двенадцатилетняя девчонка способна свернуть шею большой собаке, если застанет ее врасплох и будет точно знать, где схватить. Если это сделал

не Коффи, то, будь я проклят, почти каждый… любой мужчина мог это сделать. Наверняка мы никогда не узнаем.

Я уточнил:

— Если только он опять не совершит подобное.

— Мы все равно не узнаем, если он сотворит это в Техасе или в Калифорнии, — сказал Харри.

Брут наклонился вперед, потер кулаками глаза, как уставший ребенок, потом снова уронил руки на колени.

— Это просто кошмар, — вздохнул он. — У нас сидит человек, возможно, невиновный — скорее всего невиновный, — которому предстоит пройти по Зеленой Миле, это так же неотвратимо, как после лета наступает осень. Что мы должны делать? Если расскажем эту чепуху о его исцеляющих пальцах, все просто рассмеются, а он все равно закончит жизнь на «жаровне».

— Об этом подумаем позже, — проговорил я, ибо понятия не имел, как ему ответить. — Сейчас вопрос в том, делаем мы это для Мелинды или нет. Я бы предложил подумать несколько дней, но, по-моему, каждый день ожидания увеличивает риск того, что он не сможет помочь ей.

— Помните, как он протягивал руки за мышью? — спросил Брут. — «Дайте мне его, пока

еще есть время». Он так говорил. «Пока еще есть время».

— Я помню.

Брут подумал, потом кивнул.

— Я согласен. Мне тоже плохо из-за Дэла, но больше хочется узнать, что произойдет, когда он коснется Мелинды. Может, и ничего, а может…

— А я сильно сомневаюсь, что нам удастся даже вывести этого верзилу из блока, — сказал Харри, а потом вздохнул и кивнул. — А впрочем, ну и что? Считайте, что я с вами.

— Я тоже, — поддержал Дин. — А кто останется в блоке, Пол? Будем тянуть жребий?

— Нет, сэр, — произнес я. — Никакого жребия. Останешься ты.

— Вот так? И ты это мне говоришь? — сердито и обиженно воскликнул Дин. Он стащил очки и стал тереть их о рубашку. — Что за идиотская затея?

— А вот такая затея. Твои дети еще в школу ходят, — сказал Брут. — Мы с Харри холостяки. Пол женат, но его дети уже взрослые и живут самостоятельно. А мы затеваем сумасшедший трюк, я думаю, что мы все почти уверены, что нас поймают. — Он спокойно глядел на меня. — Ты только, Пол, не сказал вот о чем: если даже нам и

удастся вытащить его из-за решетки, но потом исцеляющие пальцы Коффи не сработают, Хэл Мурс первый посадит нас всех. — Он дал мне время ответить на это, вероятно, даже опровергнуть, но я не мог и поэтому промолчал. Брут повернулся к Дину и продолжал: — Не пойми меня превратно, ты тоже можешь потерять работу, но по крайней мере у тебя останется шанс уйти чистеньким, если поднимется шум. Перси подумает, что это шутка. Если ты будешь за столом дежурного, то сможешь сказать, что тоже так подумал, а мы ничего другого и не говорили.

— Мне все равно это не нравится, — не сдавался Дин, но было ясно, что с этим придется все-таки смириться. Мысль о детях убедила его. — И все нужно сделать прямо сегодня ночью? Вы уверены?

— Если что-то предпринимать, то сегодня, — сказал Харри. — Начать думать об этом, нервов не хватит.

— Давайте я возьму на себя лазарет, — предложил Дин — По крайней мере тут я могу помочь?

— Ты можешь делать все, при условии, что не попадешься, — согласился Брут.

Вид у Дина был обиженный, и я похлопал его по плечу.

— Как только заступишь, лови момент… хорошо?

— Будь спокоен.

Моя жена просунула голову в дверь, словно я подал ей сигнал.

— Кому еще чая со льдом? — весело спросила она. — А тебе, Брутус?

— Нет, спасибо, — ответил он, — чего бы я сейчас хотел, так это глоток виски, но при нынешних обстоятельствах, пожалуй, не время.

Дженис взглянула на меня: губы улыбаются, а глаза в тревоге:

— Во что это ты впутываешь ребят, Пол?

Но прежде чем я начал придумывать ответ, она подняла руку и сказала:

— Не обращай внимания, мне не нужно этого знать.

3

Позже, когда все давно ушли и когда я уже одевался на работу, она тронула меня за плечо, повернула к себе лицом и пристально посмотрела в глаза.

— Мелинда? — спросила она.

Я кивнул.

— Ты что-то можешь для нее сделать, Пол? Действительно что-то сделать или это все несбыточные мечты, вызванные тем, что ты видел вчера ночью?

Я вспомнил глаза Коффи, руки Коффи и то состояние гипноза, в котором вошел к нему, когда он позвал. Я вспомнил, как он протягивал руки к тельцу раздавленного, умирающего Мистера Джинглза. «Пока еще есть время», — сказал он. И те черные мушки, ставшие белыми и пропавшие.

— Я думаю, что это, наверное, единственный ее шанс, — вымолвил я наконец.

— Тогда используй его, — сказала она, застегивая мою новую осеннюю куртку. Она висела в шкафу с моего дня рождения в начале сентября, но надевал я ее всего два или три раза. — По-

пробуй.

И она почти вытолкала меня за дверь.

4

В ту ночь — по многим причинам самую странную ночь в моей жизни — я заступил на дежурство в двадцать минут седьмого. Мне казалось, что я все еще ощущаю в воздухе слабый запах горелой плоти. Должно быть, мне померещилось: двери на улицу, в блоке и в помещении склада были открыты весь день, в течение двух предыдущих смен все вымыли и выскребли, но мой нос этому не верил, и я не смог бы съесть ничего, даже если бы безумно боялся предстоящего вечера.

Брут появился в блоке без пятнадцати семь, Дин — без десяти. Я спросил Дина, не сходит ли он в лазарет за пластырем для моей спины, а то она болит с того утра, когда пришлось тащить тело Делакруа в тоннель. Дин согласился с радостью. Я даже думаю, что он хотел подмигнуть мне, но сдержался.

Харри заступил на дежурство без трех минут семь.

— Как грузовик? — поинтересовался я.

— Он там, где договорились.

Что ж, неплохо. Потом какое-то время мы стояли у стола дежурного и пили кофе, избегая го-

ворить о том, на что все мы надеялись: что Перси опаздывает, и возможно, вообще не придет. Учитывая отзывы о том, как он провел электроказнь, такой вариант был вполне вероятен.

Но Перси, по-видимому, придерживался известного правила о том, как снова оседлать лошадь, которая тебя сбросила, потому что вошел в двери в шесть минут восьмого во всем великолепии своей синей формы: одна рука на бедре, в другой — деревянная дубинка в смешном самодельном чехле. Он пробил свою карточку, потом осторожно оглядел нас.

— У меня стартер сломался, — объяснил он. — Пришлось крутить рукоятку.

— Ах, — проговорил Харри, — бедный малыш.

— Надо было остаться дома и отремонтировать, — мягко заметил Брут. — Зачем ты нужен тут с онемевшей рукой, правда, ребята?

— Да, вам бы это понравилось, точно? — фыркнул Перси, а я подумал, что он немного успокоился, услышав такую спокойную реакцию Брута. Это хорошо. Ведь еще несколько часов надо будет както общаться с ним — не слишком враждебно, но и не очень дружески. После прошлой ночи ему все похожее на дружелюбие покажется подозрительным. Мы не собирались брать его во всеоружии,

но думали, что, если сыграем правильно, удастся хоть немного захватить его врасплох. Важно было действовать быстро, но еще важнее, во всяком случае для меня, чтобы при этом не пострадал никто, даже Перси Уэтмор.

Вернулся Дин и слегка кивнул мне.

— Перси, — распорядился я, — нужно, чтобы ты пошел в складское помещение и вымыл там пол. А еще лестницу в тоннель. А потом напишешь рапорт о прошлой ночи.

— Очень творческая работа, — заметил Брут, засунув большие пальцы рук за ремень и глядя в потолок.

— Смешные вы ребята, — сказал Перси, однако возражать не стал. Даже не указал на очевидное, что пол там мыли уже дважды — как минимум. Думаю, он просто обрадовался возможности побыть подальше от нас.

Я просмотрел рапорт предыдущей смены, не увидел ничего касающегося меня, а потом прошел к камере Уортона. Он сидел на койке, обхватив руками колени, и улыбался мне широко и неприязненно.

— Кто к нам идет — большой начальник, — протянул он. — Большой, как жизнь, и столь же неприглядный. Ты был бы счастливее по колено

в дерьме, босс Эджкум. Тебе что, жена задала трепку перед выходом? А?

— Как дела, Крошка? — спокойно отреагировал я, но в этот момент он просто просиял. Он спустил ноги, встал и потянулся. Улыбка его стала шире, и неприязни в ней поубавилось.

— Черт подери, — обрадовался он. — Наконец хоть раз назвал меня правильно. Что с тобой, босс Эджкум? Ты заболел или как?

Нет, не заболел. Я был болен, но Джон Коффи позаботился об этом. Его руки не помнят, как завязывают шнурки, если вообще знали, но они умеют многое другое. Конечно, умеют.

— Слушай, друг, — сказал я ему. — Если хочешь быть Крошкой Билли вместо Буйного Билла, мне все равно.

Он надулся от гордости, как та пресловутая рыба, обитающая в реках Южной Америки, которая может ужалить до смерти иглами на спине и по бокам. За время работы на Миле я имел дело со многими опасными людьми, но таких отвратительных знал мало, если вообще они были. Этот Вилли Уортон считал себя большим преступником, но его поведение в тюрьме не выходило за рамки мелких пакостей вроде плевков или пускания струйки мочи через решетку камеры.

Поэтому мы и не оказывали ему того уважения, которого он, по его мнению, заслуживал, но именно в ту ночь я хотел, чтобы он был сговорчивым. Даже если это означало намыливание его мягкого места мылом, я бы с радостью намылил.

— У нас с Крошкой очень много общего, можешь мне поверить, — сказал Уортон. — Я ведь попал сюда не за кражу леденцов из дешевой лавочки. — И гордо, словно его внесли в героическую бригаду французского Иностранного легиона, а не шлепнули задницей об пол камеры в семидесяти шагах от электрического стула, он спросил: — Где мой ужин?

— Ладно тебе, Крошка, в рапорте сказано, что ты поел в пять пятьдесят. Мясо с подливкой, пюре и бобы. Меня так легко не проведешь.

Он заливисто рассмеялся и снова уселся на койке.

— Тогда включи радио. — Он произнес «радио» так, как в те далекие годы, в шутку рифмуя его с «дэддио» (любовник). Удивительно, как человек может столько помнить о времени, когда его нервы были натянуты так, что почти звенели.

— Чуть позже, парень. — Я отошел от его камеры и посмотрел вдоль коридора. Брут прошел вниз в дальний конец, чтобы убедиться, что

смирительная комната закрыта на один замок, а не на два. Я знал, что на один, потому что уже проверил. Позднее нам понадобится открыть эту дверь как можно быстрее. Времени перетаскивать барахло, накопившееся там за долгие годы, не будет, поэтому мы его вынесли, рассортировали и разложили в разные места вскоре после того, как Уортон присоединился к нашей веселой компании. Нам казалось, что комната с мягкими стенами — очень полезная вещь, по крайней мере пока Крошка Билли не пройдет Милю.

Джон Коффи, обычно в это время уже лежавший, свесив длинные полные ноги и отвернувшись лицом к стене, сидел на краю койки, сложив руки и глядя на Брута с тревогой — проницательностью, — что на него не походило. И слезы не бежали из его глаз.

Брут проверил дверь в смирительную комнату, потом вернулся назад. Проходя мимо камеры Коффи, он взглянул на него, и Коффи произнес любопытные слова: «Конечно. Я поеду». Словно ответил на то, что сказал Брут.

Мой взгляд встретился со взглядом Брута. «Он знает, — почти произнес он. — Каким-то образом знает».

Я пожал плечами и развел руками, словно го-

воря: «Ну конечно, он знает».

5

Старый Тут-Тут сделал последний заход на блок «Г» со своей тележкой где-то без четверти девять. Мы купили у него достаточно снеди, чтобы он улыбался.

— Ну что, ребята, видели мышь? — спросил он. Мы покачали головами.

— Может, Красавчик видел, — Тут качнул головой в сторону склада, где Перси то ли мыл пол, то ли писал рапорт, то ли чесал свой зад.

— А зачем тебе? Это совсем не твое дело, — осадил его Брут. — Крути колеса, Тут. Ты провонял уже весь коридор.

Тут улыбнулся своим неприятным беззубым и впалым ртом, потом сделал вид, что нюхает воздух.

— Это не мой запах, — сказал он. — Это «прощай» от Дэла.

Хихикая, он выкатил свою тележку за дверь в прогулочный дворик. И продолжал ее катать еще десять лет уже после моего ухода — да что там, после закрытия Холодной Горы, — продавая шоколад и ситро охранникам и заключенным, кто мог это себе позволить. Даже сейчас я слышу

иногда его в моих снах, он кричит, что жарится, жарится, что он жареный индюк.

После ухода Тута время стало тянуться, стрелки часов словно замерли. Мы полтора часа слушали радио, и Уортон визгливо хохотал над Фредом Алленом в передаче «Аллея Аллена», хотя я очень сомневаюсь, что он понимал многие шутки. Джон Коффи сидел на краю койки, сложив руки и не сводя глаз с сидящих за столом дежурного. Так иногда люди ожидают, когда объявят нужный автобус на автостанции.

Перси вышел из помещения склада примерно без четверти одиннадцать и вручил мне рапорт, густо написанный карандашом. Клочья ластика тут и там лежали на листе. Он увидел, как я провел по ним пальцем и торопливо сказал:

— Это только черновик. Я потом перепишу. Как ты думаешь, сойдет?

Я думал, что это самое наглое очковтирательство из всех, какие я только читал. Но сказал, что все нормально, и он, удовлетворенный, удалился.

Дин и Харри играли в карты, при этом чересчур громко разговаривали и слишком часто спорили из-за счета, каждые пять секунд поглядывая на медленно ползущие стрелки часов. Кажется, в

одной из партий в ту ночь они сыграли три кона вместо двух. В воздухе было слишком много напряжения, мне даже казалось, что его можно лепить, как глину, и не чувствовали этого лишь два человека: Перси и Буйный Билл.

Когда часы показали без десяти двенадцать, я уже больше не мог ждать, и слегка кивнул Дину. Он пошел в мой кабинет с бутылкой «колы», купленной у Тута, и через пару минут вернулся. «Кола» была налита в жестяную чашку, которую заключенный не мог разбить, а потом порезаться.

Я взял чашку и огляделся. Харри, Дин и Брут наблюдали за мной. Смотрел на меня и Джон Коффи. А Перси нет. Перси вернулся в склад, где именно в эту ночь ему было легче. Я принюхался к содержимому чашки и не почувствовал ничего другого, кроме запаха «Колы RS», в те годы приятно пахнувшей корицей.

Я понес ее к камере Уортона. Крошка Билли лежал на койке. Он не мастурбировал, хотя его шорты здорово оттопыривались, и он периодически пощипывал это место, как искусный контрабасист самую толстую струну.

— Крошка, — позвал я.

— Не трогай меня, — отозвался он.

— Ладно, — согласился я. — Я принес тебе «колы», чтобы ты вел себя как человек всю ночь, ведь уже скоро и твой черед, но, если не хочешь, я выпью ее сам.

Я сделал вид, что пью, подняв жестяную кружку (смятую по бокам многими сердитыми ударами о многие прутья решеток) к губам. Уортон соскочил с койки в мгновение ока, что меня не удивило. Этот трюк был не очень рискованным, большинство заключенных — убийцы, насильники, приговоренные к Олд Спарки, — сходят с ума по сладостям, и этот не был исключением.

— А ну-ка, дай сюда, дурак. — Уортон произнес это таким тоном, словно он был кучером, а я простым крестьянином. — Отдай это Крошке.

Я держал кружку недалеко от прутьев решетки, позволяя ему дотянуться. Если сделать наоборот — может случиться катастрофа, это скажет любой охранник, прослуживший в тюрьме достаточно долго. О таких вещах мы всегда думали, иногда просто машинально: так же, как знали, что нельзя позволять заключенным называть нас по именам и что быстрый звон ключей означает тревогу на блоке, потому что это звук бегущего охранника, а охранники в тюрьме не бегают никогда, разве что в случае тревоги на этапе.

Людям типа Перси Уэтмора этих премудростей не постичь.

Сегодня, однако, Уортон скорее всего собирался вести себя смирно. Он схватил жестяную кружку, вылакал «колу» в три длинных глотка, а потом звучно отрыгнул.

— Отлично, — сказал он.

Я протянул руку:

— Кружку.

Он подержал ее секунду, дразня глазами.

— Думаешь, возьму себе?

Я пожал плечами.

— Мы придем и отберем. Ты отправишься в маленькую комнату. И это будет твоя последняя «кола». Если только ее не подают в аду, вот и все.

Его улыбка погасла.

— Не люблю шуток насчет ада, козел. — Он швырнул кружку через решетку. — Вот вам. Забирайте.

Я поднял кружку. За моей спиной Перси сказал:

— Какого черта ты вдруг решил дать этому идиоту содовой?

«Потому что там столько зелья из лазарета, что хватит, чтобы проспать двое суток и ничего не почувствовать», — подумал я.

— У Пола, — заметил Брут, — запас милосердия не ограничен, и оно падает, словно дождь с райских небес.

— Чего? — спросил Перси, нахмуриваясь.

— Я говорю, у него доброе сердце. Всегда было, таким и останется. Не хочешь сыграть в «безумные восьмерки», Перси?

Перси фыркнул:

— Только не в «Пьяницу» и не в «Ведьму», это самые глупые игры в мире.

— Поэтому я думал, что тебе будет интересно сыграть в несколько рук, — сладко улыбнулся Брут.

— Умные все какие, — сказал Перси и шмыгнул в мой офис. Мне не очень нравилось, что эта мелкая крыса сидит за моим столом, но я промолчал.

Время тянулось медленно. Двенадцать двадцать, двенадцать тридцать. В двенадцать сорок Джон Коффи поднялся с койки и стал у двери камеры, держась руками за прутья решетки. Мы с Брутом прошли до камеры Уортона и заглянули в нее. Он лежал на койке, улыбаясь в потолок. Глаза его были открыты, но напоминали стеклянные шарики. Одна рука лежала на груди, вторая свесилась с койки, пальцы касались пола.

— Боже, — проговорил Брут, — от Крошки Билли до Вилли Плаксы — всего за один час. Интересно, сколько таблеток морфина Дин положил в этот тоник?

— Достаточно. — Мой голос слегка задрожал. Брут этого мог и не заметить, но я услышал. — Пошли.

— Ты не хочешь подождать, пока этот красавчик отключится?

— Он уже отключился, Брути. Он просто слишком под кайфом, чтобы закрыть глаза.

— Ты начальник, тебе виднее. — Он оглянулся, ища Харри, но Харри был уже рядом. Дин сидел прямо за столом дежурного, перетасовывая колоду карт так сильно и быстро, что было странно, что они не загораются, при каждом перехвате колоды бросая взгляд налево, на мой кабинет. Следя за Перси.

— Уже пора? — спросил Харри. Его длинное лошадиное лицо казалось очень бледным над синей форменной блузой, но вид у него был решительный.

— Да. Если мы хотим успеть, то пора.

Харри перекрестился и поцеловал большой палец. Потом отправился в смирительную комнату, открыл ее и вернулся со смирительной рубашкой.

Он подал ее Бруту. Мы втроем прошли по Зеленой Миле. Коффи у двери своей камеры проводил нас взглядом и не сказал ни слова. Когда мы дошли до стола дежурного, Брут спрятал рубашку за спину, что при его комплекции было довольно легко.

— Повезло, — сказал Дин. Он был так же бледен, как и Харри, но и столь же решителен.

Перси сидел за моим столом, именно так, на моем стуле, и хмурился над книгой, которую таскал повсюду с собой последние несколько ночей: не «Арго» или «Для мужчин», а «Уход за душевнобольными в лечебницах». Но по его виновато-встревоженному взгляду, брошенному на нас, можно было подумать, что это «Последние дни Содома и Гоморры».

— Чего еще? — спросил он, быстро захлопывая книгу. — Что вам нужно?

— Поговорить с тобой, Перси, — сказал я. — Вот и все.

Однако по нашим лицам он понял, что мы явились вовсе не только поговорить, поэтому вскочил и бросился — почти бегом — к открытой двери в помещение склада. Он подумал, что мы пришли рассчитаться с ним и надавать оплеух.

Харри отрезал ему путь к отступлению и стал Вт дверях, сложив на груди руки.

— А ну! — Перси повернулся ко мне в тревоге, но стараясь не показывать ее. — Что это еще?

— Не спрашивай, Перси. — Я думал, что все пройдет нормально, я буду в норме, раз уж мы начали эту безумную аферу, но что-то не получалось. Я не верил, что делаю это. Словно в плохом сне. Мне все казалось, что вот-вот жена разбудит меня и скажет, что я стонал во сне. — Лучше, если ты с этим смиришься.

— А что у Ховелла за спиной? — срывающимся голосом спросил Перси, поворачиваясь, чтобы лучше рассмотреть Брута.

— Ничего.

— Ну, это, я думаю… — Брут вытащил смирительную рубашку и помахал ею у бедра, словно матадор мулету перед броском быка.

Перси вытаращил глаза и рванулся. Он хотел бежать, но Харри схватил его за плечи, и получился лишь рывок.

— Отпустите меня? — закричал Перси, пытаясь вырваться из рук Харри, — но тщетно. Харри был тяжелее фунтов на сто, и мускулы у него, как у лесоруба, однако у Перси хватило сил протащить Харри почти до середины комнаты и смять неприятный зеленый ковер, который я все собирался заменить. На секунду я даже подумал,

что он вырвет Харри руку, ведь страх может прибавить сил.

— Успокойся, Перси, — сказал я. — Будет легче, если…

— Перестань успокаивать меня, невежа, — завопил Перси, дергая плечами и пытаясь высвободить руки. — Оставьте меня! Все! Я знаю людей! Больших людей! Если вы не перестанете, вам всем придется отправиться в Южную Каролину за тарелкой супа на общественной кухне!

Он опять рванулся вперед и ударил бедром по моему столу. Книга, которую он читал — «Уход за душевнобольными в лечебницах», подскочила, и из нее выпала спрятанная внутри маленькая брошюрка. Неудивительно, что Перси глядел виновато, когда мы вошли. Это были не «Последние дни Содома и Гоморры», а книжечка, которую мы иногда давали сексуально озабоченным узникам за хорошее поведение. Я уже упоминал о ней, по-моему, маленькая книжечка комиксов, где Олив Ойл спала со всеми, кроме малыша Свит Пи.

Мне показалось печальным, что Перси в моем кабинете изучал такую примитивную порнушку, Харри тоже глядел с отвращением, насколько я мог видеть его из-за напряженного плеча Перси, а Брут залился смехом, и это вывело Перси из

борьбы на какое-то время.

— Ах, Перси, — произнес он. — Что скажет мама? Что по этому поводу скажет губернатор?

Перси густо-густо покраснел.

— Заткнитесь. И оставь маму в покое.

Брут передал мне смирительную рубашку и приблизил лицо вплотную к Перси.

— Конечно. Просто будь хорошим мальчиком и вытяни ручки.

Губы Перси дрожали, а глаза блестели слишком ярко. Он был готов вот-вот расплакаться.

— Не буду, — сказал он детским дрожащим голосом, — и вы меня не заставите. — Потом стал громко звать на помощь. Харри моргнул мне, я ответил тем же. Если и был момент, когда все дело могло рухнуть, так именно тогда. Но Брут так не считал. Он никогда не сомневался. Он зашел за спину Перси, стал плечом к плечу с Харри, который все еще держал руки Перси у него за спиной. Брут поднял руки и взялся за уши Перси.

— Прекрати орать. Если не хочешь получить пару самых уникальных чайниц в мире.

Перси перестал кричать о помощи и просто стоял, дрожа и глядя вниз на обложку комиксов, где Попай и Олив забавлялись в такой позе, о которой я только слышал, но ни разу не пробо-

вал. «О Попай!» — написано было в шарике над головой Олив. «Оп-оп-оп-оп», — красовалось над головой Попая. Он еще и трубку курил при этом.

— Вытяни руки, — приказал Брут, — и хватит валять дурака. Делай, как говорят.

— Не буду, — упорствовал Перси. — Не буду, и вы меня не заставите.

— Ты очень сильно, просто жестоко ошибаешься, — сказал Брут, хлопнул по ушам Перси и стал крутить их, словно ручки конфорок у плиты. Плиты, которая готовит так, как ты хочешь. Перси жалобно вскрикнул от боли и удивления — я бы многое отдал, чтобы этого не слышать. В его крике звучали не только боль и удивление, в нем было понимание. Впервые за свою жизнь Перси вдруг осознал, что ужасные вещи случаются не только с другими людьми, у которых нет родственника-губернатора. Я хотел сказать Бруту, чтобы он перестал, но, конечно же, не мог. Мы зашли слишком далеко. Все, что я мог, это напомнить себе, что Перси провел Делакруа через одному Богу известно какие муки просто потому, что Делакруа посмеялся над ним. Однако это не утешало. Возможно потому, что я создан иначе, чем Перси.

— Протяни сюда ручки, милый, — попросил

Брут, — иначе получишь еще.

Харри уже отпустил юного мистера Уэтмора. Всхлипывая, как маленький, со слезами, уже бегущими по щекам. Перси вытянул руки перед собой, как лунатик в кинокомедии. Я в мгновение ока надел на них рукава смирительной рубашки и едва успел натянуть рубашку на плечи Перси, как Брут отпустил его уши и схватил завязки на манжетах. Он обкрутил руки Перси крест-накрест, так что они теперь были крепко прижаты к груди. Харри тем временем застегнул застежки на спине и завязал завязки. После того, как Перси сдался, вся операция заняла не более десяти секунд.

— Вот и хорошо, милый, — сказал Брут. — Теперь вперед.

Но он не пошел. Он посмотрел на Брута, потом обратил свои испуганные, вопрошающие глаза ко мне. И куда делись его угрозы насчет того, что мы все отправимся в Южную Каролину за бесплатной кормежкой!

— Пожалуйста, — прошептал он хрипло и сквозь слезы, — только не сажай меня к нему, Пол.

И тогда я понял, почему он так запаниковал, почему так яростно сопротивлялся. Он думал,

что мы собираемся подсадить его в камеру к Буйному Биллу Уортону и что наказанием за сухую губку станет анальный секс всухую с заключенным психопатом. Но вместо сочувствия я ощутил лишь отвращение к Перси и еще больше утвердился в своем решении. В конце концов, он судил нас по себе: что бы сделал он, окажись на нашем месте.

— Нет, не к Уортону, Перси, — успокоил я. — В смирительную комнату. Ты посидишь там часика три-четыре один в темноте и подумаешь о том, что ты сделал с Дэлом. Наверное, тебе уже поздно учиться тому, как люди должны вести себя, во всяком случае так думает Брут, но я — оптимист. А теперь, иди.

И он пошел, бормоча себе под нос, что мы об этом пожалеем, очень пожалеем, как пить дать, но в целом, казалось, он успокоился и расслабился.

Когда мы препроводили его в коридор, Дин посмотрел на нас с таким искренним удивлением и наивностью, что я рассмеялся бы, не будь дело таким серьезным. Лучшую игру я видел только в гранд-ревю.

— Слушайте, вам не кажется, что шутка зашла слишком далеко? — спросил Дин.

— А ты заткнись, тебе же на пользу, — прорычал Брут. Эти фразы мы придумали за обедом, и для меня они так и прозвучали, как часть сценария, но если Перси был достаточно испуган и растерян, то они могли бы дать работу Дину Стэнтону, если придется туго. Сам я так не думал, но все бывает. Каждый раз, когда я сомневался, я вспоминал о Джоне Коффи и о мышонке Делакруа.

Мы прогнали Перси вдоль Зеленой Мили, он спотыкался и выкрикивал, чтобы мы шли помедленнее, а то он упадет лицом прямо на пол. Уортон лежал на своей койке, но мы гнали Перси слишком быстро, чтобы я успел заметить, спит он или нет. Джон Коффи стоял у двери камеры и смотрел.

— Ты — плохой человек, и ты заслужил эту темную комнату, — произнес он, но, по-моему, Перси его не услышал.

Когда мы вошли в смирительную комнату, щеки Перси были пунцовые и по ним текли слезы, глаза вращались в орбитах, волосы сбились на лоб. Харри одной рукой вытащил пистолет Перси, а другой — его драгоценную дубинку.

— Получишь обратно, не беспокойся, — сказал Харри. Он был слегка смущен.

— Жаль, я не смогу сказать это о твоей работе, — огрызнулся Перси. — О работе для вас всех. Вам это так не сойдет! Не сойдет!

Он явно готов был продолжать орать, но у нас не оставалось времени слушать его проповеди. В моем кармане лежал рулон липкой ленты — предка нынешней клейкой ленты. Перси увидел и стал уклоняться. Брут схватил его сзади и держал, пока я не заклеил лентой ему рот, закрепив для надежности концы почти на затылке. Ну, потеряет он клок волос, когда будут отдирать ленту, а еще губы серьезно потрескаются, но мне было уже все равно. Мне уже хватило Перси Уэтмора по горло.

Мы отошли от него. Он стоял посредине комнаты, под забранной в металлическую сетку лампочкой, в смирительной рубашке, дыша воспаленными ноздрями и издавая сдавленные, мычащие звуки из-под пленки. Во всяком случае он был очень похож на тех заключенных, которых мы держали в этой комнате.

— Чем тише ты станешь вести себя, тем скорее выйдешь отсюда, — наставлял его я. — Постарайся это запомнить, Перси.

— А если будет одиноко, вспомни об Олив Ойл, — посоветовал Харри. — Оп-оп-оп-оп.

Потом мы вышли. Я закрыл дверь, а Брут защелкнул оба замка. Дин стоял чуть выше на Миле, около камеры Коффи. Он уже вставил ключ в верхний замок. Мы четверо молча переглянулись. Слова были не нужны. Колесо завертелось, и нам оставалось лишь надеяться на то, что все пройдет, как мы задумывали, не перескакивая зубцов на шестеренках.

— Ты все еще хочешь проехаться, Джон? — спросил Брут.

— Да, сэр, — ответил Коффи. — Думаю, да.

— Хорошо. — Дин открыл первый замок, вынул ключ и вставил его во второй замок.

— Нам надо тебя заковывать цепью, Джон? — спросил я.

Коффи, кажется, задумался.

— Можно, если хотите, — проговорил он наконец. — Но не нужно.

Я кивнул Бруту, отодвинувшему дверь камеры, потом повернулся к Харри, который почти направил на него пистолет Перси сорок пятого калибра, когда Коффи выходил из камеры.

— Отдай это Дину, — сказал я.

Харри встрепенулся, словно очнувшись от дремы, увидел пистолет и дубинку Перси в своих руках и передал их Дину. А Коффи тем временем

оказался в коридоре и своим голым черепом чуть не задел лампочки на потолке. Когда он стоял, сложив руки перед собой и опустив плечи, я опять подумал, что он похож на огромного пойманного медведя.

— Запри игрушки Перси в ящике стола дежурного, пока мы не вернемся, — приказал я.

— Если вернемся, — добавил Харри.

— Хорошо, — сказал мне Дин, не обращая внимания на Харри.

— А если кто-нибудь придет, вообще-то никто не должен, но если вдруг, то что ты скажешь?

— Что Коффи разволновался к полуночи. — Дин был похож на студента, отвечающего на экзамене. — Что нам пришлось запихать его в смирительную рубашку и поместить в смирительную комнату. Если возникнет шум, то тот, кто услышит, подумает, будто это он. — Дин кивнул в сторону Джона Коффи.

— А где мы? — допытывался Брут.

— Пол в администрации, работает с делом Дэла и свидетелями, — ответил Дин. — Это сейчас особенно важно, потому что казнь прошла так ужасно. Он сказал, что скорее всего пробудет там остаток смены. Брутус, Харри и Перси в прачечной, стирают одежду.

Да, вот так обычно и говорили. В прачечной, в комнате снабжения по ночам иногда играли в очко, покер или преферанс. Что бы ни было, но охранники, участвовавшие в этом, говорили, что стирают свою одежду. На этих сборищах иногда пили самогон, а вахту несли по очереди.

Так было, наверное, во все времена и во всех тюрьмах. Когда все время проводишь в заботах о грязных людишках, сам поневоле запачкаешься. Во всяком случае, нас вряд ли стали бы проверять. К «стирке одежды» в Холодной Горе относились с большим уважением.

— Именно так, — сказал я, поворачивая Коффи вокруг и подталкивая вперед. — А если все сорвется, Дин, то ты ничего не знаешь.

— Легко сказать, но…

В этот момент из-за решетки камеры Уортона высунулась худая рука и ухватилась за каменный бицепс Коффи. Мы аж вскрикнули. Уортон должен был спать как убитый, а он стоял, чуть покачиваясь вперед-назад, как боксер после удара, и мутно скалился.

Удивительной была реакция Коффи. Он не отскочил, но тоже вскрикнул, выпуская воздух сквозь зубы, словно коснулся чего-то холодного и неприятного. Его глаза расширились, и на секун-

ду он показался мне другим человеком, словно другой вставал по утрам и ложился спать вечером. Он был живой — тогда, когда хотел, чтобы я зашел в его камеру и он смог до меня дотронуться. «Помочь мне», говоря языком Коффи. Он так же выглядел, когда вытянул руки за мышью. И сегодня, в третий раз, его лицо озарилось, словно в мозгу вдруг зажгли лампу. Но сейчас совсем не так.

Его лицо стало холодным, и я впервые подумал, что может случиться, если вдруг Джон Коффи впадет в ярость. У нас были пистолеты, мы могли застрелить ею, но побороть его было бы нелегко.

Я прочел подобные мысли на лице Брута, но Уортон продолжал скалиться окаменевшей улыбкой.

— А куда это ты идешь? — Это прозвучало скорее как «Куа эа ты ош?»

Коффи стоял неподвижно, переводя взгляд с лица Уортона на его руку. Я не мог понять выражения его лица. Я видел, что оно разумное, но не мог понять, что оно означало. За Уортона я не беспокоился совсем. Он не вспомнит ничего потом, сейчас он, как пьяница, гуляющий в отключке.

— Ты — плохой человек, — прошептал Коффи, и я не разобрал, что было в его голосе: боль, злость

или страх. Наверное, все вместе. Коффи снова посмотрел на руку, сжимающую его бицепс, словно на насекомое, которое могло бы очень больно укусить, если бы имело разум.

— Правильно, ниггер, — пробормотал Уортон с мутной кривой ухмылкой. — Плохой, как тебе и не снилось.

Я вдруг ясно почувствовал, что должно произойти что-то ужасное, что-то, способное кардинально изменить запланированный ход событий, как внезапное землетрясение может изменить русло реки. Это должно было случиться, и ни я, ни кто другой из нас ничего не мог поделать.

Потом Брут, наклонившись, отодрал руку Уортона от плеча Джона Коффи, и это чувство исчезло. Словно разомкнулась потенциально опасная цепь. Я уже говорил, что за время моей работы в блоке «Г» телефон губернатора не звонил ни разу. Это правда, но я представил, что, если бы он хоть раз зазвонил, я испытал бы такое же облегчение, как тогда, когда Брут убрал руку Уортона от человека, возвышающегося рядом со мной. Глаза Коффи сразу потухли, словно выключили свет, горевший изнутри.

— Ложись, Билли, — сказал Брут. — Отдохни. — Так обычно я успокаивал ребят, но сейчас я не

возражал, чтобы Брут говорил моими словами.

— Может, и лягу, — согласился Уортон. Он отступил, покачнулся, чуть не опрокинулся, но в последнюю секунду удержал равновесие. — О Боже, вся комната качается. Словно я пьян.

Он сделал шаг к койке, не спуская мутных глаз с Коффи.

— Негры должны иметь свой электростул, — заявил он. Потом его колени подогнулись, и он плюхнулся на койку. Еще до того, как голова коснулась тонкой тюремной подушки, Уортон захрапел, темно-синие тени проступили у него под глазами, а кончик языка высунулся наружу.

— Боже, как он сумел подняться с таким количеством наркотиков? — прошептал Дин.

— Неважно, теперь он готов. Если опять начнет, дай ему еще таблетку в стакане воды. Но не больше одной. Нам не нужно его убивать.

— Говори за себя, — проворчал Брут и подозрительно посмотрел на Уортона. — Таких обезьян нельзя убить наркотиками. Они от них расцветают.

— Он — плохой человек, — повторил Коффи, но на этот раз более низким голосом, словно был не очень уверен в том, что говорит.

— Правильно, — согласился Брут. — Самый

подлый. Но теперь он нам не нужен, танцевать с ним танго мы не собираемся. — Мы опять пошли, вчетвером окружая Коффи, как почитатели вокруг своего идола.

— Скажи мне, Джон, а ты знаешь, куда мы ведем тебя?

— Помочь, — сказал он. — По-моему… помочь… даме? — И он посмотрел на Брута с надеждой и тревогой. Брут кивнул.

— Правильно. Но откуда ты узнал? Как ты узнал?

Джон Коффи тщательно обдумал вопрос, но потом покачал головой.

— Я не знаю. Сказать по правде, босс, я мало чего знаю вообще. И никогда не знал.

6

Я знал, что маленькая дверь между кабинетом и лестницей вниз, в складское помещение, не была рассчитана на таких, как Коффи, но я не мог себе представить всей этой несоразмерности, пока он не оказался перед дверью и не взглянул на нее с сомнением.

Харри засмеялся, но сам Коффи, похоже, не увидел смешного в том, что огромный мужчина стоит перед маленькой дверью. Он привык к таким вещам, поскольку был великаном большую часть своей жизни, а эта дверь всего лишь чуть меньше других.

Он присел, протиснулся сквозь нее сидя, потом опять поднялся и спустился по ступенькам к ожидающему его Бруту. Там он остановился и посмотрел через всю комнату на платформу, где в ожидании молча стоял Олд Спарки — величественный, словно трон в замке умершего короля. Шлем перекошенно висел на одной из стоек спинки и был похож на королевскую корону не больше, чем шутовской колпак, хотя, если бы шут напялил его или потряс им, его высокородная аудитория сильнее смеялась бы над его

шутками.

Тень от стула, вытянутая и паукообразная, угрожающе карабкалась на одну из стен. И действительно, мне показалось, что все еще пахнет горелой плотью. Запах был слабым, но я подумал, что это не только мое воображение.

Харри нырнул в дверь, за ним я. Мне не по душе было, как Джон Коффи, оцепенев, удивленным взглядом смотрит на Олд Спарки. А еще меньше мне понравилось то, что я увидел, когда подошел ближе: мурашки на коже его рук.

— Пойдем, парень. — Я взял его за руку и попытался потянуть в сторону двери, ведущей в тоннель. Он не сдвинулся с места, с таким же успехом я мог пытаться выломать голыми руками булыжник из мостовой.

— Пошли, Джон, нам надо идти, если не хочешь, чтобы кучер и карета снова превратились в тыкву, — сказал Харри и снова нервно рассмеялся. Он взял Джона за другую руку и потянул, но Джон не шевелился. А потом произнес что-то тихим полусонным голосом. Он говорил это не мне, да и ни кому из нас, но все равно никогда не забуду его слов:

— Они все еще здесь. Кусочки их все еще здесь. Я слышу их крики.

Нервный смешок Харри умолк, осталась лишь улыбка на губах, словно покосившаяся ставня в опустевшем доме. Брут взглянул на меня почти с ужасом и отошел от Джона Коффи. Во второй раз за какие-то пять минут мне показалось, что все предприятие на грани провала. На этот раз я вышел вперед, чуть позже, когда катастрофа будет угрожать в третий раз, это сделает Харри. В эту ночь мы все получили шанс, поверьте.

Я встал между Джоном и электрическим стулом, привстав на цыпочки, чтобы полностью закрыть стул собой. Потом дважды резко щелкнул пальцами перед глазами Джона.

— Пошли. Иди! Ты сказал, что тебя не нужно заковывать в цепи, докажи это! Иди, парень! Шагай, Джон Коффи! Вот сюда! В эту дверь!

Его глаза прояснились.

— Да, босс. — И, слава Богу, он пошел.

— Смотри на дверь, Джон Коффи, только на дверь и больше никуда.

— Да, босс. — Джон послушно уставился на дверь.

— Брут. — Я показал пальцем.

Он поспешил вперед, на ходу вытаскивая ключи и выбирая нужный. Джон неотрывно смотрел на дверь в тоннель, а я не упускал из виду Джона,

но уголком глаза заметил, что Харри бросает нервные взгляды на Олд Спарки, словно никогда в жизни его не видел.

«Кусочки их все еще здесь… Я слышу их крики».

Если это правда, то Эдуар Делакруа должен кричать дольше и громче всех, и я был рад, что не слышу того, что слышит Джон Коффи.

Брут открыл дверь. Мы спустились вниз по лестнице, Коффи шел первым. Внизу он мрачно посмотрел на низкие кирпичные своды. Когда мы доберемся до другого конца, его спину, должно быть, станет ломить, если только…

Я подкатил тележку. Простыню, на которой лежал Дэл, уже убрали (и скорее всего сожгли), так что виднелись черные кожаные подушки.

— Залезай, — приказал я Джону. Он недоверчиво взглянул на меня, и я ободряюще кивнул. — Так будет лучше.

— Ладно, босс Эджкум. — Он сел, потом улегся, глядя на нас встревоженными карими глазами. Его ступни в дешевых тюремных шлепанцах доставали почти до земли. Брут стал между ними и покатил Джона Коффи вдоль темного коридора, как вез уже многих. Различие состояло в том, что нынешний седок еще дышал. Когда мы уже

прошли полпути и находились под шоссе (стали слышны приглушенные звуки проезжающих автомобилей), Джон заулыбался:

— Ты смотри, — сказал он. — Это забавно. — «В следующий раз, когда поедет на тележке, он уже не будет так думать», — такая мысль посетила меня. Действительно, в следующий раз он не будет ни думать, ни чувствовать вообще. Или будет? Кусочки их все еще здесь, он так сказал, он слышал их крики.

«Пойдет вслед за другими, невидимый для них». Я поежился.

— Я надеюсь, ты не забыл про «Аладдина», босс Эджкум? — спросил Брут, когда мы дошли до конца тоннеля.

— Не беспокойся, — ответил я. «Аладдин» ничем не отличался от других ключей, которые находились тогда при мне, у меня была связка весом около килограмма, — но это самый главный из всех главных ключей: он открывал все. Такой ключ «Аладдин» был тогда один на пять блоков тюрьмы и принадлежал главному на блоке. Другие надзиратели могли его брать, но только главный надзиратель имел право его выдавать.

В дальнем конце тоннеля стояли ворота с решетками из нержавеющей стали. Они всегда на-

поминали мне картинки с видами старых замков — тех старинных, когда рыцари брили головы, а рыцарство почиталось. Только Холодная Гора была далеко от Камелота. За воротами лестница вела к скромной, подъемной двери с надписью: «Посторонним вход воспрещен. Собственность Штата», а снаружи: «Под напряжением».

Я открыл ворота, а Харри захлопнул их за нами. Мы поднялись, Джон Коффи опять впереди, опустив плечи и наклонив голову. Наверху Харри обошел его (естественно, не без трудностей, хотя и был меньше нас всех) и открыл подъемную дверь. Она была тяжелой. Он мог сдвинуть ее, но поднять ему было не под силу.

— Сейчас, босс, — сказал Джон. Он опять вышел вперед, почти вдавив Харри бедром в стену, когда проходил, и поднял дверь одной рукой. Можно было подумать, что это крашеный картон, а не стальной лист.

В лицо нам подул холодный ночной воздух, подгоняемый пронизывающим ветром, этот ветер будет с нами почти все время до марта или апреля. Ветер гнал осенние листья, и Джон Коффи свободной рукой поймал один из них. Я никогда не забуду, как он смотрел на него и как поднес ближе к своему широкому красивому носу, чтобы

ощутить запах.

— Пошли, — поторопил Брут. — Вперед, марш.

Мы выбрались наружу. Джон опустил калитку, и Брут закрыл ее, для нее не нужен был «Аладдин», он пригодится для того, чтобы открыть калитку в проволочной сетке, которая окружала поднимающуюся дверь.

— Руки держи по швам, парень, когда будешь проходить, — пробормотал Харри. — И не трогай проволоку, если не хочешь сильно обжечься.

Потом мы вышли совсем и стояли на обочине дороги небольшой кучкой (три холмика вокруг горы — наверное, мы выглядели так), глядя на стены, огни и сторожевые вышки исправительного учреждения «Холодная Гора». На секунду я смог разглядеть даже неясную фигуру часового на вышке, греющего дыханием ладони, но ненадолго, окна в вышках маленькие. Тем не менее нужно было вести себя очень тихо. Если сейчас вдруг появится автомобиль, мы влипнем в большие неприятности.

— Пошли, — прошептал я. — Веди нас, Харри.

Мы взяли чуть севернее и зашагали вдоль шоссе цепочкой друг за другом: сначала Харри, за ним Джон Коффи, потом Брут и я. Мы преодолели первый подъем и стали опускаться с другой сто-

роны, откуда тюрьма давала о себе знать лишь заревом огней над верхушками деревьев. Харри по-прежнему шел впереди.

— Где ты ее поставил? — тихо спросил Брут, выпустив изо рта белое облачко пара. — В Балтиморе?

— Чуть дальше впереди, — отозвался Харри немного нервно и раздраженно. — Придержи пар, Брут.

Но Коффи, насколько я мог видеть, был бы только рад идти хоть до рассвета, а потом еще и до заката. Он смотрел по сторонам, вздрагивая не от страха, а от восторга, я почти уверен, когда вдруг ухнул филин. И я тогда понял, что если ему было страшно в темноте внутри здания, то здесь он темноты не боялся совсем. Он ласкал эту ночь, прижимался в ней своими чувствами, как мужчина припадает лицом к выпуклостям и изгибам женской груди.

— Здесь мы повернем, — произнес Харри. Небольшая дорога — узкая, немощеная, заросшая по центру травой, уходила под углом вправо. Мы свернули на нее и прошли еще метров триста. Брут опять уже начал беспокоиться, когда Харри остановился, перешел на левую сторону и стал убирать отломленные сосновые ветки. Джон и

Брут стали ему помогать, и не успел я присоединиться к ним, как они открыли потрепанный нос старого грузовика «фармолл» и его зарешеченные фары глянули на нас, словно глаза жука.

— Я хотел сделать как можно осторожнее, — объяснил Харри Бруту тонким, обиженным голосом. — Может, для тебя, Брутус Ховелл, это и смешно, но я из очень религиозной семьи, мои сестры такие праведницы, что могут превратить христиан во львов, и если меня поймают за такими играми…

— Все нормально, — успокоил Брут. — Я просто нервничаю, вот и все.

— Я тоже, — напряженно сказал Харри. — Сейчас, если эта старая рухлядь заведется…

Он обошел вокруг кузова грузовика, все еще что-то бормоча, и Брут подмигнул мне. Для Коффи мы перестали существовать. Он закинул голову и пил звезды, рассыпанные по небу.

— Я поеду сзади вместе с ним, если хочешь, — предложил Брут. Позади нас быстро прорычал стартер, словно старый пес, просыпающийся холодным зимним утром. Потом двигатель ожил. Харри газанул раз и оставил его прогреваться. — Нам обоим там нечего делать.

— Садись вперед, — сказал я. — Ты сможешь

поехать с ним на обратном пути. Если, конечно, мы не кончим тем, что нас всех повезут в кузове нашего тюремного грузовика.

— Что ты такое говоришь? — воскликнул он с искренне расстроенным видом, словно впервые осознал, насколько серьезными могут оказаться последствия, если нас поймают. — Ради Бога, Пол!

— Пошли. Садись в кабину.

Он повиновался. Я подергал Джона Коффи за руку, чтобы он хоть на время вернулся на землю, потом провел вокруг грузовика к задней части кузова. Харри натянул холст на стойки — это могло помочь, если бы мы встретили по пути машину.

— Прыг-скок, парень, — сказал я.

— Сейчас поедем?

— Верно.

— Хорошо. — Он улыбнулся. Улыбка была славной и приятной, может, оттого, что ее не отягощал большой груз мыслей. Он залез в кузов. Я последовал за ним, подошел к кабине и постучал ладонью по крыше. Харри включил первую передачу, и грузовик двинулся из своего укрытия, трясясь и переваливаясь.

Джон Коффи стоял, расставив ноги в середине кузова, снова подняв голову к звездам, широко

улыбаясь и не замечая хлеставших веток, когда Харри свернул к шоссе.

— Смотри, босс, — крикнул он низким, восторженным голосом, показывая в черное небо. — Это Касси, леди в кресле-качалке!

Он был прав, я тоже ее видел среди множества звезд в разрыве между вершинами деревьев. Но я подумал не о Кассиопее, когда он сказал про леди в кресле-качалке, а о Мелинде Мурс.

— Я тоже ее вижу, Джон. — Я потянул его за руку. — Но ты должен сейчас сесть, хорошо?

Он сел, откинувшись к стене кабины и не отрывая взгляда от ночного неба. На его безмятежном лице было выражение бесконечного счастья. С каждым поворотом полысевших покрышек «фармолла» Зеленая Миля оставалась все дальше и дальше за спиной, и хоть на время кажущийся нескончаемым поток слез из глаз Джона Коффи прекратился.

7

До дома Хэма Мурса в Чимни Ридже было сорок километров, и в медленном и тряском фермерском грузовике Харри Тервиллиджера дорога заняла более часа. Жутковатая была поездка, и хотя мне кажется сейчас, что все ее мельчайшие подробности еще живы в памяти — каждый поворот, холмик, каждая выбоина, моменты страха (их было два), когда навстречу проехали грузовики, — я не уверен, что смогу сейчас описать свои ощущения, когда мы сидели в кузове вместе с Джоном Коффи, завернувшись, как индейцы, в старые одеяла, которые Харри предусмотрительно взял с собой.

Скорее всего, я ощущал себя потерявшимся: такая глубокая и острая боль, которую ощущает ребенок, когда осознает, что зашел куда-то не туда, все дорожные знаки незнакомы, и он не знает, как найти дорогу домой. Я вышел ночью из тюрьмы с заключенным, и не просто с заключенным, а с осужденным и приговоренным к смертной казни за убийство двух маленьких девочек. Моя вера в то, что он невиновен, не будет иметь никакого значения, если нас поймают. Мы все сядем

в тюрьму, да и Дин Стэнтон наверняка тоже. Я поставил на карту свою жизнь из-за ужасной казни Делакруа и еще из-за веры в то, что этот сидящий рядом верзила, возможно, сумеет вылечить женщину со злокачественной опухолью мозга. Но, глядя, как Джон Коффи рассматривает звезды, я вдруг с испугом понял, что больше в это не верю, если вообще верил. Моя «мочевая» инфекция казалась сейчас далекой и незначительной, как часто бывает с ощущениями резкой боли (если женщина действительно помнила бы, как было больно при родах первого ребенка, сказала однажды моя мать, она никогда не родила бы второго). А что до Мистера Джинглза, разве не могли мы ошибиться, думая, что Перси раздавил его? Или этот Джон, у которого, несомненно, есть какая-то гипнотическая сила, как-то обманул нас, заставив поверить, что мы что-то видели, чего на самом деле не было? И вот теперь это дело с Хэлом Мурсом. В тот день, войдя неожиданно в его кабинет, я встретил дрожащего, плачущего старика. Но я не думаю, что это истинное лицо начальника тюрьмы. Я полагаю, что настоящий начальник Мурс — это человек, который однажды сломал руку заключенному, бросившемуся на него с ножом, человек, который с циничной

точностью указал мне, что мозги Делакруа все равно поджарятся, независимо от того, кто будет распорядителем на казни. Неужели я считал, что Хэл Мурс спокойно отойдет в сторону и даст нам ввести в его дом приговоренного детоубийцу, чтобы тот наложением рук исцелил его жену?

Мои сомнения росли стремительно, пока мы ехали. Я просто не понимал уже, почему сделал то, что сделал, или почему заставил остальных ехать со мной в эту безумную ночную поездку, и я не верил, что у нас есть шанс выйти сухими — ни малейшего шанса в рай с грехами, как говорят старые заключенные. Но я не высказал вслух ничего, хотя мог бы. Окончательно мы потеряли контроль над ситуацией, только когда подъехали к дому Хэла Мурса. Что-то — наверное, какие-то волны восторга, исходящие от гиганта рядом со мной, — удержали меня от того, чтобы постучать в крышу кабины и закричать Харри, чтобы поворачивал назад и ехал в тюрьму, пока еще есть время.

Вот в таком настроении пребывал я, когда мы съехали с шоссе на дорогу номер пять, а с нее на дорогу Чимни Ридж. Через каких-то пятнадцать минут я увидел силуэт крыши, закрывающий звезды, и понял, что мы приехали.

Харри переключил со второй на более низкую передачу (думаю, за всю дорогу он переключился лишь один раз — на верхнюю). Двигатель фыркнул, вогнав в дрожь весь грузовик, словно тот тоже боялся того, что лежало прямо перед нами.

Харри съехал на усыпанную гравием дорожку, ведущую к дому Мурсов, и остановил свой рычащий грузовик позади изящного «бьюика» начальника тюрьмы. Впереди и слегка справа возвышался ухоженный, с иголочки, дом в стиле, который называется по-моему, «Кейп Код». Дома такого типа должны смотреться несколько необычно в наших горах, но этот был как раз к месту. Вышла луна, ее серп был чуть шире сегодня, и в ее свете я увидел, что двор, всегда такой опрятный, совсем заброшен. Наверное, это из-за листьев, которые не убирались. Обычно этим занималась Мелинда, но в эту осень Мелинде не до листьев, и больше она осенних листьев не увидит. В этом была суровая правда, и я сошел с ума, если поверил, что этот идиот с нездешними глазами сможет что-то изменить.

Возможно, еще было не поздно спасти себя. Я собирался встать, одеяло сползло с плеч. Я хотел наклониться, постучать в стекло водителя и сказать Харри, что надо убираться к черту отсюда,

пока…

Джон Коффи схватил мое запястье своей могучей рукой и усадил назад так легко, как я бы справился с двухлетним ребенком.

— Смотри, босс, — сказал он, показывая. — Кто-то не спит.

Я посмотрел в направлении его пальца и почувствовал, как сердце мое упало. В одном из задних окон я увидел вспышку света. Скорее всего, в комнате, где теперь Мелинда проводит дни и ночи. Она, наверное, уже не в состоянии ходить по лестнице, как не может выйти, чтобы убрать листья после недавней грозы.

В доме, конечно, услышали грузовик — проклятый «фармолл» Харри Тервиллиджера, его двигатель рычал и фыркал во всю длину выхлопной трубы, не обремененной никаким глушителем. Черт, а Мурсы вообще, наверное, в эти ночи спят плохо.

Свет приближался к фасаду дома (кухне), потом к гостиной наверх, к передней, к окну над входом. Я наблюдал за его перемещением, как человек, стоящий у бетонной стены и докуривающий последнюю сигарету, следя за медленно приближающимся огневым взводом. Но даже тогда я еще не до конца осознавал, что уже слишком

поздно, пока неровный гул двигателя «фармолла» не замолк, не заскрипели дверцы и не хрустнул гравий под ногами Харри и Брута.

Джон встал и потянул меня за собой. В тусклом свете его лицо казалось оживленным и напряженным. А почему бы и нет? Я, помню, подумал так в тот момент. Почему бы ему не быть напряженным? Он ведь дурак.

Брут и Харри стояли плечом к плечу около кузова, как дети в грозу, и я увидел, что они оба так же напуганы и растеряны, как и я. От этого мне стало еще хуже.

Джон спрыгнул вниз. Хотя для него это был скорее шаг, а не прыжок. Я спрыгнул за ним, жалкий, на негнущихся ногах. Я растянулся бы прямо на холодном гравии, не поймай он меня за плечо.

— Это ошибка, — произнес Брут тихим хриплым голосом. Глаза его были огромные и перепуганные. — Боже Милосердный, Пол, где были наши головы?

— Уже слишком поздно, — сказал я. Я толкнул Коффи в ногу, и он послушно отошел и стал рядом с Харри. Потом я сжал локоть Брута, словно мы были на свидании, и мы вдвоем пошли к крыльцу, где теперь горел свет. — Говорить буду я, понятно?

— Да, — согласился Брут. — Именно это сейчас я только и понимаю.

Я оглянулся через плечо:

— Харри, стой с ним у грузовика, пока не позову. Я не хочу, чтобы Мурс увидел его, пока я не подготовлюсь. — Разве что я не буду готов вообще. Сейчас я это знал.

Едва мы с Брутом дошли до крыльца, входная дверь резко распахнулась, так что молоточек ударил по пластинке. Перед нами стоял Хэл Мурс в синих пижамных брюках и полосатой футболке, его седые волосы торчали в разные стороны. У этого человека за время службы появилась тысяча врагов, и он знал об этом. Пистолет, который он сжимал в правой руке — известной марки «Нед Бантлайн специал», с ненормально длинным стволом, — этот пистолет, всегда висевший над камином, принадлежавший еще деду, сейчас был направлен отнюдь не в пол, он смотрел прямо на нас (я видел это, ощущая холодок в животе).

— Кого это, черт побери, принесло в полтретьего ночи? — спросил он. В голосе Мурса я не услышал страха. И не заметил, чтобы его трясло. Рука, державшая пистолет, была тверда, как камень. — Отвечайте, а то… — Ствол пистолета начал подниматься.

— Перестань, начальник. — Брут поднял руки вверх ладонями к человеку с пистолетом. Я никогда не слышал, чтобы его голос так звучал, словно дрожание рук Мурса каким-то образом перешло на горло Брутуса Ховелла.

— Это мы! Пол и… это мы!

Брут сделал шаг вперед, так что свет над крыльцом полностью осветил его лицо. Я присоединился к нему. Хэл Мурс смотрел то на одного, то на другого, и его агрессивная решительность уступила место недоумению.

— Что вы тут делаете? — спросил он. — Ведь сейчас ночь, к тому же вы должны быть на дежурстве. Я знаю, у меня есть график в мастерской. Так что какого черта… О Боже. Надеюсь не локаут? И не мятеж? — Он посмотрел на нас, и взгляд его стал настороженным. — А кто еще там у грузовика?

«Говорить буду я». Так я приказал Бруту, и вот настало время говорить, а я не мог даже рта раскрыть. По дороге на работу в тот вечер я тщательно продумал, что скажу, когда мы доберемся, и мне казалось, это не будет звучать слишком безумно. Не нормально — в этом деле ничего нормального не было, — но хотя бы чуть ближе к нормальному, чтобы впустить нас и дать шанс.

Дать шанс Джону. Но сейчас все мои тщательно отрепетированные слова утонули в волнах растерянности. Мысли и образы — горящий Дэл, умирающая мышь, Тут, дергающийся на Олд Спарки с криками, что он жареный индюк, — вертелись в моей голове, как песок во время песчаной бури. Я верю, что в мире есть добро и оно так или иначе исходит от любящего Бога. Но я уверен, что есть еще и другая сила, такая же реальная, как Бог, которому я молился всю свою жизнь, и она направлена на то, чтобы разрушить все наши добрые порывы. Это не Дьявол (хотя я верю и в то, что он существует), а своего рода демон раздора, озорной и глупый, который радостно смеется, когда старик поджигает себя, пытаясь раскурить трубку, или когда любимое всеми дитя берет в рот свою первую рождественскую игрушку и умирает от удушья. Я много лет об этом думал, всю дорогу из Холодной Горы до Джорджии Пайнз, и уверен, что в ту ночь именно эта сила действовала на нас, расстилаясь, как туман, и пытаясь не допустить Джона Коффи к Мелинде Мурс.

— Начальник… Хэл… Я… — Все, что я пытался сказать, не имело смысла.

Он снова поднял пистолет, направляя его меж-

ду мной и Брутом и не слушая. Его покрасневшие глаза вдруг округлились.

И тут подошел Харри Тервиллиджер, которого так или иначе тащил наш парень, улыбающийся широко и чарующе.

— Коффи, — вдохнул Мурс. — Джон Коффи. — Он втянул в себя воздух и закричал пронзительным, но сильным голосом: — Стой! Стой, где стоишь или буду стрелять!

Откуда-то из-за спины слабый и неуверенный женский голос позвал:

— Хэл? Что ты там делаешь? С кем это ты там беседуешь, долбаный сукин сын?

На секунду Мурс повернулся на звук голоса жены, лицо его стало растерянным и полным отчаяния. Всего на секунду, как я сказал, но мне хватило бы, чтобы выхватить пистолет из его руки. Однако я не мог поднять своих собственных рук. Будто к ним привязали гири. Голова была полна разрядов, словно радио, пытающееся передавать программы в грозу. Единственные чувства, которые, я помню, испытывал в тот момент, — страх и смущение за Хэла.

Харри и Джон Коффи дошли до ступеней. Мурс отвернулся и снова поднял пистолет. Позже он сказал, что действительно, в самом деле хотел

застрелить Коффи; он предположил, что всех нас захватили и что человек, являющийся мозговым центром происходящего, находится у грузовика, прячась в тени. Он не понял, почему мы приехали к его дому, но самой вероятной причиной казалась месть.

Однако прежде чем он успел выстрелить, Харри Тервиллиджер вышел вперед, стал перед Коффи и заслонил собой, насколько мог. Коффи не заставлял его это делать, Харри так поступил по собственной воле.

— Нет, начальник Мурс, — сказал он. — Все нормально. Никто не вооружен, никто не пострадает, мы здесь, чтобы помочь!

— Помочь? — Изогнутые, спутанные брови Мурса сдвинулись. Глаза его сверкнули. Я не мог отвести глаз от ствола его «Бантлайна». — Помочь в чем? Помочь кому?

И словно в ответ опять раздался голос пожилой женщины, недовольный, уверенный и явно безумный:

— Иди сюда, сукин сын, и заставь свой член работать! Зови своих долбаных друзей! Пусть и они развлекутся!

Я посмотрел на Брута, потрясенный до глубины души. Я понял, что она ругается, что это опухоль

как-то заставляет ее ругаться, — но то были не просто ругательства, а нечто гораздо большее.

— Что вы здесь делаете? — снова спросил Мурс. Решительности в его голосе заметно поубавилось после срывающихся криков жены. — Я не понимаю. В тюрьме что, ЧП или…

Джон отстранил Харри — просто взял и передвинул в сторону, — потом взошел на крыльцо. Он стал между мной и Брутом, такой большой, что чуть не столкнул нас в кусты остролиста по сторонам крыльца. Мурс проследил за ним глазами так, словно пытался разглядеть верхушку высокого дерева. И вдруг для меня все встало на свои места. Дух сомнений, ворошивший мои мысли, словно сильные пальцы, перебирающие песок или рис, улетучился. Я понял, почему Харри смог действовать, когда мы с Брутом были в состоянии лишь стоять перед боссом в растерянности и нерешительности. Харри находился с Джоном… и какой бы дух ни противостоял той демонической силе, он в ту ночь жил в Джоне Коффи. И, когда Джон вышел вперед к начальнику Мурсу, это был тот дух — я его представляю как нечто белое, — и он взял ситуацию в свои руки. Другая сила не исчезла, но я видел, как она уползает прочь, словно тень под внезапным ярким светом.

— Я хочу помочь, — сказал Джон Коффи. Мурс поднял на него взволнованный взгляд, рот его открылся. Когда Коффи забрал «Бантлайн специал» из его руки и передал мне, Хэл, по-моему, этого даже не заметил. Я осторожно опустил курок. Позднее, проверив барабан, я обнаружил, что он совсем пуст. Иногда мне интересно, знал ли об этом Хэл. Сейчас же я все повторял:

— Я пришел ей помочь. Просто помочь. Это все, что мне нужно.

— Хэл! — крикнула Мелинда из спальни. Голос ее на этот раз звучал громче, но как-то испуганно, словно та сила, которая сбила нас с толку, переселилась в нее. — Пусть они уходят, кто бы там ни был! Нам не нужны торговцы посреди ночи! Никаких холодильников и пылесосов! Никаких французских панталон с дырой в паху! Гони их! Пусть убираются к такой-то матери на белом катере! — И тут что-то разбилось, наверное стакан, а потом послышались рыдания.

— Только помочь, — повторил Джон Коффи так тихо, что почти перешел на шепот. Он не обратил внимания ни на рыдания женщины, ни на ее ругательства. — Просто помочь, босс, вот и все.

— Ты не можешь, — сказал Мурс. — И никто не может. — Этот его тон я уже слышал раньше,

и через секунду понял, что сам говорил так же, входя в камеру Коффи в ту ночь, когда он вылечил мою «мочевую» инфекцию. Гипноз. «Занимайся своим делом, а я займусь своим» — сказал я тогда Делакруа, но моими делами занялся Коффи, как сейчас он решал проблемы Хала Мурса.

— Мы думаем, что он может, — произнес Брут. — И мы не рискнули бы своей работой просто ради того, чтобы прокатиться сюда и назад, как в колледже.

Я был готов это сказать три минуты назад. Но Джон Коффи взял игру на себя. Он прошел в дверь мимо Мурса, который поднял бессильную руку, чтобы остановить его (она задела бедро Коффи и упала; я уверен, что тот даже не почувствовал), а потом пошел через переднюю в гостиную, в кухню, затем в спальню, откуда снова раздался этот резкий неузнаваемый голос:

— Идите отсюда! Просто идите к черту! Я не одета, сиськи торчат и все наружу!

Джон, не обращая внимания, шел, слегка согнувшись, чтобы не задеть светильники, его коричневый круглый череп блестел, а руки болтались по бокам. Через секунду мы двинулись за ним: сначала я, Брут и Хэл, плечом к плечу, замыкал шествие Харри. В этот момент я понял

одно: дело ушло из наших рук, все теперь решал Коффи.

8

Женщина, сидевшая, откинувшись на спинку кровати, и глядевшая, выпучив глаза, на приближающегося гиганта, совсем не была похожа на ту Мелли Мурс, которую я знал двадцать лет, она не напоминала даже ту Мелли Мурс, которую мы с Дженис навестили незадолго до казни Делакруа. Женщина в подушках на кровати походила на больного ребенка, одетого ведьмой в ночь Всех Святых. Ее кожа висела складками. Морщинки собрались вокруг правого глаза, словно она пыталась подмигнуть. С той же стороны ее рот изогнулся вниз, и старый пожелтевший клык торчал над потемневшей нижней губой. Волосы тонким туманом окружали череп. В комнате пахло тем, от чего наши тела освобождаются с особым тщанием, когда все нормально. Ночная ваза у ее кровати была наполовину заполнена какой-то отвратительной желтоватой массой. И я с испугом подумал, что мы все-таки опоздали. Ведь всего несколько дней назад она была узнаваемой: больной, но сама собой. С тех пор болезнь в ее голове, должно быть, стала прогрессировать с ужасающей быстротой. Я не думал, чтобы даже

Джон Коффи смог помочь ей теперь.

На лице Мелинды было выражение испуга и ужаса, когда Коффи вошел в спальню, будто что-то внутри нее узнало доктора, который сможет наконец облегчить ее страдания, словно посыпать соль на пиявку, чтобы та отпала. Слушайте меня внимательно: я не хочу сказать, что Мелли Мурс была одержима, я знаю, что это не так, хотя в таком возбужденном состоянии трудно доверять своим ощущениям. Но я в то же время никогда не отрицал возможности быть одержимым дьяволом. Однако в ее глазах стояло что-то, уверяю вас, похожее на страх. Тут вы можете мне доверять, уж это чувство я перепутать не могу.

Что бы там ни было, но все быстро прошло, уступив место неподдельному интересу. Уродливый рот Мелинды задрожал подобием улыбки.

— Какой большой! — вскрикнула она. Словно маленькая девочка, заболевшая ангиной. Она вытащила руки из-под одеяла — мертвенно бледные, как ее лицо, — и сложила их вместе. — Ну-ка, сними штаны! Я слышала о членах у негров всю свою жизнь, но никогда не видела!

За моей спиной Мурс издал мягкий печальный вздох, полный отчаяния.

Джон Коффи не обратил на это внимания. По-

стояв немного, словно наблюдая Мелинду со стороны, он подошел к кровати, освещенной лишь одной прикроватной лампой. Она отбрасывала яркий круг света на одеяло, натянутое до кружев у горловины ночной рубашки Мелли. Позади кровати, в тени, я заметил шезлонг, принесенный с веранды. Шерстяной платок, связанный Мелли собственноручно в лучшие дни, сполз наполовину с шезлонга на пол. Именно здесь спал Хэл, вернее дремал, когда мы подъехали.

Когда Джон приблизился, ее лицо в третий раз изменило выражение. Я вдруг увидел ту самую Мелли, доброта которой так много значила для меня все эти годы, а еще больше для Дженис, когда наши дети разлетелись из гнезда и ей стало так одиноко и печально.

Лицо Мелли выражало интерес, но теперь этот интерес был осознанным.

— Кто ты? — спросила она чистым разумным голосом. — И почему у тебя так много шрамов на руках и на плечах? Кто тебя так обидел?

— Я почти не помню, откуда они взялись, мэм, — ответил Коффи смущенно и сел рядом с ней на кровать.

Мелли улыбалась, как могла, но отвисшая пра-

вая часть ее рта дрожала, и улыбка не получалась. Она потрогала белый шрам, закрученный как турецкая сабля, на тыльной стороне его левой ладони.

— Какой счастливый дар! А ты понимаешь, почему?

— Думаю, что если не знаешь, кто ударил тебя или затравил собаками, это не мешает спать ночами, — сказал Джон Коффи своим глубоким голосом с южным акцентом.

Она рассмеялась, смех рассыпался, как серебро, в дурно пахнущей комнате больной. Хэл стоял рядом со мной, дыша неровно, но не пытался вмешиваться. Когда Мелли засмеялась, его быстрое дыхание на секунду замерло, а крупная рука схватила мое плечо. Он сжал его так сильно, что остались синяки — я видел их на следующий день, — но тогда ничего не почувствовал.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Джон Коффи, мэм.

— Коффи, как напиток.

— Да, мэм, только пишется иначе.

Она откинулась на подушки и полулежала, глядя на него. Джон сидел рядом и тоже глядел на нее, и круг света от лампы окружал их, словно актеров на сцене: громадный чернокожий муж-

чина в тюремной робе и маленькая умирающая белая женщина. Она смотрела в глаза Джона с сияющим восхищением.

— Мэм?

— Да, Джон Коффи? — Слова, едва долетали до нас в дурно пахнущем воздухе. Я чувствовал, как напрягаются мускулы моих рук, ног и спины. Откуда-то издалека я ощущал, что начальник тюрьмы сжимает мое плечо, а боковым зрением видел Харри и Брута, обнявших друг друга, как маленькие дети, потерявшиеся в ночи. Что-то должно было произойти. Что-то большое. Мы все это чувствовали.

Джон Коффи наклонился к ней ближе. Пружины кровати заскрипели, зашуршали простыни, и холодно улыбающаяся луна заглянула сквозь верхнюю раму в окно спальни. Налитые кровью глаза изучающе разглядывали ее поднятое кверху лицо.

— Я ее вижу, — сказал он. Но говорил не ей, мне так кажется, а самому себе. — Я ее вижу, и я могу помочь. Сидите тихо… только сидите тихо…

Он склонялся все ближе и ближе. На секунду его огромное лицо остановилось почти в пяти сантиметрах от ее лица. Он отвел одну ладонь в сторону, растопырив пальцы, словно веля ко-

му-то подождать… только подождать… а потом снова опустил лицо. Его широкие гладкие губы прижались к ее губам и приоткрыли их. Секунду мне был виден один ее глаз, смотревший удивленно куда-то мимо Коффи. Потом его гладкая лысая голова двинулась, и глаз исчез.

Послышался мягкий свистящий звук, когда он вдыхал воздух из глубин ее легких. Пару секунд мы слышали только это, а потом пол закачался под ногами и весь дом содрогнулся. Я не придумал, все это почувствовали и потом рассказали. Словно пульсирующий тяжелый удар. Вслед за ним раздался звук падения чего-то тяжелого, как оказалось позже, в холле упали старинные дедовы часы. Хэл Мурс пытался их починить, но они так никогда и не стали ходить.

После этого вскоре раздался треск, послышался звон осыпающегося стекла: разбилась часть окна, через которую заглядывала луна. Картина на стене — клипер, рассекающий волны одного из семи морей, — соскочила с крюка, ударилась об пол, стекло раскололось вдребезги.

Я почувствовал запах паленого и увидел дымок, поднимающийся с одеяла, под которым лежала она. Часть его вокруг дрожащей правой ноги почернела. Словно во сне, я стряхнул руку Мурса

и шагнул к ночному столику. Там в окружении четырех баночек с лекарствами, упавшими, когда все затряслось, стоял стакан с водой. Я взял его и вылил воду на дымящееся место. Послышалось шипение.

Джон Коффи продолжал целовать ее долго и страстно, все вдыхая и вдыхая, отставив одну руку в сторону, а второй упираясь в кровать, поддерживая свой огромный вес. Пальцы были расставлены, и рука напоминала мне коричневую морскую звезду.

Внезапно ее спина изогнулась. Одна рука повисла в воздухе, пальцы судорожно сжимались и разжимались. Ноги барабанили по кровати. Потом раздался крик. Опять-таки слышал не только я, но и другие. Бруту показалось, что было похоже, будто крик принадлежит волку или койоту, попавшему ногой в капкан. А мне он напомнил клекот орла, какой можно было услышать иногда тихим утром, когда он кружил, спускаясь сквозь туман, широко распластав крылья.

С улицы долетел порыв ветра, такой сильный, что дом тряхнуло во второй раз, — так странно, ведь до этого ветра не было совсем.

Джон Коффи отстранился, и я увидел, что лицо Мелли разгладилось. Правая сторона рта больше

не отвисала. Глазам вернулась их обычная форма, и вся она помолодела лет на десять. Коффи посмотрел на нее пару секунд, а потом закашлялся. Он отвернулся, чтобы не кашлять ей в лицо, потерял равновесие (что было не трудно, ведь он сидел почти на краешке кровати), и упал вниз на пол. Этого оказалось достаточно, чтобы дом содрогнулся в третий раз. Он опустился на колени и, наклонив голову, кашлял, как человек на последней стадии туберкулеза.

Я подумал: «Теперь мошки. Он выпустит их с кашлем, теперь их должно быть так много».

Но этого не последовало. Джон только продолжал кашлять глубокими, резкими лающими звуками, едва успевая между приступами глотнуть воздуха. Его темная, шоколадная кожа становилась серой. Встревоженный Брут подошел к нему, опустился на одно колено рядом и положил руку на широкую вздрагивающую спину. Движение Брута словно сняло заклятие. Мурс подошел к постели своей жены и опустился на то место, где сидел Коффи. Похоже, он вообще не замечал присутствия кашляющего, задыхающегося гиганта. И хотя Коффи стоял на коленях почти у самых ног Мурса, тот смотрел только на свою жену, а она в ответ глядела с изумлением.

Ее лицо напоминало зеркало, с которого стерли тряпочкой пыль.

— Джон, — крикнул Брут. — Выдохни это! Выпусти наружу, как раньше!

Джон продолжал кашлять и задыхаться. Глаза его стали влажными, но не от слез, а от напряжения. Слюна текла изо рта прозрачной струйкой, однако больше ничего не выходило.

Брут пару раз похлопал его по спине, потом обернулся ко мне:

— Он задыхается! То, что он вытянул из нее, мешает ему дышать!

Я бросился вперед. Но не успел я пройти и двух шагов, как Коффи на коленях передвинулся в угол, продолжая хрипло кашлять и с трудом успевая вдыхать воздух. Он прислонился лбом к обоям — дикие красные розы, обвившие ограду сада, — и издал неприятный горловой звук, словно пытался вывернуть наизнанку собственное горло. Помню, я подумал тогда, что теперь-то уж наверняка появятся мушки, но их не было. Хотя приступ кашля стал вроде бы слабее.

— Со мной все в порядке, босс, — сказал Коффи, все еще уткнувшись лбом в дикие розы на обоях. Глаза его оставались закрытыми. Я не знаю, как он понял, что я рядом, но он это знал. — Правда,

со мной все нормально. Позаботьтесь о леди.

Я посмотрел на него недоверчиво, потом повернулся к кровати. Хэл гладил лоб Мелли, и я с удивлением увидел, что часть ее волос — не много, но заметно, — опять потемнела.

— Что случилось? — спросила она у него. Пока я смотрел, румянец постепенно возвращался на ее щеки. Словно она стащила пару роз с обоев. — Как я сюда попала? Мы собирались ехать в больницу в Индианолу, правда? А врач должен был сделать мне рентген головы и фотографии мозга.

— Тихо, — проговорил Хэл. — Не надо, дорогая, сейчас это все неважно.

— Но я не понимаю! — почти простонала она. — Мы остановились где-то по дороге… ты купил мне букет цветов за десять центов… а потом… я здесь. И уже темно! Ты поужинал, Хэл? Почему я в спальне для гостей? Мне сделали рентген? — Ее глаза скользнули по Харри, почти не видя его — это, наверное, был шок, — и остановились на мне. — Пол? Мне сделали рентген?

— Да, — ответил я. — Он оказался хорошим.

— Они не нашли опухоли?

— Нет. Сказали, что головные боли теперь прекратятся.

Сидевший рядом Хэл расплакался. Она припод-

нялась и поцеловала его в висок. Потом ее глаза обратились в угол.

— Кто этот чернокожий? Почему он в углу?

Я повернулся и увидел, что Джон пытается подняться. Брут помог ему, и наконец Джон встал рывком. Он стоял лицом к углу, как ребенок, который плохо себя вел, и все еще кашлял, но эти приступы, казалось, уже слабели.

— Джон, — позвал я. — Повернись, парень, и посмотри на эту леди.

Он медленно повернулся. Лицо его все еще было цвета пепла, он казался на десять лет старше — как некогда сильный человек, проигравший долгую борьбу с чахоткой. Его глаза устремились на тюремные шлепанцы, и казалось, будто он жалеет, что явился без шляпы.

— Кто ты? — опять спросила Мелинда. — Как тебя зовут?

— Джон Коффи, мэм, — ответил он, на что она немедленно отреагировала:

— Только пишется не так, как напиток.

Хэл вздрогнул рядом с ней. Она почувствовала и, успокаивая, потрепала его по руке, не отрывая глаз от чернокожего.

— Ты мне снился, — вымолвила она нежным, чуть удивленным голосом. — Мне снилось, что

ты бродил в темноте и я тоже. И мы нашли друг друга.

Джон Коффи молчал.

— Мы нашли друг друга в темноте, — повторила она. — Встань, Хэл, ты мешаешь мне подняться.

Он встал и с недоверием наблюдал, как она откидывает одеяло.

— Мелли, ты не можешь…

— Не глупи, — сказала она и спустила ноги. — Конечно, могу. — Она расправила ночную рубашку, потянулась и встала на ноги.

— Боже мой, — прошептал Хэл. — Боже Всемилостивый, посмотрите на нее.

Мелли подошла в Джону Коффи. Брут стоял поодаль с выражением почти мистического страха на лице. Сначала она слегка захромала, но через пару шагов прошло даже это. Я вспомнил, как Брут протягивал разноцветную катушку Делакруа со словами: «Брось ее, я хочу посмотреть, как он бегает». Мистер Джинглз тогда слегка хромал, но следующей ночью, когда Дэл проходил по Миле, мышонок был в полном порядке.

Мелли положила руки на плечи Джону и обняла его. Коффи постоял чуть-чуть, позволяя обнимать себя, а потом поднял одну руку и погладил ее по голове, проделав это с почтительной нежностью.

Его лицо все еще оставалось серым. Я подумал, что у него вид смертельно больного человека.

Она отодвинулась от него и заглянула ему в лицо.

— Спасибо.

— Пожалуйста, мэм.

Мелли подошла к Хэлу. Он прижал ее к себе.

— Пол, — позвал Харри. Он показывал на запястье, постукивая по циферблату часов. Дело шло к трем часам. Светать начнет около половины пятого. Если мы хотим доставить Коффи назад в Холодную Гору до рассвета, надо поспешить. А я хотел привезти его обратно. Отчасти потому, что чем дольше это длилось, тем хуже были наши шансы выкрутиться, именно так. Но еще я хотел вернуть Джона туда, где могу официально вызвать к нему врача, если возникнет нужда. А судя по его виду, она возникнет.

Мурсы сидели, обнявшись на краешке кровати. Я хотел вызвать Хэла в гостиную для приватной беседы, потом понял, что буду звать его до второго пришествия, а он все равно останется здесь. Хэл сможет отвести глаза от жены — хоть на пару секунд — к рассвету, но не сейчас.

— Хэл, — окликнул я. — Нам пора ехать.

Он кивнул, не глядя. Хэл изучал цвет лица сво-

ей жены, естественный мягкий изгиб губ, новые темные волосы в ее прическе.

Я постучал по его плечу достаточно сильно, чтобы хоть на миг привлечь его внимание.

— Хэл, мы сюда не приезжали.

— Что?

— Нас здесь не было, — сказал я. — Мы поговорим позже, но сейчас тебе надо знать только это. Нас здесь никогда не было.

— Да, хорошо… — Он заставил себя с явным усилием сфокусировать взгляд на мне. — Вы его вывезли. А сможете вернуть его обратно?

— Думаю, да. Возможно. Но нам надо ехать.

— Откуда ты знал, что он сможет это сделать? — Потом он покачал головой, понимая, что сейчас не время. — Пол… спасибо тебе.

— Не меня благодари. Благодари Джона.

Мурс посмотрел на Джона Коффи, потом протянул ему руку — точно так, как это сделал я, когда Харри и Перси привели его в блок.

— Спасибо тебе. Огромное спасибо.

Джон глядел на протянутую руку. Брут ощутимо толкнул его в бок локтем. Джон вздрогнул, потом взял руку и потряс. Вверх, вниз, назад в центр, отпустил. «Пожалуйста», — хрипло проговорил он. Его голос напоминал голос Мелли,

когда она хлопнула в ладоши и просила Джона снять штаны. «Пожалуйста», — сказал он человеку, который при обычном течении событий взял бы этой рукой перо и подписал приказ о казни.

Харри опять постучал по часам, на этот раз более настойчиво.

— Брут, — окликнул я. — Ты готов?

— Привет, Брутус, — сказала Мелинда бодрым голосом, словно впервые заметив его. — Рада тебя видеть. А вы, джентльмены, не хотите чая? А ты, Хэл? Я могу приготовить. — Она опять встала. — Я была больна, но сейчас мне хорошо. Лучше, чем когда-либо.

— Спасибо, миссис Мурс, но нам надо идти, — ответил Брут. — Джону пора спать. — Он улыбнулся, показывая, что это шутка, но взгляд, брошенный на Джона, был полон тревоги, которую чувствовал и я.

— Да… если вы так считаете…

— Да, мэм. Пойдем, Джон Коффи. — Он потянул Джона за руку, и тот пошел с ним.

— Подождите! — Мелинда освободилась от рук Хэла и легко, как девочка, подбежала к Джону. Она опять обняла его. Потом сняла с шеи цепочку тонкой работы. На конце ее был серебряный медальон. Она протянула его Джону, а тот смотрел

на него непонимающе.

— Это Святой Кристофер, — пояснила она. — Возьмите его, мистер Коффи, и носите. Он будет оберегать вас. Пожалуйста, носи его. Для меня.

Джон оглянулся на меня с беспокойством, а я посмотрел на Хэла, который сначала развел руками, а потом кивнул.

— Возьми его, Джон, — разрешил я. — Это подарок.

Джон взял, расправил цепочку вокруг своей мощной шеи и заправил медальон со Святым Кристофером за ворот рубашки. Он уже совсем перестал кашлять, но, по-моему, выглядел еще более серым и больным.

— Спасибо, мэм, — сказал он.

— Нет, — ответила она. — Тебе спасибо. Спасибо тебе, Джон Коффи.

9

На обратном пути я ехал с Харри в кабине и был ужасно этому рад. Отопитель оказался сломан, но мы сидели в закрытой кабине. Мы проехали почти полпути, Харри нашел небольшую развилку и направил грузовик туда.

— Что случилось? — спросил я. — Что-то с подшипником?

Для меня проблема могла возникнуть только из-за каких-то неисправностей в двигателе «фармолла» или трансмиссии, если что-то стучало или звучало так, словно вот-вот сломается.

— Ничего, — ответил Харри извиняющимся тоном. — Мне просто нужно выйти по нужде, а то поплыву, вот и все.

Оказалось, что это нужно всем, кроме Джона. Когда Брут спросил его, не хочет ли он спуститься и помочь нам полить кустики, тот только покачал головой, не поднимая глаз. Он сидел, прислонившись спиной к кабине, натянув одно из армейских одеял на плечи, как серапе. Я не смог понять выражения его лица, но слышал, как он дышит, — сухо и резко, словно ветер, дующий сквозь соломинку. Мне это не понравилось.

Я зашел в заросли ивняка, расстегнулся и стал мочиться. Я еще помнил о своей «мочевой» инфекции, тело еще не забыло, и мне было приятно, что я могу просто мочиться и не кричать при этом от боли. Я делал свое дело, глядя на луну и не замечая стоящего рядом Брута, пока он не сказал тихо:

— Он никогда не сядет на Олд Спарки.

Я с удивлением посмотрел на него, испугавшись слегка его интонации.

— О чем ты?

— Я о том, что он почему-то проглотил это, вместо того, чтобы выплюнуть, как раньше. Может, Джон протянет неделю — он ведь такой большой и сильный, — но я уверен, что все произойдет быстрее. Кто-нибудь их нас пойдет проверять, и увидит, что он лежит на своей койке мертвый.

Я думал, что закончил, но тут вдруг поежился, и моча полилась опять. Застегивая брюки, я подумал, что в словах Брута есть смысл. И надеялся, в общем-то, что он окажется прав. Джон Коффи не заслужил смерти вообще, если я прав в своих рассуждениях о дочерях Деттерик, но если он все-таки умрет, то пусть уж лучше не от моей руки. Я не был уверен, что смогу поднять руку и сделать это, когда потребуется.

— Пошли, — произнес Харри из темноты. — А то уже поздно. Давайте закончим это дело.

Когда мы шли назад к грузовику, до меня вдруг дошло, что мы оставили Джона совсем одного, — глупость на уровне Перси Уэтмора. Я подумал, что он мог уйти, мог выплюнуть мошек как только увидел, что его не охраняют, а потом просто рвануть на волю, как Гек и Джим по реке. И останется нам только одеяло, в которое он заворачивался.

Но Коффи сидел, все так же прислонившись к кабине и положив руки на колени. Он поднял лицо на звук наших шагов и попытался улыбнуться. Улыбка на секунду осветила его изможденное лицо, а потом погасла.

— Как ты себя чувствуешь, Джон-Великан? — спросил Брут, забираясь назад в кузов и снова закутываясь в одеяло.

— Нормально, босс, — произнес Джон бесцветно. — Все нормально.

Брут похлопал его по колену.

— Мы скоро вернемся. А когда все уладим — понимаешь? — я прослежу, чтобы тебе дали большую чашку горячего кофе. С сахаром и сливками.

Да уж точно, подумал я, обходя грузовик и забираясь в кабину. Если только нас самих сначала

не арестуют и не бросят за решетку.

Но я жил с этой мыслью с той самой минуты, как мы затащили Перси в смирительную комнату, и она меня уже не беспокоила настолько, чтобы я не мог заснуть. Я задремал, и мне приснился сон о Голгофе. Гроза на западе и запах, напоминающий запах можжевеловых ягод. Брут, Харри, Дин и я стояли вокруг в форме и жестяных шлемах, как в кинокартине Сесиля Б. де Милля. Думаю, мы были центурионами. Я увидел три креста: слева и справа Перси Уэтмор и Эдуар Делакруа, в центре Джон Коффи. Я посмотрел на свою руку и увидел в ней окровавленный молоток.

«Нам надо его снять оттуда, Пол! — кричал Брут. — Надо спустить его вниз!»

Но мы не могли, потому что не было лестницы. Я начал объяснять это Бруту, а потом проснулся от сильного рывка грузовика. Мы возвращались к тому месту, где Харри прятал грузовик раньше, в тот день, который сейчас казался началом эры.

Мы вдвоем вышли и подошли к кузову. Брут легко спрыгнул на землю, а Джон Коффи зацепился коленями и чуть не упал. Мы все втроем ловили его, и едва он твердо встал на ноги, как приступы кашля опять начали сотрясать его, на этот раз еще сильнее, чем раньше. Он согнулся

пополам, прижимая ко рту ладони, чтобы приглушить звуки.

Когда кашель поубавился, мы снова забросали капот сосновыми ветками и пошли той же дорогой обратно. Самой худшей частью этого почти ирреального отпуска для меня были последние двести метров, когда мы спешили назад к югу вдоль развилки шоссе. Я уже видел (или мне так казалось) первые слабые проблески светлого неба на востоке и чувствовал, что какой-нибудь фермер, вышедший в такую рань собрать свои тыквы или вскопать последние грядки, обязательно попадется навстречу. И даже если этого не произойдет, мы услышим чей-то голос (в моем воображении — Кэртиса Андерсона): «Стой, не шевелись!», когда я буду открывать ключом «Аладдин» калитку в сетчатой ограде вокруг входа в тоннель. Потом два десятка охранников с карабинами выйдут из леса, и наше маленькое приключение закончится.

Когда мы на самом деле подошли к ограде, мое сердце билось так сильно, что с каждым ударом перед глазами плыли белые точки. Руки были холодные и онемевшие, и я долго-долго не мог вставить ключ в замок.

— Боже мой, фары! — простонал Харри.

Я поднял глаза и увидел два ярких пятна света на дороге. Ключи чуть не выпали у меня из руки, я поймал их в последний момент.

— Дай мне, — сказал Брут. — Я открою.

— Нет, уже все нормально, — ответил я. Ключ наконец попал в скважину и повернулся. Через секунду мы оказались внутри. Мы сгрудились за подъемной дверью и смотрели, как мимо тюрьмы проехал грузовик, развозящий свежий утренний хлеб. Рядом с собой я слышал неровное дыхание Джона Коффи. Оно напоминало звук двигателя, который давно не смазывали. Когда мы выходили, Джон легко придерживал подъемную дверь для всех нас, но на этот раз мы его даже не просили, это было исключено. Мы с Брутом подняли дверь, а Харри провел Джона вниз по ступенькам. Великан шел тяжело, но все же спустился. Мы с Брутом быстро юркнули за ним, потом опустили за собой дверь и снова закрыли на замок.

— Боже, я думаю, мы… — начал Брут, но я одернул его, резко толкнув локтем в ребра.

— Не надо говорить, — остановил его я. — Даже думать не смей, пока он не окажется в своей камере.

— А еще надо позаботиться о Перси, — сказал Харри. Наши голоса эхом отдавались в гулком

тоннеле. — Вечер не закончится, пока мы его не успокоим.

Как оказалось позже, вечер был далеко не закончен.

Часть 6
Коффи проходит Милю

1

Я сидел в солярии Джорджии Пайнз с отцовской ручкой в руке. Время остановилось для меня, — я вспоминал ту ночь, когда мы с Харри и Брутом вывезли Коффи из блока к Мелинде Мурс, пытаясь спасти ей жизнь. Я уже писал о том, как мы напоили наркотиками Вильяма Уортона, хвастливо называвшего себя вторым Крошкой Билли, о том, как мы запаковали Перси в смирительную рубашку и затащили в комнату с мягкими стенами в конце коридора. Я писал о нашей странной ночной поездке — жутковатой и волнующей одновременно — и о чуде, свершившемся в конце пути. Мы видели, как Джон Коффи спас женщину, находившуюся не просто на краю могилы, но и, как нам казалось, на самом ее дне.

Я писал, очень смутно ощущая текущую вокруг меня жизнь приюта «Джорджия Пайнз». Пожилые люди спускались на ужин, потом ковыляли в Центр отдыха (да, здесь вы можете усмехнуться) принять вечернюю порцию мыльных опер. Вроде бы я помню, как мой друг Элен принесла бутерброд, я поблагодарил, а потом съел его, но совсем не могу сказать, ни в котором часу она

приходила, ни с чем был этот бутерброд. Я почти целиком находился там, в 1932-м, когда мы покупали бутерброды у старого Тут-Тута с тележкой, расписанной библейскими изречениями, за пять центов — с холодной свининой, за десять — с говядиной.

Помню, как стихал шум, когда жившие здесь ископаемые готовились к очередной ночи чуткого и беспокойного сна. Я слышал, как Микки — может быть, не самый лучший здесь санитар, но уж точно самый добрый — напевает своим чистым тенором «Долину Красной реки», проходя по комнатам и раздавая вечерние лекарства: «Из долины, говорят, ты уезжаешь… Будет ясных глаз твоих нам очень не хватать…». Эта песня опять напомнила мне о Мелинде и о том, что она сказала Джону, когда произошло чудо. «Ты мне снился. Мне снилось, что ты блуждаешь в темноте, как и я. Мы нашли друг друга».

В Джорджии Пайнз стало тихо, наступила полночь и прошла, а я все писал. Я дошел до того места, где Харри напомнил нам, что даже если мы доставили Джона в тюрьму незамеченными, нас еще ждет Перси. «Вечер еще не закончен, пока мы не уладили дело с ним», — примерно так выразился Харри.

На этом месте мой длинный день, исписанный отцовской ручкой, все-таки закончился. Я положил ее, как мне казалось, лишь на секунду, чтобы хоть немного размять затекшие пальцы, — а потом опустил голову на руки и закрыл глаза, чтобы отдохнули. Когда я открыл их опять и поднял голову, на меня через окно глядело утреннее солнце. Я глянул на часы и увидел, что уже девятый час. Я проспал, как старый пьяница, положив голову на руки, около шести часов. Я встал, покачиваясь, чтобы вернуть к жизни свою спину, и подумал, что не мешало бы спуститься на кухню, взять пару гренков и пойти на утреннюю прогулку, а потом посмотрел на кипу исписанных листов, рассыпанных по столу. И сразу же решил ненадолго отложить прогулку. Да, у меня были обязанности, но они могли подождать, мне совсем не хотелось сегодня утром играть в прятки с Брэдом Доланом.

Вместо прогулки я закончил свой рассказ. Иногда лучше заставить себя доделать начатое, несмотря на протесты души и тела. Иногда это единственный способ закончить дело. И сильнее всего, я помню, в то утро мне хотелось освободиться от неотступного призрака Джона Коффи.

— Ладно, — сказал я. — Еще одна миля. Но сна-

чала…

Я прошел по коридору второго этажа в туалет. Пока я стоял там у писсуара, взгляд мой скользнул по детектору дыма на потолке. Я вспомнил, как Элен удалось отвлечь Додана, так что я смог вчера совершить прогулку и выполнить свой маленький долг. Закончил я туалетные процедуры с улыбкой.

Я вернулся в солярий, чувствуя себя лучше (и намного приятнее в области почек). Кто-то — я не сомневался, что Элен, — поставил чайник рядом с моими страницами. И прежде чем снова сесть, я жадно выпил сначала одну чашку, потом вторую. Затем снова уселся, снял колпачок с ручки и принялся писать.

Я уже полностью погрузился в свой рассказ, когда чья-то тень упала на бумагу. Подняв глаза, я ощутил холодок в животе. Это был Долан, он стоял у окна. И улыбался.

— Ты пропустил свою утреннюю прогулку, Поли, — сказал он, — поэтому я пришел узнать, что ты здесь затеваешь. Убедиться, что ты, скажем, не болен.

— Вы очень любезны, сэр. — Мой голос звучал нормально, но сердце колотилось бешено. Я его боялся, и это чувство мне было в новинку. Он

напоминал Перси Уэтмора, а его я никогда не боялся… но в те времена я был молод… Улыбка Брэда стала шире, но не стала приятней.

— Мне сказали, что ты находился здесь всю ночь, Поли, сидел и писал свой маленький рапорт. А это очень плохо. Таким старперам, как ты, нужен полноценный отдых.

— Перси, — произнес я, но увидел, как недобро выглядела его улыбка, и понял свою ошибку. Я глубоко вздохнул и начал снова: — Брэд, что ты имеешь против меня?

Секунду он озадаченно смотрел, может, слегка неспокойно. Потом снова заулыбался.

— Старожил. А может, мне просто рожа твоя не нравится. Что ты все-таки там пишешь? Завещание, небось?

Он подошел, вытянув руку. Я прижал ладонью листок, над которым работал, начав сгребать остальные другой рукой, сминая их в спешке, чтобы сунуть под мышку, под одежду.

— Ну-ка, — сказал он, словно ребенку, — на этот раз не получится, старичок. Если Брэд хочет посмотреть, то Брэд посмотрит. А ты сможешь положить это в задолбанный банк.

Он схватил мое запястье своей молодой и неожиданно сильной рукой и сжал его. Боль

пронзила мою кисть, словно укус, и я застонал.

— Отпустите, — смог я произнести.

— После того, как ты дашь мне посмотреть, — отозвался он, уже не улыбаясь. Его лицо было все же веселым, такое бодрое веселье часто появляется на лицах людей, которым нравится делать гадости.

— Дай мне посмотреть Поли. Я хочу знать, что ты пишешь. — Моя рука стала сползать с верхней страницы. С описания нашей поездки с Джоном Коффи назад по тоннелю. — Я хочу посмотреть, связано ли это с тем, куда ты…

— Оставьте его в покое.

Голос прозвучал словно свист хлыста в сухой жаркий день… и по тому, как Брэд Долан подпрыгнул, можно было подумать, что целились в его задницу. Он отпустил мою руку, которая упала назад на бумагу, и мы оба посмотрели на дверь.

Там стояла Элен Коннелли, свежее и бодрее, чем когда-либо. На ней были джинсы, обтягивающие ее стройные бедра и длинные ноги, в волосах — голубая лента. В своих скрюченных артритом руках она держала поднос: сок, яичница, гренок и чай. Глаза ее сверкали.

— И что это вы делаете? — спросил Брэд. — Ему нельзя есть здесь.

— Можно, и он будет есть, — заявила она все тем же сухим командным тоном. Я никогда раньше не слышал его, но сейчас обрадовался. Я поискал признаки страха в ее глазах, но увидел в них только гнев. — А вам сейчас следует убраться отсюда, пока вы в своем тараканьем занудстве не уподобились червю — этакому крысусу американусу.

Он сделал шаг к ней, глядя одновременно и неуверенно, и злобно. Я подумал, что это опасное сочетание, но Элен и глазом не моргнула.

— Спорим, я знаю, кто включил ту проклятую сирену, — сказал Долан. — Это, должно быть, одна старая сучка с когтями вместо рук. А теперь иди отсюда. Мы с Поли еще не закончили свой разговорчик.

— Его имя — мистер Эджкум, — парировала она, — и если я еще раз услышу, как вы называете его «Поли», то, думаю, смогу пообещать вам, что дни вашей работы в Джорджии Пайнз будут сочтены.

— А кто, по-твоему, ты такая? — Долан надвигался на Элен, пытаясь смеяться, что у него не очень получалось.

— Я думаю, — спокойно отчеканила она, — что я — бабушка человека, который в настоящее

время является спикером Палаты представителей штата Джорджия. Человека, который любит своих родственников, мистер Долан. Особенно пожилых родственников.

Вымученная улыбка сползла с его лица, как написанные мелом буквы, стертые с доски влажной губкой. Я прочел на нем неуверенность, сомнение, не берут ли его на пушку, страх, что это правда, ведь логически рассуждая, все легко проверить, она это знает, следовательно, не лжет.

Вдруг я засмеялся, и хотя смех прозвучал резковато, он был искренним. Я вспомнил, как часто Перси Уэтмор грозил нам своими связями тогда, в трудные старые времена. А теперь, впервые за мою долгую жизнь, такая угроза возникла снова… но сейчас она высказана в мою пользу.

Брэд Долан посмотрел на меня свирепо, потом перевел взгляд на Элен.

— Сначала я думала оставить все без последствий, — сказала Элен. — Я уже старая, и незачем осложнять себе жизнь. Но когда моим друзьям угрожают и плохо с ними обращаются, я этого стерпеть не могу. А теперь убирайтесь. И без единого слова.

Его губы шевелились, как у рыбы, — ах, как ему хотелось сказать одно слово (наверное, то, что

рифмуется со словом «штука»). Но он его не произнес. Долан бросил на меня последний взгляд, потом прошагал мимо нее в коридор.

Я глубоко-глубоко и шумно вздохнул, когда Элен ставила поднос передо мной, а потом села напротив.

— А твой внук правда спикер Палаты? — спросил я.

— Да, правда.

— А что тогда ты делаешь здесь?

— Спикер палаты штата — достаточно высокая должность, чтобы разделаться с таким тараканом, как Брэд Долан, но она не приносит богатства, — сказала Элен, смеясь. — А кроме того, мне здесь нравится. Я люблю компанию.

— Принимаю это как комплимент, — ответил я польщенно.

— Пол, ты себя хорошо чувствуешь? У тебя такой усталый вид. — Она протянула руку через стол и убрала мои волосы со лба. Прикосновение ее скрюченных пальцев было прохладным и удивительным. На секунду я закрыл глаза. Когда я открыл их снова, то принял решение.

— Я в порядке. И я почти закончил. Элен, ты бы не хотела кое-что прочитать? — Я предложил ей страницы, которые неловко сгреб вместе. Навер-

ное, они теперь лежали не по порядку — Долан и впрямь меня сильно напугал, — но они были пронумерованы, и Элен легко могла бы сложить их, как надо.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Ты закончил?

— То, что здесь, ты прочтешь до обеда. Если, конечно, сможешь разобрать.

Она наконец взяла листки и посмотрела на них.

— У тебя очень хороший почерк, даже когда рука уже явно устала, — заметила она. — Я легко смогу прочитать.

— А когда прочтешь это, я закончу все остальное, — сказал я. — И тебе останется всего на полчаса. А потом… если тебе все еще будет интересно… я смог бы показать кое-что.

— Это связано с твоими прогулками по утрам?

Я кивнул.

Она сидела и обдумывала мои слова довольно долго, лотом кивнула сама себе и поднялась с пачкой листков в руке.

— Я опять пойду на улицу, — сообщила она. — Солнце сегодня такое теплое.

— А дракон побежден, — заметил я. — На этот раз прекрасной леди.

Элен улыбнулась, наклонилась и поцеловала в чувствительное место над бровью, что всегда заставляло меня вздрагивать.

— Будем надеяться, что так. Но по своему опыту я знаю, что от драконов типа Брэда Делана нелегко избавиться. — Она помедлила. — Счастливо, Пол. Надеюсь, ты сможешь победить все, что так тебя мучает.

— Я тоже надеюсь, — произнес я и подумал о Джоне Коффи. «Я не смог ничего сделать, — сказал Джон. — Я пытался, но было уже поздно».

Я съел яичницу, которую она принесла, выпил сок, а гренок оставил на потом. Затем взял ручку и снова начал писать, думая, что это уже в последний раз.

Одна последняя миля.

Зеленая миля.

2

Когда мы привели Джона обратно в тоннель блока «Г», тележка стала уже не роскошью, а необходимостью. Я очень сомневаюсь, что он смог бы преодолеть тоннель сам, идти на корточках гораздо труднее, чем во весь рост, отнимает больше сил, а потолок в проклятом тоннеле слишком низок для таких, как Джон Коффи. Мне было страшно подумать, что он мог свалиться в тоннеле. Как мы объясним это, ведь и так придется объяснять, почему мы надели на Перси смирительную рубашку?

Но у нас, слава Богу, была тележка, и Джон лежал на ней, словно вытянутый из воды кит, а мы толкали ее назад к лестнице, ведущей в складское помещение. Потом он слез, шатаясь, и просто стоял, опустив голову и тяжело дыша. Кожа его стала такой серой, словно его обваляли в муке. Я подумал, что к полудню он окажется в лазарете… если вообще не умрет.

Брут бросил на меня печальный, полный отчаяния взгляд. Я ответил ему тем же.

— Мы не в состоянии его нести, но мы можем помочь ему, — сказал я. — Я возьму его под левую

руку, а ты — под правую.

— А я? — спросил Харри.

— Ты пойдешь позади нас. Если он вдруг начнет падать на спину, подтолкнешь его вперед.

— А если не получится, присядешь там, куда он будет падать, и смягчишь удар, — сострил Брут.

— О Боже, — слабо простонал Харри, — тебе предстоит пройти все круги ада, а ты еще и смеешься.

— У меня просто есть чувство юмора, — заметил Брут. Наконец нам удалось поднять Джона по лестнице.

Больше всего я боялся, что он потеряет сознание, но все обошлось.

— Иди вперед и посмотри, нет ли кого в складе, — задыхаясь, велел я Харри.

— А если есть? — спросил Харри, пролезая у меня под мышкой. — «Привет из Эйвона» и назад?

— Не умничай, — осек его Брут.

Харри слегка приоткрыл двери и просунул голову внутрь. Мне показалось, что он находился там целую вечность. Наконец он повернулся, и лицо его было почти радостным.

— Горизонт чист. И все тихо.

— Будем надеяться, что так и будет, — сказал Брут. — Пошли, Джон Коффи, мы уже почти до-

ма.

Он нашел в себе силы пройти через склад, но нам пришлось помочь ему подняться по трем ступенькам в мой кабинет и почти протолкнуть через маленькую дверь. Когда Коффи снова встал на ноги, он дышал с затруднением, глаза лихорадочно блестели. А еще я с ужасом заметил, что правая сторона его рта отвисла, как у Мелинды, когда мы вошли в комнату и увидели ее в подушках.

Дин услышал нас и вышел из-за стола в начале Зеленой Мили.

— Ну, Слава Богу! Думал, вы уже не вернетесь, я уже почти решил, что вас поймали, или начальник Мурс вам помешал, или… — Он осекся, впервые увидев Джона. — Господи, Боже мой! Что это с ним? Похоже, он умирает!

— Он не умирает… правда, Джон? — В глазах Брута сверкнуло предупреждение Дину.

— Конечно нет, я не имел в виду «умирает», — нервно усмехнулся Дин, — но Боже…

— Не обращай внимания, — сказал я. — Помоги нам поместить его опять в камеру.

И опять мы, как холмики, окружили гору, но на этот раз гора, словно претерпевшая многолетнюю эрозию, была сглаженной и печальной.

Джон Коффи шел очень медленно, дыша ртом, как старый курильщик, но все-таки шел.

— Как там Перси? — поинтересовался я. — Сильно шумел?

— Немножко вначале. Пытался орать через пленку, которой заклеен рот. Ругался, наверное.

— Помилуйте, — проговорил Брут. — Как хорошо, что наши нежные уши этого не слышали.

— А потом периодически бил ногой в дверь. — Дин так обрадовался нашему возвращению, что болтал без умолку. Его очки сползли на кончик носа, блестящий от пота, и он пальцем вернул их на место. Мы прошли камеру Уортона. Этот никчемный молодой человек лежал на спине и храпел, как паровоз. На этот раз его глаза были закрыты.

Дин увидел, куда я смотрю, и засмеялся.

— С этим парнем — никаких проблем. С тех пор, как свалился, даже не шелохнулся. Умер для всего мира. Что касается Перси и его пинков в дверь, то это меня совсем не волновало. Я даже рад был, честно говоря. Если бы он сидел совсем тихо, я бы заволновался, не задохнулся ли он там до смерти из-за этой ленты, которой вы заклеили его хлеборезку. Но не это самое удивительное. Главное знаете что? Здесь было тихо, как в ве-

ликий пост в Новом Орлеане! За всю ночь никто не появлялся! — Последние слова он произнес торжествующим тоном. — Мы сделали это, ребята! Сделали!

И тут он вспомнил о том, ради чего, собственно, затевался весь этот спектакль, и спросил о Мелинде.

— Она здорова, — сказал я.

Мы дошли до камеры Джона. Слова Дина только начали доходить до сознания: «Мы сделали это, ребята… сделали».

— Это было так же… ну, ты понимаешь…

— Как с мышью? — уточнил Дин. Он быстро взглянул на пустую камеру, где раньше обитали Делакруа с Мистером Джинглзом, потом в сторону смирительной комнаты, откуда якобы мышь и появилась. Голос его стал тише, так затихают голоса при входе в большую церковь, где даже тишина, кажется, говорит шепотом.

— Это было… — Он сглотнул. — Слушай, ты понимаешь, о чем я. Это было чудо?

Мы переглянулись, подтверждая то, что уже знали.

— Он ее вытащил из самой могилы, вот что он сделал, — сказал Харри. — Да, это было чудо.

Брут открыл двойной замок на двери и слегка

подтолкнул Джона внутрь.

— Входи, парень. Отдохни немного. Ты заслужил. Мы сейчас разберемся с Перси…

— Он — плохой человек, — проговорил Джон тихим механическим голосом.

— Правильно, сомнений нет, злой, как колдун, — согласился Брут, говоря самым мягким тоном, — но ты не беспокойся, мы его к тебе не допустим. Просто полежи на своей койке, а я скоро принесу тебе кофе. Горячий и крепкий. И ты сразу почувствуешь себя другим человеком.

Джон тяжело опустился на койку. Я думал, он ляжет и отвернется, как обычно, к стене, но он просто сидел, свесив руки между колен, опустив голову и тяжело дыша ртом. Медальон со Святым Кристофером, который дала ему Мелинда, выскользнул из ворота рубашки и качался в воздухе. Она сказала, что медальон спасет его, но Джон не выглядел спасенным. Похоже было, что он занял место Мелинды на краю могилы, о которой говорил Харри.

Но тогда мне было не до Коффи.

Я повернулся к ребятам.

— Дин, достань пистолет и дубинку Перси.

— Ладно. — Он вернулся к столу, открыл ящик и вытащил пистолет и дубинку.

— Готовы? — спросил я их. Мои люди — верные, я никогда так не гордился ими, как в ту ночь, — кивнули. Харри и Дин слегка нервничали, а Брут был невозмутим, как всегда.

— Хорошо. Говорю я. Чем меньше вы открываете рот, тем лучше и тем быстрее все кончится… к лучшему или худшему. Годится?

Они опять кивнули. Я сделал глубокий вдох и пошел по Зеленой Миле к смирительной комнате.

Перси поднял глаза и зажмурился, когда я включил свет. Он сидел на полу и облизывал пленку, которой я заклеил его рот. Та часть, которую я закрепил на затылке, отстала (возможно, от пота или бриолина в волосах), и он мог попытаться отодрать и остаток ленты. Еще час и он вопил бы о помощи во всю мощь своих легких.

Действуя ногами, ему удалось слегка отодвинуться назад, когда мы зашли, потом он остановился, сообразив, что деваться некуда, кроме юго-восточного угла комнаты.

Я взял пистолет и дубинку у Дина и протянул их в сторону Перси.

— Хочешь получить обратно? — спросил я.

Он настороженно посмотрел на меня, потом кивнул.

— Брут, Харри. Поднимите его.

Они наклонились, подцепили его под мышки и подняли. Я приблизился, пока не стал с ним нос к носу, чувствуя острый запах его пота. Наверное, он взмок, пытаясь освободиться от смирительной рубашки и периодически ударяя ногами в дверь, но больше всего, думаю, он потел от обычного страха — боязни того, что мы с ним сделаем, когда вернемся.

Очевидно он надеялся, что все обойдется, ведь мы — не убийцы… а потом, вероятно, вспомнил об Олд Спарки: ведь мы и впрямь были убийцами. Я сам казнил семьдесят семь человек, больше чем любой из тех, на ком я застегивал ремень, больше чем сам сержант Йорк, снискавший славу в первой мировой. Убивать Перси было нелогично, но мы ведь уже поступали нелогично, наверное, об этом он говорил сам себе, сидя с завязанными за спиной рукавами и пытаясь языком освободиться от пленки, запечатавшей ему рот. А кроме того, логика вряд ли присутствует в мыслях человека, сидящего на полу комнаты с мягкими стенками, завернутого так плотно, как паук пеленает муху.

Я хочу сказать, что если сейчас я не поставлю его на место, то не поставлю никогда.

— Я сниму ленту с твоего рта, если ты пообеща-

ешь, что не будешь орать, — сказал я. — Я хочу поговорить с тобой, а не поорать. Так что ты на это скажешь? Будешь вести себя тихо?

Я прочитал в его глазах облегчение, словно он понял, что, если я хочу поговорить, значит, у него есть шанс выбраться с целой шкурой. Перси кивнул.

— Если начнешь шуметь, опять заклеим, — пообещал я, — ты это понимаешь?

Опять кивнул, на этот раз нетерпеливо. Я протянул руку, взялся за конец, который он оторвал, и с силой потянул. Раздался треск. Брут подмигнул. Перси вскрикнул от боли и стал тереть губы. Он попытался заговорить, понял, что не сможет с прижатой, ко рту рукой, и опустил ее.

— Сними с меня эту безумную рубашку, козел, — процедил он.

— Через минуту.

— Сейчас! Сейчас! Сию мину…

Я ударил его по щеке. Я это сделал раньше, чем успел подумать… хотя, конечно же, знал, что до этого может дойти. Уже при первом разговоре о Перси с начальником Мурсом, когда Хэл посоветовал поставить Перси распорядителем на казнь Делакруа, я знал, что до этого может дойти. Человеческая рука, как зверь, прирученный

наполовину: он кажется хорошим, но приходит время, зверь вырывается на волю и кусает первого встречного.

Звук пощечины был резкий, как звук сломанной ветки. Дин охнул. Перси глядел на меня в полнейшем шоке, глаза стали квадратными и чуть не вылезли из орбит. Рот открывался и закрывался, как у рыбы в аквариуме.

— Заткнись и слушай меня, — произнес я. — Ты заслужил наказание за то, что сделал Дэлу, и мы воздали тебе по заслугам. Это был единственный способ. Мы все заодно, кроме Дина, но он тоже с нами, потому что иначе ему пришлось бы сильно пожалеть. Ведь так, Дин?

— Да, — прошептал Дин. Он был белый как мел. — Думаю, да.

— А мы сделаем так, что ты пожалеешь, что родился, — продолжал я. — Мы позаботимся, чтобы люди узнали, как ты саботировал казнь Дэла…

— Саботировал?!

— …и как чуть не убил Дина. Мы наговорим столько, что ты не сможешь получить никакой работы, даже с помощью своего дядюшки.

Перси разъяренно тряс головой. Он не верил, просто не мог поверить. Отпечаток моей руки краснел на его бледной щеке, как знак хиро-

манта.

— И в любом случае мы позаботимся, чтобы тебя избили до полусмерти. Мы не станем этого делать сами, найдем людей, ведь мы тоже кое-какого знаем, Перси, неужели ты так глуп, что не понимаешь? Они не в столице штата, но разбираются в некоторых юридических вопросах. У этих людей здесь есть друзья, братья и сестры, отцы. Они будут безумно рады оторвать нос или член у такого дерьма, как ты. И они это сделают только ради того, чтобы тот, кого они любят, получил три лишних часа в прогулочном дворике.

Перси перестал трясти головой. Теперь он только смотрел. В его глазах застыли слезы. Наверное, это были слезы гнева и усталости. А может, мне просто хотелось так думать.

— Ладно, теперь посмотрим с лучшей стороны, Перси. Твои губы, конечно, жжет слегка от этой ленты, я представляю, но, кроме этого, ничего не болит, разве, что твоя гордость… однако об этом не нужно знать никому, только тем, кто здесь сейчас. А мы никому не скажем, правда, ребята?

Они покачали головами.

— Конечно, нет, — сказал Брут. — Дела Зеленой Мили остаются на Миле. Всегда так было.

— Ты переходишь в Бриар Ридж, и мы тебя до

ухода больше не трогаем, — добавил я. — Ну что, Перси, оставляем как есть или хочешь опять по-плохому?

Последовало долгое-долгое молчание — он взвешивал доводы за и против, и я почти видел, как вертятся в его голове колеса. Наконец, по-моему, все расчеты перевесила реальность: пленку сняли со рта, а рубашку еще нет, и, может быть, ему придется мочиться, как скаковой лошади.

— Ладно, — согласился он. — Считаем вопрос закрытым. А теперь развяжите меня, у меня плечи уже…

Вперед вышел Брут, отодвинув меня плечом, и взял лицо Перси своей огромной ладонью: пальцы на правой щеке, большой палец глубоко вдавился в левую.

— Через пару секунд, — сказал он. — Во-первых, послушай и меня. Пол здесь начальник, поэтому ему иногда приходится говорить дипломатично.

Я попытался припомнить хоть что-нибудь дипломатичное из своих слов Перси и не смог. Но все равно решил, что лучше промолчать; вид у Перси был здорово испуганный, и мне не хотелось портить эффект.

— Я вот о чем: люди не всегда понимают, что дипломатичность и мягкотелость не одно и то

же. Мне плевать на всякую дипломатию. Я скажу тебе прямо: если ты выполнишь свои угрозы, то нас скорее всего трахнут в зад и вышвырнут. Но потом мы тебя найдем, даже если придется идти искать до самой России, мы тебя разыщем, а уж тогда трахнем тебя, и не только в зад, но и во все твои дырки. Мы будем трахать тебя до тех пор, пока ты не пожалеешь, что не умер. А потом потрем уксусом кровоточащие места. Ты меня понял?

Он кивнул. Рука Брута, зарывшаяся в мягкие щеки Перси, делала его лицо жутковатым, как у старого Тут-Тута.

Брут отпустил его и отошел. Я кивнул Харри, тот зашел Перси за спину и стал отвязывать и отстегивать.

— Имей это в виду, Перси, — приговаривал Харри. — Имей это в виду, и забудем прошлое.

Все выглядело довольно устрашающе, и мы, три пугала в синих формах… но в то же время я чувствовал какое-то охватывающее меня отчаяние. Ну помолчит он день, ну неделю, взвешивая за и против, но закончится все тем, что верх возьмут две вещи: его вера в связи и неспособность признать себя проигравшим. Когда это произойдет, он себя покажет. Возможно, мы помогли спасти жизнь Мелли Мурс, привезя к ней Джона, и я бы

тут ничего не изменил («ни за весь чай Китая», как мы говорили тогда), но в конце концов нам все-таки придется упасть на ринг, а рефери отсчитает «аут». Исключая убийство, мы не знали способа заставить Перси соблюдать условия сделки, даже если он будет далеко от нас и начнет получать то, чего желал.

Я скосил глаза на Брута и понял, что он тоже это знает. Я не удивился. Брутуса, сына миссис Ховелл, не проведешь. Он всегда был таким. Он слегка дернул плечом, одним плечом — поднял на сантиметр и опустил, но этого было достаточно. «Ну и что? — сказало это движение. — Что дальше, Пол? Мы сделали, что должны были, и сделали, как могли, хорошо».

Да, результаты неплохие.

Харри расстегнул последнюю застежку. С гримасой отвращения и гнева Перси сорвал рубашку, и она упала у его ног. Он не смотрел ни на кого из нас.

— Верните мне пистолет и дубинку, — сказал он. Я протянул их ему. Он положил пистолет в кобуру и засунул дубинку в петлю.

— Перси, если ты подумаешь об этом…

— Я как раз собираюсь, — бросил он, проходя мимо меня. — Я собираюсь очень хорошо об всем

подумать. И начну прямо сейчас. По дороге домой. А один из вас отметит меня в конце смены. — Он подошел к двери смирительной комнаты и обернулся, одарив нас подозрительным взглядом, в котором сквозили злость и смущение: ужасное сочетание для наших дурацких надежд на то, что Перси сохранит тайну. — Если, конечно, вы не захотите объяснять, почему я ушел так рано.

Он вышел из комнаты и зашагал вверх по Зеленой Миле, забыв в волнении о том, почему этот коридор с зеленым полом такой широкий. Он уже делал такую ошибку раньше, и тогда ему повезло. Но еще раз вряд ли повезет.

Я вышел вслед за Перси, пытаясь придумать, как его успокоить. Мне не хотелось, чтобы он уходил с блока «Г» в таком состоянии: потный, непричесанный, с красным отпечатком моей руки на щеке. Мои ребята вышли следом за мной.

То, что случилось потом, произошло очень быстро: все заняло не больше минуты, а может, и того меньше. Но я хорошо помню все до сегодняшнего дня, вероятно, потому что рассказал Дженис, когда добрался домой и осознал случившееся. То, что произошло позже: встреча утром с Кэртисом Андерсоном, расследование, пресс-конференция, которую Хэл Мурс нам устроил (он уже вернулся

тогда), а потом отдел расследований в столице штата — слегка поблекло в памяти за долгие годы. Но то, что случилось на Зеленой Миле, я помню отлично.

Перси шел по правой стороне коридора, опустив голову, и я бы сказал больше: ни один обычный заключенный не дотянулся бы до него. Но Джон Коффи не был обычным заключенным. Он был великан, и руки у него тоже великанские. Я увидел, как эти длинные коричневые руки вытянулись между прутьев, и крикнул: «Смотри, Перси, смотри!». Перси начал поворачиваться, левая рука потянулась за дубинкой. Но потом Джон Коффи схватил его и прижал к решетке камеры.

Перси ударился правой стороной лица о прутья, вскрикнул и повернулся к Коффи, подняв дубинку. Джон был уязвим для нее, он так сильно втиснулся лицом между центральными прутьями, что, казалось, хочет просунуть всю голову. Конечно же, это было невозможно, но выглядело именно так. Его правая рука нащупала затылок Перси, обвилась вокруг шеи и потянула голову к себе. Перси ударил дубинкой между прутьев и попал Джону в висок. Потекла кровь, но Джон не замечал этого. Он прижался губами ко рту Перси. Я услышал свистящий шум — звук выдоха, слов-

но долго сдерживаемое дыхание. Перси дергался, как рыба на крючке, пытаясь освободиться, но не тут-то было. Рука Джона прижимала его затылок очень крепко. Их лица слились, как лица любовников, страстно целующихся через решетку.

Перси закричал — звук был приглушенный, словно сквозь ленту, — и сделал еще одну попытку освободиться. На секунду их губы разъединились, и я увидел черный кружащийся поток, перетекающий из Джона Коффи в Перси Уэтмора. То, что не попадало через искривленный рот, заходило через ноздри Перси. Потом рука на затылке опять напряглась, и губы Перси снова прижались к губам Джона Коффи, он был словно приколот к нему.

Левая рука Перси разжалась. Его драгоценная деревянная дубинка упала на зеленый линолеум. Он больше ее не поднял.

Я пытался рвануться вперед, наверное даже рванулся, но движения мои были слабыми и неуверенными. Я схватился за пистолет, но кобура была крепко застегнута, и мне не сразу удалось его вытащить. Под ногами у меня словно закачался пол, точно так же, как в спальне маленького уютного дома начальника тюрьмы. Я, конечно, в этом не уверен, но знаю, что одна из ламп на

потолке взорвалась. Осколки стекла посыпались на пол. Харри вскрикнул от удивления.

Наконец мне удалось сдвинуть предохранитель у моего пистолета тридцать восьмого калибра, но прежде чем я выхватил пистолет из кобуры, Джон отпустил Перси и отошел назад в свою камеру. Джон кривился и тер губы, словно попробовал что-то нехорошее.

— Что он сделал? — закричал Брут. — Что он сделал, Пол?

— То, что он вытянул из Мелли, теперь внутри Перси.

Перси стоял, прислонившись спиной к решетке камеры Делакруа. Широко открытые глаза его не видели — два ноля. Я осторожно подошел к нему, ожидая, что он начнет кашлять и задыхаться, как тогда Джон, но Перси не кашлял. Сначала он просто стоял. Я помахал пальцами перед его лицом:

— Перси! Перси, ау! Проснись!

Никакого эффекта. Брут подошел и протянул руки к лицу Перси.

— Не помогает, — сказал я.

Не обращая на меня внимания, Брут хлопнул в ладоши два раза перед самым носом Перси. И это помогло, или так нам показалось. Его веки вздрогнули, и он стал ошарашенно смотреть по

сторонам словно его стукнули по голове и он пытается вернуться в сознание. Перси перевел взгляд с Брута на меня. Все годы позднее я был уверен, что он не видел нас, но тогда решил, что он приходит в сознание.

Он отошел от решетки, слегка шатаясь. Брут поддержал его.

— Расслабься, парень, с тобой все нормально?

Перси не ответил, просто обошел Брута и направился к столу дежурного. Не скажу, что он пошатывался, вовсе нет, но осанка его как-то покривилась.

Брут протянул за ним руку. Я эту руку оттолкнул.

— Оставь его.

Произнес бы я эти слова, знай, что произойдет потом? Я задавал себе такой вопрос тысячу раз после той осени 1932-го. Но ответа не получил до сих пор.

Перси прошел двенадцать или четырнадцать шагов, потом остановился, опустив голову. Он стоял напротив камеры Буйного Билла Уортона. Уортон все еще выводил носом рулады. Он все проспал. Он проспал и свою смерть, теперь я так думаю, и в этом ему повезло гораздо больше, чем всем, кто закончил свои дни здесь. Повезло

больше, чем он того заслужил.

Прежде чем мы поняли, что происходит, Перси поднял пистолет, шагнул к решетке камеры Уортона и выпустил шесть пуль в спящего. Просто бам-бам-бам, бам-бам-бам, так быстро, как только смог нажать на курок. В закрытом помещении звук получился слегка приглушенным, но, когда наутро я рассказывал обо всем Дженис, я едва слышал собственный голос, так сильно звенело в ушах.

Мы все четверо подбежали к нему. Дин первым — даже не знаю каким образом, ведь когда Коффи схватил Перси, Дин стоял позади и меня, и Брута, — но он успел. Он схватил Перси за руку, готовясь вырывать пистолет, но оказалось, что не нужно. Перси разжал руку, и пистолет упал на пол. Глаза его скользили вокруг, как коньки по льду. Потом послышался низкий свистящий звук и резкий запах аммиака — отказал мочевой пузырь Перси, а затем треск и более густой запах, когда заполнялась и другая сторона его брюк. Взгляд его устремился в дальний конец коридора. Эти глаза, насколько я знаю, больше ничего не видели в реальном мире. В начале своего повествования я упомянул о том, что Перси был уже в Бриар Ридже, когда спустя два месяца после всех

этих событий Брут нашел разноцветные щепочки от катушки Мистера Джинглза, и я не лгал. Он так и не получил кабинета с вентилятором в углу, никогда не издевался над сумасшедшими пациентами. Но думаю, что ему досталась по крайней мере отдельная комната.

В конце концов, ведь у него были связи. Уортон лежал на боку, прислонившись спиной к стене камеры. Было плохо видно, много крови, она впитывалась в простыню и капала на бетон, но следователь сказал, что Перси стрелял отлично. Вспомнив, как Дин рассказывал, что Перси бросил в мышь дубинку и лишь чуть-чуть промахнулся, я не удивился. На этот раз расстояние было меньше, а цель — неподвижна. Одна пуля угодила в пах, одна — в живот, одна — в грудь и три — в голову.

Брут кашлял и отмахивался от пистолетного дыма. Я тоже кашлял, но не замечал этого.

— Конец строки, — резюмировал Брут. Голос его был спокойным, но в глазах безошибочно читалась растерянность.

Я посмотрел вдоль коридора и увидел, что Джон Коффи сидит на краю своей койки. Руки снова сложены между колен, но голова поднята, и вид совсем не больной. Он слегка кивнул мне,

и, к своему удивлению, как в тот день, когда я протянул ему руку, я кивнул в ответ.

— Что же нам делать? — причитал Харри. — О Боже, что мы будем делать?

— А ничего мы не можем, — произнес Брут все тем же спокойным голосом. — Нас повесят, правда, Пол?

Мой мозг начал соображать очень быстро. Я посмотрел на Харри и Дина, глядевших на меня, словно перепуганные дети. Я посмотрел на Перси, стоявшего, опустив руки и открыв рот. Потом — на своего старого друга Брутуса Ховелла.

— С нами все будет в порядке.

Перси наконец начал кашлять. Он согнулся вдвое, уперев руки в колени, его почти тошнило. Лицо стало наливаться кровью. Я открыл было рот, чтобы приказать остальным отойти, но ничего сказать не успел. Он издал звук, напоминающий нечто среднее между отрыжкой и кваканьем, и выпустил изо рта облачко чего-то черного и струящегося. Оно было вначале таким густым, что на секунду голова Перси скрылась в нем. Харри произнес «Господи, помилуй», слабым и влажным голосом. Потом облачко побелело и стало похожим на свежевыпавший снег, мерцающий под январским солнцем. Через секунду все

исчезло. Перси медленно выпрямился и опять невидяще уставился в дальнюю точку Зеленой Мили.

— Мы ничего не видели, — сказал Брут, — так, Пол?

— Да. Я не видел, и ты тоже. А ты Харри?

— Нет, — ответил тот.

— Дин?

— Видел что? — Дин снял очки и стал протирать. Я думал, он выронит их из трясущихся рук, но он удержал.

— Видел что — это хорошо. Это то, что надо. А теперь слушайте, парни, своего вожатого и сделайте правильно с первого раза, потому что времени мало. История проста. Давайте не усложнять ее.

3

Обо всем этом я рассказал Джен утром, часов в одиннадцать, я чуть не написал «на следующий день», но день-то был тот же самый. Без сомнений, это был самый длинный день в моей жизни. И я довольно подробно о нем рассказал, закончив тем, что Вильям Уортон завершил свою жизнь, лежа на койке, простреленный в нескольких местах пулями из пистолета Перси.

Однако это не совсем так. На самом деле последнее, что я описал, — черные мушки, вылетевшие из Перси, или не мушки, не знаю, что это было. Об этом трудно рассказывать, даже своей жене, но я рассказал.

И пока я говорил, она принесла мне черного кофе — по полчашки, потому что руки у меня дрожали так сильно, что целую я бы непременно расплескал. Когда я закончил рассказ, руки уже дрожали меньше и я мог даже чего-нибудь съесть — яичницу или суп.

— Нас спасло только то, что практически не пришлось врать.

— Да, просто кое о чем не сказали, — произнесла она и кивнула. — Так, мелочи вроде того, как

вы вывезли приговоренного убийцу из тюрьмы, как он вылечил умирающую женщину и как потом довел Перси Уэтмора до сумасшествия — чем? — тем, что выплюнул чистую опухоль мозга ему в горло…

— Я не знаю, Джен. Только знаю, что если ты станешь продолжать в том же духе, то либо будешь доедать этот суп сама, либо выльешь его собаке.

— Извини. Но я ведь права, так?

— Да, — сказал я. — Но только наш поход нельзя назвать ни побегом, ни увольнением, скорее это «командировка». Но даже Перси не сможет об этом рассказать, если он вообще когда-нибудь придет в себя.

— Если придет в себя… — эхом отозвалась она. — Насколько такое возможно?

Я покачал головой, показывая, что не имею понятия. Но я представлял себе: я был почти уверен, что он не придет в себя ни в 1932-м, ни в 1942-м, ни в 1952-м. В этом я оказался прав. Перси Уэтмор оставался в Бриар Ридже, пока тот не сгорел дотла в 1944-м. Семнадцать человек погибло в пожаре, но Перси среди них не было. Такого же молчаливого и отрешенного (я выучил слово, которым определяется это состояние, — ступор,

кататония), его вывел один из охранников задолго до того, как огонь дошел до его крыла. Перси перевели в другое место, я не помню названия, да, наверное, это и не важно, и он умер там в 1965-м. Насколько я знаю, последними словами, которые он вообще произносил в жизни, были те, когда он сказал нам, что мы можем отметить его на выходе… если не хотим объяснять, почему он ушел так рано.

Ирония оказалась в том, что нам почти ничего объяснять и не пришлось. Перси сошел с ума и застрелил Вильяма Уортона. Это мы и сказали, и каждое слово было правдой. Когда Андерсон спросил Брута, как вел себя Перси перед выстрелами, Брут ответил одним словом: «Тихо», и тут я пережил ужасный момент, потому что испугался, что рассмеюсь. Ибо это тоже правда: Перси вел себя тихо, поскольку большую часть смены его рот был заклеен клейкой лентой и он мог только мычать.

Кэртис продержал Перси до восьми утра, Перси молчал, как индеец из табачной лавки, но вид у него был жуткий. К тому времени пришел Хэл Мурс, суровый, уже знающий обо всем и готовый вновь приступить к работе. Кэртис Андерсон тут же сдал ему дела с таким облегчением, что мы все

это почувствовали. Испуганный, взвинченный человек исчез, это был снова начальник Мурс, он решительно подошел к Перси, взял его за плечи своими крупными руками и сильно встряхнул.

— Сынок! — закричал он в бессмысленное лицо Перси — лицо, начавшее уже размягчаться, как воск. — Сынок! Ты меня слышишь? Скажи мне, если слышишь! Я хочу знать, что здесь произошло!

Конечно же, Перси ничего не сказал. Андерсон хотел разделаться с Перси: обсудить, как лучше уладить это дело, имевшее явно политическую окраску, но Мурс отложил разговор с ним на время и потащил меня на Милю. Коффи лежал на койке, отвернувшись лицом к стене, ноги болтались, как всегда, до земли. Казалось, что он спит, и, наверное, правда, спал… хотя он не всегда был таким, как казался, мы потом это узнали.

— То, что произошло у меня дома, как-то связано с тем, что случилось здесь, когда вы вернулись? — спросил Мурс очень тихо. — Я прикрою вас, как смогу, даже если это будет стоить мне работы, но я должен знать.

Я покачал головой. Когда я говорил, то тоже понижал голос. В блоке сновало больше десятка следователей. Один из них фотографировал Уортона в камере. Кэртис Андерсон повернулся в ту

сторону, и на время нас видел только Брут.

— Нет, сэр. Мы доставили Джона обратно в камеру, потом выпустили Перси из смирительной комнаты, куда затащили его в целях безопасности. Я думал, он станет кипятиться, но он был спокоен. Только попросил вернуть пистолет и дубинку. Больше ничего не сказал, просто вышел в коридор. А потом, когда дошел до камеры Уортона, достал пистолет и давай стрелять.

— Как считаешь, может, он из-за смирительной комнаты тронулся?

— Нет, сэр.

— Вы надевали на него смирительную рубашку?

— Нет, сэр. Не было нужды.

— Он вел себя смирно? Не сопротивлялся?

— Нет, не сопротивлялся.

— Даже когда понял, что вы хотите запереть его в смирительной комнате?

— Именно так. — Я хотел было слегка приукрасить, добавить пару слов о Перси, но поборол себя. Чем проще, тем лучше, я это знал. — Не было шума. Он просто отошел в угол и сидел там.

— И ничего не говорил об Уортоне?

— Нет, сэр.

— И о Коффи тоже?

Я покачал головой.

— Перси имел что-то против Уортона? Может, он за что-то рассчитался?

— Вполне возможно, — сказал я еще тише. — Перси очень небрежно относился к тому, где можно ходить. Однажды Уортон дотянулся до него, прижал к решетке и слегка пощупал. — Я помедлил. — Ну, позволил себе кое-что, можно так сказать.

— И больше ничего? Только «слегка его пощупал» и все?

— Да, но Перси это очень возмутило, к тому же Уортон сказал что-то вроде того, что с удовольствием трахнул бы скорее Перси, чем его сестру.

— У-гу. — Мурс все время смотрел на Джона Коффи, словно ему требовалось постоянное подтверждение реальности существования этого человека. — Это не объясняет случившегося с ним, но многое говорит о том, почему он стрелял именно в Уортона, а не в Коффи или в кого-нибудь из твоих людей. А твои парни, Пол, они все скажут одно и то же?

— Да, сэр, — ответил я тогда ему. — И они расскажут, — пояснил я Джен, начиная есть суп, поданный на стол. — Я об этом позабочусь.

— Ты солгал, — сказала она. — Ты солгал Хэлу.

Вот такие они все жены. Всегда ищут дырочки, проеденные молью, в лучшем костюме и, как правило, находят.

— Давай посмотрим с другой стороны. Я не сказал ему ничего такого, с чем мы оба не смогли бы жить дальше. Хэл, я думаю, чист. Его там даже не было, в конце концов. Он сидел дома и ухаживал за женой, пока Кэртис не позвонил ему.

— Он не сообщил, как Мелинда?

— Было не до этого, но мы потом поговорили еще, когда уезжали с Брутом. Мелли многого не помнит, но чувствует себя хорошо. Ходит. Говорит о клумбах, о цветнике, который разобьет на следующий год.

Какое-то время моя жена сидела и наблюдала, как я ем. Потом спросила:

— А Хэл знает, что это чудо? Он понимает?

— Да, мы все понимаем, все, кто там находился.

— Отчасти я жалею, что не была там, — сказала она, — но в глубине души все-таки рада этому. Если бы я увидела, как с глаз Савла отпадают корки по дороге в Дамаск, то, наверное, умерла бы от разрыва сердца.

— Не-е. — Я наклонил тарелку, чтобы зачерпнуть последнюю ложку, — может быть, сварила

ему супчик. Вот такой, очень вкусный.

— Хорошо. — Но она думала совсем не о супе и не о превращениях Савла по дороге в Дамаск. Она смотрела на горы за окном, опершись подбородком на руки, а глаза ее подернулись дымкой, как горы летним утром перед знойным днем. Таким летним утром, как тогда, когда нашли девочек Деттерик, подумал я безо всякой причины. Интересно, почему они не кричали? Убийца ударил их, кровь была и на веранде, и на ступеньках. Так почему же они не кричали?

— Ты считаешь, это Джон Коффи на самом деле убил Уортона? — спросила Дженис, отвернувшись наконец от окна. — Это не несчастный случай, не совпадение, ты думаешь, он использовал Перси Уэтмора как оружие против Уортона.

— Да.

— Почему?

— Я не знаю.

— Расскажи мне, пожалуйста, еще раз, что произошло, когда ты вел Коффи по Миле. Только это.

И я рассказал. Я повторил, что худая рука, просунувшаяся между прутьев решетки и схватившая Джона за бицепс, была похожа на змею — водяную мокасиновую змею, мы их так боялись в детстве, когда плавали в реке, — и как

Коффи сказал, что Уортон плохой человек. Почти прошептал.

— А Уортон ответил?.. — Опять моя жена глядела в окно, но все равно слушала.

— Уортон сказал: «Правда, ниггер, хуже не бывает».

— И это все?

— Да. У меня тогда появилось чувство: что-то должно случиться, но ничего не произошло. Брут отодрал руку Уортона от Джона и посоветовал ложиться, что Уортон и сделал. Но сначала болтал что-то о том, что для негров должен быть свой электрический стул, и это все. Мы пошли по своим делам.

— Джон Коффи назвал его плохим человеком.

— Да. Однажды он сказал то же самое и про Перси. А может, и не однажды. Я точно не помню, но знаю, что такое было.

— Но ведь Уортон лично Джону Коффи ничего не сделал, верно? Как он сделал, скажем, Перси.

— Да. Их камеры расположены так: Уортона — около стола дежурного с одной стороны, а Джона — гораздо дальше и по другой стороне. Они и видеть-то толком друг друга не могли.

— Расскажи мне еще раз, как выглядел Коффи, когда Уортон схватил его.

— Дженис, это не приведет нас ни к чему.

— Может, и нет, а может, и приведет. Расскажи еще раз, как он выглядел.

Я вздохнул.

— Думаю, можно сказать, что он был потрясен. Он ахнул. Как ты ахаешь, когда сидишь на пляже, а я подкрадусь и брызну тебе на спину холодной водой. Или как будто ему дали пощечину.

— Конечно, — согласилась она. — Схватить так неожиданно, это способно напугать.

— Да, — сказал я. А потом: — Нет.

— Так что, да или нет?

— Нет. Не то чтобы потрясение… Так было, когда он хотел, чтобы я вошел в его камеру и он смог бы вылечить мою инфекцию. Или когда желал, чтобы я передал ему мышь. Он удивился, но не потому, что до него дотронулись… не совсем так… о Боже, Джен, я не знаю.

— Ладно, оставим это, — согласилась она. — Я просто не могу представить, почему он это сделал. Он ведь по натуре совсем не агрессивен. Отсюда следует другой вопрос, Пол: как ты сможешь его казнить, если прав насчет девочек? Как ты сможешь посадить его на электрический стул, если кто-то другой…

Я дернулся на стуле. Ударил локтем по тарелке

и сбросил ее на пол, она разбилась. Мне вдруг пришла в голову мысль. В тот момент во мне заговорила скорее интуиция, чем логика.

— Пол? — встревоженно спросила Дженис. — Что с тобой?

— Я не знаю, — ответил я. — Я ничего точно не знаю, но я хочу попытаться узнать.

4

За стрельбой последовало цирковое представление на трех аренах: на первой — губернатор, тюрьма — на второй и бедный, больной на голову Перси — на третьей. А ведущий представления? Этим занимались по очереди различные джентльмены от прессы. Тогда они были еще не такие зануды, как сейчас, но даже тогда, во времена до Джералда и Майка Уолласа и всех остальных, они могли скакать очень резво, если в зубах был зажат кусок. Так и на этот раз, и пока шло шоу, все оставалось нормально.

Но даже самый лучший цирк, с самыми устрашающими уродами, самыми смешными клоунами и самыми дикими зверями однажды покидает город. Наш цирк уехал после заседания Совета по расследованию — звучит очень значительно и пугающе, а на самом деле все выглядело прозаически. При иных обстоятельствах губернатор обязательно потребовал бы на блюде чью-нибудь голову, но на сей раз было не так. Его племянник со стороны жены — кровный родственник его жены — сошел с ума и убил человека. Убил преступника, да, и слава Богу — но все равно Перси

убил человека, мирно спящего в своей камере. А если добавить еще тот факт, что означенный молодой человек остается безумным, как мартовский заяц, то можно понять, почему губернатору так хотелось замять дело, и как можно скорее.

Наше путешествие к дому начальника Мурса на грузовике Харри Тервиллиджера так и не выплыло наружу. О том, что на Перси надели смирительную рубашку и заперли в смирительной комнате, тоже никто не узнал. Как и о том, что Вильям Уортон был напичкан наркотиками, когда Перси его застрелил. Да и не могли узнать. Зачем? У властей не было оснований подозревать в организме Уортона что-то, кроме полудюжины пуль. Следователь их удалил, гробовщик положил тело в сосновый ящик; вот таков был конец человека с татуировкой «Крошка Билли» на левом предплечье. Как говорится, туда ему и дорога.

И все равно слухи гудели еще почти две недели. За это время я молчал как рыба, и, конечно, не мог взять выходной, чтобы проверить мысль, осенившую меня за кухонным столом наутро после происшествия. Я точно знал, что цирк уже уехал, когда пришел на работу в середине ноября, по-моему, двенадцатого, но я не очень уверен. В

этот день я нашел на своем столе листок бумаги, которого так боялся: приказ о дне казни Джона Коффи. Вместо Хэла Мурса его подписал Кэртис Андерсон, но в любом случае приказ имел юридическую силу и, конечно же, побывал у Хэла, прежде чем попал ко мне. Я представил себе Хэла, сидящего за столом в административном корпусе, с этим листком бумаги в руке. Наверное, он думал о своей жене, которая для врачей больницы в Индианоле стала воплощением чуда, сотворенного за девять дней. У нее был свой приказ о казни, врученный врачами, но Джон Коффи его порвал. А теперь вот пришла очередь самого Джона Коффи пройти Зеленую Милю, и кто из нас мог бы помешать? Кто из нас остановил бы это?

День казни в приказе был назначен на двадцатое ноября. Через три дня после получения — кажется пятнадцатого, — я попросил Дженис позвонить и сказать, что я болен. После чашки кофе я поехал на север в своем трясущемся, но вполне надежном «форде». Дженис поцеловала меня на дорожку и пожелала удачи. Я поблагодарил, но не представлял, что можно считать удачей: если найду то, что ищу, или, наоборот, не найду. Но я точно знал, что петь в дороге мне не захочется. Не тот день.

К трем часам дня я уже поднялся высоко в горы. До здания суда графства Пурдом я добрался перед самым концом рабочего дня, просмотрел записи, а потом мне нанес визит шериф, которому клерк сообщил, что какой-то незнакомец копается в местных бумажных могильниках. Шериф Кэтлит хотел знать, чем я занимаюсь. Я ему рассказал. Кэтлит обдумал мои слова, а потом сообщил кое-что интересное. Он предупредил, что будет все отрицать, если я обмолвлюсь кому-нибудь хоть словом. Выводы делать было рано, но это уже кое-что. Я не сомневался. Я думал об этом всю дорогу домой и потом ночью, не в силах уснуть.

На следующий день я встал еще до восхода солнца и поехал в графство Траппингус. Я обошел Хомера Крибуса и вместо него встретился с Робом Макджи. Тот не желал меня слушать. Сознательно не хотел слушать. В один прекрасный момент я был почти уверен, что он даст мне в морду, только бы не слушать, но в конце согласился поехать и задать Клаусу Деттерику пару вопросов. В основном, думаю, чтобы я не поехал туда сам.

— Ему всего тридцать девять, но он выглядит сейчас, как старик, — сказал Макджи, — и совсем не нужно, чтобы хитромудрый тюремный охранник, вообразивший себя детективом, тревожил

его, когда горе понемногу стало забываться. Вы останетесь в городе. Я не хочу, чтобы вы приближались к ферме Деттериков даже на выстрел, но мне нужно найти вас после разговора с Клаусом. Если вам станет не по себе, возьмите внизу кусок пирога на обед. Это вас успокоит. — Я потом съел два куска, и это вправду было тяжело.

Когда Макджи вернулся в закусочную и сел у прилавка рядом со мной, я попытался что-то прочесть на его лице и не смог.

— Ну что? — спросил я.

— Пойдемте ко мне домой, поговорим там, — сказал он. — Здесь, на мой вкус, слишком много народу.

Мы поговорили на веранде дома Макджи. Обоим было зябко и неуютно, но миссис Макджи не разрешила курить в доме. Она была передовая женщина. Макджи говорил немного. Он делал это с таким видом, словно ему совсем не нравится то, что слетает с его губ.

— Это ничего не доказывает, правда? — спросил он, заканчивая рассказ. Тон его был воинственный, и он то и дело агрессивно указывал сигаретой в мою сторону, но лицо его выглядело нездоровым. Мы оба знали, что видим и слышим в суде не всю правду. Я подумал, что это един-

ственный раз, когда помощнику шерифа Макджи было жаль, что он не такой тупой, как его босс.

— Я знаю, — сказал я.

— А если вы считаете, что можно созвать повторное слушание лишь на основании одного этого, то подумайте еще раз, сеньор. Джон Коффи — негр, а в графстве Трапингус очень щепетильны насчет повторных судов над неграми.

— Это мне тоже известно.

— И что вы собираетесь делать?

Я погасил свою сигарету о перила веранды и выбросил на улицу. Потом встал. Мне предстояла долгая холодная дорога домой, и чем скорее я выеду, тем быстрее доберусь.

— Хотел бы я это знать, помощник Макджи, — вздохнул я, — но я не знаю. Единственное, в чем я уверен, это то, что второй кусок пирога съел зря.

— Я скажу тебе кое-что, раз ты такой умный, — сказал он все еще пустым агрессивным тоном. — Мне кажется, что не стоит открывать ящик Пандоры.

— Не я его открыл, — ответил я и поехал домой.

Я приехал поздно, уже за полночь, но жена ждала меня. Я так и думал, что она будет ждать, но мне все равно было очень приятно ее видеть и

чувствовать ее руки вокруг моей шеи и ее упругое тело рядом.

— Привет, странник, — сказала она, а потом прикоснулась ко мне пониже. — С этим парнем все в порядке? Он, как всегда, здоров и весел.

— Да, мэм. — Я поднял ее на руки, а потом отнес в спальню, и мы занимались любовью, сладкой, как мед, и, когда я дошел до высшей точки, до этого чувства величайшего наслаждения, когда отдаешь и получаешь, я подумал о нескончаемых слезах Джона Коффи. И о Мелинде Мурс, говорившей: «Мне снилось, что ты блуждаешь в темноте, как и я».

Все еще лежа в объятиях жены, в сплетении рук и бедер, я вдруг заплакал.

— Пол, — воскликнула она потрясенно и испуганно. По-моему, она видела меня в слезах не больше шести раз за всю нашу долгую семейную жизнь. Я никогда не был в обычных обстоятельствах слезливым. — Пол, что с тобой?

— Я знаю все, — ответил я сквозь слезы. — Я знаю, черт возьми, слишком много, если сказать по правде. Я собираюсь казнить Джона Коффи меньше чем через неделю, но девочек Деттерик убил Вильям Уортон. Это был Буйный Билл.

5

На следующий день та же группа охраны, что завтракала у меня в кухне после ужасной казни Делакруа, собралась там опять. Но на этот раз в военном совете принимал участие и пятый: моя жена. Именно Джен убедила меня рассказать все остальным, я сначала не хотел. «Ну неужели не хватит того, — спросил я ее, — что знаем мы?»

— Ты плохо соображаешь, — ответила она. — Наверное потому, что все еще расстроен. Им уже известно самое главное: что Джон взят за преступление, которого не совершал. Возможно, теперь им станет легче.

Я не был так уверен, но прислушался к ее мнению. Я ожидал взрыва эмоций, после того как рассказал все Бруту, Дину и Харри (я не мог доказать, но я знал), однако сначала ответом было только задумчивое молчание. Потом, взяв еще одно испеченное Дженис печенье и начиная намазывать его толстенным слоем масла, Дин сказал:

— Ты думаешь, Джон видел его? Видел, как Уортон бросил девочек, а может даже, как насиловал их?

— Думаю, что если бы он видел, то попытался бы помешать. А Уортона он мог видеть, когда тот убегал, думаю, так оно и было. Но даже если и видел, то потом забыл об этом.

— Конечно, — сказал Дин. — Он особенный, но не очень сообразительный. Он понял, что это был Уортон, когда тот протянул руку сквозь решетку и дотронулся до него.

Брут закивал:

— Поэтому у Джона и был такой удивленный вид, и такой… потрясенный. Помните, как он вытаращил глаза?

Я кивнул.

— Он использовал Перси как оружие против Уортона, так сказала Дженис, и я об этом долго думал. Почему Джону Коффи понадобилось убивать Буйного Билла? Перси, может быть, ведь Перси раздавил мышонка Делакруа прямо на его глазах, Перси сжег Делакруа заживо, и Джон об этом знал, но причем тут Уортон? Уортон так или иначе насолил нам всем, но, насколько я знаю, он совсем не трогал Джона, они и парой слов не обменялись за все время на Миле, да и те были сказаны вчера вечером. Тогда почему же? Он был из графства Пурдом, а белый мальчик оттуда вообще не видит негра, разве что тот сам

забредет. Так почему все-таки? Что он обнаружил или почувствовал такого ужасного, когда Уортон дотронулся до него, что сохранил в себе яд, вытянутый из тела Мелли?

— И чуть сам себя не убил, — добавил Брут.

— Процентов на восемьдесят. Единственное, что приходит в голову — близняшки Деттерик, только этот ужас может объяснить его поступок. Я говорил себе, что идея безумна, может, это просто совпадение. А потом вспомнил, что Кэртис Андерсон написал в первой записке о Вильяме Уортоне: Уортон — безрассудный и бешеный, он наследил и накуролесил по всему штату, прежде чем попался за убийство. «Накуролесил по всему штату». Я запомнил. Потом то, как он пытался задушить Дина, когда пришел. Тогда я подумал…

— О собаке, — подсказал Дин. Он потирал шею в том месте, где Уортон накинул цепь. Я не уверен, что он делал это осознанно. — О том, как собаке свернули шею.

— Во всяком случае я поехал в графство Пурдом проверить дела на Уортона — у нас ведь были лишь материалы об убийствах, приведших его на Зеленую Милю. Иными словами — о конце карьеры. А мне нужно было знать ее начало.

— Много проблем? — спросил Брут.

— О да. Вандализм, мелкое воровство, поджоги стогов сена, даже кража взрывчатки. Они с дружком сперли пакет динамита и взорвали на берегу ручья. Уортон начал рано, лет в десять, но того, что я искал, не было. Потом приперся шериф узнать, кто я такой и что делаю, и тут мне повезло. Я наврал ему, сообщив, что при обыске в камере Уортона в матрасе нашли пачку фотографий маленьких девочек без одежды. Я сказал, что хотел бы узнать, не числится ли за Уортоном в прошлом педерастии, поскольку слышал, что в Теннесси была пара нераскрытых дел. Я ничего не упоминал о близнецах Деттерик. И у него, думаю, этой мысли тоже не мелькнуло.

— Конечно нет, — сказал Харри. — Откуда? Дело закрыто, и все.

— Я сказал, что, наверное, не стоит развивать эту версию, потому что в деле Уортона ничего нет. Вернее, там очень много всего, но не то, что нужно. И тогда шериф, его имя Кэтлит, рассмеялся и ответил, что в судебных делах отражено не все, что успел натворить такой подарок, как Билл Уортон. Но какая, дескать, теперь разница, ведь он мертв?

— Я ответил, что хочу просто удовлетворить свое любопытство, вот и все, и это его успокоило.

Он провел меня к себе в кабинет, усадил, дал чашечку кофе с пончиком и рассказал, что почти полтора года назад, когда Уортону едва исполнилось восемнадцать, один человек из западной части штата поймал его в сарае со своей дочерью. Это не было изнасилование, нет, мужчина описал это Кэтлиту как «всего лишь грязным пальцем». Извини, дорогая.

— Ничего, — сказала Дженис. Но она побледнела.

— Сколько лет было девочке? — спросил Брут.

— Девять.

Он вздрогнул.

— Этот мужчина сам бы проучил Уортона, будь у него братья или кузены, кто мог бы помочь, но у него их не было. Поэтому он пришел к Кэтлиту, но объяснил, что желает лишь предупредить Уортона. Никому не хочется, чтобы такие мерзкие штуки обсуждались публично, если этого можно избежать. Однако шериф уже имел дело с выходками Уортона — он упек его в спецшколу месяцев на восемь, когда тому было еще пятнадцать. И он решил, что с него хватит. Шериф взял трех помощников и приехал к дому Уортона. Они отодвинули в сторону миссис Уортон, когда та стала плакать и причитать, а потом предупреди-

ли мистера Вильяма, Крошку Билли Уортона, о том, что случается с прыщавыми юнцами, которые тащат на сеновал маленьких девочек, еще даже и не слышавших о месячных. «Мы хорошо предупредили этого ублюдка, — объяснил мне Кэтлит. — Предупреждали, пока не расквасили ему лицо, вывихнули плечо и чуть не сломали задницу».

Помимо воли Брут рассмеялся.

— Это похоже на графство Пурдом. Очень похоже.

— А через три месяца, верьте или нет, Уортон очухался и начал развлекаться опять, и это кончилось вооруженным грабежом, — сказал я. — И убийствами, за что и попал к нам.

— То есть он уже однажды был замешан в деле с малолетней девочкой. — Харри снял очки, подышал на них, протер. — Очень малолетней. А что, если это система?

— Такие вещи обычно не делают один раз, — сказала моя жена и так крепко сжала губы, что они почти исчезли.

Потом я рассказал им о поездке в графство Трапингус. С Робом Макджи я вел себя гораздо откровеннее: у меня не было выбора. До сего дня я не представляю, что там рассказал Макджи

мистеру Деттерику, но человек, присевший рядом со мной в закусочной, казалось, постарел лет на семь.

В середине мая, примерно за месяц до вооруженного нападения и убийств, которыми и завершилась недолгая карьера Уортона-преступника, Клаус Деттерик красил свой сарай (и, естественно, будку Баузера рядом с ним). Он не хотел, чтобы его сын карабкался по высоким лесам, да к тому же мальчик ходил в школу, поэтому он нанял парня. Нормального доброго парня. Очень тихого. Он работал три дня. Нет, этот парень в доме не спал. Деттерик был не настолько глуп, чтобы поверить, будто добрый и тихий означает надежный, особенно в те дни, когда на дорогах было столько проезжих. Человек, у которого есть семья, должен быть осторожным. Но этот парень не нуждался в жилье, он сказал Деттерику, что снимает комнату в городе, у Ив Прайс. В Тефтоне жила женщина по имени Ив Прайс, я она действительно сдавала комнаты, но в том мае у нее не было постояльца, подходившего под описание нанятого Деттериком работника, — так, обычные ребята в костюмах в клеточку и шляпах, иными словами — коммивояжеры. Макджи смог мне об этом рассказать, потому что проверил, заехав

к миссис Прайс по дороге с фермы — и был расстроен.

— Даже если так, — добавил он, — нет закона против тех, кто спит в лесу, мистер Эджкум. Я и сам пару раз так ночевал.

Нанятый работник не спал в доме Деттериков, но дважды обедал вместе с ними. Он познакомился с Хови. Он познакомился с девочками — Корой и Кейт. Он мог услышать их болтовню, что-нибудь о том, как они ждут не дождутся лета, потому что, если они себя хорошо ведут и погода позволяет, мама иногда разрешает им спать на веранде и они воображают себя женами первых поселенцев, пересекающих Великие равнины в фургонах.

Я представил, как он сидит за столом, уплетая жареного цыпленка со ржаным хлебом, только что испеченным миссис Деттерик, слушает, пряча свои волчьи глаза, кивая, улыбаясь и все запоминая.

— Это не похоже на того буйного малого, о котором ты рассказывал, когда он первый раз появился на Миле, Пол, — с сомнением произнесла Дженис, — совсем не похоже.

— Вы не видели его в больнице в Индианоле, мэм, — сказал Харри. — Просто стоял, открыв рот,

а его голый зад торчал из пижамных штанов. Он дал нам себя одеть. Мы подумали, что он или под действием наркотиков, или просто идиот. Правда, Дин?

Дин кивнул.

— В тот день, когда он закончил красить сарай и ушел, человек в маске из платка ограбил офис «Хамфри фрахт» в Джарвисе, — сообщил я им. — Забрал семьдесят долларов. Он прихватил даже серебряный доллар, который агент по перевозкам хранил на счастье. Этот доллар нашли потом у Уортона, а Джарвис всего в пятидесяти километрах от Тефтона.

— Так что этот воришка… этот буйный малый… ты считаешь, он останавливался на три дня, чтобы помочь Клаусу Деттерику покрасить сарай, — сказала жена, — обедал вместе с ними и говорил «передайте бобы, пожалуйста», как все люди.

— Самое страшное в таких, как он, — их непредсказуемость, — проговорил Брут. — Он мог планировать убить Деттериков и ограбить их дом, а потом изменил планы, потому что облако не вовремя закрыло солнце или еще что-нибудь. Может, он хотел слегка поостыть. Но скорее всего, он положил уже глаз на этих девочек и собирался

вернуться. Как ты считаешь, Пол?

Я кивнул. Конечно, я так думал.

— А еще — имя, которым он назвался Деттерику.

— Какое имя? — спросила Джен.

— Уил Бонни.

— Бонни? Я не…

— Это настоящее имя Крошки Билли.

— О Боже. — Глаза Дженис расширились. — Так теперь ты можешь вытащить Джона Коффи! Слава Богу! Все, что нужно сделать, — это показать мистеру Деттерик фото Вильяма Уортона… его рожа должна…

Мы с Брутом обменялись виноватыми взглядами. Дин смотрел с некоторой надеждой, а Харри уставился на свои руки, вдруг страшно заинтересовавшись ногтями.

— Что с вами? — воскликнула Дженис. — Почему вы так друг на друга смотрите? Ведь, естественно, этот человек, Макджи, должен…

— Роб Макджи показался мне хорошим парнем, и думаю, он не слабый юрист, — сказал я, — но его мнение не имеет веса в графстве Трапингус. Власть там принадлежит шерифу Крибусу, а он назначит повторное слушание дела Деттерика на основании всего, что я узнал, только в тот день,

когда рак на горе свистнет.

— Но… если Уортон находился там… если Деттерик опознает его по фотографии и они узнают, что он там был…

— То, что Уортон работал там в мае совсем не означает, что он вернулся и убил этих девочек в июне, — возразил Брут. Он говорил тихо и мягко, так говорят, когда сообщают о том, что кто-то в семье умер. — С одной стороны, есть парень, который помогал Клаусу Деттерику красить сарай, а потом ушел. Оказывается, он совершал преступления по всему штату, но против него в те три дня в мае, когда он находился недалеко от Тефтона, ничего нет. С другой стороны, есть большой негр, этот громадный негр, которого нашли на берегу реки, он держал на руках двух мертвых девочек, обе были голенькие.

Брут покачал головой.

— Пол прав, Джен. У Макджи могут возникнуть сомнения, но его мнение никто не примет во внимание. Назначает пересмотр дела только Крибус, а Крибус не захочет мараться, ведь он считает, что все кончилось замечательно: это сделал ниггер, думает он, причем не из наших. Великолепно. Я поеду в Холодную Гору, съем свой бифштекс, выпью пива, потом посмотрю, как его

поджарят, и на этом все кончится.

Дженис слушала с нарастающим выражением страха на лице, потом обратилась ко мне:

— Но Макджи верит тебе, Пол? Я ведь вижу по твоему лицу. Помощник Макджи знает, что он арестовал не того. Он что, не будет защищать его перед шерифом?

— Все, чего в результате добьется — потеряет работу, — сказал я. — Да, по-моему, в глубине души он понимает, что это сделал Уортон. Но сам себе он сказал, что если промолчит и будет подыгрывать шерифу, пока тот не уйдет на пенсию или не обожрется до смерти, то получит этот пост. А тогда все станет по-иному. Я полагаю, он именно так говорит себе перед сном. А в одном, думаю, он не сильно отличается от Хомера. Макджи убеждает себя, что в конце концов это всего лишь негр. Они ведь не белого сожгут ни за что.

— Тогда вы должны пойти к ним, — заявила Джен, и мое сердце похолодело от прозвучавшей в ее голосе решительности. — Пойти и рассказать все, что вы узнали.

— А как объяснить, откуда нам все известно, Джен? — спросил ее Брут все тем же тихим голосом. — Мы что, должны рассказать, как Уортон схватил Джона, когда мы вывозили Коффи совер-

шить чудо с женой начальника тюрьмы?

— Нет… конечно, нет, но… — Она поняла, как тонок лед в этом направлении, и покатилась в другую сторону. — Тогда солгите. — Она с вызовом посмотрела на Брута, потом перевела глаза на меня. Таким взглядом можно было бы прожечь дыру в газете.

— Солгать… — повторил я. — Солгать насчет чего?

— О том, что заставило тебя поехать сначала в графство Пурдом, а потом в Трапингус. Пойди к этому жирному старому шерифу Крибусу и заяви, что Уортон признался тебе в изнасиловании и убийстве девочек Деттерик. Что он сознался. — Она на секунду перевела свой жгущий взгляд на Брута. — Ты можешь его поддержать, Брутус. Скажешь, что присутствовал на признании и все слышал. Ну и что? Перси тоже мог слышать, и это, наверное, свело его с ума. Не в силах вынести мысль о том, что Уортон сделал с детьми, Перси застрелил его. Содеянное Уортоном помутило его рассудок. Только… Что? Ну что теперь, ради всего святого?

Сейчас уже не только мы с Брутусом, но и Харри с Дином глядели на нее с ужасом.

— Мы никогда не сообщали ни о чем подобном,

мэм, — вымолвил Харри. Он говорил словно с ребенком. — Первое, о чем нас спросят: почему мы не сообщили раньше. Мы должны докладывать обо всем, что наши «детки в клетке» сообщают о предыдущих преступлениях. Своих и чужих.

— Да мы бы ему и не поверили, — вставил слово Брут. — Такие типы, как Буйный Билл Уортон, врут напропалую, Джен. О преступлениях, которые они совершили, об авторитетах, которых знали, о женщинах, с которыми спали, о голах, забитых еще в школьные годы, даже о погоде.

— Но… но… — На ее лице появилось выражение отчаяния. Я попытался обнять ее, но она с силой оттолкнула мою руку. — Но он там был! Он красил их чертов сарай! Он с ними вместе обедал!

— Просто еще одна причина, по которой он мог бы гордиться преступлением, — сказал Брут. — В конце концов, какая разница? Почему бы не похвастаться? Ведь нельзя казнить дважды.

— Подождите, если я правильно поняла, мы все, сидящие за этим столом, знаем, что Джон Коффи не только не убивал этих девочек, но и пытался спасти им жизнь. Помощнику Макджи, конечно, всего этого не известно, но он знает прекрасно, что человек, приговоренный к смерти за убийства, их не совершал. И все равно… все равно… вы

не можете добиться повторного слушания. Даже пересмотра дела.

— Да, — произнес Дин. Он опять протирал свои очки. — Примерно так.

Дженис сидела, опустив голову и задумавшись. Брут начал было говорить, но я поднял руку, и он замолчал. Я не верил, что Джен придумает способ вытащить Джона из камеры смертников, но я не верил также, что это совсем невозможно. Она была, несомненно, очень разумна, моя жена. А еще бесстрашна и решительна. А сочетание этих качеств иногда помогает свернуть горы.

— Ладно, — вымолвила она наконец. — Тогда попытайтесь вытащить его сами.

— Мэм? — Харри был потрясен. И испуган.

— Вы ведь можете. Вы уже это делали однажды. Вы сумеете сделать еще раз. Только потом не привезете его обратно.

— А вы объясните моим детям, почему их папа в тюрьме, миссис Эджкум? — спросил Дин. — Осужден за то, что помогал убийце бежать из тюрьмы?

— Этого не произойдет. Дин, мы разработаем план. Сделаем, чтобы выглядело, как настоящий побег.

— Только имей в виду: должны поверить, что

этот план придуман парнем, который не может запомнить, как завязывать шнурки на ботинках, — сказал Харри.

Она посмотрела на него неуверенно.

— Ничего хорошего не выйдет, — резюмировал Брут. — Даже если мы и найдем способ, все равно не выйдет.

— Почему? — Она произнесла это так, словно вот-вот расплачется. — Но почему, черт побери, нет?

— Потому что он очень высокий, лысый и чернокожий, и у него не хватает ума даже чтобы прокормить себя, — объяснил я. — Как ты думаешь, сколько времени пройдет, пока его снова поймают? Часа два? Шесть?

— Но он ведь раньше жил как-то, не привлекая к себе внимания. — Слеза скатилась по ее щеке. Она смахнула ее тыльной стороной ладони.

В этом была доля правды. Я написал письма некоторым друзьям и родственникам на юге с вопросом, не встречали ли они в газетах что-нибудь о человеке, соответствующем описанию Джона Коффи. Дженис сделала то же самое. И мы наткнулись лишь на один возможный след, в городе Маски Шоулз, штат Алабама. В 1929 году смерч ударил по церкви, где шла репетиция

хора, и крупный чернокожий мужчина исцелил двух ребят, которых вытащили из-под обломков. Оба сначала казались мертвыми, но, как потом выяснилось, серьезно никто не пострадал. Один из свидетелей говорил, что похоже было на чудо. Чернокожий, которого пастор нанял на один день, исчез в суматохе.

— Вы правы, он как-то жил, — сказал Брут. — Но нужно помнить, что он тогда не был осужден за изнасилование и убийство двух маленьких девочек.

Она сидела и не отвечала. Дженис молчала почти целую минуту, а потом сделала такое, что поразило меня не меньше, чем ее мои внезапные слезы. Она одним широким жестом смахнула со стола все: тарелки, стаканы, чашки, серебро, салатницу с капустой, кувшин с соком, блюдо с нарезанной ветчиной, молоко, чайник с холодным чаем. Все на пол, в кучу.

— Боже правый! — вскрикнул Дин, отшатнувшись от стола так резко, что чуть не опрокинулся.

Дженис не обратила на него внимания. Она глядела на нас с Брутом, в основном, конечно, на меня.

— Вы хотите убить его, вы, трусы? — восклик-

нула она. — Вы хотите убить человека, который спас жизнь Мелинде Мурс, который пытался спасти этих девочек? Прекрасно, одним негром на свете станет меньше, так? Утешайте себя этим. Одним «ниггером» меньше.

Она встала, глянула на свой стул и отшвырнула его ногой к стене. Он отскочил и упал в лужу разлитого сока. Я взял ее за руку, но она вырвалась.

— Не трогай меня. Через неделю ты станешь убийцей, не лучше, чем Уортон, так что не прикасайся ко мне.

Она вышла на заднее крыльцо, прижала передник к лицу и зарыдала. Мы четверо переглянулись. Потом я поднялся и начал наводить порядок. Брут первым стал мне помогать, к нему присоединились Харри и Дин. Когда комната приобрела более-менее приличный вид, они ушли. Никто из нас за это время не произнес ни слова. Потому что сказать было нечего.

6

В эту ночь я не работал. Я сидел в гостиной нашего маленького дома, курил сигареты, слушал радио и смотрел, как темнота поднимается с земли, чтобы поглотить небо. Телевидение — хорошая штука, я ничего не имею против, но мне не нравится, что оно отвлекает от остального мира, приковывает к своему стеклянному окну. В этом смысле радио лучше. Вошла Дженис, присела на подлокотник кресла и взяла меня за руку. Мы помолчали немного, слушая «Колледж музыкальных знаний» Кэл Кайзера и глядя, как зажигаются звезды. Мне было хорошо.

— Извини, что назвала тебя трусом, — сказала она. — Мне так плохо, хуже я ничего не говорила тебе за всю нашу жизнь.

— Даже в тот день, когда мы поехали с палаткой и ты назвала меня старым вонючим Сэмом? — спросил я, и мы рассмеялись, потом поцеловались раз или два, и снова между нами воцарился мир. Она была так красива, моя Дженис, она мне до сих пор снится. Старому и уставшему от жизни, мне снится, что она входит в мою комнату в этом одиноком, заброшенном месте, где коридоры

пахнут мочой и тушеной капустой, мне снится, что она молода и прекрасна, с голубыми глазами и высокой красивой грудью, к которой я не мог не прикасаться, и она говорит: «Ну что, дорогой, меня не было в той автобусной катастрофе. Ты ошибся, вот и все». Даже сейчас мне это снится, и иногда, когда я просыпаюсь и понимаю, что видел сон, я плачу. Я, который почти никогда не плакал молодым.

— А Хэл знает? — проговорила она наконец.

— Что Джон невиновен? Мне неизвестно, откуда он может знать.

— Он в состоянии помочь? Он может повлиять на Крибуса?

— Нисколько, дорогая.

Она кивнула, словно этого и ожидала.

— Тогда не говори ему. Если он не способен помочь, то ради Бога, не говори ему.

— Не скажу.

Она подняла на меня свой строгий взгляд.

— Ты не говори, что болен, когда наступит та ночь. Никто из вас не должен. Вы не можете.

— Да, не можем. Если мы будем там, то по крайней мере сделаем все быстрее. Хоть это в нашей власти. Чтобы не получилось, как с Делакруа. — На секунду, слава Богу недолгую, я увидел, как

черная шелковая маска горит на лице Делакруа, открывая спекшиеся сгустки студня, бывшие когда-то глазами.

— У вас нет выхода, да? — Она взяла мою руку, потерла ее о свою мягкую бархатистую щеку.

— Бедный Пол. Бедный парень.

Я ничего не сказал. Никогда раньше, ни потом мне так не хотелось бежать. Просто взять с собой Джен и бежать куда глаза глядят с одной сумкой на двоих.

— Мой бедный парень, — повторила она, а потом произнесла: — Поговори с ним.

— С кем? С Джоном?

— Да. Поговори с ним. Узнай, чего он хочет.

Я обдумал ее слова и кивнул. Она была права. Как всегда.

7

Через два дня, восемнадцатого, Билл Додж, Хэнк Биттерман и кто-то еще, не помню, кажется, из временных, — повели Джона Коффи в блок «Д» в душ, а мы отрепетировали за это время его казнь. Мы не дали старому Тут-Туту играть роль Джона, понимая даже без слов, что это непристойно. Вместо Джона был я.

— Джон Коффи, — проговорил Брут не очень уверенным голосом, когда я сидел, пристегнутый к Олд Спарки, — вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен судом равных по положению…

Равные по положению Джону Коффи? Это шутка. Насколько мне известно, таких, как он, на планете нет. Потом я вспомнил слова Джона, когда он смотрел на Олд Спарки с нижней ступеньки лестницы, ведущей в мой кабинет: «Они все еще здесь. Я слышу их крики».

— Выпустите меня отсюда, — хрипло выдавал я. — Расстегните застежки и выпустите.

Они так и сделали, но на секунду я застыл, словно Олд Спарки не хотел меня отпускать. Когда мы возвращались обратно в блок, Брут шепнул

мне так тихо, что даже Дин и Харри, расставляющие последние стулья позади нас, не могли услышать:

— Я совершил в своей жизни несколько поступков, за которые мне стыдно, но сейчас впервые в жизни действительно ощущаю страх, что могу попасть в ад.

Я посмотрел на него, чтобы убедиться, не шутит ли он. По-моему, он не шутил.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что мы казним Дар Божий, — произнес он. — Того, кто не причинил вреда ни нам, ни кому другому. Я хочу сказать, а что если я закончу тем, что предстану перед Богом, Отцом всемогущим, и Он спросит меня, почему я это сделал? Что я отвечу, что это была моя работа? Моя работа?

8

Когда Джон вернулся из душа и временные ушли, я открыл его камеру, вошел и сел на койку рядом. За столом был Брут. Он поднял глаза, увидел, что я там один, но ничего не сказал. Он просто продолжал заполнять бумажки, все время слюнявя кончик карандаша.

Джон смотрел на меня своими странными глазами: покрасневшими, далекими, влажными от слез и в то же время спокойными, словно скорбь не самое плохое состояние, если к нему привыкнуть. Он даже слегка улыбался. От него исходил запах мыла, я помню, — чистый и свежий, точно запах ребенка после вечернего купания.

— Привет, босс, — сказал он, а потом взял мои руки в свои ладони. Сделал он это совершенно непринужденно и естественно.

— Привет, Джон. — В горле у меня стоял ком, и я пытался его проглотить. — Думаю, ты знаешь, что время уже подходит. Через каких-то пару дней.

Он молчал, только сидел и держал мои руки в своих. Оглядываясь назад, думаю, что уже тогда что-то начало со мной происходить, но я был слишком сосредоточен — эмоционально и ум-

ственно — на своей работе, и не заметил этого.

— Ты бы хотел чего-нибудь особенного на ужин в тот вечер, Джон? Мы можем сделать для тебя почти все. Даже принести пиво. Нальем его в подходящую чашку.

— Никогда не пробовал, — сказал он.

— А что-нибудь особое из еды?

Его лоб сморщился под гладкой коричневой кожей черепа. Потом морщины разгладились, и он улыбнулся:

— Хорошо бы мяса.

— Мясо будет, с подливкой и картофельным пюре. — Я почувствовал покалывание, как бывает, когда отлежишь руку, только это покалывание распространилось по всему телу. Моему телу. — А что еще?

— Не знаю, босс. Что есть, наверное. Может, окра, но не обязательно.

— Хорошо, — сказал я и подумал, что еще на десерт будет приготовленный миссис Дженис Эджкум фруктовый пирог. — А как насчет священника? Кого-нибудь, с кем бы ты мог произнести коротенькую молитву послезавтра ночью? Это успокаивает людей, я видел много раз. Могу связаться с преподобным Шустером, он приходил к Дэлу…

— Я не хочу священника, — возразил Джон. — Ты хорошо относился ко мне, босс. Ты можешь прочесть молитву, если пожелаешь. Этого хватит. И я стану на колени с тобой.

— Со мной? Джон, я не могу…

Он сжал слегка мои руки, и ощущение покалывания стало сильнее.

— Ты можешь. Ведь правда, босс?

— Думаю, да, — услышал я свой собственный голос, отдававшийся словно эхом. — Наверное, смогу, если до этого дойдет.

Ощущение было очень сильным, как в тот день, когда он вылечил мои мочевые пути, но другим. И не потому, что на этот раз я здоров. Оно было другим потому, что сейчас Джон не знал, что делает это. И вдруг я испугался, я был почти потрясен необходимостью выйти отсюда. Внутри меня как будто зажигались огни. Не только в мозгу, по всему телу.

— Ты, мистер Ховелл и другие боссы хорошо относились ко мне, — сказал Джон Коффи. — Я знаю, ты очень переживаешь, но теперь можешь не переживать. Потому что я сам ХОЧУ уйти, босс.

Я попытался возразить, но не смог. А он смог. И речь, которую он произнес, была самой длинной

из всего когда-либо сказанного при мне.

— Я так устал от боли, которую слышу и чувствую, босс. Я устал от дорог, устал быть один, как дрозд под дождем. Устал от того, что никогда ни с кем мне не разделить компанию и не сказать, куда и зачем мы идем. Я устал от ненависти людей друг к другу. Она похожа на осколки стекла в мозгу. Я устал от того, что столько раз хотел помочь и не мог. Я устал от темноты. Но больше всего от боли. Ее слишком много. Если бы я мог сам со всем покончить! Но я не могу.

«Перестань, — пытался сказать я. — Перестань, отпусти мои руки. Иначе я утону. Утону или взорвусь».

— Не взорвешься, — вымолвил он, слегка улыбаясь от этой мысли… но руки мои отпустил.

Я наклонился вперед, задыхаясь. Я мог видеть каждую трещинку в бетонном полу, каждую раковину, каждый проблеск слюды. Подняв глаза на стену, я увидел имена, написанные на ней в 1924-м, в 1931-м. Эти имена были смыты, люди, которые их написали, тоже в некотором роде были смыты, но я думаю, что ничего нельзя смыть полностью, ничего с этого темного стекла нашего мира, и теперь я увидел их снова, переплетения имен, находящих одно на другое. Я смотрел на

них и словно слышал, как мертвые говорят, поют и просят о милосердии. Я почувствовал, как мои глаза пульсируют в орбитах, уловил биение своего сердца, ощутил шорох моей крови, бегущей по всем сосудам моего тела, словно письма отовсюду.

Вдалеке я услышал гудок поезда — должно быть, трехчасовой в Прайсфорд, подумал я, но не был уверен, потому что раньше никогда его не слышал. Особенно из Холодной Горы, ибо ближайшее место, где проходила железная дорога, находилось в десяти милях к востоку от тюрьмы. Значит, я не мог его слышать из тюрьмы, скажите вы, да, так оно и было до ноября 1932-го, но в тот день я его слышал.

Где-то с треском, словно бомба, разорвалась лампочка.

— Что ты со мной сделал? — прошептал я. — О Джон, что ты сделал?

— Извини, босс, — сказал он спокойно. — Я не подумал. Это ненадолго. Скоро ты опять будешь в норме.

Я поднялся и направился к двери камеры. Я шел словно во сне. Когда я дошел до двери, он проговорил:

— Ты хотел знать, почему они не кричали? Тебе

и сейчас непонятно только это, правда? Почему девочки не кричали, пока были еще на веранде.

Я обернулся и посмотрел на него. Я мог видеть все красные прожилки в его глазах, каждую пору на его лице… и я почувствовал его боль, боль, которую он забрал у других людей, как губка впитывает воду. Я увидел темноту, о которой он говорил. Она лежала повсюду в мире, когда он смотрел на мир, и в этот момент я чувствовал одновременно и жалость к нему, и огромное облегчение. Да, мы совершим нечто ужасное, этого нельзя избежать… и все-таки сделаем это ему во благо.

— Я увидел все, когда тот плохой парень схватил меня, — сказал Джон. — Тогда я понял, что это он сделал. Я видел его в тот день, он был среди деревьев, и я видел, как он их бросил и убежал, но…

— Ты забыл, — подсказал я.

— Верно, босс. Пока он до меня не дотронулся.

— Почему они не кричали, Джон? Он ударил их так, что потекла кровь, родители находились прямо над ними, наверху, почему же они не кричали?

Джон посмотрел на меня своими нездешними глазами:

— Он сказал одной из них: «Если будешь шуметь, я убью твою сестру, а не тебя». То же самое он сказал другой. Понимаешь?

— Да, — прошептал я и увидел все. Веранду Деттериков в темноте. Уортона, склонившегося над ними, как вампир. Одна из них начала звать на помощь, но Уортон ударил ее, и кровь потекла из носа. На веранде была эта кровь.

— Он убил их любовью, — объяснил Джон. — Их любовью друг к другу. Теперь ты понимаешь, как все было?

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он улыбнулся. Слезы потекли снова, но он улыбался.

— И вот так каждый день, — сказал он, — по всему миру. — Потом лег и повернулся лицом к стене.

Я вышел в коридор, закрыл его камеру и пошел вверх по коридору, к столу дежурного, все еще как во сне. Я вдруг понял, что слышу мысли Брута, очень слабый шепот о том, как пишется слово, по-моему «получить». Он думал: «После „ч“ пишется „и“ или „ы“?». Потом поднял глаза и начал улыбаться, но улыбка погасла, как только он разглядел меня получше.

— Пол? — спросил он. — Ты в порядке?

— Да. — И я передал ему то, что рассказал мне Джон, не все, конечно, опустив то, как повлияло на меня его прикосновение (об этом я не рассказывал даже Дженис; Элен Коннелли будет первой, кто узнает, если… если захочет прочесть эти последние страницы), но я повторил ему то, что Джон сказал о своем желании уйти. Это немного успокоило Брута, но я почувствовал (услышал?), как он спрашивает себя, а не придумал ли я все, чтобы облегчить его мучения. Потом я почувствовал, что он решил мне поверить, просто потому, что так будет легче, когда придет время.

— Пол, что, опять твоя инфекция вернулась? — спросил он. — Ты весь горишь.

— Нет, со мной все хорошо. — Мне было не очень хорошо, но я был уверен, что Джон сказал правду и что скоро все образуется.

— Все равно, тебе не помешало бы пойти в свой кабинет и ненадолго прилечь.

В этот момент даже сама мысль о том, чтобы прилечь, показалась мне смешной и я чуть не рассмеялся. Мне хотелось сделать что-нибудь основательное, например самому построить небольшой дом, потом обшить его досками, разбить за домом сад и посадить деревья. И все это до ужина.

«Вот как, — подумал я. — Каждый день. По всему миру. Эта темнота. По всему миру».

— Нет, я пойду в административный корпус. Надо кое-что там проверить.

— Как скажешь.

Я дошел до двери, открыл ее, а потом оглянулся.

— Ты все правильно пишешь: п-о-л-у-ч-и-т-ь, после «ч» пишется «и». И всегда так. По-моему, у этого правила нет исключений.

Я вышел, не оглядываясь, чтобы не видеть, как он смотрит, открыв рот.

Я продолжал двигаться весь остаток смены, не в силах усидеть на месте больше пяти минут. Я пошел в административный корпус, а потом вышел в пустой прогулочный дворик и стал носиться взад и вперед, пока охранники на вышках, наверное, не подумали, что я спятил. Но к концу смены я начал успокаиваться, и шорох мыслей в голове — как шорох листьев — тоже порядком поутих.

Однако на полпути к дому это чувство опять стало сильным. Как моя «мочевая» инфекция. Мне пришлось припарковать «форд» у обочины, выйти и пробежать почти с полмили, опустив голову, работая локтями, и дыхание, вырыва-

ющееся у меня из горла, было горячим, словно я согревал его под мышкой. Потом наконец я действительно почувствовал себя нормально. Я потрусил назад, туда, где припарковал свой «форд», а половину пути прошел, и пар изо рта поднимался в морозный воздух. Приехав домой, я передал Дженис слова Джона Коффи о том, что он готов и хочет уйти. Она кивнула с видом облегчения. Стало ли ей легче? Не могу сказать. Шесть часов назад, даже три, я бы знал, но тогда уже нет. И это было хорошо. Джон все повторял, что он устал, и теперь я понимал почему. То, чем он владел, очень утомляет. И заставляет желать отдыха и тишины.

Когда Дженис поинтересовалась, почему я такой красный и от меня так пахнет потом, я ответил ей, что остановил машину по дороге и слегка пробежался. Я сказал ей только это, как уже упоминал (сейчас исписано слишком много страниц, и мне не хочется просматривать их, чтобы вспомнить), мы никогда не лгали друг другу, я просто ничего не объяснил ей.

А она не спросила.

9

В эту ночь, когда настал черед Джона Коффи пройти по Зеленой Миле, грозы не было. Было холодно, как всегда в это время года в тридцатые годы, и миллионы звезд рассыпались над убранными и вспаханными полями, иней блестел на оградах и, словно бриллианты, мерцал на сухих стеблях кукурузы.

Брутус Ховелл был распорядителем на казни, ему предстояло надеть на Джона Коффи шлем и приказать Ван Хэю включить в нужное время рубильник. Билл Додж находился в аппаратной вместе с Ван Хэем. Примерно в одиннадцать двадцать в ночь на 20 ноября Дин, Харри и я подошли к нашей единственной обитаемой камере, где на краю койки сидел Джон Коффи, свесив руки между колен, на воротнике голубой рубашки было заметно маленькое пятнышко подливки. Он смотрел на нас сквозь прутья решетки и выглядел, кажется, гораздо спокойнее, чем мы. Мои руки были ледяными, а в висках стучало. Одно дело знать, что он хотел этого и выполнить свою работу, — и совсем другое дело — сознавать, что казнишь человека за чужое преступление.

В последний раз я видел Хэла Мурса в тот вечер около семи. Он находился у себя в кабинете, застегивал пальто. Хэл был бледен, руки дрожали так, что он никак не мог справиться с пуговицами. Мне даже хотелось убрать его руки и застегнуть ему пальто, как ребенку. Ирония в том, что Мелинда выглядела лучше, когда мы с Джен навещали ее в предыдущие выходные, чем Хэл Мурс вечером перед казнью Джона Коффи.

— Я на эту казнь не останусь, — сказал он. — Там будет Кэртис, и я знаю, что Коффи в надежных руках — твоих и Брута.

— Да, сэр, мы постараемся, — успокоил его я. — А что слышно о Перси? Он как, приходит в себя?

Я, конечно, имел в виду не это. Не сидит ли он сейчас в комнате и не рассказывает ли кому-нибудь, скорее всего врачу, о том, как мы засунули его в смирительную рубашку и заперли в смирительной комнате, как заключенного… как всех других идиотов, выражаясь языком Перси? А если и так, то верят ли ему?

Но, по сведениям Хэла, Перси пребывает в том же состоянии. Не говорит и вообще не присутствует в этом мире. Он все еще находился в Индианоле — «на обследовании», как с таинственным видом выразился Хэл, но улучшений

нет, поэтому его скоро переведут.

— Как держится Коффи? — спросил потом Хэл. Ему наконец удалось справиться с последней пуговицей.

Я кивнул.

— С ним будет все нормально, начальник.

Хэл кивнул в ответ, потом подошел к двери, он выглядел как старый и больной человек.

— Как может в одном человеке уживаться столько добра и столько зла? Как мог человек, излечивший мою жену, убить двух маленьких девочек? Ты можешь это понять?

Я сказал, что нет, что пути Господни неисповедимы, что добро и зло живут в каждом из нас, и не нам судить, почему и т. д. и т. п. Почти все, что я ему говорил, я узнал в Церкви молитвы «Отче наш, сущий на Небесах». Хэл все время кивал и смотрел немного торжественно. Он мог себе позволить кивать, правда? Да. И выглядеть торжественно. На его лице лежала печаль, он был потрясен, я в этом не сомневался, но на этот раз обошлось без слез, потому что Хэла ждала жена, к которой он ехал, его друг, и ей было хорошо. Благодаря Джону Коффи она жива и здорова, а человек, подписавший приказ о казни Джона, мог поехать к ней. Ему не надо смотреть, что

произойдет дальше. Он сможет ощущать этой ночью тепло своей жены, а Джон Коффи будет лежать, холодея, на тележке в подвале больницы графства, и беззвучное время побежит к рассвету. И за это я ненавидел Хэла. Совсем немного, я сумел перебороть себя, но все-таки чувствовал гнев. Настоящий.

И вот я вошел в камеру, за мной Дин и Харри, оба бледные и расстроенные. Я спросил:

— Ты готов, Джон?

Он кивнул.

— Да, босс. Наверное, да.

— Хорошо. Я должен кое-что сказать, прежде чем мы пойдем.

— Говори все, что тебе нужно, босс.

— Джон Коффи, как представитель суда…

Я проговорил все до конца, а когда закончил, Харри Тервиллиджер шагнул вперед, став рядом со мной, и протянул руку. Джон посмотрел с удивлением, потом улыбнулся и пожал ее. Дин, бледнее обычного, тоже протянул руку.

— Ты заслужил лучшей участи, Джонни, — сказал он хрипло. — Прости меня.

— Со мной все будет нормально, — ответил Джон. — Это самая трудная часть. А дальше все пойдет легче. — Он встал, и медальон со Святым

Кристофером, который дала ему Мелли, выпал из-за ворота рубашки.

— Джон, я должен его забрать, — заметил я. — Я могу положить медальон обратно после… потом, если ты хочешь, но сейчас я обязан его забрать. — Медальон и цепочка были из серебра, они соприкоснутся с кожей, когда Джек Ван Хэй включит рубильник, и могут вплавиться в тело. Я уже наблюдал такое раньше. Да чего я только ни повидал за годы работы на Миле. Больше, чем нужно. Теперь я знаю.

Он снял цепочку с шеи и вложил в мою руку. Я сунул медальон себе в карман и велел ему выйти из камеры. Проверять его голову не было нужды, контакт и проводимость будут хорошими, кожа гладкая, как на ладони.

— Ты знаешь, босс, когда я спал сегодня, мне приснился сон, — проговорил он. — Мне снился мышонок Дэла.

— Правда, Джон? — Я стал слева от него, Харри — справа. Дин остался сзади, и мы пошли по Зеленой Миле. Это был последний раз, когда я шел здесь с заключенным.

— Да, — сказал он. — Мне снилось, что он попал в то место, о котором говорил босс Ховелл, в этот Маусвилль. Мне снилось, что там были

дети и они смеялись над его фокусами. — Он сам засмеялся от этой мысли, а потом снова стал серьезным. — Мне снилось, что там и эти две беленькие девочки. И они тоже смеялись. Я обнял их, и кровь перестала течь по их волосам, девочки стали здоровы. Мы все смотрели, как Мистер Джинглз катит свою катушку, и смеялись. Нам так было весело.

— Это правда? — Я думал, что не выдержу, просто не смогу. Я готов был заплакать или закричать, мое сердце разорвалось бы на куски от горя, и все бы кончилось.

Мы вошли в мой кабинет. Джон огляделся, а потом опустился на колени, хотя его и не просили. За его спиной Харри смотрел на меня опустошенным взглядом. Дин был белый как полотно.

Я встал на колени рядом с Джоном и подумал о том, как странно все поворачивается: после того, как я помог стольким узникам подняться и завершить свой путь, пришел час, когда помощь требуется мне. По крайней мере мне так казалось.

— О чем мы будем молиться, босс? — спросил Джон.

— О силе, — не задумываясь ответил я. Я закрыл глаза и сказал: — Господи, наш Боже, помоги

нам, пожалуйста, завершить начатое и прими этого человека, Джона Коффи — как напиток, но пишется иначе, — в рай и даруй ему покой. Пожалуйста, помоги нам проводить его достойно, и пусть все будет, как надо. Аминь. — Я открыл глаза и посмотрел на Дина и Харри. Оба выглядели чуть лучше. Возможно, они смогли хоть пару раз вдохнуть. Я сомневаюсь, что это из-за моей молитвы.

Я начал подниматься, но Джон схватил меня за руку. Он посмотрел на меня одновременно застенчиво и с надеждой.

— Я вспомнил молитву, которой меня кто-то научил в детстве. Мне так кажется. Можно я прочту ее?

— Конечно, читай, Джон, — сказал Дин. — Еще много времени.

Джон закрыл глаза и нахмурился, вспоминая. Я ожидал услышать что-нибудь вроде «Упокой мою душу» или искаженного варианта «Отче наш», но не угадал. Никогда ни раньше, ни позже я не слышал того, что он произнес, хотя выражения не были какими-то необычными. Держа руки перед закрытыми глазами, Джон Коффи проговорил:

Боже кроткий, появись,

За сиротку помолись,
Пожалей в последний раз,
Будь со мною в смертный час.
Аминь.

Он открыл глаза, начал подниматься, а потом пристально посмотрел на меня.

Я вытер глаза о плечо. Слушая его, я вспомнил Дэла, он тоже в конце читал свою молитву: «Святая Мария, Матерь Божья, помолись за нас, грешников, сейчас и в час нашей смерти».

— Извини, Джон.

— Ничего, — проговорил он. Затем сжал мое плечо и улыбнулся. И только лишь я подумал об этом, как он помог мне подняться.

10

Свидетелей собралось немного, всего человек четырнадцать, едва ли половина того, что присутствовала на казни Делакруа. Хомер Крибус, как обычно, восседал, развалясь на стуле, но помощника Макджи я не увидел. Как и начальник Мурс, он, видимо, решил пропустить эту казнь.

В первом ряду сидела пожилая пара, которую сначала я и не узнал, хотя встречал их фотографии во многих газетах еще до этого ноябрьского дня. Когда мы подошли к платформе, где ожидал Олд Спарки, женщина прошипела: «Умирай медленно, сукин сын!» и я понял, что это Деттерики: Клаус и Марджори. Я не узнал их потому, что редко можно встретить пожилых людей, едва перешагнувших свое тридцатилетие.

Джон ссутулился от звука женского голоса и возгласа одобрения шерифа Крибуса. Хэнк Биттерман, стоявший на страже перед немногочисленной группой зрителей, не спускал глаз с Клауса Деттерика. Таков был мой приказ, но Деттерик в ту ночь не сделал ни малейшего движения в сторону Джона. Казалось, он где-то на другой планете.

Брут, стоящий рядом с Олд Спарки, сделал мне незаметный знак пальцами, когда мы поднимались на платформу. Он взял Джона за руку и повел к электрическому стулу так осторожно, словно мальчик, ведущий свою девочку на танец на первом свидании.

— Все нормально, Джон? — спросил он тихо.

— Да, босс, но… — Его глаза бегали по сторонам, впервые и вид его, и голос были испуганными. — Здесь так много людей меня ненавидит. Так много. Я чувствую это. И мне больно, как от укусов пчелы. Больно.

— Тогда почувствуй, что ощущаем мы, — сказал Брут все так же тихо. — Мы тебя не ненавидим, ты же это чувствуешь?

— Да, босс. — Но его голос дрожал все сильнее, а из глаз снова потекли слезы.

— Убейте его два раза, ребята! — вдруг крикнула Марджори Деттерик. Ее резкий неприятный голос прозвучал, как пощечина. Джон съежился и застонал. — Давайте, убейте этого насильника и детоубийцу дважды, это будет то, что надо!

Клаус, все еще гладя отрешенно, прижал ее к плечу. Она зарыдала.

И в смятении я увидел, что Харри Тервиллиджер тоже плачет. Хорошо еще, что никто из

зрителей не заметил его слез — он стоял спиной к ним. Но что мы могли сделать, кроме того, как закончить все поскорее?

Мы с Брутом повернули Джона, Брут нажал на его плечо, и Джон сел. Он сжал широкие дубовые подлокотники Олд Спарки, а глаза его все так же бегали по сторонам, он то и дело облизывал уголки рта.

Мы с Харри опустились на колени. За день до этого мы заказали одному из «старожилов» сварить временные, больших размеров застежки вокруг лодыжек, ведь лодыжки Джона Коффи были совсем не такие, как у обычных людей. И тем не менее я пережил ужасный момент, когда подумал, что они все равно окажутся малы и придется вести его назад в камеру, пока Сэм Бродерик, заведовавший в ту пору мастерской, не найдет или не изготовит больших. Я изо всех сил сжал застежку руками, и она наконец захлопнулась. Нога Джона дернулась, он охнул. Я прищемил ему кожу.

— Извини, Джон, — пробормотал я и посмотрел на Харри. Он защелкнул свою застежку легче (то ли она была чуть больше, то ли правая лодыжка Джона оказалась чуть тоньше), но глядел на нее с сомнением. Я понял, почему: у новых застежек был хищный вид: их челюсти напоминали пасти

аллигаторов.

— Все будет нормально, — сказал я, надеясь, что мой тон убедителен… и я говорил правду. — Вытри лицо, Харри.

Он вытер лицо о плечо, стирая слезы со щек и капли пота со лба. Мы повернулись. Хомер Крибус, слишком громко разговаривавший с соседом (судя по галстуку и черному костюму, это был прокурор), замолк. Время неумолимо приближалось.

Брут закрепил одну руку Джона, Дин пристегнул другую. Через плечо Дина я увидел доктора, как всегда невозмутимого, он стоял, прислонившись к стене, черный чемоданчик под ногами. Теперь я понимаю, как они ведут такие дела, особенно с помощью капель, но тогда их приходилось заставлять. Возможно, в те далекие дни они лучше представляли, что соответствует врачебному долгу, а что является нарушением клятвы Гиппократа, в которой прежде всего говорилось: «Не навреди».

Дин кивнул Бруту. Брут повернул голову, словно хотел взглянуть на телефон, который никогда не звонил ради таких, как Джон Коффи, и скомандовал Джеку Ван Хэю:

— Включай на первую!

Раздался гул, как от старого холодильника, и свет загорелся чуть ярче. Наши тени стали четче — чернее силуэты, карабкающиеся по стене и склоняющиеся над тенью стула, как хищные птицы. Джон резко вдохнул. Суставы его побелели.

— Ему уже больно? — отрывисто воскликнула миссис Деттерик у плеча своего мужа. — Я надеюсь, это так! Надеюсь, ему уже очень больно! — Муж прижал ее к себе. Из одной ноздри у него, я видел, текла тоненькая струйка крови, оставляя красную дорожку к узко подстриженным усам. Когда на следующий год в марте я прочел в газете, что он умер от инсульта, я вовсе не удивился.

Брут стал так, чтобы Джон его видел. Он прикоснулся к плечу Джона, когда говорил, что было не по правилам. Из свидетелей только Кэртис Андерсон это знал, а он, похоже, не заметил. Мне показалось, что ему тоже хочется поскорее закончить свою работу. Просто отчаянно хочется ее закончить. После Перл Харбора он вступил в армию, но за океан так и не попал, Кэртис Андерсон погиб в автокатастрофе в Форте Брэгг.

Тем временем Джон слегка расслабился под рукой Брута. Я не думаю, что он многое понял из слов Брута, но лежащая на плече ладонь внушала

ему спокойствие. Брут был хороший человек (он умер от сердечного приступа спустя двадцать пять лет; он ел бутерброд с рыбой и смотрел по телевизору борьбу, когда это случилось, так сказала его сестра). Брут был моим другом. Вероятно, самым лучшим из нас. И он понимал, как человек может желать уйти из жизни и в то же время бояться этого путешествия.

— Джон Коффи, вы приговорены к смерти на электрическом стуле, приговор вынесен судом присяжных, равных вам, и утвержден судьей с хорошей репутацией в этом штате. Боже, храни жителей этого штата. Вы хотите сказать что-нибудь, прежде чем приговор приведут в исполнение?

Джон снова облизнул губы, а потом ясно произнес. Пять слов:

— Мне жаль, что я такой.

— Так и должно быть! — закричала мать двух погибших девочек. — Ты, чудовище, так и должно быть! Будь ты проклят!

Глаза Джона обратились ко мне. Я не прочел в них ни протеста, ни надежды на рай, ни надежды на покой.

Как бы мне хотелось увидеть хоть что-нибудь из этого. Как хотелось! Но я заметил там лишь

страх, унижение, незавершенность и непонимание. Это были глаза затравленного, испуганного зверька. Я вспомнил, что он сказал насчет того, как Уортон без всякого шума убрал Кору и Кейт Деттерик с веранды: «Он убил их любовью друг к другу. И так каждый день. По всему миру».

Брут снял с крючка за спиной стула новую маску, но как только Джон увидел ее и понял, что это, его глаза расширились от ужаса. Он посмотрел на меня и я заметил крупные капли пота, выступившие на его голом черепе. Они были большие, как голубиное яйцо.

— Пожалуйста, босс, не надевайте мне это на лицо, — попросил он тихим умоляющим шепотом. — Не оставляйте меня в темноте, я не могу идти в темноту, я боюсь темноты.

Брут смотрел на меня, подняв брови, застыв на месте с маской в руках. Его глаза сказали мне, что он сделает так, как велю я. Я старался думать как можно быстрее, а это нелегко, особенно, когда голова гудит. Маска надевалась по традиции, а не по закону. Собственно, служила она для того, чтобы пощадить свидетелей. И вдруг я решил, что щадить их не стоит, этих свидетелей. В конце концов, Джон не совершил ничего такого в своей жизни, чтобы заслужить смерть под маской.

Они этого не знали, но знали мы, и я решил, что должен выполнить его последнюю просьбу. Что касается Марджори Деттерик, она, пожалуй, еще и пришлет мне благодарственное письмо.

— Хорошо, Джон, — пробормотал я.

Брут повесил маску обратно. За нашими спинами Хомер Крибус возмущенно воскликнул своим глубоким низким голосом:

— Эй, парень! Надень на него эту маску! Ты думаешь мы хотим видеть, как вылезут его глаза?

— Спокойно, сэр, — сказал я не поворачиваясь. — Это казнь, и распоряжаетесь здесь не вы.

— И не вы его поймали, мешок с кишками, — прошептал Харри. Харри умер в 1982-м, ему было около восьмидесяти. Пожилой человек. Но, конечно, не из моей лиги, таких мало. У него был рак кишечника.

Брут наклонился и достал кружок губки из ведра. Он нажал на нее пальцем и лизнул кончик, хотя это не обязательно, я видел, что с коричневой губки капает. Он вложил ее в шлем, потом надел шлем Джону на голову. Впервые я увидел, как Брут побледнел, стал белым как мел и находился на грани обморока. Я вспомнил, как он сказал мне, что впервые в жизни так близко ощущает опасность ада, из-за того, что мы собирались

убить Дар Божий. Я почувствовал резкий приступ тошноты. С большим усилием мне удалось его подавить. По лицу Джона стекли капли с губки.

Дин Стэнтон протянул ремень — на максимальную длину — поперек груди Джона и передал мне. Мы столько усилий приложили, чтобы уберечь Дина в ночь нашего похода ради его детей, не зная, что жить ему осталось меньше четырех месяцев! После Джона Коффи он попросил и получил перевод от Олд Спарки в блок «В», и там заключенный ударил его в горло напильником. Жизнь Дина закончилась на грязном дощатом полу. Я так и не узнал, в чем было дело. Да, наверное, и никто не знал. Сейчас, когда я оглядываюсь на те дни, Олд Спарки кажется такой порочной вещью, таким безумием. Мы ведь и так хрупкие, как дутое стекло, даже при самых лучших обстоятельствах. Убивать друг друга газом и электричеством, находясь в здравом рассудке? Безумие. Ужас.

Брут проверил ремень, потом отошел на шаг. Я ждал, когда он скажет нужную фразу, но он молчал. Скрестив руки за спиной, он стоял, как на параде, и я понял, что он ничего и не скажет. Наверняка не сможет. Я тоже не был уверен, что в силах сделать это, но, посмотрев в испуганные,

плачущие глаза Джона, я понял, что должен. Даже если получу вечное проклятие, должен.

— Включай на вторую, — вымолвил я тусклым, срывающимся голосом, совсем не похожим на свой собственный.

Шлем загудел. Десять крупных пальцев поднялись над широкими дубовыми подлокотниками и напряженно растопырились в десять сторон, их кончики дергались. Огромные колени совершили несколько ударов, но застежки выдержали. Над головой лопнули три лампы: Пух! Пух! Пух! Марджори Деттерик вскрикнула и упала без чувств в объятия мужа. Она умерла в Мемфисе через восемнадцать лет. Харри прислал мне некролог. Марджори погибла в катастрофе троллейбусов.

Джон рванулся вперед, натянув ремень. На секунду наши взгляды встретились. Он находился в сознании, я был последним, кого он видел, когда мы столкнули его с края этого света. Потом он откинулся на спинку, шлем сполз слегка набок, из-под него, словно обуглившийся туман, струился дымок. Но в целом все прошло быстро. Не думаю, что безболезненно, как всегда заявляют сторонники казни на электрическом стуле (хотя ни один из них, даже самый рьяный, не хотел проверить это лично), но быстро. Руки Джона опять

обмякли, беловато-голубоватые полумесяцы у основания ногтей теперь стали темно-фиолетовыми, и колечки дыма все еще поднимались со щек, еще влажных от капель с губки… и слез.

Последних слез Джона Коффи.

11

Все шло нормально, пока я не добрался домой. Уже наступило утро, и пели птицы. Я припарковал свой драндулет, вышел, подошел к заднему крыльцу, и тогда второй за всю мою жизнь сильнейший приступ горя охватил меня. Я вспомнил, как Джон боялся темноты. Я вспомнил, как в первую нашу встречу он спросил, оставляем ли мы свет на ночь, и тут мои ноги подкосились. Я сел на ступеньки, положил голову на колени и заплакал. Я плакал не только о Джоне, я плакал обо всех нас.

Из дома вышла Дженис и села рядом со мной. Она обняла меня за плечи.

— Ты же не сделал ему еще больнее?

Я покачал головой — нет.

— А он хотел уйти.

Я кивнул.

— Пойдем в дом, — сказала она, помогая мне встать. Я вспомнил, как Джон помог мне подняться после того, как мы помолились вместе. — Пойдем, я приготовлю тебе кофе.

И я пошел. Прошло первое утро, потом первый день, потом первая смена снова на работе. Время

все лечит, хотите вы этого или нет. Время все лечит, все забирает, оставляя в конце лишь темноту. Иногда в этой темноте мы встречаем других, а иногда теряем их там опять. Вот и все, что я знаю, кроме того, что это произошло в 1932 году, когда тюрьма штата находилась еще в Холодной Горе.

И электрический стул был там же.

12

Примерно в четверть третьего дня мой друг Элен Коннелли пришла ко мне в солярий, где я сидел над последними страницами своего рассказа. Лицо ее было очень бледным, а под глазами что-то блестело. Наверное, она плакала.

А я, я просто смотрел. Сидел и смотрел через окно на горы на востоке, и моя правая рука ныла и пульсировала в запястье. Но пульсировала как-то спокойно. В душе я ощущал пустоту. И это чувство было одновременно ужасным и удивительным.

Мне трудно было поднять на Элен взгляд: я боялся встретить ненависть и презрение, но она смотрела нормально. Правда, печально и с интересом. Без ненависти, презрения и недоверия.

— Ты хочешь знать конец истории? — спросил я. Я собрал тоненькую стопочку рукописи ноющей рукой. — Он здесь, но я пойму, если ты не…

— Нет вопроса, хочу я или нет, — сказала она. — Мне нужно знать, как это кончилось, хотя, несомненно, вы его казнили. А вмешательство в жизнь обычных людей Провидения с большой буквы, по-моему, сильно преувеличено. Но прежде, чем я возьму эти листки… Пол…

Она замолчала, словно не зная, как продолжить. Я ждал. Иногда людям помочь нельзя. Лучше даже и не пытаться.

— Пол, ты пишешь здесь, что у тебя двое взрослых детей в 1932-м, не один, а двое. Если ты не женился на Дженис, когда тебе было двенадцать, а ей одиннадцать или что-то в этом роде…

Я слегка улыбнулся:

— Когда мы поженились, мы были молоды — многие женятся в этом возрасте, моя собственная мать, например, но не настолько, как ты говоришь.

— Тогда сколько тебе лет? Я всегда считала, что тебе чуть-чуть за восемьдесят, что ты моего возраста или даже немного моложе, но в соответствии с этим…

— Мне было сорок, когда Джон прошел Зеленую Милю. Я родился в 1892-м. То есть сейчас мне сто четыре года, если не ошибаюсь.

Она в изумлении смотрела и молчала. Я протянул ей оставшуюся часть рукописи, снова вспомнил, как Джон прикоснулся ко мне в своей камере. «Ты не взорвешься», — произнес он, улыбаясь от этой мысли, и я не взорвался… но что-то со мной все равно произошло. Что-то продолжительное.

— Прочти то, что осталось, — сказал я. — Все ответы здесь.

— Хорошо, — едва слышно прошептала она. — Мне немного страшно, я не могу врать, но… ладно. Где ты будешь?

Я встал, потянулся, прислушиваясь к хрусту в позвоночнике. Я точно знал, что меня уже тошнит до смерти от солярия.

— Я буду на поле для крокета. Хочу еще показать тебе кое-что.

— Это… страшно? — В ее робком взгляде я увидел ту маленькую девочку, какой она была, когда мужчины носили соломенные шляпы летом и енотовые пальто зимой.

— Нет, — улыбаясь, произнес я. — Не страшно.

— Ладно. — Она взяла страницы. — Я заберу их с собой. А тебя найду на поле для крокета где-нибудь… — Она пролистала страницы, прикидывая. — В четыре. Хорошо?

— Отлично, — сказал я, думая о слишком любопытном Брэде Долане. Он уже уедет к этому часу.

Она слегка сжала мою руку и вышла. Я постоял у стола, осознав вдруг, что на нем нет ничего, кроме подноса с завтраком, который утром принесла Элен, мои разбросанные бумажки, наконец исчезли. А я никак не мог поверить в то, что поставил

последнюю точку… и, как видите, поскольку все это написано уже после описания казни Джона Коффи и после того, как я отдал последнюю стопку листков Элен, я действительно не закончил. И уже тогда знал, почему.

Алабама.

Я взял последний гренок с подноса, спустился вниз и пошел к полю для крокета. Я сидел там на солнце, наблюдая за несколькими парами и одной бодрой компанией из четырех человек, машущих деревянными молотками, думал о своем, стариковском, и солнце грело мои старые кости.

Примерно в два сорок пять от стоянки автомобилей начали сползаться сотрудники следующей смены, с трех до одиннадцати, а в три уехала дневная смена. Большинство расходились группами, но Брэд Долан, как я заметил, уходил один. Это был своего рода счастливый знак: может быть, весь мир еще не скатился в конце концов, к черту. Из заднего кармана у него торчала книжка анекдотов. Дорожка к стоянке проходила мимо поля для крокета, и он увидел меня, но ни помахал, ни нахмурился в мою сторону. Мне это было на руку. Он сел в свой старый «шевроле» с наклейкой на бампере: «Я видел Бога, и его имя Тритон». Потом уехал восвояси, оставив за собой

тонкий след протекшего моторного масла.

К четырем часам пришла Элен, как и обещала. По ее глазам было видно, что она опять плакала. Она обняла меня и крепко прижала к себе.

— Бедный Джон Коффи, — сказала она. — И бедный Пол Эджкум.

А я услышал голос Джен:

— Бедный Пол. Бедный мой парень.

Элен снова заплакала. Я поддержал ее, и мы стояли на поле для крокета под вечерним солнцем. Наши тени словно танцевали под воображаемую музыку воображаемого радио.

Наконец она взяла себя в руки и отстранилась от меня. Поискав платочек в кармане блузки, она вытерла им слезящиеся глаза.

— А что случилось с женой начальника, Пол? Что случилось с Мелли?

— Ее сочли здоровой, во всяком случае врачи в больнице Индианолы, — сказал я. Я взял ее под руку, и мы пошли к тропинке, ведущей от стоянки в рощу. К сараю у стены, отделяющей Джорджию Пайнз от мира молодых людей. — Она скончалась от сердечного приступа, а не от опухоли мозга спустя десять или одиннадцать лет. Ей было, по-моему, сорок три. Хэл умер от инсульта, кажется, в период бомбежки Перл Харбора, а может, и в

тот самый день, не помню точно, — так что она пережила его на два года. Вот такая ирония.

— А Дженис?

— Я не очень готов сегодня, — сказал я. — Расскажу как-нибудь в другой раз.

— Обещаешь?

— Обещаю. — Но это обещание я не сдержал. Через три месяца после того дня, когда мы пошли в рощу вместе (я бы держал ее за руку, если бы не боялся причинить боль ее скрюченным и опухшим пальцам), Элен Коннелли тихо скончалась в своей постели. Как и Мелинда Мурс, она умерла от сердечного приступа. Санитар, обнаруживший ее, сказал, что ее лицо было спокойно, словно смерть наступила вдруг и без боли. Я надеялся, что он прав. Я любил Элен. И мне ее очень не хватает. Ее и Дженис, и Брута и всех моих ребят.

Мы дошли до второго сарая на тропинке, который стоял у стены. Под сенью колючих сосен его просевшая крыша и покосившиеся окна были в кружевных тенях. Я направился к нему, Элен чуть задержалась, глядя с испугом.

— Все нормально, не бойся, — сказал я. — Правда. Пошли.

На двери не было замка, вернее, когда-то был, но потом его оторвали, поэтому я закрывал дверь

с помощью свернутой картонки. Я вытащил ее и шагнул в сарай, оставив дверь открытой настежь из-за темени внутри.

— Пол, что это?… Ой. Ой! — Второе «ой» было похоже на вскрик.

Там стоял сдвинутый в одну сторону стол. На нем стояли фонарик и коричневая картонная коробка. На грязном полу лежала коробка из-под сигар «Хав-А-Тампа», которую я взял у агента, пополнявшего автоматы с напитками и конфетами. Поскольку его компания торговала еще и табачными изделиями, ему было нетрудно достать такую коробку. Я предложил ему за нее плату — когда я работал в Холодной Горе, они очень ценились, я вам говорил, наверное, — но он только рассмеялся.

Из-за края коробки на нас смотрела пара блестящих черных глаз-бусинок.

— Мистер Джинглз, — тихо позвал я. — Иди сюда. Иди сюда, старичок, и познакомься с этой леди.

Я присел на корточки — было больно, но я стерпел, — и вытянул руку. Сначала я подумал, что он не сможет перелезть через край коробки, но он вылез одним сильным толчком. Мистер Джинглз упал сначала на бок, потом встал на

ноги и подошел ко мне. Он бежал, явно хромая на одну заднюю ногу, — увечье, нанесенное еще Перси, давало себя знать в пожилом возрасте Мистера Джинглза. В его очень пожилом, просто невероятно пожилом возрасте. Его шкурка стала совсем седой, кроме макушки и кончика хвоста.

Он запрыгнул мне на ладонь. Я поднял его, а он вытянул голову и принюхивался к моему дыханию, прижав уши и закатив глазки. Я протянул ладонь Элен, которая глядела на мышь удивленными глазами, полуоткрыв рот.

— Не может быть, — сказала она и посмотрела на меня. — О Пол, этого не может… не может быть!

— Смотри, а потом скажешь.

Из пакета на столе я достал катушку, которую раскрасил сам, но не восковыми карандашами, а маркерами, о которых в 1932-м даже и не слыхивали. Но результат оказался тем же. Катушка была такой же яркой, как и у Дэла, может быть даже ярче. «Медам и месье! — подумал я. — Добро пожаловать в мышиный цирк!»

Я снова присел на корточки, и Мистер Джинглз сбежал с моей ладони. Он был стар, но азартен, как и раньше. Как только я достал катушку из пакета, он не сводил с нее глаз. Я покатил ее по

неровному выщербленному полу сарая, и он тут же погнался за ней. Конечно, скорость уже не та, и на хромоту было больно смотреть, но почему он должен бегать быстро и не хромать? Как я сказал, он был очень стар, просто Мафусаил среди мышей. Как минимум лет шестидесяти четырех.

Мистер Джинглз догнал катушку, которая ударилась в дальнюю стенку и покатилась обратно. Он обежал ее вокруг и лег на бок. Элен рванулась вперед, но я удержал ее. Через секунду Мистер Джинглз снова оказался на ногах. Очень медленно он покатил носом катушку обратно ко мне. Когда я впервые нашел его, он лежал на ступеньках, ведущих в кухню, так, словно преодолел большое расстояние и очень устал, — тогда он еще мог катить катушку лапками, как много-много лет назад на Зеленой Миле. Теперь это уже выше его сил, задняя часть туловища плохо подчиняется ему. Но нос по-прежнему в силе. Когда он дошел до меня, я взял его, как перышко, в одну руку, а катушку — в другую. Его глаза-бусинки не отрывались от катушки.

— Не надо больше, Пол, — сказала Элен срывающимся голосом. — Я не могу на это смотреть.

Я понял, что она чувствует, хотя она была не права. Мистеру Джинглзу нравилось гоняться и

приносить катушку, и через столько лет, ему это нравилось не меньше. Всем бы нам иметь такое постоянство пристрастий.

— Там в пакете еще мятные конфеты. «Канада Минтс». По-моему, он все еще любит их, он все время их обнюхивает, когда я даю ему, но его пищеварение уже не позволяет есть их. Вместо них я принес ему гренок.

Я опять сел на корточки, отломил маленький кусочек от гренка, который принес с собой из солярия, и положил на пол. Мистер Джинглз понюхал его, потом взял в лапки и стал есть, аккуратно обкрутив вокруг себя хвостик. Закончив, он выжидающе посмотрел вверх.

— Иногда мы, старики, просто удивляем своим аппетитом, — заметил я Элен и протянул ей гренок. — Попробуй ты.

Она отломила еще кусочек и бросила на пол. Мистер Джинглз подошел, понюхал, посмотрел на Элен… потом поднял и стал есть.

— Видишь? — сказал я. — Он знает, что ты — не временная.

— Откуда он взялся, Пол?

— Понятия не имею. Однажды, когда я рано утром вышел на прогулку, он просто лежал на ступенях возле кухни. Я понял, кто это, сразу, но,

чтобы убедиться, взял из корзинки в прачечной катушку. А потом достал коробку из-под сигар. Устелил ее самым мягким, что нашлось. Он — как мы, Элли, в конце жизни попал в это печальное место. И тем не менее не потерял вкуса к жизни. Он все так же любит свою катушку и по-прежнему любит, когда его навещает старый товарищ по блоку. Шестьдесят лет я хранил в себе историю о Джоне Коффи, шестьдесят с лишним, а теперь рассказал. Думаю, что именно поэтому он и вернулся. Чтобы сказать мне, что надо спешить, пока еще есть время. Потому что я — как он, я уже почти там.

— Там — это где?

— Ну, ты знаешь, — ответил я, и мы молча понаблюдали за Мистером Джинглзом. Потом просто так я снова бросил катушку, хотя Элен просила меня не делать этого. По-своему погоня за катушкой для него была чем-то вроде медленного и осторожного секса у пожилых людей: может, вам не хочется на него смотреть — вам, молодым и убежденным в том, что, когда наступит время старости, для вас будет сделано исключение, — но им ведь все равно хочется этим заниматься.

Мистер Джинглз опять погнался за катушкой, явно превозмогая боль, и так же явно (по крайней

мере для меня) со всем прежним азартом.

— Слюдяные окошечки, — прошептала она, глядя на него.

— Слюдяные окошечки, — согласился я, улыбаясь.

— Джон Коффи прикоснулся к нему так же, как и к тебе. Он не улучшил твоего здоровья тогда, но сделал тебя… устойчивее, что ли?

— Да, пожалуй, это верное слово.

— Устойчивее к тем вещам, которые валят с ног всех остальных, как деревья, изъеденные изнутри термитами. Тебя и Мистера Джинглза. Когда он взял Мистера Джинглза в свои ладони.

— Правильно. Какой бы силой ни наделил нас Джон — а я думаю так, — все равно она тоже кончается. Термиты все-таки прогрызли свои ходы через нашу кору. Это заняло немного больше времени, чем обычно, но они уже тут. Возможно, я протяну еще пару лет, люди все-таки живут дольше мышей, а вот дни Мистера Джинглза, по-моему, уже почти на исходе.

Он догнал катушку, захромал вокруг нее, упал на бок, тяжело дыша (мы видели, как дыхание волнами вздымает его шерстку, словно круги по воде), потом поднялся и стал носом живо толкать катушку назад. Его мех поседел, походка была

нетвердой, но глазки-бусинки блестели ярко, как всегда.

— Ты думаешь, он хотел, чтобы ты закончил то, что начал писать? Да, Пол?

— Не Мистер Джинглз. Не он, а та сила…

— Как, Поли! И Элен Коннелли! — прозвучал голос из открытой двери. В нем звучал какой-то саркастический ужас. — Живые и здоровые! Какого дьявола вы тут вдвоем делаете?

Я повернулся, совсем не удивившись появлению Брэда Долана. Он улыбался так, словно знал, что обманул нас и сделал это виртуозно. Как далеко он отъехал после окончания смены? Наверное, не дальше бара «Рэнглер», где выпил пару пива, а может, еще и потанцевал, прежде чем вернуться.

— Убирайтесь, — холодно сказала Элен. — Сейчас же уходите отсюда.

— Это ты мне велишь убираться, ты, старая сморщенная сука, — произнес он, все еще улыбаясь. — Возможно, ты еще можешь говорить мне это там, наверху, но сейчас ты не наверху. Сюда вам вообще ходить нельзя. Это за территорией. Что, Поли, устроил себе маленькое любовное гнездышко? Прямо здесь? Что-то вроде комнаты плейбоя для престарелых. — Его глаза округли-

лись, когда он наконец рассмотрел, что находится внутри сарая. — Что за черт?

Я не обернулся. Во-первых, я знал, что там, а во-вторых, прошлое вдруг наложилось на настоящее, создав ужасающий образ, реальный и трехмерный. В дверях стоял не Брэд Долан, а Перси Уэтмор. В следующую секунду он вбежит в сарай и раздавит Мистера Джинглза (у которого уже не оставалось надежды убежать) своим башмаком. И на этот раз не будет Джона Коффи, чтобы вернуть его почти из небытия. Так же отчаянно хотел я, чтобы появился Джон Коффи, он мне был так нужен в тот дождливый день в Алабаме.

Я поднялся на ноги, уже не чувствуя боли в суставах и мышцах, и рванулся к Долану.

— Оставь его! — крикнул я. — Оставь его в покое, Перси, или, клянусь Богом, я…

— Кого это ты называешь Перси? — Он оттолкнул меня так сильно, что я чуть не упал. Элен подхватила меня, хотя ей, наверное, тоже было больно, и поддержала. — И уже не первый раз. Хватит писать в штаны. Я его не трону. Уже не нужно. Этот грызун и так сдох.

Я обернулся, думая, что Мистер Джинглз просто отдыхает, лежа на боку, как обычно. Да, он лежал на боку, но волнообразное движение его шерстки

прекратилось. Я попытался убедить себя, что все еще вижу, как он дышит, но тут Элен разрыдалась. Она с трудом наклонилась и подняла мышь, которую я впервые увидел на Зеленой Миле, когда та подошла к столу дежурных бесстрашно, как человек, идущий на суд присяжных… или к друзьям. Она комочком лежала на ладони. Глаза были неподвижные и тусклые. Мистер Джинглз был мертв.

Долан неприятно улыбнулся, показав зубы, почти не знавшие дантиста.

— Ах ты, Боже мой! — сказал он. — Неужели мы потеряли любимца семьи? Устроим похороны с бумажными цветами и…

— ЗАТКНИСЬ! — выкрикнула Элен так громко и звучно, что он отступил на шаг, и улыбка сползла с его лица. — Убирайся вон! Убирайся или ты и дня здесь не останешься! Ни единого часа! Клянусь!

— Ты даже куска хлеба не получишь в очереди, — добавил я, но так тихо, что никто из них не услышал. Я не мог отвести глаз от Мистера Джинглза, лежащего на ладони Элен, как самый крошечный в мире коврик из медвежьей шкуры.

Брэд подумал было опять повысить голос на нее, называя по-всякому — он был прав, сарай

находился уже за территорией Джорджии Пайнз, даже я это знал, — но потом не стал. В душе он, как и Перси, был трус. И еще он наверняка проверил ее заявление насчет внука, что тот — Некто Важный, и убедился, что это правда. А скорее всего, просто он удовлетворил свое любопытство, и его жажда к познанию иссякла. В конце концов, тайна оказалась не такой уж важной. По-видимому, в сарае жил мышонок старика. Теперь он сдох, наверное, от сердечного приступа, когда катил разноцветную катушку.

— Не знаю, чего вы так раскипятились, — сказал он. — Вы оба. Словно это собака или что.

— Пошел вон, — процедила она. — Вон отсюда, невежда. Твои куриные мозги мерзкие и неправильно сориентированы.

Он вспыхнул так, что проступили темно-красные пятна там, где у него были подростковые прыщи. Их было очень много.

— Я уйду, — проговорил он, — но когда ты придешь сюда завтра… Поли… то обнаружишь замок на двери. Сюда нельзя ходить обитателям, независимо от того, что там миссис Дерьмо Не Пахнет наговорит про меня. Посмотрите на пол! Доски прогнили и растрескались! Если вы провалитесь, ваши хрупкие старые кости переломятся,

как ветки. Так что забирайте, если хотите, свою дохлую мышь и уходите. Все, Притон Любви на этом закрыт.

Он повернулся и ушел с видом человека, сыгравшего по меньшей мере вничью. Я подождал, пока он уберется, а потом осторожно взял Мистера Джинглза у Элен. Мой взгляд упал на пакет с мятными леденцами, и тут я не выдержал: слезы потекли из глаз. Не знаю, но почему-то я стал легче плакать в эти дни.

— Ты поможешь мне похоронить старого друга? — спросил я Элен, когда затихли шаги Брэда Долана.

— Да, Пол. — Она обняла меня за талию и положила голову на плечо. Одним сморщенным и скрюченным пальцем она погладила неподвижный бок Мистера Джинглза. — Я буду счастлива тебе помочь.

И тогда мы позаимствовали совок из сарая садовника и похоронили мышонка Дэла, пока вечерние тени не сделались длинными, а потом побрели ужинать и собирать вместе остатки своих жизней. Я долго думал о Дэле, о том, как он стоял на коленях в моем кабинете и его лысина блестела в свете лампы, о Дэле, который просил нас позаботиться о Мистере Джинглзе, чтобы

«этот негодяй» больше не трогал его. Но этот негодяй все-таки достал его в конце концов и сделал больно нам всем, разве не так?

— Пол? — позвала Элен. Ее голос был ласковым и усталым. Даже рытье могилы совком и укладывание в нее мыши на покой может, по-моему, стать волнующим для таких пожилых влюбленных, как мы. — С тобой все в порядке?

Моя рука лежала у нее на талии. Я слегка ее сжал.

— Мне хорошо.

— Смотри, — сказала она. — Похоже, будет прекрасный закат. Может, останемся и посмотрим?

— Хорошо, — ответил я, и мы стояли какое-то время на лужайке, обняв друг друга за талию, и смотрели, как краски сначала разгорались на небе, а потом тускнели и стали пепельно-серыми.

«Святая Мария, Матерь Божья, помолись за нас, бедных грешников, в час нашей смерти.

Аминь.»

13

1956 год.

В Алабаме дождь.

Наша третья внучка, прелестная девушка по имени Тесса, заканчивала университет во Флориде. Мы отправились в Грейхаунд. Мне было тогда шестьдесят четыре — совсем подросток, а Джен — пятьдесят девять, и она была прекрасна, как раньше. Во всяком случае для меня. Мы сидели на местах в конце салона, и она ворчала на меня за то, что я не купил ей новую камеру, чтобы запечатлеть торжество. Я открыл рот, чтобы сказать, что у нас впереди целый день, мы походим по магазинам, и она сможет купить новую камеру, если хочет, это никак не отразится на нашем бюджете, и, более того, я думаю, что она просто ворчим потому что ей скучно, и не нравится книга, которую она взяла с собой. Про Перри Мейсона. И вот тут в моей памяти возникает белое пятно, как на засвеченной пленке.

Вы помните ту катастрофу? Думаю, кое-кто из вас о ней читал, но большинство не помнит. Хотя, когда она произошла, это было на первых страницах всех газет от побережья до побережья.

Мы уже выезжали из Бирмингема под проливным дождем, Дженис все жаловалась на свой старый аппарат, когда лопнула камера. Автобус занесло и закрутило на мокром бетоне, и ему в бок ударился грузовик с удобрениями. Грузовик толкнул автобус на опору моста на скорости более ста километров в час, автобус ударился о бетон, и его разорвало пополам. Два сверкающих, мокрых от дождя куска полетели в противоположных направлениях, тот, где находился бак с топливом, взорвался, как красно-черная комета в серо-дождливом небе. Вот только что Джен жаловалась на свой старый «кодак», а в следующий момент я уже лежал в дальней стороне подземного перехода, под дождем, глядя на пару голубых нейлоновых трусиков, выброшенных из чьего-то чемодана. «Среда» — было вышито на них черными нитками. Повсюду валялись чьи-то раскрытые чемоданы. И тела. А еще части тел. В автобусе находились семьдесят три пассажира, и лишь четверо уцелели. Я был один из них, единственный, кто серьезно не пострадал.

Я поднялся и побрел среди раскрытых чемоданов и разорванных людей, громко выкрикивая жену по имени. Помню, как отшвырнул ногой будильник, еще, как увидел лежащего в куче стекла

мертвого мальчика лет тринадцати, в кедах «Филаделфия флайерз», у него была лишь половина лица. Я чувствовал, как дождь хлещет меня по лицу, потом зашел в переход и дождь на некоторое время поутих. Когда я вышел с другой стороны, он начался снова, капли били меня по щекам и по лбу. Недалеко от разбитой кабины грузовика с удобрениями я нашел Джен. Я узнал ее по красному платью — одному из лучших. Самое лучшее она, конечно, берегла для церемоний.

Она еще была жива. Я потом часто думал, что лучше — для меня, если не для нее, — если бы она погибла сразу. Мне было бы чуть легче расстаться с ней, чуть более естественно. А может, я просто себя обманываю на этот счет. Точно знаю одно: я бы никогда не отпустил ее, в самом деле.

Она вся дрожала. Одна туфля слетела, и я видел, как дергается ее нога. Ее глаза оставались открыты, но не видели, левый наполнился кровью и, упав рядом с ней на колени в пахнущем дымом дожде, я думал только о том, что это дрожание означает: ее казнят электричеством; ее казнили на электрическом стуле и я должен удержать регулятор, пока не поздно.

— Помогите! — закричал я. — Кто-нибудь, помогите!

Никто не пришел, никто не помог. Дождь все шел и шел — сильный, крупными каплями он пригладил мои все еще черные волосы — я держал Джен на руках, и никто не пришел. Ее пустые глаза смотрели на меня изумленно, и кровь потоком лилась из разбитой головы. Рядом с ее судорожно сжимающейся рукой валялся кусок хромированной стали с буквами «ГРЕЙ». Тут же лежала едва ли четвертая часть того, кто еще недавно был бизнесменом в коричневом шерстяном костюме.

— Помогите! — опять закричал я, повернулся к переходу и там увидел Джона Коффи, стоявшего в тени, словно тень, — крупный мужчина с длинными, свисающими руками и лысой головой. — Джон! — крикнул я. — О Джон, пожалуйста, помоги! Помоги Дженис!

Капля дождя попала мне в глаза. Я сморгнул — и Джон Коффи исчез. Я увидел тени, которые принял за него… но это были не только тени, я уверен. Он был там. Может, только его призрак, но он там был, и дождь на его лице смешивался с нескончаемым потоком слез.

Дженис умерла у меня на руках, прямо там, под дождем, рядом с грузовиком с удобрениями, пахнущем горящим дизельным топливом. Она

не приходила в сознание: глаза не прояснялись, и губы не прошептали последних слов о любви. Просто ее тело судорожно дернулось у меня под руками — и все. Впервые за долгие годы я вспомнил сидящую в постели Мелинду Мурс, которой все доктора в Индианоле предрекали скорую смерть, Мелинду Мурс — свежую и отдохнувшую, разглядывающую Джона Коффи ясными, удивленными глазами. Мелинду, которая сказала: «Мне снилось, что ты блуждаешь в темноте, как и я. Мы нашли друг друга».

Я опустил бедную, разбитую голову жены на мокрый бетон шоссе, встал на ноги (это было легко, я отделался одним небольшим порезом на левой руке) и закричал его имя в тень перехода:

— Джон! ДЖОН КОФФИ! ГДЕ ТЫ, ПАРЕНЬ?

Я пошел к этим теням, отбрасывая с пути плюшевого мишку с окровавленным мехом, пару очков в металлической оправе с разбитым стеклышком, оторванную руку с обручальным кольцом на пальце.

— Ты спас жизнь жене Хэла, почему не моей? Почему не Дженис? ПОЧЕМУ НЕ МОЕЙ ДЖЕНИС?

Ответа не последовало, — только запах горящего мазута и горелой плоти, только дождь, бесконечно льющий с серого неба, барабанящий

по бетону. Моя жена лежала мертвая на дороге за моей спиной. Ответа не было тогда, нет его и сейчас. Но, конечно же, Джон Коффи спас не только Мелли Мурс в 1932-м или мышонка Дэла, того, кто умел делать фокус с катушкой и искал Дэла задолго до его прихода… и задолго до прихода Джона Коффи.

Джон спас и меня, и спустя годы, стоя под неустанным алабамским дождем в поисках человека, которого не было среди теней, блуждающих в переходе, стоя среди разбросанного багажа и тел погибших, я узнал ужасную вещь: иногда нет совершенно никакой разницы между спасением и проклятием.

Я чувствовал, как что-то проходило сквозь меня, когда мы вдвоем сидели на его койке 18 ноября 1932 года. Проистекало из него в меня. Та странная сила, которой он обладал, пробегала по нашим сомкнутым рукам, как никогда не смогут наши любовь, надежда и добрые намерения. Я чувствовал сначала покалывание, потом оно превратилось во что-то огромное и переполняющее, похожее на волну — сила, которой я никогда не чувствовал ни прежде, ни потом. С того дня у меня никогда не было ни воспаления легких, ни гриппа, ни хотя бы простуженного горла. У меня

никогда больше не было «мочевой» инфекции, даже порезы никогда не гноились. Иногда я болел простудой, но не часто: раз в шесть или семь лет, и, хотя люди, которые не простуживаются, обычно болеют более серьезно, со мной было совсем не так. Однажды, в том ужасном 1956 году, у меня вышел желчный камень. И хотя это может показаться странным, что-то во мне обрадовалось боли, с которой выходил этот камень. Это был единственный раз, когда я испытал боль со времени моих проблем с мочевой системой двадцать четыре года назад. Болезни, уносившие одного за другим моих друзей и любимых, пока никого из них не осталось: инсульты, рак, инфаркты, болезни печени и крови — меня миновали, объехали, как машины объезжают оленя или енота на дороге. В единственной серьезной катастрофе я не пострадал, отделался лишь царапиной на руке. В 1932-м Джон Коффи зарядил меня жизнью. «Наэлектризовал» меня жизнью, можно сказать. Со временем я, конечно, умру, все иллюзии насчет бессмертия, если они у меня и были, канули в Лету вместе с Мистером Джинглзом, но я пожелаю смерти задолго до ее прихода. Честно говоря, я уже хочу смерти, с тех пор как умерла Элен Коннелли. Нужно ли об этом говорить?

Я просматриваю эти страницы, листая их своими дрожащими, в старческих пятнах руками, и мне интересно, есть ли здесь какой-то смысл, как в книжках, которые считаются духовно возвышающими и облагораживающими. И я опять возвращаюсь к проповеди своего детства, шумным собраниям в Церкви молитвы «Отче наш, сущий на Небесах», и вспоминаю, как проповедник говорил, что Божье око не дремлет, оно видит и замечает даже самое малое из своих созданий. Когда я вспоминаю Мистера Джинглза и те щепочки, что нашли мы в дыре балки, то думаю, что так и есть. Но ведь тот же Бог так жестоко принес в жертву Джона Коффи, пытавшегося творить добро по-своему, как только ветхозаветный пророк мог принести в жертву беззащитного агнца… как Авраам пожертвовал бы собственным сыном, если бы ему и впрямь повелели. Я вспоминаю слова Джона, что Уортон убил близняшек Деттерик их любовью друг к другу, и такое происходит каждый день по всему миру. Значит Бог позволяет, чтобы оно случалось, и, когда мы говорим: «Я не понимаю», Бог отвечает: «Мне все равно».

Я думаю о Мистере Джинглзе, который умирал, когда я стоял к нему спиной и все мое внимание сосредоточилось на недобром человеке, чьим

лучшим чувством, кажется, было мстительное любопытство. Я думаю о Дженис, ушедшей из жизни в судорогах и о ее последних секундах, когда я стоял на коленях возле нее под дождем. «Перестань, — пытался я сказать Джону в тот день в его камере. — Отпусти мои руки, я утону, если не отпустишь. Утону или взорвусь».

— Ты не взорвешься, — ответил он, услышав мои мысли и улыбнувшись им. И самое ужасное, что со мной ничего не случилось. Ничего.

И все же у меня есть одна старческая болезнь: я страдаю от бессонницы. Поздно ночью я лежу на постели и слышу влажные и полные безнадежности звуки немощных мужчин и женщин, прокашливающих себе дорогу в еще более преклонный возраст. Иногда я слышу звонок вызова, скрип туфель в коридоре или звук маленького телевизора миссис Джэвиц, настроенного на ночные новости. Я лежу и, если луна заглядывает в окно, смотрю на нее. Я лежу и думаю о Бруте, Дине, иногда о Вильяме Уортоне и его словах: «Правильно, черномазый, хуже не бывает». Я вспоминаю, как Делакруа говорил: «Посмотрите, босс Эджкум, я научил Мистера Джинглза новому трюку». Я вспоминаю, как Элен стояла в дверях солярия и говорила Брэду Долану, чтобы тот оста-

вил меня в покое. Иногда я могу задремать и тогда вижу подземный переход под дождем и Джона Коффи, стоящего в тени. В моих снах это никакой не обман зрения, это всегда он, мой парень, он просто стоит и смотрит. Я лежу и жду. Я думаю о Дженис, о том, как потерял ее, как она утекла красной кровью сквозь пальцы под дождем, и я жду. Мы все заслужили смерть, без исключения, я это знаю, но иногда, Боже, Зеленая Миля бывает слишком длинной.